

ISSN 1817-9568

DISCOURSE-P
Дискурс*Пи
Научный журнал

PHILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILIOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

№ 3-4 (28-29) 2017

IP&L INSTITUTE of
PHILOSOPHY & LAW

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL DEPARTMENT • 1988

Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук

DISCOURSE-P
ДИСКУРС*ПИ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
DISCOURSE-P
Дискурс*Пи
Екатеринбург – 2017

**«ДИСКУРС-ПИ»
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
№ 3-4 (28-29)
Декабрь 2017**

Выходит четыре раза в год

Учредитель:

Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук

Издатель:

Издательский Дом «Дискурс-Пи»
620102, Екатеринбург,
ул. Посадская, 21, оф. 233
Тел.: +7 902 870-86-06
e-mail: info@discourse-p.ru
http://www.discourse-p.ru

Свидетельство о регистрации:

ПИ № ФС77-54425 от 10.06.2013 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Подписано в печать 29.12.2017 г.

Формат 70x100^{1/16}

Усл. печ. л. 15,44

Тираж 300 экз.

Заказ № 00000

Отпечатано в типографии «Артикул»

620062, г. Екатеринбург,

ул. Первомайская, 77Ж

Тел: 8 (800) 333-61-20

http://www.artikul.ru

Рукописи рецензируются

Требования к рукописям научных статей,
представляемых для публикации
в научном журнале «Дискурс-Пи»,
размещены в конце выпуска

**Материалы направляйте
в редакцию по адресу:**

620990, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, 16,
Институт философии и права УрО РАН
Телефон: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru,
dipi@nm.ru

**Все выпуски журнала
размещаются на сайте
www.madipi.ru**

**При перепечатке ссылки на журнал
обязательны**

**Редакция рекомендует авторам
придерживаться стилистики
научного дискурса**

ДИСКУРС-ПИ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В.Н. Руденко – член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

ГЛАВНЫЙ ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

О.Ф. Русакова – доктор политических наук, профессор (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Е.Г. Дьякова – доктор политических наук (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия); **С.Г. Зырянов** – доктор политических наук (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Челябинский филиал, Челябинск, Россия); **Е.А. Кожемякин** – доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия); **О.В. Коркунова** – доктор философских наук, профессор (Уральский государственный университет путей сообщения, Екатеринбург, Россия); **В.О. Лобовиков** – доктор философских наук, профессор (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия); **В.С. Мартыанов** – кандидат политических наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия); **С.В. Мошкин** – доктор политических наук, профессор (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия); **К.С. Романова** – кандидат философских наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия); **В.М. Русаков** – доктор философских наук, профессор (УрФУ, Екатеринбург, Россия); **Е.М. Олову** – зав. научной библиотекой Института философии и права УрО РАН (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия); **А.Д. Трахтенберг** – кандидат политических наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия); **И.Б. Фан** – доктор политических наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия); **Л.Г. Фишман** – доктор политических наук (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Л.М. Андрухина – доктор философских наук, профессор (Российский государственный профессионально-педагогический университет, Екатеринбург, Россия); **М.В. Ильин** – доктор политических наук, профессор (Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия); **А.Д. Королёв** – главный ученый секретарь Российского Философского Общества, кандидат философских наук (Москва, Россия); **К.Н. Любутин** – доктор философских наук, профессор (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия); **М.А. Малышев** – профессор Автономного университета штата Мехико (Толука, Мексика); **О.Ю. Малинова** – доктор философских наук, профессор (Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия); **Л.Н. Синельникова** – доктор филологических наук, профессор (Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал), Ялта, Россия); **Е.А. Степанова** – доктор философских наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия); **Л.Н. Тимофеева** – доктор политических наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия); **А.Н. Чумаков** – первый вице-президент Российского Философского Общества, доктор философских наук, профессор (Москва, Россия); **О.К. Шевченко** – кандидат философских наук, доцент (Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал), Ялта, Россия); **Пономарёва Е.Г.** – доктор политических наук, профессор (МГИМО МИД России)

СЕКРЕТАРИАТ

Е.Г. Грибовод – ответственный секретарь, лаборант-исследователь Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия); **Д.М. Ковба** – секретарь-координатор, младший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия)

06.06.2017 Научный журнал «Дискурс-Пи» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (группы научных специальностей: 23.00.00 Политология, 09.00.00 Философские науки)

Журнал индексируется в базе данных системы Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в базу данных «КиберЛенинка»

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» 71227

№ 3 (28)

Тропы метода

О.Ф. Русакова, Е.Д. Кочнева

Оценки Октябрьской революции в официальном дискурсе политики памяти17

Т.В. Дубровская, Е.А. Кожемякин

Дискурс межнациональных отношений: конструктивистская парадигма.....31

П.А. Ореховский

Российская политико-экономическая модель в работах Г. Павловского,
С. Кордонского, А. Аузана (дискурсивный анализ). Часть II.....45

К.А. Пахалюк

Измерения дискурсивного пространства политических процессов:
коммуникативное, семиотическое и когнитивное. Часть I55

Парадигмы и процессы

С.В. Володенков

Интернет-технологии как инструмент воздействия
на современные национальные политические режимы65

Е.Г. Дьякова

Общественные советы при региональных органах исполнительной власти
и «заинтересованные сообщества»74

Т.Р. Красикова

Конструирование события в дискурсе корпоративного телевидения80

Конференц-зал

Вторая международная конференция

**«Soft Power: теория, ресурсы, дискурс»
(Россия, Екатеринбург, 20 октября 2017 г.)**

*Доклады***Д.В. Березняков, С.В. Козлов**

Евразийский интеграционный проект
сквозь призму концепции «мягкой силы»90

В.М. Русаков Мягкая сила военной мощи	96
Г.М. Пашаева Global English как универсальный транслятор «мягкой силы»	108
Ни Цзяоцзяо, Т.Н. Кучинская Культурный брендинг в репрезентативных практиках китайской мягкой силы	115
З.Т. Мураталиева «Soft Power» России в Центральной Азии: ключевые аспекты и пробелы в реализации	121
М.С. Аванесова Возможности и лимиты мягкой силы Российской Федерации в Средней Азии	129
Я.А. Бурляй Специфика применения «мягкой силы» во внешней политике Аргентины	136
А.С. Исаков Агональный характер мягкой силы современной Турции.....	142
Я.Ю. Моисеенко Феноменология «Smart power»: кратологический аспект.....	150
В.Б. Строганов Манипулятивные технологии soft power в Интернете.....	155
А.Н. Маринович Дискурсная практика российских медиа в освещении Сирийского вооруженного конфликта	161
О.Ч. Реут Электоральное хакерство и «цифровой поворот» «мягкой силы»	168
О.Б. Иванов «Мягкая сила» и эскалация социально-политических конфликтов.....	175
М.О. Двойненко Медиаобраз врага в контексте технологий мягкой силы.....	183

№ 4 (29)

Тропы метода

И.Ю. Третьякова

Особенности использования фразеологических единиц
в педагогическом дискурсе 191

К.А. Пахалюк

Измерения дискурсивного пространства политических процессов:
коммуникативное, семиотическое и когнитивное. Часть II 199

Парадигмы и процессы

С.Б. Булекбаев, А.М. Жакьянова

Проблемы реформирования образовательной системы Казахстана 210

М.А. Дьячкова, О.Н. Томюк, А.П. Решетникова

Регулирование правотворческого процесса
в России в конце XX – начале XXI вв.
(на примере Свердловской области) 219

Конференц-зал

Вторая международная конференция**«Soft Power: теория, ресурсы, дискурс»****(Россия, Екатеринбург, 20 октября 2017 г.)***Доклады***Е.Г. Дьякова, А.Д. Трахтенберг**

Механизмы «soft power»:
как локальная административная мода становится глобальной 229

Г.А. Савчук, В.А. Франц, Ю.Ю. Бабюк

Инструменты «мягкой силы»
в формировании имиджа России в Кыргызстане 238

Е.О. Сониная

Перспективы применения технологий soft power
в государственном управлении:
опыт административной реформы в современной России 247

С.П. Донцев

Религиозный фактор в проектах soft-power на постсоветском пространстве
(случай Украины) 254

А.В. Бочаров

Роль soft power
в формировании условий реализации «цветных революций» 261

В.А. Корнеева

Актуализация спортивного дискурса «мягкой силы»
в условиях эскалации политического напряжения 269

Энциклопедия «Дискурсология»

А.С. Исаков

Дискурс исламизма 276

**«DISCOURSE-P»
SCIENTIFIC JOURNAL
№ 3-4 (28-29)
December 2017**

Published four times a year

Founded by

The Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences

Published by

Publishing House «Discourse-P»
ul. Posadskaya 21 office 223
Ekaterinburg, 620102, Russia
Phone: +7 (902) 870-86-06
E-mail: info@discourse-p.ru
<http://www.discourse-p.ru>

Mass Media Certificate of Registration:

PI № FS77-54425 from June 10, 2013
given by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media

Passed for printing on December 29, 2017

Format 70x100^{1/16}
Reference sheet area 15,44
Issues – 300
Order № 00000

Printed by Typography «Artikul»

ul. Pervomajskaya 77 Zh
Ekaterinburg, 620062, Russia
Phone: 8 (800) 333-61-20
<http://www.artikul.ru>

Manuscripts are reviewed

The requirements for scientific articles
to be published in the «Discourse-P» scientific journal,
are located at the end of the issue

Mailing address of Editorial Office:

Scientific Journal «Discourse-P»
Institute of Philosophy and Law
ul. S. Kovalevskoy 16
Ekaterinburg, 620990, Russia
Phone: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru;
dipi@nm.ru

**All issues of the journal
are available on the website**
www.madipi.ru

**At a reprint the references to the journal
are obligatory**

**Editorial recommends authors
to adhere to the style
of scientific discourse**

DISCOURSE-P
ДИСКУРС

EDITOR-IN-CHIEF

V.N. Rudenko – Corresponding Member of RAS, Doctor of Law, Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

ISSUE CHIEF EDITOR

O.F. Rusakova – Doctor of Political Sciences, Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

EDITORIAL BOARD

E.G. Dyakova – Doctor of Political Sciences (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **S.G. Zyryanov** – Doctor of Political Sciences (Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, Chelyabinsk branch, Chelyabinsk, Russia); **E.A. Kozhemyakin** – Doctor of Philosophy, Professor (Belgorod State University, Belgorod, Russia); **O.V. Korkunova** – Doctor of Philosophy, Professor (Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg, Russia); **V.O. Lobovikov** – Doctor of Philosophy, Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **V.S. Martianov** – Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **S.V. Moshkin** – Doctor of Political Sciences, Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **K.S. Romanova** – PhD, Associate Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **V.M. Rusakov** – Doctor of Philosophy, Professor (UrFU, Ekaterinburg, Russia); **E.M. Olovu** – Head of Scientific Library (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **A.D. Trachtenberg** – Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **I.B. Fan** – Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **L.G. Fishman** – Doctor of Political Sciences (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

L.M. Andriuhina – Doctor of Philosophy, Professor (Russian State Vocational Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia); **M.V. Ilyin** – Doctor of Political Sciences, Professor (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia); **A.D. Korolyov** – Chief Scientific Secretary of the Russian Philosophical Society, PhD (Moscow, Russia); **K.N. Lubutin** – Doctor of Philosophy, Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **Mikhail Malyshev** – Professor of the Autonomous University of Mexico (Toluca, Mexico); **O.Y. Malinova** – Doctor of Philosophy, Professor (Institute of Scientific Information on Social Sciences, Moscow, Russia); **L.N. Sinelnikova** – Doctor of Philology, professor (V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Humanities and Education Science Academy (Branch), Yalta, Russia); **E.A. Stepanova** – Doctor of Philosophy, Assistant Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **L.N. Timofeyeva** – Doctor of Political Sciences, Professor (Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia); **A.N. Chumakov** – the First vice-president of the Russian Philosophical Society, Doctor of Philosophy, Professor (Moscow, Russia); **O.K. Shevchenko** – PhD, Associate Professor (V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Humanities and Education Science Academy (Branch), Yalta, Russia); **Ponomarjova E.G.** – Doctor of Political Sciences, Professor (MGIMO, Moscow, Russia)

SECRETARY

E.G. Gribovod – Executive Secretary, assistant researcher of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia); **D.M. Kovba** – Secretary Coordinator, Junior Researcher of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia)

June 6, 2017 the Scientific Journal «Discourse-P» is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications, where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following groups of scientific specialties: 23.00.00 Political science, 09.00.00 Philosophical Sciences

**The journal is abstracted/indexed
in the Russian Science Citation Index (RSCI)**

The journal is included into the «CyberLeninka» database

Subscription index in the United Catalog «Russian Press» 71227

3 (28)

Tropes of Method

O.F. Rusakova, E.D. Kochneva

Evaluations of the October Revolution
in the Official Discourse of the Politics of Memory17

T.V. Dubrovskaya, E.A. Kozhemyakin

Discourse of International Relations: Constructivist Paradigm31

P.A. Orekhovsky

Russian Political and Economic Model in the Works of G. Pawlovsky,
S. Kordonsky, A. Auzan (Discourse Analysis). Part II.45

K.A. Pakhalyuk

Communicative, Semiotic and Cognitive Levels of Discursive Dimension
of Political Processes. Part I55

Paradigms and Processes

S.V. Volodenkov

Internet Technologies as a Tool of Influence
on the Modern National Political Regimes65

E.G. Dyakova

Public Councils with Regional Executive Agencies and "Interested Communities"74

T.R. Krasikova

Constructing Events in the Corporate Television Discourse.....80

Conference Chamber

The Second International Conference

«Soft power: the theory, resources, discourse»
(Russia, Ekaterinburg, October 20, 2017)

*Reports***D.V. Bereznyakov, S.V. Kozlov**

The Eurasian Integration Project
In The Light Of the "Soft Power" Concept.....90

V.M. Rusakov Soft Power of Military Power	96
G.M. Pashayeva Global English as a Universal Translator of «Soft Power»	108
Ni Jiaojiao, T.N. Kuchinskaya Cultural Branding in Representative Practices of China's Soft Power	115
Z.T. Muratalieva Russian Soft Power in Central Asia: Key Aspects and Omissions in Implementation	121
M.S. Avanesova Opportunities and Limits of Russia's Soft Power in Central Asia	129
Y.A. Burliy Peculiarities of Soft Power Use in Argentina's Foreign Policy	136
A.S. Isacov The Agonal Character of Soft Power in Modern Turkey	142
Y.Y. Moiseenko Phenomenology of «Smart Power»: Cratological Aspect	150
V.B. Stroganov Manipulative Soft Power Technologies in the Internet.....	155
A.N. Marinovich The Discourse Practice of Russian Media in the Coverage of the Syrian Conflict.....	161
O.C. Reut Electoral Hacking and the Digital Turn of Soft Power	168
O.B. Ivanov «Soft Power» and Escalation of Socio-Political Conflicts.....	175
M.O. Dvoinenko Media Image of the Enemy in the Context of Soft Power Technologies.....	183

4 (29)

Tropes of Method

I.J. Tretiakova

Peculiarities of Using Phraseological Units in Pedagogical Discourse 191

K.A. PakhalyukCommunicative, Semiotic and Cognitive Levels of Discursive Dimension
of Political Processes. Part II 199

Paradigms and Processes

S.B. Bulekbaev, A.M. Zhakyanova

Problems of Reforming the Education System in Kazakhstan..... 210

M.A. Dyachkova, N.N. Tomyuk, A.P. ReshetnikovaRegulation of the Lawmaking Process in Russia
in the Late XX – Early XXI Centuries
(On the Example of the Sverdlovsk Region)..... 219

Conference Chamber

The Second International Conference**«Soft power: the theory, resources, discourse»
(Russia, Ekaterinburg, October 20, 2017)***Reports***E.G. Dyakova, A.D. Trakhtenberg**Mechanisms of “Soft Power”:
How the Local Management Fashion Becomes Global 229**G.A. Savchuk, V.A. Frants, Y.Y. Babuk**“Soft power” tools
of creation of Russia’s image in Kyrgyzstan 238**E.O. Sonina**Perspectives for Applying Soft Power Technologies
in Public Administration:
Experience of Administrative Reform in Modern Russia..... 247

S.P. Dontsev

Religious Factor and Soft-Power Projects In the Post-Soviet Countries
(The Case of Ukraine) 254

A.V. Bocharov

The Role of Soft Power
in Shaping the Conditions for the Implementation of «Color Revolutions» 261

V.A. Korneeva

Actualization of Sports Discourse of “Soft Power”
In Conditions of Escalating Political Tension 269

Encyclopedia «Discoursology»

A.S. Isacov

Discourse of Islamism 276

DISCOURSE-P
Дискурс★Ни
Научный журнал

PHILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILIOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

№ 3 (28) 2017

DISCOURSE-P
ДИСКУРС★НИ

УДК 327+93

ОЦЕНКИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ОФИЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ*

Русакова Ольга Фредовна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
доктор политических наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Кочнева Елена Дмитриевна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
аспирант,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: lestognij@yandex.ru

Аннотация

Предмет исследования – российский официальный дискурс политики памяти, который сложился вокруг 100-летнего юбилея Великой Октябрьской социалистической революции. Дается анализ официальных установок относительно оценок и символического статуса данного события. Авторы акцентируют внимание на противоречивом характере официальных стратегий политики памяти, трактовок смысла и значения даты 7 ноября. В статье дается авторское объяснение тому факту, что в России власть отказалась от празднования юбилея Октябрьской революции на высоком государственном уровне. Отсюда и название – «тихий юбилей».

* Статья подготовлена в рамках проекта фундаментальных исследований Института философии и права УрО РАН: проект № 18–6–6–8 «Стратегические установки и технологии реализации политики национальной памяти на постсоветском пространстве в контексте информационной безопасности России».

Ключевые понятия:

официальный дискурс, мемориальный дискурс, политика памяти, 100-летие Октябрьской революции, оценочный подход, символический статус, стратегия примирения, тихий юбилей, десоветизация, стереоскопический взгляд.

Столетняя годовщина Великой Октябрьской социалистической революции вызвала серьёзные дискуссии о ценностном отношении к советскому прошлому в российском социуме. В ходе дискуссий проявились расхождения в стратегиях коммеморации, связанных с данным юбилеем, что указывает на противоречивый характер современного российского дискурса политики памяти.

Термином «политика памяти» мы обозначаем всю сферу публичных государственных стратегий в отношении способов запечатления прошлого в массовом сознании, совокупность различных практик и норм, связанных с регулированием коллективной памяти. Сюда относятся определенные практики коммеморации – мероприятия по созданию новой политической символики, установлению праздничных и памятных дат, сооружению памятников, созданию исторических памятных мест и парков, изменению тематических экспозиций музеев, привлечению внимания к одним сюжетам истории и замалчивание других.

Для понимания ключевых стратегических векторов политики памяти, осуществляемой в постсоветской России, важно обратиться к анализу официальных дискурсов власти, которые в последнее время разворачиваются вокруг крупных юбилейных дат, относящихся к важным вехам советской истории. К числу таких значимых памятных дат, несомненно, относится 100-летний юбилей Великого Октября. Он, как известно, широко отмечался на высоком государственном уровне в странах современного социалистического мира – в Китае, во Вьетнаме, на Кубе, в Венесуэле, в Шри-Ланке [6].

А как же Россия? Как страна, которая является исторической «колыбелью» Октябрьской революции, подготовилась к данному юбилею? С каким концептуальным багажом политическая и интеллектуальная элиты страны подошли к его встрече? Какой дискурс возобладали в процессе его подготовки и проведения? Как в целом обстоит дело с российской политической памятью в отношении исторического наследия Октября?

Дать ответы на поставленные вопросы нам позволит специальный анализ оценочных моментов и стратегических установок официального российского дискурса, относящегося к 100-летию юбилею Октября.

Важно отметить, что для властвующей элиты данный юбилей оказался весьма неудобным. Дело в том, что в постсоветский период правящие круги страны шаг за шагом вполне последовательно проводили *политику десоветизации*, которая была направлена на вытеснение высоких смыслов и значений даты 7 ноября из коллективной памяти россиян [15]. В 1991 году в стране были отменены торжественные парады и демонстрации, посвященные Дню Октябрьской революции. В 1992 г. вместо существовавших ранее двух выходных дней (7 и 8 ноября) выходным был оставлен только один день – 7 ноября. В 1995-м году за 7 ноября еще сохранялось прежнее название – «День Октябрьской революции 1917 года» [24]. Однако уже на следующий год в соответствии с Указом Президента РФ от 07.11.1996 № 1537

«О дне согласия и примирения» название даты было изменено. В тексте Указа было сказано: «Октябрьская революция 1917 года коренным образом повлияла на судьбу нашей страны. Стремясь впредь не допускать противостояния, в целях единения и консолидации российского общества постановляю: 1. Объявить праздничный день 7 ноября Днем согласия и примирения. 2. Объявить 1997 год – год 80-летия Октябрьской революции – Годом согласия и примирения» [22].

В декабре 2004 года президент России В. В. Путин подписал федеральный закон (вступил в силу 1 января 2005 года) «О внесении изменений в статью 1 ФЗ № 32 «О днях воинской славы (победных днях) России», в соответствии с которым день 7 ноября стал официально называться «Днем проведения военного парада на Красной площади в городе Москве в ознаменование двадцать четвертой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции (1941 год)» [23]. В том же году был учрежден новый праздник – День народного единства, отмечаемый 4 ноября. [17]. Таким образом, была дана установка на понижение символического статуса Дня 7 ноября как Дня Октябрьской революции. Внесенные изменения в реестр дней воинской славы России привели к построению новой символической иерархии между днем 7 ноября 1917 года и 7 ноября 1941. День военного парада в Москве на Красной площади в 1941-м году, отмечаемый с государственным размахом и с коммемориальной торжественностью, по сути, «выносил за скобки», убирал в тень свой символический первоисточник: парад проводился в ознаменование двадцать четвертой годовщины Октябрьской революции. В итоге, день Октябрьской революции, символизирующий величие советского государства в целом, был погружен в контекст конкретного события его военной истории, а именно, – военного парада в Москве 7 ноября 1941 года. В итоге в статусно-символической иерархии значимых исторических дат произошла перегруппировка смысловых структур: теперь уже не Великий Октябрь «освещал» своим победным светом весь период славного советского прошлого, а Великая Отечественная война ретроспективно отсылала к памяти об Октябрьской революции.

Последовавшая после 2005 года череда разнообразных поправок в Федеральный закон «О днях воинской славы и памятных датах России», наглядно свидетельствовала о трудностях выработки на официальном уровне некой консенсусной платформы в отношении коллективных восприятий событий Октября и советского периода отечественной истории. Анализ государственных документов показывает, что в официальном дискурсе политики памяти в настоящее время присутствуют две стратегические линии. Одна линия ставит перед собой в качестве основной цели преодоление практиковавшихся в советской историографии социально-классового и политико-партийного подходов при оценке исторического значения Октябрьской революции и связанных с нею общественных преобразований. В постсоветское время предпринимаются усилия по замене прежних подходов, которые, согласно официальной версии, работают исключительно на раскол и радикализацию общества, альтернативной методологией, нацеленной на достижение гражданского согласия и примирения. Условно обозначим данную установку понятием *«стратегия примирения»*.

Стратегия примирения накануне 100-летней годовщины Октябрьской революции отчетливо артикулировалась в заявлениях и выступлениях Президента России, премьер-министра страны, руководителей профильных министерств, в дискурсе юбилейных мероприятий, проводимых под патронажем Правительства

Российской Федерации и органов законодательной власти. Стратегия стереоскопического взгляда, как правило, доминировала в дискурсе профессиональных научно-экспертных сообществ, организаторов и участников крупномасштабных российских и международных конференций. К числу таковых следует отнести, в первую очередь, Международную научную конференцию «Капитал революции» (Москва, 4–6 октября 2017 г.), Международный форум «Октябрь. Революция. Будущее» (Москва, 3–5 ноября 2017 г.), Международную конференцию «Великая Октябрьская революция 1917 г. и неотложные проблемы исторического развития человечества (Санкт-Петербург, Российская национальная библиотека, 6–7 ноября 2017 г.), Ежегодную научную конференцию РАПН «Время больших перемен: политика и политики. К 100-летию Февральской и Октябрьской революций в России (1917–2017)», проведенную в РУДН 24–25 ноября 2017 г.

По мере приближения знаковой даты в официальных кругах России стала формироваться предельно сдержанная коммеморальная установка: «отмечать, а не праздновать». Она, в частности, была публично озвучена С.Е. Нарышкиным, директором службы внешней разведки и одновременно главой Российского исторического общества (РИО), которому было поручено заняться вопросами подготовки мероприятий, посвященных 100-летию Великой Русской революции [18]. «Сверху» было спущено предписание: отметить юбилей Октября «тихо», без каких-либо официальных торжественных мероприятий и празднеств. Об этом откровенно заявил пресс-секретарь Президента Дмитрий Песков [1]. В итоге понятийный арсенал коммеморального дискурса обогатился такими новыми терминами как «тихий юбилей» и «неудобная революция» [8].

Скромный юбилейный формат, выбранный высшими органами власти, не подразумевающий ни проведение торжественных заседаний на высоком политическом уровне, ни приемов зарубежных делегаций и гостей по случаю 100-летней годовщины Октября, выглядел, по меньшей мере, странно. Казалось бы, именно Россия должна была выступить в авангарде мировой общественности, глубоко заинтересованной в изучении завоеваний и уроков Октября. Лидерство России в данном деле могло бы стать определенной базой для укрепления и развития международных связей с целым рядом государств, могло бы принести Российской Федерации весомые политические дивиденды.

В чем же дело? Почему власть самоустранилась при решении вопроса о праздновании столь значимого не только для собственной страны, но и для многих государств мира 100-летнего юбилея Великой Октябрьской социалистической революции?

По всей видимости, причину такой скромности следует искать в особенностях умонастроений определенной части российской политической элиты, а именно той, которая стоит на позициях неолиберализма и проводит курс на десоветизацию в качестве магистральной стратегической установки политики памяти [16].

Стратегия десоветизации, которая сегодня активно проводится в жизнь в государствах Прибалтики и на Украине, в основе своей содержит идею о том, что бывшие советские республики для того, чтобы занять достойное место в ряду цивилизованных демократических стран, должны на высшем официальном уровне признать преступным советский режим и все советское прошлое. В русле данной установки настоятельно требуется проводить радикальную символическую политику, направленную на тотальное переозначивание в негативном смысловом

ключе всей советской символической системы, включая такие практики, как переименование улиц, снос памятников, замена советских праздников на новые.

Российские неолiberaлы неустанно твердили о том, что власть в стране должна более решительно проводить курс на десоветизацию общества, чтобы окончательно расстаться с остатками советского прошлого. Ключевую роль в продвижении данной стратегии сыграла разработанная в 2011 г. Советом общественно-государственная Программа «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении» [10]. Основные идеи данной Программы можно свести к следующим пунктам:

- 1) Признать, что советский период истории является одним большим преступлением, а Советский Союз – преступным государством.
- 2) Признать, что в СССР осуществлялся геноцид, то есть, советское государство осознанно истребляло советский народ.
- 3) Признать СССР тоталитарным государством и считать его таким же преступным как режим гитлеровской Германии.
- 4) Переименовать День народного единства в «День памяти жертв гражданской войны и национального примирения».
- 5) Провести ревизию памятных дат и праздников с тем, чтобы исключить или переименовать все даты, связанные с историей Советского Союза [20].

К счастью, данная Программа не была принята. Её установки были опровергнуты результатами опросов общественного мнения, проведенных в том же 2011 году: 89,7% из 36 тысяч опрошенных сказали «НЕТ» программе десоветизации и признали историческое величие СССР [11].

Несмотря на то, что курс на десоветизацию в современной России не получил своего официального документального подкрепления, его дискурс, интенции и общий дух смогли глубоко проникнуть в умонастроение значительной части правящих кругов, для которой источником всего негативного, что было в советском строе, является Октябрьская революция. Отсюда – внутреннее сопротивление современной власти тому, чтобы придать 100-летнему юбилею Великого Октября статус государственного праздника.

Отметим, что решение относительно формата и идейного наполнения юбилейной даты 7 ноября принималось властями довольно долго. Впервые эта тема всплыла еще в 2014 году во время проведения официальных мероприятий, посвященных 100-летию Первой мировой войны. При обсуждении темы войны Президент России В.В. Путин дал весьма критическую оценку действиям большевиков, чем спровоцировал очередной раунд споров о событиях 1917 года. Так, 5 ноября 2014 года на встрече с молодыми учеными и преподавателями истории в Государственном центральном музее современной истории России Путин сказал следующее: «Они [большевики] выступали за прекращение войны, правда, они надули общество. Вы сами знаете: земля – крестьянам, фабрики – рабочим, мир – народу. Мира не дали, началась гражданская война, фабрики и землю отобрали. Так что надувательство полное, стопроцентное» [14].

Уже тогда было ясно, что за столетием Первой мировой войны последует столетие Октября, и с этим надо что-то делать. Первые отчетливо и емко оценка Путиным исторической роли и значения Октябрьской революции для российского общества была сформулирована в президентском Послании Федеральному

Собранию Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. Оно базировалось на продвижении в общественном сознании концепта гражданского согласия, примирения и национального единства: «Уроки истории нужны нам, прежде всего, для примирения, для укрепления общественного, политического, гражданского согласия, которого нам удалось сегодня достичь. Недопустимо тащить расколы, злобу, обиды и ожесточение прошлого в нашу сегодняшнюю жизнь, в собственных политических и других интересах спекулировать на трагедиях, которые коснулись практически каждой семьи в России, по какую бы сторону баррикад ни оказались тогда наши предки. Давайте будем помнить: мы единый народ, мы один народ, и Россия у нас одна» [9]. Ранее 30 октября 2017 года в ходе заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека (СПЧ) Путин заявил, что 100-летие Октябрьской революции должно быть воспринято российским обществом как символ преодоления раскола: «Рассчитываю, что эта дата будет воспринята нашим обществом как подведение черты под драматическими событиями, которые разделили страну и народ, станет символом преодоления этого раскола, символом взаимного прощения и принятия отечественной истории такой, какая она есть – с ее великими победами и трагическими страницами» [12].

Судя по документальным источникам, отношение Президента к Октябрьской революции и к деятельности ее вождей носит критический характер, перетекающий в негативные оценочные суждения. Так, 21 января 2016 г. на заседании Совета по науке и образованию Путин следующим образом высказался насчет вклада В.И. Ленина в теорию политического управления и в практику государственного строительства: «Управлять течением мысли – это правильно, нужно только, чтобы эта мысль привела к правильным результатам, а не как у Владимира Ильича. А то в конечном итоге эта мысль привела к развалу Советского Союза, вот к чему. Там много было мыслей таких: автономизация и так далее. Заложили атомную бомбу под здание, которое называется Россией, она и рванула потом. И мировая революция нам не нужна была. Вот такая мысль там» [13].

Нельзя не заметить, что обвинения Ленина в развале СССР в контексте стратегии гражданского примирения выглядят, мягко говоря, непоследовательно, а с точки зрения исторической правды – несправедливо. Ведь хорошо известно, что именно В.И. Ленин вошел в мировую историю как основатель первого в мире социалистического государства, явился главным конструктором великой державы под названием «СССР». Предложенная им модель федерального государственного устройства, на наш взгляд, вполне соответствовала основным трендам своего времени и популярному в коммунистических кругах лозунгу «право наций на самоопределение». Вплоть до времен перестройки данная модель выполняла важную организационно-мобилизующую роль в реализации планов модернизации страны, в концентрации ресурсов Большого общества, направленных на борьбу с мировым фашизмом, а затем – на восстановление в кратчайшие сроки разрушенного войной народного хозяйства. С нашей точки зрения, не ленинский федерализм как таковой привел к распаду СССР, а проводимая в конце 1980-х годов партийной верхушкой и органами советской власти неадекватная и безграмотная национальная политика. Жаль, что не только высокие официальные лица, но и некоторые авторитетные ученые вдруг «разглядели» в ленинской национальной политике некую изначальную угрозу единству Советского государства. Так, к примеру, в одной из своих последних работ Б.Ф. Мартынов, зав.

кафедрой международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России, пишет: «Распад СССР заставил нас вспомнить о том, что ленинизм в свое время заложил мину замедленного действия под единство страны, организовав ее государственное устройство по наименее жизнестойкому – национально-территориальному признаку. Крах жестких партийно-идеологических скреп неизбежно высвободил относительно мирно дремавшую до этого энергию национализма, которая в итоге и разрушила Советский Союз» [21].

Каковы же концептуальные основы негативных оценок революционных событий Октября 1917 года, которые содержатся в официальном политическом дискурсе? Скорее всего, основным источником данного негатива являются современные фобии политического истеблишмента, испытывающего страх перед угрозой утраты своей легитимности и властных ресурсов в случае реализации в России сценария «цветной революции». Известные события на Украине в формате Евромайдана заставляют властные круги направлять свои усилия в сторону дерадикализации и умиротворения общества. В рамках данной стратегии проводится линия на снижение привлекательности революционных исторических образов и на нейтрализацию революционного популизма. В русле данной установки в ход был запущен мем, гласящий, что Россия исчерпала свой лимит на революции. Так, премьер-министр России Д. А. Медведев в своем выступлении в Магнитогорске в 2016 г. на пленарном заседании форума партии «Единая Россия» под названием «Экономика России: успех страны и благосостояние каждого» отметил: «Нам революции вообще не нужны, мы, как известно, свой лимит уже исчерпали в прошлом столетии» [5].

В экспертных кругах, разделяющих позицию власти относительно формата мероприятий, посвященных 100-летию Октября, довольно активно продвигалась идея о том, что заниматься юбилейной датой должны не столько политики, сколько ученые и деятели культуры. К примеру, директор Государственного исторического музея А. К. Левыкин на открытии 2 ноября 2017 г. выставки «Энергия мечты. К 100-летию Великой российской революции» назвал мудрым решение властей не отмечать 100-летие революции на уровне государственного юбилея, а передать бразды управления юбилейными мероприятиями в руки деятелей культуры и науки. По его мнению, дискуссии среди ученых важны, однако «самое страшное – это оценки политологов и политиков, которые демонстрируют крайние позиции». При этом директор музея подчеркнул, что руководству страны удалось перевести дискуссии, ведущиеся вокруг Октябрьского юбилея, «в нормальное русло», что не могло не способствовать взвешенному пониманию событий. По его словам, главный урок революции 1917 года заключается в том, что революции следует избегать, чего бы нового революции ни приносили, за победами и свершениями стоят истории гибели людей. «Россия была развивающейся страной и можно было продолжать развиваться, не пролив столько крови, не пережив эти этапы разрушения» [8].

Директор Института российской истории РАН, доктор исторических наук Ю. А. Петров, комментируя официальную установку на поиск путей примирения позиций в отношении оценок революционных событий 1917 года, отметил трудность ее практического исполнения. «В нашем обществе перепад трактовок Революции достаточно широк: от локомотива истории до абсолютного зла. Любая Революция – это психологическая травма, которая не заживает очень

долго. И наша цель – снять существующее напряжение, иначе мы не выйдем на сбалансированную оценку этих событий как, прежде всего, национальной трагедии» [18].

Установка на «тихий юбилей» вызвала возмущение у ряда российских публичных деятелей, для которых основная стратегия политики памяти состоит в том, чтобы соблюдать принцип исторической преемственности поколений, культивировать чувства гордости за реальные достижения своего народа и за вклад своей страны в процесс мирового развития. Полемиически заостренно данная установка прозвучала в выступлениях В. Т. Третьякова, декана Высшей школы телевидения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. В своем выступлении (26.01.2017) на первом заседании Юбилейного комитета по подготовке к 100-летию Великой Октябрьской социалистической революции, учрежденного КПРФ, Третьяков подчеркнул масштабность исторического значения и смысла Октябрьской революции. Свою позицию в отношении того факта, что государство отказалось широко и торжественно отмечать юбилей Октября, Третьяков сформулировал следующим образом: «Постыдно замалчивать историческое событие такого масштаба на его родине и в год его столетнего юбилея. Это и политически контрпродуктивно, ибо всё, что не скажем об Октябре 1917 года мы, скажут другие, причём многие сделают белое чёрным и попытаются превратить юбилейную дату в очередной «суд над Россией и русской историей». Это не тот случай, когда молчание – золото, а совсем наоборот» [3].

Для подкрепления правоты своей позиции известный журналист привел данные Интернет-опроса. Был задан вопрос «Как вы относитесь к тому, что Кремль отказался официально (на государственном уровне) отмечать 100-летие Великой Октябрьской революции?» Всего подано 7558 голосов. Результаты получились следующие: 20% ответило «Это правильно»; 23% – «Это неправильно»; 42% – «Это неправильно и стыдно»; 15% – «Мне все равно» [25]. Иначе говоря, большинство (65%), участников голосования считает, что государство поступило неправильно, отказавшись от официального празднования 100-летия Октября.

Поскольку коммеморальные установки официальной власти вызвали определенное неудовлетворение у части российских интеллектуалов и населения страны, в кругах научной общественности получила свою реализацию альтернативная стратегия политики памяти. Она нашла отражение в дискурсе больших групп российских ученых, ставших организаторами крупных научных конференций, посвященных 100-летию юбилею Октября. Данная стратегия базируется на идее преемственности между коммеморальными дискурсами советского и постсоветского периодов. Ее теоретико-методологической основой выступает концепция отношения к советскому прошлому как к сложносоставному и объемному *общественному капиталу* – экономическому, политическому, управленческому, ценностно-культурному и др., который требует своего полномасштабного научного осмысления и конструктивной актуализации. Эта стратегия предполагает процесс запечатления и когнитивного моделирования в национальной памяти россиян содержательно богатых и оценочно-неоднозначных образов советского прошлого, включающих революционные достижения и промахи, взлеты и трагедии людских судеб, многоцветность коллективных переживаний. Девиз данной стратегии: «Помнить все!». Обозначим ее термином «*стратегия стереоскопического взгляда*».

Вопреки установке на «тихий юбилей» российские ученые в 2017 году вернули активную деятельность по проведению и изданию материалов научных конференций, публикации фундаментальных трудов, посвященных 100-летию Февральской и Октябрьской революциям. В ряде изданий обе революции оказались «упакованы» в зонтичный концепт под названием «Великая русская революция»¹. К примеру, в двухтомной коллективной монографии «Революция 1917 года: власть, общество, культура» Февральскую и Октябрьскую революции предлагалось рассматривать в качестве единого и логически взаимосвязанного исторического процесса [4].

Концепт единой Русской революции получил свое обоснование в выступлении ректора МГИМО, академика А. В. Торкунова на XIV ежегодном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай», на специальной сессии «100-летие Русской революции» (17 октября 2017 г., Сочи) [19], а также – в подготовленном к заседанию аналитическом докладе [21]. В докладе говорилось, что новая концепция, указывающая на внутреннюю взаимосвязь событий февраля и октября 1917 года, позволяет рассматривать их в качестве составляющих единого революционного процесса под названием «Великая русская революция». Данное понятие акцентирует внимание на том, что «падение монархии и установление республики, Корниловский мятеж, выборы в Учредительное собрание, установление советской власти и кровопролитная Гражданская война – всё это этапы единого процесса, который в силу разных причин достиг своей крайней радикализации» [21].

При оценке исторической значимости Великой русской революции Торкунов, по сути, разделяет стратегию «стереоскопического взгляда», говоря о жестоким и противоречивом характере «советской модернизации», и одновременно – о мощном влиянии Октября на изменения в конфигурации современного мирового устройства, на расстановку социально-политических сил в мире в целом:

«Великая российская революция коренным образом повлияла на социальную и политическую практику большинства государств нашей планеты. Строительство нового мира, в котором декларировалось особое уважение к людям труда, необходимость защиты их социальных интересов, вынудили капиталистические страны обратить внимание на улучшение положения рабочих и различных категорий населения, развитие социального обеспечения, расширение горизонта гражданских прав и в перспективе – обратиться к социальной ориентированности государства. Революцией был дан мощный импульс национально-освободительному движению в колониальных странах и пробуждению национального самосознания» [21].

В ходе дискуссий, развернувшихся вокруг вопроса о названии революции 1917-го года, директором Института российской истории РАН Ю. А. Петровым

¹ Термин «Великая русская революция» появился при разработке концепции единого учебника истории России в 2013 году. В концепции говорится о Великой русской (иногда употребляется термин «российской») революции, прошедшей несколько этапов: этап либерально-демократический (февраль–октябрь 1917 года), этап радикально-конфронтационный (большевистский переворот и гражданская война 1917–1923 годов) // http://www.ruskline.ru/news_rl/2017/04/13/velikaya_russkaya_revolyuciya_ili_tri_v_odnom.

было предложено вместо термина «Великая Русская революция» использовать понятие «Великая Российская революция», поскольку революционные преобразования произошли во всех регионах России. Она не была революцией русских. Это была революция, состоявшаяся в российском государстве, где жило множество разных народов. Согласно его позиции, можно выделить три фазы данной революции: 1. Февральская революция; 2. Октябрьская революция; 3. Гражданская война вплоть до времени создания Советского Союза [2]. При этом Петров подчеркнул, что слово «великий» не обязательно имеет позитивную коннотацию, оно просто означает масштаб событий.

На конференции в Афинах (11 ноября 2017 г.) «Влияние Великой Русской революции на судьбы народов мира» Петров весьма нелицеприятно высказался насчет некоторых медийных программ и телесериалов, посвященных 100-летию Октябрьской революции, в частности тех, которые занимались распространением мифа о немецких и британских деньгах, на которые, якобы, была сделана Революция. По его словам, для целого ряда современных медийных версий революции 1917 года лучше всего подходит обозначение «fake history» [7].

Подведем некоторые итоги.

Во-первых, анализ официального российского дискурса политики памяти, связанной со 100-летним юбилеем Революции 1917 года, выявил противоречивость и парадоксальность властных стратегических установок в отношении оценочного осмысления данного исторического феномена. Одно из противоречий состоит в алогичном соединении идеи всемирно-исторического значения Великого Октября с негативным отношением к любым революционным практикам.

Во-вторых, властная российская элита оказалась неспособной выработать и предложить обществу конструктивный и понятный консенсусный подход к ценностному осмыслению Великой Октябрьской революции. Призывы к преодолению конфликтов и конфронтационности при раскрытии смыслов и значений Октября не встретили активного общественного отклика. Продвигаемая властью «стратегия примирения» вошла в противоречие с официальными негативными оценками практики советского государственного строительства.

В-третьих, на протяжении всего постсоветского периода официальные круги неоднократно предпринимали попытки проведения курса на десоветизацию, а именно, – на закрепление в общественном сознании идеи о преступном и тоталитарном характере советского режима, порожденного Октябрьской революцией. Отсюда – нежелание торжественного празднования ее 100-летия, установка на «тихий юбилей».

В-четвертых, отказ от празднования 100-летия Октябрьской революции на государственном уровне нанес репутационный ущерб официальному курсу политики памяти в современной России. Власть не смогла (или не захотела) понять политический смысл принципа исторической преемственности в отношении советской и постсоветской истории. А ведь без последовательного соблюдения данного принципа невозможны ни поступательное развитие общества, ни цельность национальной идентичности, ни воспитание патриотизма.

В-пятых, в условиях самоустранения политической элиты от процедуры торжественного празднования 100-летия Великой Русской (Российской) революции, миссию организации достойной встречи данного знаменательного события и заполнения смысловых лакун в пространстве коллективной исторической

памяти россиян возложили на свои плечи профессиональные деятели науки, образования и культуры.

В-шестых, профессиональным деятелям науки в процессе публичных научных дискуссий удалось отстоять «стереоскопический» стратегический подход к интерпретации Великой Октябрьской социалистической революции и советского прошлого. Реализация данной стратегии создает предпосылки для выработки объективной и эффективной политики памяти в современной России.

1. А зачем это праздновать? Песков о столетии Октябрьской революции // <https://newsland.com/user/4297826898/content/a-zachem-eto-prazdnovat-peskov-o-100-letii-oktiabrskoi-revoliutsii/6051513>.

2. Беседы о русской истории. К 100-летию Октябрьской революции. Выпуск от 9 ноября // <http://tv-soyuz.ru/peredachi/besedy-o-russkoy-istorii-k-100-letiyu-oktyabrskoy-revolyuitsii-vypusk-ot-9-noyabrya>.

3. Двухтомник Революция 1917 года: власть, общество, культура // <https://historyrussia.org/tsekh-istorikov/knigi.html/dvukhtomnik-rossijskaya-revolyuitsiya-1917-goda-vlast-obshchestvo-kultura.html>.

4. Виталий Третьяков. Как нам отмечать 100-летие Октября 1917 года. Когда молчание не золото, а преступление перед собственной и мировой историей // <https://svpressa.ru/politic/article/165229/>.

5. Дмитрий Медведев выступил с программным заявлением на Форуме «Единой России» в Магнитке // https://www.znak.com/2016-06-21/dmitriy_medvedev_vystupil_s_programmnyim_zayavleniem_na_forume_edinoy_rossii_v_magnike.

6. Как отмечали 100-летие Октября в мире // <https://yadocent.livejournal.com/985807.html>.

7. Конференция в Афинах: Объективной оценки Русской революции нет и сегодня // <http://vseruss.com/index.php?p=4&catId=3&newsId=45298>.

8. Неудобная революция 1917 г. или Тихий юбилей в России // <https://www.liveinternet.ru/users/blym/post424416461>.

9. Президент России о предстоящем 100-летию революции 1917 года // <https://www.historyrussia.org/proekty/100-letie-revolyuitsii-1917-goda/prezident-rossii-o-predstoyashchem-100-letii-revolyuitsii-1917-goda.html>.

10. Предложения об учреждении общенациональной государственно-общественной программы «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении» // http://www.president-sovet.ru/structure/group_5/matirials/the_program_of_historical_memory.php.

11. Программа десоветизации // <http://hist89.livejournal.com/30359.html>.

12. Путин: 100-летие революции поможет преодолеть раскол в обществе // <https://iz.ru/664901/2017-10-30/putin-100-letie-revoliutcii-mozhet-preodolet-raskol-v-obshchestve>.

13. Путин высказался о Ленине // <https://regnum.ru/news/polit/2060692.html>.

14. Путин рассказал об изыщном надувательстве большевиков // <https://regnum.ru/news/polit/2060692.html>.

15. Русакова О.Ф., Русаков В.М. Проблемы концептуального моделирования сущности большевизма: переход к парадигме мобильности (К 100-ле-

тию Великого Октября) // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2017. № 2. С. 13–14.

16. Русакова О.Ф., Хмелинин А.А. Неолиберальный дискурс: стратегии и технологии конструирования новой субъектности // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. Вып. 12. С. 259–271.

17. Русские праздники как отражение духа народа // <http://www.km.ru/front-projects/russkie-prazdniki-kak-otrazhenie-dukha-naroda/7-noyabrya-data-trebuyushchaya-pereosmy>.

18. Сергей Нарышкин. Революционные события 1917 года больше не раскалывают общество // <https://historyrussia.org/proekty/100-letie-revoljutsii-1917-goda/sergej-naryshkin-revoljutsionnye-sobytiya-1917-goda-bolshe-ne-raskalyvayut-obshchestvo.html>.

19. Сессия «Столетие русской революции» в клубе «Валдай» // <https://mgimo.ru/about/news/main/sessiya-100-letie-russkoj-revoljutsii-v-klube-valday/>.

20. Совет по правам человека при Президенте РФ признал ответственность СССР за геноцид и Вторую мировую войну // <https://topwar.ru/3878-sovet-po-pravam-cheloveka-pri-prezidente-rf-priznal-otvetstvennost-sssr-za-genocid-i-vtoruyu-mirovuyu-voynu.html>.

21. Торкунов А.В., Мартынов Б.Ф. 1917 год: истоки и смыслы. Валдай. Международный дискуссионный клуб. Москва, октябрь 2017. – 21 с. // <https://mgimo.ru/upload/2017/10/valdai-torkunov-martynov.pdf>.

22. Указ Президента РФ от 07.11.1996 № 1537 «О дне согласия и примирения» // <http://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-07111996-n-1537/>.

23. Федеральный закон «О внесении изменений в статью 1 ФЗ № 32 «О днях воинской славы (победных днях) России» // <http://base.garant.ru/12138252>.

24. Федеральный закон от 13.03.1995 N 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» // http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5978/247d10b68af90f6af20e0682d454c46231efc7d9/.

25. https://twitter.com/v_tretyakov/status/923642320779694080.

References

1. A zachem e'to prazdnovat'? Peskov o stoletii Oktyabr'skoj revolyucii // <https://newsland.com/user/4297826898/content/a-zachem-eto-prazdnovat-peskov-o-100-letii-oktiabrskoi-revoliutsii/6051513>.

2. Besedy o russkoj istorii. K 100-letiyu Oktyabr'skoj revolyucii. Vypusk ot 9 noyabrya // <http://tv-soyuz.ru/peredachi/besedy-o-russkoj-istorii-k-100-letiyu-oktyabrskoy-revoljutsii-vypusk-ot-9-noyabrya>.

3. Dvuxtomnik Revolyuciya 1917 goda: vlast', obshchestvo, kul'tura // <https://historyrussia.org/tsekh-istorikov/knigi.html/dvukhtomnik-rossijskaya-revoljutsiya-1917-goda-vlast-obshchestvo-kultura.html>.

4. Vitalij Tret'yakov. Kak nam otmechat' 100-letie Oktyabrya 1917 goda. Kogda molchanie ne zoloto, a prestuplenie pered sobstvennoj i mirovoj istoriej // <https://svpressa.ru/politic/article/165229/>.

5. Dmitrij Medvedev vystupil s programmym zayavleniem na Forume «Edinoj Rossii» v Magnitke // https://www.znak.com/2016-06-21/dmitriy_

medvedev_vystupil_s_programmnyim_zayavleniem_na_forume_edinoj_rossii_v_magnike.

6. Kak otmechali 100-letie Oktyabrya v mire // <https://yadocent.livejournal.com/985807.html>.

7. Konferenciya v Afinax: Ob"ektivnoj ocenki Russkoj revolyucii net i segodnya // <http://vserruss.com/index.php?p=4&catId=3&newsId=45298>.

8. Neudobnaya revolyuciya 1917 g. ili Tixij yubilej v Rossii // <https://www.liveinternet.ru/users/blym/post424416461>.

9. Prezident Rossii o predstoyashhem 100-letii revolyucii 1917 goda // <https://www.historyrussia.org/proekty/100-letie-revoljutsii-1917-goda/prezident-rossii-o-predstoyashchem-100-letii-revoljutsii-1917-goda.html>.

10. Predlozheniya ob uchrezhdenii obshhenacional'noj gosudarsvenno-obshhestvennoj programmy «Ob uvekovechenii pamyati zhertv totalitarnogo rezhima i o nacional'nom primirenii» // http://www.president-sovet.ru/structure/group_5/matirials/the_program_of_historical_memory.php.

11. Programma desovetizacii // <http://hist89.livejournal.com/30359.html>.

12. Putin: 100-letie revolyucii pomozhet preodolet' raskol v obshchestve // <https://iz.ru/664901/2017-10-30/putin-100-letie-revoljucii-mozhet-preodolet-raskol-v-obshchestve>.

13. Putin vyskazalsya o Lenine // <https://regnum.ru/news/polit/2060692.html>.

14. Putin rasskazal ob izyashnom naduvatel'stve bol'shevikov // <https://regnum.ru/news/polit/2060692.html>.

15. Rusakova O. F., Rusakov V. M. Problemy konceptual'nogo modelirovaniya sushhnosti bol'shevizma: perexod k paradigme mobil'nosti (K 100-letiyu Velikogo Oktyabrya) // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2017. № 2. S. 13–14.

16. Rusakova O. F., Xmelinin A. A. Neoliberal'nyj diskurs: strategii i texnologii konstruirovaniya novoj sub"ektnosti // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. 2012. Vyp. 12. S. 259–271.

17. Russkie prazdniki kak otrazhenie duxa naroda // <http://www.km.ru/front-projects/russkie-prazdniki-kak-otrazhenie-dukha-naroda/7-noyabrya-data-trebuyushchaya-pereosmy>.

18. Sergej Naryshkin. Revolyucionnye sobytiya 1917 goda bol'she ne raskalyvayut obshchestvo // <https://historyrussia.org/proekty/100-letie-revoljutsii-1917-goda/sergej-naryshkin-revoljucionnye-sobytiya-1917-goda-bolshe-ne-raskalyvayut-obshchestvo.html>.

19. Sessiya «Stoletie russkoj revolyucii» v klube «Valdaj» // <https://mgimo.ru/about/news/main/sessiya-100-letie-russkoj-revoljutsii-v-klube-valday/>.

20. Sovet po pravam cheloveka pri Prezidente RF priznal otvetstvennost' SSSR za genocid i Vtoruyu mirovuyu vojnu // <https://topwar.ru/3878-sovet-po-pravam-cheloveka-pri-prezidente-rf-priznal-otvetstvennost-sssr-za-genocid-i-vtoruyu-mirovuyu-voynu.html>.

21. Torkunov A. V., Martynov B. F. 1917 god: istoki i smysly. Valdaj. Mezhdunarodnyj diskussionnyj klub. Moskva, oktyabr' 2017. – 21 s. // <https://mgimo.ru/upload/2017/10/valdai-torkunov-martynov.pdf>.

22. Ukaz Prezidenta RF ot 07.11.1996 № 1537 «O dne soglasiya i primireniya» // <http://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-07111996-n-1537/>.

23. Federal'nyj zakon «O vnesenii izmenenij v stat'yu 1 FZ № 32 «O dnyax

voinskoj slavy (pobednyx dnyax) Rossii» // <http://base.garant.ru/12138252>.

24. Federal'nyj zakon ot 13.03.1995 N 32-FZ «O dnyax voinskoj slavy i pamyatnyx datax Rossii» // http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5978/247d10b68af90f6af20e0682d454c46231efc7d9/.

25. https://twitter.com/v_tretyakov/status/923642320779694080.

UDC 327+93

EVALUATIONS OF THE OCTOBER REVOLUTION IN THE OFFICIAL DISCOURSE OF THE POLITICS OF MEMORY

Rusakova Olga Fredovna,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Head of the Department of philosophy,
Doctor of Political Sciences, Professor,
President of the International Academy of Discourse Research (IADR),
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Kochneva Elena Dmitrievna,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Head of the Department of philosophy,
postgraduate,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: lestognij@yandex.ru

Annotation

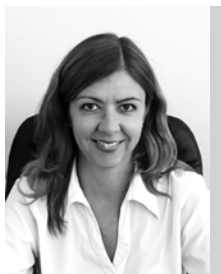
The subject of the study is the Russian official discourse of the policy of memory, which formed around the 100th anniversary of the great October socialist revolution. The analysis of official attitudes concerning estimates and symbolic status of this event is given. The authors emphasize the contradictory nature of the official strategies of the policy of memory, interpretations of the meaning and meaning of the date of November 7. The article gives the author's explanation of the fact that in Russia the authorities refused to celebrate the anniversary of the October revolution at a high state level. Hence the name – “quiet anniversary”.

Key concepts:

the official discourse, memorial discourse, politics of memory, the 100-th anniversary of the October revolution, the evaluation approach, symbolic status, strategy reconciliation, quiet anniversary, desovietization, stereoscopic view.

УДК 81-139

ДИСКУРС МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ: КОНСТРУКТИВИСТСКАЯ ПАРАДИГМА*

Дубровская Татьяна Викторовна,

Пензенский государственный университет,
заведующая кафедрой «Английский язык»,
доктор филологических наук, доцент,
Пенза, Россия,
E-mail: gynergy74@gmail.com

Кожемякин Евгений Александрович

Белгородский государственный
национальный исследовательский университет,
заведующий кафедрой коммуникативистики,
рекламы и связей с общественностью,
доктор философских наук, доцент,
Белгород, Россия,
E-mail: kozhemyakin@bsu.edu.ru

Аннотация

Обзор предлагает критическое обобщение работ, в которых межнациональные отношения рассматриваются как дискурсивный конструкт и которые сфокусированы на изучении стратегического применения языка в социально значимых контекстах, определяющих формирование и развитие международной сферы. Конструктивистский подход к дискурсу межнациональных отношений основан на представлении о нации не как онтологическом феномене, а как социальном конструкте, обладающем коммуникативной природой. В соответствии с этой базовой интерпретацией нации конструктивисты последовательно реализуют установку на изучение межнациональных отношений. Авторы обзора подчёркивают, что вопреки часто встречающимся убеждениям, конструктивистская парадигма не базируется на аксиоматичном допущении иллюзорности межнациональных от-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 15–34–14001 «Политический, юридический и масс-медийный дискурс в аспекте конструирования межнациональных отношений Российской Федерации».

ношений. Результаты обобщения литературы убеждают в том, что общим местом для конструктивистов является идея дискурсивно-коммуникативного характера межнациональных отношений. Эту идею выражает следующее положение: чтобы знать что-то о межнациональных отношениях как реальном феномене, мы должны быть способны репрезентировать их или построить их модель. Особую роль в этом процессе играют масс-медиа как публичные арены, на которых происходит борьба за средства и результаты репрезентации и символического «моделирования» межнациональных отношений. В статье выделяются два типа перспективных направлений дискурсивного анализа межнациональных отношений: микро- и макроуровневые.

Ключевые понятия:

международные отношения, нация, дискурсивное конструирование, конструктивизм, дискурс, анализ дискурса, масс-медиа.

Введение. Настоящий обзор представляет собой критическое обобщение современных зарубежных и отечественных работ, в которых межнациональные отношения рассматриваются как дискурсивный конструкт. Конструктивистский подход к межнациональным отношениям широко практикуется в западных социологических и политологических исследованиях и набирает популярность в отечественных. В связи с этим появляются русскоязычные и англоязычные работы, авторы которых осмысливают преимущественно зарубежный опыт конструктивизма в приложении к межнациональным отношениям [1; 7; 13]. Особенностью данного обзора является то, что он сфокусирован преимущественно на работах, в центре внимания которых находятся дискурсивные практики, т. е. стратегическое применение языка в социально значимых контекстах, определяющих формирование и развитие межнациональных отношений. Такой акцент на дискурсивных практиках обусловлен прежде всего задачами нашего исследования, направленного на выявление механизмов дискурсивного конструирования межнациональных отношений в разных типах дискурса. Кроме того, обращение к дискурсу становится общепринятой процедурой в конструктивизме. Как отмечает Анна Хольцшайтер, «все чаще конструктивисты обращаются к понятию дискурса, когда они хотят идентифицировать или операционализировать социальные факты, такие как идеи, идентичности и нормы, и когда они пытаются показать, что эти факты не имеют естественный характер, а являются результатом дискурсивных практик и конституируются социально разделяемыми структурами значений» [25, с. 145].

Направление критического дискурс-анализа, которое базируется на основных положениях социального конструктивизма, накопило значительный теоретический и эмпирический материал, содержащий анализ дискурсивных практик в сфере межнациональных отношений. Однако, насколько нам известно, этот материал до настоящего времени не подвергался обобщению и систематизации, и именно эта задача решается в данном обзоре.

Категория нации. Обращение к дискурсивному аспекту межнациональных отношений предполагает, прежде всего, концептуализацию категории нации. В конструктивистской интерпретации нации и международные отношения рас-

смаатриваются не как онтологические феномены, но как социальные конструкты. Это абстрактные, идеологически нагруженные категории, обладающие целым рядом культурных, политических и юридичесинтервенций.

Как пишет Йохан Остман, «нация может быть рассмотрена как пустой знак, значение которого в высшей степени неоднозначно в силу его включённости одновременно в несколько конкурирующих дискурсов. Пустые знаки, такие как «нация», «национальный интерес», «освобождение», «порядок», «революция», занимают центральные позиции в политике»¹ [35, с. 83]. Подобный подход типичен для анализа дискурса, который традиционно основан на социологических и лингвистических теориях, трактующих национальное государство и национальный язык как основания конструирования и нации, и национальной идентичности [10; 15]. Не отрицая материальное существование ряда факторов, определяющих формирование нации (к примеру, единство территории, гражданства, языка и культурных ценностей [8, с. 466]), конструктивисты и представители критического дискурс-анализа утверждают, что нации не имеют онтологического статуса – они, скорее, конструируются в коммуникации. Представители одного национального сообщества не знакомы друг с другом, но всё-таки чувствуют свою принадлежность к этому сообществу благодаря ряду факторов, включая общую историю, коллективную память, а также средства массовой информации [15].

Воображаемый характер нации, существующей исключительно в сознании тех, кто соотносит себя с национальным сообществом, убедительно доказал Бенедикт Андерсон [9]. Его теория воображаемых сообществ (*imagined communities*) до настоящего времени занимает одну из самых влиятельных позиций. Согласно этой теории, в повседневной жизни мы вряд ли можем утверждать, что мы «участвуем в межнациональных отношениях», но это утверждение вполне применимо к сообществам, с которыми мы себя идентифицируем и обращение к которым прагматически обусловлено в определённой ситуации.

Мануэль Кастельс обсуждает ряд примеров национализма, являющегося следствием формирования новых, мультинациональных конструктов, своего рода квази-государств, таких как Европейский Союз или Содружество Независимых Государств (СНГ), включающее в свой состав бывшие советские республики [11, с. 34–35]. В то время как обсуждение СНГ в терминах объединенной нации представляется достаточно проблематичным, понятие «европейскости» на сегодняшний день уже получило широкое распространение в литературе, обращённой к проблемам национальной идентичности [40; 42]. Европа как политический актор часто интерпретируется в этих работах в социально-конструктивистском ключе как «дискурсивный конструкт и продукт множества наслаивающихся друг на друга дискурсов» [41, с. 15]. Динамичный и гибкий характер национальной и европейской идентичности также рассматривается как конструируемый в дискурсивных практиках, в процессах коммуникации [32; 2].

Концепт межнациональных отношений. Конструктивистский подход, применяемый к нации, осуществляется также и по отношению к концепту межнациональных отношений². Последние часто рассматриваются как феномен,

¹ Здесь и далее перевод с английского наш – Е.К., Т.Д.

² В этой работе термины «межнациональные» и «международные» используются как синонимы, что обусловлено, во-первых, идентичностью перевода терминов на англий-

у которого нет статуса *бытия*, но есть статус *становления* [31, с. 1]. Общая идея, объединяющая конструктивистские исследования в рассматриваемой области, следующая: межнациональные отношения реализуются как таковые исключительно посредством дискурса [29; 14; 16; 25]. По утверждению Шарлотты Эпстайн, «дискурс представляет собой внутренне связный ансамбль идей, концептов, категоризаций, касающихся определённого предмета и помещающих его в определенную рамку, что ограничивает возможные действия в отношении данного предмета» [18, с. 2].

Социально-конструктивистские идеи не ведут с необходимостью к выводу о невозможности онтологического статуса реальности и иллюзорном характере межнациональных отношений. Было бы сложно отрицать, например, реальность миграции или международного терроризма. Как пишет Хелле Мальмвиг, поясняя эту точку зрения, речь идёт не о том, что «Холокост или война в Персидском заливе никогда не случались в реальности, а что мы можем узнать что-либо о Холокосте только посредством дискурса. Холокост <...> становится реальностью посредством высказываний» [31, с. 2].

Таким образом, конструктивистский подход специфичен не отрицанием реальности, а тем, что он основан на конструктивном взгляде на неё. Чтобы знать что-то о межнациональных отношениях как реальном феномене, мы должны быть способны репрезентировать их или построить их модель. По мнению Теован Лёвена, «антропологи и социологи всегда понимали, что репрезентации укоренены в практике, в том, что «люди делают». Первичность практики проходит красной нитью через европейскую и американскую социологию» [44, с. 4]. Шарлота Эпстайн подчёркивает, что «социальный актёр – это ещё и говорящий актёр и, следовательно, субъект – Я/Мы – конкретных дискурсов. С помощью речи актёр совершает действия, достигает конкретных, определённых практических результатов. Но при этом он позиционирует себя определённым образом относительно других говорящих актёров» [18, с. 13].

Идея о том, что в качестве актёров межнациональных отношений выступают государства как единые сущности ('unitary actors'), которым приписываются антропоморфные качества, такие как идентичности, интересы и намерения, лежит в основе рассуждений Александра Вендта [47, с. 43]. На эту идею опираются и его последователи [36; 6]. При этом Вендт отмечает роль общих знаний и дискурса в вовлечении отдельных индивидов в совместную институциональную коллективную деятельность и образовании коллективного актёра [47, с. 215].

Описание коллективного актёра межнациональных отношений в категориях интересов, намерений и идентичности даёт возможность говорить и о его поведении в системе международных отношений, которое «зависит от самого государства, его внешнеполитических интересов, сил и средств достижения целей, от среды системы международных отношений и объектов внешнеполитического воздействия данного государства. Наличие такого широкого спектра вопросов позволяет сравнивать поведение государств» [5, с. 7].

ский язык (international), на котором выполнена большая часть представленной в обзоре литературы, и, во-вторых, – академическими традициями отечественной социальной науки, в которой категории «международный» и «межнациональный» имеют общего референта – «государство».

Микро- и макро-подходы к межнациональным отношениям. Дискурсивное конструирование межнациональных отношений, в результате приводящее к конкретным репрезентациям, является предметом многостороннего рассмотрения для целого ряда дискурс-аналитиков. Это научное направление уже заняло определённую нишу в дискурсивных и политических исследованиях. В одной из последних работ Анна Хольцшайтер предлагает системный обзор дискурсивных подходов к межнациональным отношениям и обосновывает важность концепта «дискурс» для плодотворного изучения данного феномена [25]. Обозначая магистральные тематические линии в этом поле, Хольцшайтер указывает на изменение парадигмы от критической теории и постструктурализма к конструктивизму, который «теоретизирует и изучает взаимоконститутивные (*co-constitutive*) отношения между агентами и структурой, текстом и контекстом, предлагая различные толкования того, насколько агенты становятся «хозяевами» дискурсов» [25, с. 143]. Анна Хольцшайтер описывает виртуальный континуум, по противоположным краям которого расположены агенты и структуры, и утверждает, что различные конструктивистские подходы могут быть маркированы как макроструктурные или микроинтеракционные в зависимости от того, какой они видят роль агентов в конструировании реальности. Микроинтеракционные подходы развивают идею активного участия агентов в конструировании и изменении интерпретаций реальности, тогда как макроструктурные подходы фокусируются на доминирующей и управляющей роли дискурса по отношению к агентам. Первые обращены к изучению микроконтекстов; последние – к более обширным данным и масштабным событиям.

Разграничение типов анализа на микроинтеракционный и макроструктурный представляется очень важным, однако это далеко не единственный способ классификации дискурс-аналитических подходов к межнациональным отношениям. Далее мы предпринимаем попытку систематизации рассматриваемых работ с других точек зрения, но также с учётом их микро- и макрохарактера.

Межнациональные отношения в масс-медиа. Любая (ре) презентация межнациональных отношений предполагает избирательный подход к фактам, поскольку она соотнесена с дискурсивными практиками, а значит, правилами и ограничениями, разделяемыми «говорящими акторами» как представителями определённого сообщества, например, масс-медийного.

Обращение к массмедийному контексту конструирования межнациональных отношений представляется одной из ключевых тенденций рассматриваемой научной литературы. Так, Стиг Хьярвард обсуждает институциональную роль масс-медиа применительно к проблемам межнациональных отношений [24]. Согласно Хьярварду, масс-медиа конституируют элементарные коммуникационные действия индивидов на микроуровне, тогда как на макроуровне они выступают в качестве «интерфейса взаимодействия» как внутри социальных институтов, так и между ними. Как пишет исследователь, «медиа конституируют пространство разделяемого опыта; это означает, что они предлагают чередующиеся репрезентации и интерпретации «порядка вещей» и за счёт этого они влияют на представления об идентичности и сообществе» [24, с. 126]. Масс-медиа выступают в качестве посредника между социальными акторами, арены для публичной дискуссии, а также «интерпретативной рамки» (термин С. Хьярварда) социальной картины мира. Таким образом, в рамках социального конструктивизма масс-медийный дискурс

о межнациональных отношениях трактуется не просто как тот, который воспроизводит политический или юридический дискурс. Масс-медиа трансформируют предмет дискурсной практики в соответствии с правилами присущего им кода.

Категории межнациональных отношений. Работы, в которых представлена дискурс-аналитическая перспектива межнациональных отношений, тематически обращены к различным конститутивным категориям межнациональных отношений, которые концептуализированы как дискурсные конструкты. Как на микро-, так и на макроуровнях рассматриваются такие категории, как национальная идентичность и самоидентификация через противопоставление себя Другому [19; 23; 34], миграция и иммиграция [30; 48], интервенция и суверенитет [31]. В целом, для работ конструктивистского толка характерна обращённость к кейсам и прикладным аспектам объекта анализа (например, международные кампании по охране китов [18]). Макроструктурный подход применяется, к примеру, при диахроническом анализе дискурсивных репрезентаций конфликтов в Косово и Алжире в контексте 1990-х гг. [31], тогда как одна из работ по изучению иммиграции основана на микроинтеракционном подходе и базируется на анализе ограниченного количества студенческих эссе [30].

В рамках темы о конструировании категорий межнациональных отношений обсуждаются различные дискурсивные механизмы, используемые с этой целью. Поскольку акторы межнациональных отношений наделяются человеческими качествами, одной из самых востребованных категорий анализа является прагматическая стратегия. Кроме того, к дискурсивным механизмам относят различные дискурсивные паттерны и конкретные языковые средства, такие как метафора и метонимия, используемые для воспроизводства стереотипов, идеологии, предубеждений и идентичностей [4; 12; 27; 28; 29; 38; 43]. Публикации на данную тему обращены также к таким феноменам, как лексическое конструирование значений (например, секьюритизация и глобализация межнациональных отношений [49; 21]), производство значения в институциональном и репрезентационном аспектах [22], субъект-позиционирование и субъективизация в дискурсах о межнациональных отношениях [19] и т. д. Многообразие и разноплановый характер работ, в которых изучаются категории межнациональных отношений и механизмы их конструирования, свидетельствуют о том, что межнациональные отношения имеют сложную структуру и могут быть репрезентированы в дискурсе различными способами.

Национальные контексты. Основные национальные и государственные контексты, обсуждаемые в дискурс-аналитических работах по межнациональным отношениям, представлены странами и нациями Европы, Северной Америки и, реже, Азии [17; 18; 20; 21; 40]. Национальные и интернациональные контексты этих политических акторов изучены более детально и представлены более широко в англоязычной литературе в сравнении с работами, обсуждающими Россию как актора межнациональных отношений. Это можно объяснить западным происхождением авторов работ и их недостаточным уровнем владения русским языком, необходимым для анализа русскоязычного материала. Кроме того, невелико количество англоязычных работ, написанных представителями российского академического сообщества.

В то же время нельзя однозначно утверждать, что Россия как актор межнациональных отношений остаётся абсолютно неизученным феноменом.

В ряде работ рассматриваются механизмы конструирования России и российских межнациональных отношений в зарубежных дискурсах. Одной из таких работ представляется широко цитируемый труд Ивера Нойманна, в котором он обсуждает способы (ре) конструирования образов России как Другого в европейском политическом и историческом дискурсе посредством конструирования европейской коллективной идентичности [33]. Учёный указывает на амбивалентный характер репрезентаций России в эпоху после окончания холодной войны, проявляющийся в том, что Россия интерпретируется в контексте её актуального состояния и текущих тенденций, с одной стороны, и в контексте изменяющейся политики идентичности самой Европы, с другой стороны.

Элизабет Ле обращается к тому, как французские и российские масс-медиа репрезентируют франко-российские и, шире, западно-российские отношения в начале XXI века [29]. Ряд авторов уделяет особое внимание конструированию российской идентичности и репрезентации России в российском (и советском) политическом, юридическом и масс-медийном дискурсах [26; 39; 45; 46].

Одна из перспектив, касающихся межнациональных отношений, заключается в интерпретации медиаобраза России как участника межнациональных отношений. Такие попытки были предприняты нами в ряде работ [3; 37; 38]. Применение теории социальных акторов, анализа принадлежности к категориям (*membership categorization analysis*), анализа оппозиции «мы v. s. они» позволило сделать вывод, что масс-медиа конструируют различные виды отношений, в которые включена Россия, с опорой на свои идеологические позиции и меняющийся социополитический ландшафт. Среди таких отношений могут быть отношения враждебности, дружбы, соперничества и т. д. Так, российско-польские отношения изучаются в контексте дискурсивных конструктов «мы» и «они», используемых в массмедиа [37]. Придерживаясь макроструктурного подхода, исследователи выстраивают анализ дискурса в рамках широкого социополитического контекста общественных дебатов по вопросам размещения противоракетной оборонной системы в Европе, а также обращаются к хронологическим трансформациям категорий «мы» и «они» в дискурсе газет.

Итоги. Во-первых, конструктивистский подход к межнациональным отношениям позволяет описать их не как онтологический объект, а как результат дискурсивно-коммуникативных практик. Это отнюдь не указывает на антиреалистическую убежденность конструктивистов в иллюзорности нации и межнациональных отношений. Скорее, вопрос «природы» национального здесь не ставится вообще. Вместо этого конструктивисты предлагают обсуждать способы и формы репрезентации межнациональных отношений. Репрезентации либо ключевым образом определяют фактическое выражение межнациональных отношений в виде системы действий, номинируемых как политические, дипломатические и т. д., либо образуют особую реальность, определяющую наши убеждения, вкусы и идентичности в межнациональных контекстах.

Во-вторых, особую роль в дискурсивном конструировании межнациональных отношений многие исследователи признают за масс-медиа, выступающими в качестве публичной арены, на которой институциональные агенты ведут борьбу за средства и результаты репрезентации и символического «моделирования» межнациональных отношений.

В-третьих, основные национальные контексты, обсуждаемые в дискурс-аналитических работах по межнациональным отношениям, представлены странами и нациями Европы, Северной Америки и Азии. Анализ репрезентации России в дискурсивных практиках межнациональных отношений представляется одним из перспективных направлений этого исследовательского поля.

Очевидно, что дискурсивная тематика в исследованиях межнациональных отношений достаточно широко представлена в современном академическом пространстве, что свидетельствует о востребованности этой методологии для решения ряда важных теоретических задач. Тематическая область дискурс-аналитических работ по конструированию межнациональных отношений представлена впечатляющим по своему разнообразию спектром случаев (кейсов), предметов и их аспектов. В то же время, актуальные изменения в дискурсивной среде, связанные даже не столько с появлением новых дискурсивных предметов или средств, сколько с развитием коммуникационных каналов, по всей видимости, уже в ближайшее время сформулируют новые задачи и вызовы перед дискурс-аналитиками.

1. Бакалова Е.В. Конструктивизм в исследовании международных норм защиты прав человека: от генезиса, признания и соблюдения к нарушению, оспариванию и эрозии // *Международные процессы*. 2015. Т. 13. № 1. С. 48–67.
2. Дубровская Т.В. 'I was the first Westerner, the only English person': дискурсивное конструирование национальной идентичности // *Вестник РУДН. Серия «Лингвистика»*. 2015. № 2. С. 25–40.
3. Дубровская Т.В., Кожемякин Е.А. Конструирование межнациональных отношений в СМИ: специфика репрезентаций // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2015. № 8 (215), вып. 27. С. 111–125.
4. Козлов С.В. Место России в украинском медийном дискурсе // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2012. Т. 11, вып. 11: *Журналистика*. С. 48–57.
5. Кондратов А.И. Международное поведение государств // *Международные процессы*. 2011. Т. 9. № 26. С. 93–99.
6. Макарычева М.Г. Дискурс как предмет изучения в сфере международной политики (пример американо-российских отношений) // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2006. № 1. С. 567–574.
7. Павленко О.В. Конструктивистский подход к исследованию международных отношений: возможности и пределы // *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение*. 2015. № 6 (149). С. 53–66.
8. Сорокин П.А. Основные черты русской нации в двадцатом столетии / О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев, В.В. Зеньковский, П.А. Сорокин, Г.П. Федотов, Г.В. Флоровский. М: Наука, 1990. С. 463–487.
9. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London, N.Y.: Verso, 1991.
10. Barker C., Galasinski D. *Cultural Studies and Discourse Analysis*.

A Dialogue on Language and Identity. London: Sage, 2001.

11. Castells M. The Power of Identity: The Information Age: Economy, Society, and Culture. Volume II. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009.

12. Catalano T., Waugh L.R. The Ideologies Behind Newspaper Crime Reports of Latinos and Wall Street/CEOs: a Critical Analysis of Metonymy in Text and Image // *Critical Discourse Studies*. 2013. Vol. 10. № 4. P. 406–426. DOI: 10.1080/17405904.2013.813774.

13. Checkel J.T. Social constructivisms in global and European politics (a review essay) // *ARENA. Working Papers*. 2015. № 3. P. 1–26.

14. Checkel J.T. The constructivist turn in international relations theory // *World Politics*. 1998. № 50 (2). P. 324–348.

15. Cillia R. de, Reisigl M., Wodak R. The Discursive Construction of National Identities // *Discourse and Society*. 1999. № 12 (2). P. 149–173.

16. Edkins J. Poststructuralism and International Relations: Bringing the Political Back In. Boulder, CO: Lynne Rienner, 1999.

17. Edwards R. The Role of Fear and Envy in the Discursive Construction of the Beijing Olympics in British Broadsheets // *Critical Discourse Studies*. 2013. Vol. 10. № 3. P. 275–297.

18. Epstein C. The Power of Words in International Relations: Birth of an Anti-Whaling Discourse. Cambridge, MA: MIT Press, 2008.

19. Epstein C. Who speaks? Discourse, the subject and the study of identity in international politics // *European Journal of International Relations*. 2011. № 17 (2). P. 327–350.

20. Fierke K.M., Jorgensen K.E. (eds.) *Constructing International Relations: The Next Generation*. London: M.E. Sharper, 2001.

21. George J. *Discourses of Global Politics: A Critical (Re) Introduction to International Relations*. Boulder: Lynne Rienner Publishers, Inc., 1994.

22. Ghica L.A. Discourse analysis and the production of meaning in international relations research: a brief methodological outline // *Annals of the University of Bucharest / Political science series*. 2013. № 15 (2). P. 3–9.

23. Gulyaeva O. Russian vision of the EU in its interactions with the neighbourhood // *Baltic Journal of European Studies*. 2013. № 3 (3). P. 175–194.

24. Hjarvard S. The Mediatization of Society. A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change // *Nordicom Review*. 2008. № 29 (2). P. 105–134.

25. Holzscheiter A. Between Communicative Interaction and Structures of Signification: Discourse Theory and Analysis in International Relations // *International Studies Perspectives*. 2013. № 15 (2). P. 142–162.

26. Hopf T. *Social Construction of International Politics: Identities & Foreign Policies*, Moscow, 1955 and 1999. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2002.

27. Horvat M.D., Verschueren J., Žagar I.Ž. *The Rhetoric of Refugee Policies in Slovenia: The Pragmatics of Legitimation*. Ljubljana: Mirovni inštitut, 2001.

28. Kazharsky A. Eurasian regionalism as an identity enterprise: representations of European other in Russian discourse on Eurasian integration // *CEURUS EU-Russia Papers*. 2013. № 12. P. 1–28.

29. Le E. *The Spiral of Anti-Other Rhetoric: Discourses of Identity and the International Media Echo*. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2006.

30. López Maestre M.D. Investigating language and ideology in discourse on immigration: a corpus-based critical approach / U.D. Scheu Lottgen, & J. Saura Sánchez (Eds.), *Discourse and International Relations*. Bern: Peter Lang, 2007. P. 141–180.

31. Malmvig H. *State Sovereignty and Intervention: A Discourse Analysis of Interventionary and Non-Interventionary Practices in Kosovo and Algeria*. London, N.Y.: Routledge, 2006.

32. McEntee-Atalianis L., Zappettini, F. Networked identities: Changing representations of Europeanness // *Critical Discourse Studies*. 2014. № 11. P. 397–415.

33. Neumann I.B. *Russia and the Idea of Europe: a Study in Identity and International Relations*. London: Routledge, 1995.

34. Neumann I.B. *Uses of the Other: “The East” in European Identity Formation*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999.

35. Ostman J. Border journalism and the articulation of national horizons / B. Hoijer (Ed.) *Ideological Horizons in Media and Citizen Discourses: Theoretical and Methodological Approaches*. Gothenburg: Nordicom, 2007. P. 75–93.

36. Rasmussen S.B. *Discourse analysis of EU public diplomacy: messages and practices*. Netherlands Institute of International Relations ‘Clingendale’, 2009.

37. Sowińska A., Dubrovskaya T. Discursive Construction and Transformation of ‘Us’ and ‘Them’ Categories in the Newspaper Coverage on the US Anti-Ballistic Missile System: Polish versus Russian View // *Discourse & Communication*. 2012a. № 6 (4). P. 449–468.

38. Sowińska A., Dubrovskaya T. Discursive Strategies in the Media Construction of Poland, Russia and the USA in the Context of the Debate on the US Anti-Ballistic Missile Defense Shield in Polish and Russian Quality Papers / Skrzypczak W., Fojt T. and Wacewicz S. (eds.) *Exploring Language through Contrast*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing. 2012b. P. 268–287.

39. Splidsboel-Hansen F. Russia’s relations with the European Union: a constructivist cut // *International Politics*. 2002. № 39. P. 399–421.

40. Stråth, B. (Ed.) *Europe and the Other and Europe as the Other*. Brussels: PIE-Peter Lang. 2002.

41. Stråth B., Wodak R. Europe – Discourse – Politics – Media – History: Constructing ‘Crises’? / Triandafyllidou A., Wodak R., Krzyzanowski M. (eds.) *The European Public Sphere and the Media: Europe in Crisis*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2009. P. 15–33.

42. Triandafyllidou A., Wodak R., Krzyzanowski M. (eds.) *The European Public Sphere and the Media: Europe in Crisis*. Palgrave Macmillan. 2009.

43. Van Dijk T.A. *Critical Discourse Analysis* / D. Schiffrin, D. Tannen, H.E. Hamilton (Eds.) *The Handbook of Discourse Analysis*. Oxford: Blackwell. 2001. P. 352–371.

44. Van Leeuwen T. *Discourse and practice. New tools for critical discourse analysis*. N.Y.: Oxford University Press. 2008.

45. Voltmer K. Constructing political reality in Russia: Izvestiya – between old and new journalistic practices // *European Journal of Communication*. 2000. № 15 (4). P. 469–500.

46. Wasburn P.C. *The Social Construction of International News: We're Talking About Them, They're Talking About Us*. Westport: PRAEGER. 2002.
47. Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: CUP, 2003.
48. Wood N., King R. *Media and migration* / N. Wood, R. King (Eds.) *Media and Migration: Constructions of mobility and difference*. London, N.Y.: Routledge. 2001. P. 1–23.
49. Yongtao L. *Discourse, meaning and IR studies: taking rhetoric of "axis of evil" as a case* // *CONfines*. 2010. № 6 (11). P. 85–107.

References

1. Bakalova E.V. *Konstruktivizm v issledovanii mezhdunarodnyx norm zashhity prav cheloveka: ot genezisa, priznaniya i soblyudeniya k narusheniyu, osparivaniyu i e'rozii* // *Mezhdunarodnye processy*. 2015. T. 13. № 1. S. 48–67.
2. Dubrovskaya T.V. *'I was the first Westerner, the only English person': diskursivnoe konstruirovaniye nacional'noj identichnosti* // *Vestnik RUDN. Seriya «Lingvistika»*. 2015. № 2. S. 25–40.
3. Dubrovskaya T.V., Kozhemyakin E.A. *Konstruirovaniye mezhnacional'nyx otnoshenij v SMI: specifika reprezentacij* // *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2015. № 8 (215), vyp. 27. S. 111–125.
4. Kozlov S.V. *Mesto Rossii v ukrainskom medijnom diskurse* // *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. 2012. T. 11, vyp. 11: *Zhurnalistika*. S. 48–57.
5. Kondratov A.I. *Mezhdunarodnoe povedenie gosudarstv* // *Mezhdunarodnye processy*. 2011. T. 9. № 26. S. 93–99.
6. Makarycheva M.G. *Diskurs kak predmet izucheniya v sfere mezhdunarodnoj politiki (primer amerikano-rossijskix otnoshenij)* // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki*. 2006. № 1. S. 567–574.
7. Pavlenko O.V. *Konstruktivistskij podxod k issledovaniyu mezhdunarodnyx otnoshenij: vozmozhnosti i predely* // *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie*. 2015. № 6 (149). S. 53–66.
8. Sorokin P.A. *Osnovnye cherty russkoj nacii v dvadcatom stoletii / O Rossii i russkoj filosofskoj kul'ture. Filosofiy russkogo posleoktyabr'skogo zarubezh'ya*. N.A. Berdyayev, B.P. Vysheslavcev, V.V. Zen'kovskij, P.A. Sorokin, G.P. Fedotov, G.V. Florovskij. M: Nauka, 1990. C. 463–487.
9. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London, N.Y.: Verso, 1991.
10. Barker C., Galasinski D. *Cultural Studies and Discourse Analysis. A Dialogue on Language and Identity*. London: Sage, 2001.
11. Castells M. *The Power of Identity: The Information Age: Economy, Society, and Culture. Volume II*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009.
12. Catalano T., Waugh L.R. *The Ideologies Behind Newspaper Crime Reports of Latinos and Wall Street/CEOs: a Critical Analysis of Metonymy in Text and Image* // *Critical Discourse Studies*. 2013. Vol. 10. № 4. P. 406–426. DOI: 10.1080/17405904.2013.813774.

13. Checkel J.T. Social constructivisms in global and European politics (a review essay) // ARENA. Working Papers. 2015. № 3. P. 1–26.
14. Checkel J.T. The constructivist turn in international relations theory // World Politics. 1998. № 50 (2). P. 324–348.
15. Cillia R. de, Reisigl M., Wodak R. The Discursive Construction of National Identities // Discourse and Society. 1999. № 12 (2). P. 149–173.
16. Edkins J. Poststructuralism and International Relations: Bringing the Political Back In. Boulder, CO: Lynne Rienner, 1999.
17. Edwards R. The Role of Fear and Envy in the Discursive Construction of the Beijing Olympics in British Broadsheets // Critical Discourse Studies. 2013. Vol. 10. № 3. P. 275–297.
18. Epstein C. The Power of Words in International Relations: Birth of an Anti-Whaling Discourse. Cambridge, MA: MIT Press, 2008.
19. Epstein C. Who speaks? Discourse, the subject and the study of identity in international politics // European Journal of International Relations. 2011. № 17 (2). P. 327–350.
20. Fierke K.M., Jorgensen K.E. (eds.) Constructing International Relations: The Next Generation. London: M.E. Sharper, 2001.
21. George J. Discourses of Global Politics: A Critical (Re) Introduction to International Relations. Boulder: Lynne Rienner Publishers, Inc., 1994.
22. Ghica L.A. Discourse analysis and the production of meaning in international relations research: a brief methodological outline // Annals of the University of Bucharest / Political science series. 2013. № 15 (2). P. 3–9.
23. Gulyaeva O. Russian vision of the EU in its interactions with the neighbourhood // Baltic Journal of European Studies. 2013. № 3 (3). P. 175–194.
24. Hjarvard S. The Mediatization of Society. A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change // Nordicom Review. 2008. № 29 (2). P. 105–134.
25. Holzsheiter A. Between Communicative Interaction and Structures of Signification: Discourse Theory and Analysis in International Relations // International Studies Perspectives. 2013. № 15 (2). P. 142–162.
26. Hopf T. Social Construction of International Politics: Identities & Foreign Policies, Moscow, 1955 and 1999. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2002.
27. Horvat M.D., Verschuere J., Žagar I.Ž. The Rhetoric of Refugee Policies in Slovenia: The Pragmatics of Legitimation. Ljubljana: Mirovni inštitut, 2001.
28. Kazharsky A. Eurasian regionalism as an identity enterprise: representations of European other in Russian discourse on Eurasian integration // CEURUS EU-Russia Papers. 2013. № 12. P. 1–28.
29. Le E. The Spiral of Anti-Other Rhetoric: Discourses of Identity and the International Media Echo. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2006.
30. López Maestre M.D. Investigating language and ideology in discourse on immigration: a corpus-based critical approach / U.D. Scheu Lottgen, & J. Saura Sánchez (Eds.), Discourse and International Relations. Bern: Peter Lang, 2007. P. 141–180.
31. Malmvig H. State Sovereignty and Intervention: A Discourse Analysis of Interventionary and Non-Interventionary Practices in Kosovo and Algeria. London, N.Y.: Routledge, 2006.

32. McEntee-Atalianis L., Zappettini, F. Networked identities: Changing representations of Europeanness // *Critical Discourse Studies*. 2014. № 11. P. 397–415.
33. Neumann I.B. *Russia and the Idea of Europe: a Study in Identity and International Relations*. London: Routledge, 1995.
34. Neumann I.B. *Uses of the Other: “The East” in European Identity Formation*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999.
35. Ostman J. Border journalism and the articulation of national horizons / B. Hoijer (Ed.) *Ideological Horizons in Media and Citizen Discourses: Theoretical and Methodological Approaches*. Gothenburg: Nordicom, 2007. P. 75–93.
36. Rasmussen S.B. *Discourse analysis of EU public diplomacy: messages and practices*. Netherlands Institute of International Relations ‘Clingendael’, 2009.
37. Sowińska A., Dubrovskaya T. Discursive Construction and Transformation of ‘Us’ and ‘Them’ Categories in the Newspaper Coverage on the US Anti-Ballistic Missile System: Polish versus Russian View // *Discourse & Communication*. 2012a. № 6 (4). P. 449–468.
38. Sowińska A., Dubrovskaya T. Discursive Strategies in the Media Construction of Poland, Russia and the USA in the Context of the Debate on the US Anti-Ballistic Missile Defense Shield in Polish and Russian Quality Papers / Skrzypczak W., Fojt T. and Waciewicz S. (eds.) *Exploring Language through Contrast*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2012b. P. 268–287.
39. Splidsboel-Hansen F. Russia’s relations with the European Union: a constructivist cut // *International Politics*. 2002. № 39. P. 399–421.
40. Stråth, B. (Ed.) *Europe and the Other and Europe as the Other*. Brussels: PIE-Peter Lang, 2002.
41. Stråth B., Wodak R. Europe – Discourse – Politics – Media – History: Constructing ‘Crises’? / Triandafyllidou A., Wodak R., Krzyzanowski M. (eds.) *The European Public Sphere and the Media: Europe in Crisis*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. P. 15–33.
42. Triandafyllidou A., Wodak R., Krzyzanowski M. (eds.) *The European Public Sphere and the Media: Europe in Crisis*. Palgrave Macmillan, 2009.
43. Van Dijk T.A. *Critical Discourse Analysis* / D. Schiffrin, D. Tannen, H.E. Hamilton (Eds.) *The Handbook of Discourse Analysis*. Oxford: Blackwell, 2001. P. 352–371.
44. Van Leeuwen T. *Discourse and practice. New tools for critical discourse analysis*. N.Y.: Oxford University Press, 2008.
45. Voltmer K. Constructing political reality in Russia: Izvestiya – between old and new journalistic practices // *European Journal of Communication*. 2000. № 15 (4). P. 469–500.
46. Wasburn P.C. *The Social Construction of International News: We’re Talking About Them, They’re Talking About Us*. Westport: PRAEGER, 2002.
47. Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: CUP, 2003.
48. Wood N., King R. Media and migration / N. Wood, R. King (Eds.) *Media and Migration: Constructions of mobility and difference*. London, N.Y.: Routledge, 2001. P. 1–23.
49. Yongtao L. Discourse, meaning and IR studies: taking rhetoric of “axis of evil” as a case // *CONfines*. 2010. № 6 (11). P. 85–107.

UDC 81-139

DISCOURSE OF INTERNATIONAL RELATIONS: CONSTRUCTIVIST PARADIGM

Dubrovskaya Tatiana Viktorovna,

Penza State University,
head of the English language department,
Doctor of Philology,
Penza, Russia,
E-mail: gynergy74@gmail.com

Kozhemyakin Evgeny Alexandrovich,

Belgorod National Research University,
Head of Department of Communication Studies,
Advertising and Public Relations,
Doctor of Philosophy,
Belgorod, Russia,
E-mail: kozhemyakin@bsu.edu.ru

Annotation

The paper offers a critical review of the studies that explore international relations as a discursive construct and focus on strategic use of language in socially meaningful contexts that determine the shaping and developing of international environment. The constructivist approach to the discourse of international relations is based on understanding nation not as an ontological phenomenon but as a social construct of a communicative nature. Along with this basic interpretation of nation, constructivists theorize about the essence of international relations. The authors of the present review claim that – contrary to widespread belief – the constructivist paradigm does not automatically admit the illusory character of international relations. The results of the review aim to prove that the common assumption for constructionists is the idea of discursive and communicative character of international relations. This idea is expressed by the following statement: to know something about international relations as a real phenomenon means to be able to present or model them. In this process, a special role is ascribed to the media as ‘public arenas’, which host the fight for means and results of representations and symbolic modelling of international relations. The paper distinguishes two major auspicious directions in discourse analysis of international relations: micro- and macro-oriented.

Key concepts:

international relations, nation, discursive construction, constructivism, discourse, discourse analysis, mass media.

УДК 81.1

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ В РАБОТАХ Г. ПАВЛОВСКОГО, С. КОРДОНСКОГО, А. АУЗАНА (ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ). ЧАСТЬ II

Ореховский Петр Александрович,

Институт экономики РАН,
Финансовый университет
при правительстве Российской Федерации,
доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник,
Москва, Россия,
E-mail: orekhovskypa@mail.ru

Аннотация

В работе представлен дискурсивный анализ работ известных российских учёных – обществоведов Г. Павловского, С. Кордонского, А. Аузана. Демонстрируется различие политологического, социологического и экономического дискурса, рассматривающих одну и ту же тему, что делает крайне затруднительным взаимопонимание представителей различных гуманитарных дисциплин. Большинство экономических работ, связанных с исследованием институтов, в качестве неявной посылки используют политический гедонизм, что делает возможным количественное моделирование институциональных изменений.

Ключевые понятия:

дискурс, конструктивизм, власть-собственность, вертикальный контракт, политический гедонизм.

Россия как «вертикальный договор»

Основная задача работы А. А. Аузана «Переучреждение государства...» [1] – характеристика современного российского политического режима. После того, как читатель одолет больше половины книги, которая почти никак не связана с указанной задачей, он, наконец, находит:

«Политический режим, сложившийся в России к 2005 году, напоминает самодержавную модель, но не в классическом, а в преобразованном варианте. Скорее он похож на принципат Октавиана Августа. При Октавиане Августе в Римской республике формально сохранялись все демократические институты. По сравнению с предшествующим режимом возникло всего несколько отличий. Во-первых, император возглавил сразу несколько институтов. Во-вторых, избирательные механизмы начали работать по-иному: избирать можно было кого хочешь, но римский чиновник, следящий за выборами, отмечал голоса только тех, кто был в списке. Формально демократическое устройство наличествовало, но его механизм действовал иначе. Современную российскую политическую систему нельзя отождествить с самодержавием образца XVI века, но это и не демократическая система. У этого явления промежуточные признаки» [1, с. 72–73].

Выходит, что в России – самодержавие с демократическими признаками? Или демократия с признаками самодержавия? Ещё из текста следует, что, как принципат Октавиана был неким отступлением от прежней римской демократии, так и российский режим 2005 г. является шагом назад от прежней «настоящей» российской демократии 1990-х гг. Однако в книге о специфике демократии периода 90-х гг. ничего не говорится.

Когда Аузан пишет «на сегодняшний день в России почти не осталось признаков самодержавия и крепостничества, однако признаков самодержавия всё же больше, чем признаков крепостничества» [1, с. 72], вроде бы возникают параллели с риторикой Кордонского – «сословия», «удельные князья», «помещики» и «поместная Федерация». Однако эта аналогия ошибочна. Параллель с Октавианом показывает, что для автора власть и собственность разделены, и его интерпретация самодержавия с крепостничеством не имеет никакого отношения к «ресурсному государству». В дискурсе Аузана это метафоры, которые характеризуют несовершенство сегодняшнего российского социального контракта, их вполне можно заменить на прилагательные «отсталый» и «убогий», «признаков отсталости всё же больше, чем признаков убогости». Содержание от этого не страдает. Суть всей работы можно выразить фразой: в России сложился отсталый (плохой, неэффективный, вертикальный) социальный контракт, и его нужно поменять на передовой (хороший, эффективный, горизонтальный), то есть, переучредить государство. Вот вроде бы и всё. И правда, почему бы этого не сделать?

Весь остальной текст книги нужен для того, чтобы показать разные обстоятельства и факторы, влияющие на заключение договоров. Их описание демонстрирует широкую эрудицию и глубокое понимание этого процесса автором. А.А. Аузан начинает с вопроса «Кем создаются правила?» Другими словами – а кто, собственно, может формулировать тот самый социальный контракт? Ответов три:

(1) «правила создаёт власть»; (2) правила создаются населением (и успешным бизнесом), а власть их «формализует», придаёт статус закона; (3) «правила создаются для реализации практических потребностей; познавая закономерности, люди моделируют правила в соответствии с ними... учёное сообщество должно подумать над тем, как превратить объективные закономерности в способы их использования – в законы, правила, нормы» [1, с. 14–15].

Первый ответ Аузану не нравится – это у него сразу же ассоциируется с ГУЛАГом. Казалось бы, учёный экономист должен занять третью позицию. Однако и к ней автор относится иронически:

«Рухнуло крупное государство... и вот приходят умненькие ребята и начинают делать реформы, потому что они понимают, как устроена модель спроса и предложения. К тому же они читают на английском... В конечном итоге они действительно создали определённое количество правил, и часть из них, наверное, работает по сегодняшний день. С другой стороны, некоторые из этих правил не работают, а некоторые работают обратным образом, не так, как планировали их создатели» [1, с. 15].

Таким образом, если я правильно интерпретирую А. А. Аузана, роль «учёного сообщества» – в наблюдении и понимании того, что создаёт население и бизнес, и дальнейшей трансляции этих правил органам власти. Ну что ж, почему бы и нет.

Создание правил требует от общества издержек, и не только на оплату работы экспертов. Нужны контроль над соблюдением правил и штрафы за их несоблюдение. Аузан пишет, что сначала, в режиме свободного доступа и коммунальной собственности эти издержки низкие.

«В дальнейшем стала преобладать система частной собственности, и в итоге возник спрос на государство» [1, с. 25].

Переход к неопределённой форме характерен для экономического дискурса. «Система частной собственности» более дорогая, но более эффективная и «стала преобладать». Одновременно важный для социологов вопрос о том, можно ли рассматривать коммунальную собственность как собственность, т. е. имелся ли у «коммуны» некий актив, имевший цену, который можно было бы продать другим субъектам, а те готовы были бы заплатить, игнорируется. Раз есть частная собственность, значит, есть (была) и коммунальная собственность. Отсюда у членов коммуны есть права на эту собственность так же, как и у отдельного субъекта – на частную собственность.

Но почему в режиме коммунальной собственности спроса на государство нет, а при системе частной собственности он возникает? И что это такое, «государство»? И как понимать «спрос» на него? Как платёжеспособную потребность? То есть некто может заплатить энную сумму денег, и у него будет своё государство? Или нет? В книжке это не объясняется; как и в случае с самодержавной демократией, «спрос на государство» представляет собой метафору, заставляющую вспомнить об известной работе Ф. Энгельса. Частная собственность – основное производственное отношение, которому объективно соответствует определённая надстройка в виде государства. В экономическом дискурсе «спрос на институты» – некое функциональное соответствие между производительными силами, материальной базой и «надстроечными», юридическими отношениями. Но марксистский язык – анахронизм, а неoinституционализм – это «наше всё». И не надо задавать риторические вопросы.

Если люди всегда, изначально обладают некими правами собственности (что – подчеркнём – неочевидно для социологического и политологического дискурсов), эти права надо как-то определить (специфицировать) и договориться об их использовании. А. А. Аузан рассматривает факторы, под влиянием которых

складывается договор о правах. Среди этих факторов он выделяет способы принятия решений: демократический, авторитарный и тоталитарный. Поскольку в отношении каждого из этих способов присутствуют свои выгоды и издержки, постольку, вроде бы, экономист может что-то сказать об оптимуме (максимум выгод, минимум издержек). Оптимум предполагает сопоставимость, измеримость как выгод, так и издержек отдельных социальных групп и индивидов, образующих общество, так и результатов демократии, авторитаризма, тоталитаризма. Заодно неплохо было бы определить, что они из себя представляют. Про демократию Аузан говорит только то, что в ней действует «принцип большинства» (?!), при авторитаризме «для достижения оптимальности решений можно делегировать право голоса одному лицу или группе лиц» [1, с. 49], а «в тоталитарном государстве власть участвует в решении всех вопросов...» [1, с. 51]. Кроме того:

«В тоталитарном государстве блага определяются положением, которое занимает человек. Как следствие, очень важен вопрос карьеры [1, с. 54].

А при демократии – нет? Вопрос риторический, снимается...

На протяжении всей книги А.А. Аузан приводит множество делений, классификаций. Но отношение к основной задаче книги имеет, по сути, только одно выделение – вертикальный и горизонтальный социальные контракты. Вертикальный контракт – «модель стационарного бандита» М. Олсона – это когда «власть (правитель или группа, которая поддерживает эту власть) занимается перераспределением прав в свою пользу» [6, с. 74], а «налог – это рента, которую получает государство. Но для того, чтобы получать эту ренту, власть должна обеспечить правопорядок» [6, с. 79]. При горизонтальном контракте действует «формула подряда... В этом случае государство – агент по производству услуг обороны и правосудия, которые предоставляются в обмен на налоги» [6, с. 80]. Далее Аузан использует формулу «найма государственного агента», что опять-таки, если я правильно его интерпретирую, «в пределе» предполагает возможность «увольнения» одного государства и «найма другого». Вроде как последнее, если это перевести с экономического дискурса на политологический, означает революцию или распад страны, присоединения её территории к другим «государственным агентам». Или нет?

Возникают трудности и в идентификации контракта: те или иные системы объявляются «горизонтальными» обычно на основе уровня душевого ВВП и принадлежности к некоей «общечеловеческой», то есть западной политической культуре. Все остальные политические режимы классифицируются как вертикальный контракт. Но это всего лишь приписывание субъектом, осуществляющим такую классификацию, личных нормативных оценок. При изменении хода истории они легко могут быть пересмотрены (скажем, если Каталония выйдет из состава Испании, достаточно сказать, что там действовал «испорченный горизонтальный», а на самом деле вертикальный контракт).

В целом – замечательная работа и очень инструментальная концепция. В России сложился нехороший вертикальный социальный контракт, но он пока не превратился в горизонтальный потому, что у общества не сформировался спрос на необходимые институты. Подождём ещё, никуда они (российское общество и его государственный агент) не денутся.

Институты в российском экономическом мейнстриме (заключение)

По моему мнению, многих обществоведов объединяет критическое, если не сказать негативное, отношение к российским властям. Критика власти в отечественном публицистическом дискурсе – признак прогрессивности. Однако языки этой критики очень разные, и описывают они очень разные реальности, поэтому договориться, как мне думается, будет невозможно.

Отчасти я уже говорил о различиях в подходах к реальности, как её понимают Г.О. Павловский [7], С.Г. Кордонский [2; 3; 4] и А.А. Аузан [1]. Исходя из этого, ниже приводятся некоторые важные концепты соответствующих дискурсов и реальностей:

В политологии важнейшим концептом является «народ», демократия понимается как «правление народа». Как указывает Д. Хелд: «Проблемы определения возникают в отношении к каждому элементу фразы: «правление»? – «правление кого»? – «народа»? Начнём с народа:

- Кого можно считать «народом»?
- Какой тип участия для него предусмотрен?
- Какие условия считаются необходимыми для участия? Могут ли стимулы и препятствия или издержки и преимущества участия быть равными?» [10, с. 16].

В социологии, вообще говоря, «народа» нет, есть «этнические факторы», влияющие на поведение социальных групп. Они некоторым образом складываются в «общество» (как именно это происходит – отдельная проблема). В каком-то определённом состоянии общество может сформировать институты, и появится «государство», но могут быть и безгосударственные общества.

В экономике, вообще говоря, тоже нет «народа», в ней есть «домохозяйства», «фирмы» и «государство». Они равноправны и вступают в отношения обмена между собой, назначая цену за те или иные блага. Отсюда – естественное для экономиста допущение, что упомянутые субъекты имеют права собственности на блага или активы, в противном случае торговля становится невозможной. Конструкция совпадения «власти – собственности» применительно к современным индустриальным странам (странам с относительно высоким уровнем развития, что подтверждается уровнем душевого ВВП) для экономиста неприемлемо: это всё про античность, средневековье, но никак не про Новое время.

Тем не менее, все эти реальности пересекаются, когда начинается разговор об институтах. В этом разговоре политология становится частным случаем социологического дискурса. И, в свою очередь, экономисты-институционалисты претендуют на то, чтобы сделать социологию частным случаем экономической теории. В разделе «Изобретение государства: общественный договор», название которого напрямую перекликается с названием работы А. А. Аузана, Э. Ясаи указывает: «политический гедонист, соглашающийся вступить в общественный договор, должен так или иначе убедить себя в выгодности этого дела. Дополнительное удовольствие, которое он собирает получить от того, что государство организует производство правильного объёма, порядка и других общественных благ, вместо того чтобы полагаться на мешанину спонтанных соглашений, которая может быть весьма неадекватной, должно перевесить страдания от принуждения, которое, по его мнению, он будет испытывать от рук государства» [11, с. 75].

«Политический гедонист» – центральная фигура экономического институционализма. И если в реальности Г.О. Павловского и С.Г. Кордонского нет «экономики», то в реальности многих выдающихся экономистов, формирующих отечественный мейнстрим, нет «политики». Например:

«Представим себе агента, осуществляющего свою деятельность в рамках института A и рассматривающего вопрос о целесообразности перехода к использованию альтернативного института B . Пусть время t дискретно. Обозначим через δu_t – выигрыш в транзакционных издержках, ожидаемый агентом от использования в периоде t института B вместо A , а ρ – норму дисконта, характеризующую предпочтения агента во времени. Тогда агент предпочтет институциональное изменение, если

$$\sum_0^T (1 + \rho)^{-t} \delta u_t > \Theta \quad (2.1)$$

где T – горизонт планирования, Θ – ожидаемые трансформационные издержки (предполагается, что они оплачиваются в нулевой момент). Как уже отмечалось, в более общей ситуации под δu_t следует понимать прирост полезности в результате перехода, а под Θ – потери в полезности в процессе перехода.

Предположим, что в системе используется институт A , но не B , поскольку для рассматриваемых агентов неравенство (2.1) не выполняется. Очевидно, переход от A к B станет желательным для агента, только если произойдет, по крайней мере, одно из трех изменений: 1) увеличатся транзакционные издержки института A ; 2) уменьшатся ожидаемые транзакционные издержки института B ; 3) уменьшатся ожидаемые трансформационные издержки перехода от A к B .

Переход из A в B , скорее всего, произойдет, если для всех участников (2.1) выполняется, и, скорее всего, не произойдет, если выполнено противоположное неравенство. В случаях, когда для разных участников имеют место неравенства противоположного смысла, результат зависит от конкретного механизма их взаимодействия. Довольно часто для осуществления перехода необходимо выполнение (2.1) для критической массы участников» [8, с. 69–70].

Соответственно, изменение отношений собственности, которое в других дискурсах выглядит как революция или крупная институциональная реформа, также можно моделировать в терминах выгод и издержек:

«Благосостояние экономической системы возможно представить как величину собственности, которой располагают агенты этой системы. Тогда $U(Y) = Q_G(Y) + Q_P(Y)$ для данного уровня дохода (продукта). В общем смысле, располагая функциями изменения величины собственности от продукта, можно записать

$$U = \int_{Y_0}^{Y^*} (Q_G(Y) + Q_P(Y)) dY$$

Если представить, например, приватизацию и национализацию изменением величины государственной и частной собственности соответственно в зависи-

мости от валового внутреннего продукта Y , полагая, что процесс приватизации и национализации связан с ростом Y , тогда ситуацию упрощённо можно изобразить, для постоянной скорости приватизации, национализации, как показано на рисунке 1.

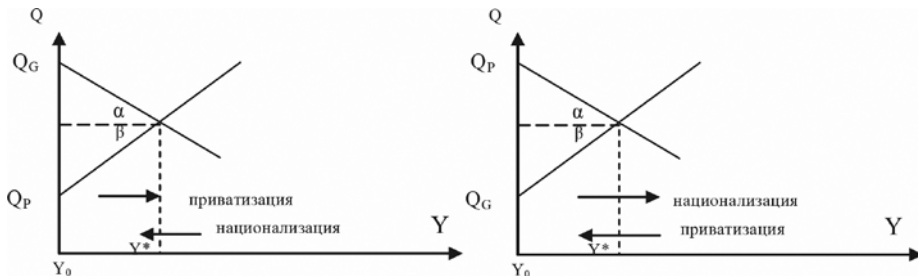

Рисунок 1 – Приватизация и национализация при росте и спаде ВВП

Как видим, ситуация задаётся исходным преобладанием государственного сектора в одном случае и преобладанием частного сектора в другом случае. Диаграммы отражают возможности приватизации и национализации при росте Y . При обратном движении Y , то есть при спаде, диаграмма отражает (слева) национализацию и приватизацию (справа).

Исходя из графических построений для произвольного продукта Y , запишем: $Q_G = Q_P + k(Y^* - Y)$, где $k = (tg\alpha + tg\beta)$. Благополучие для данного продукта Y при национализации (рисунок, справа), так как $Q_P = Q_G + k(Y^* - Y)$, будет: $U(Y) = 2Q_G + (Y^* - Y)k$.

Изменение благосостояния по времени и по продукту соответственно будет: $dU/dt = 2dQ_G/dt - k\{dY/dt\}$; $dU/dY = 2dQ_G/dY - k$. Или $U(Y) = 2Q_P + (Y - Y^*)k$. Тогда $dU/dt = 2dQ_P/dt + k\{dY/dt\}$; $dU/dY = 2dQ_P/dY + k$. Результат изменения благосостояния системы зависит от углов наклона, символизирующих скорость приватизации и национализации соответственно, исходного соотношения частной и государственной собственности, темпа текущего экономического роста» [9, с. 76].

Другими словами, если государственная собственность более рентабельна, чем частная, то национализируем частную, если менее, то наоборот, что и выражается в наклонах соответствующих графиков (индекс G – государственная собственность, индекс P – частная). Логично.

Используя принцип политического гедонизма, можно решать и другие, не такие глобальные институциональные проблемы. Например, можно рассмотреть проблему легализации (декриминализации) проституции (а заодно и устранения связанной с проституцией милицейской коррупции):

«Предположим, что проститутка получает полезность от потребительского блага, c , которое рассматривается как благо-измеритель, и свободного времени, l_p ; данные блага предполагаются нормальными. Пусть T – имеющийся в распоряжении совокупный запас времени (для простоты будем считать, что он равен единице), тогда $L_p + l_p = 1$, где L_p – время работы на рынке коммерческих сексуальных услуг.

В то же время на благосостояние проститутки отрицательно влияют издержки, связанные с занятием проституцией. Характерной особенностью данной модели является включение моральных издержек, m , отрицательно воздействующих на благосостояние проститутки. Предполагается, что моральные издержки зависят от времени работы на рынке коммерческих сексуальных услуг, L_p , причем величина этих издержек снижается с увеличением времени работы (т.е. происходит некоторое привыкание). Будем считать, что вся группа проституток однородна, но каждая отдельная проститутка характеризуется неким уровнем морали, m_0 , связанным с воспитанием, отношениями в семье и прочими факторами. Распределение морали среди всего женского населения описывается непрерывной возрастающей функцией распределения $F(m_0)$, определенной на интервале $[m_0^-, m_0^+]$ и имеющей функцию плотности распределения $f(m_0)$, причем $F(m_0^-) = 0$ и $F(m_0^+) = 1$.

Предполагается, что чем выше уровень личной морали, тем выше издержки от занятия проституцией. Таким образом, моральные издержки описываются следующей функцией:

$$m = m(L_p, m_0), \quad \text{где } \frac{\partial m}{\partial L_p} < 0 \text{ и } \frac{\partial m}{\partial m_0} > 0. \quad (1)$$

Будем считать также, что в силу нелегального характера рынка коммерческих сексуальных услуг занятие проституцией сопряжено с рисками физического и правового характера (в денежном выражении)... Так, с вероятностью π_b проститутка может быть задержана правоохранительными органами и понести издержки правового характера (например, выплатить штраф; к издержкам правового характера можно также отнести и выплату взяток коррумпированным сотрудникам правоохранительных органов), b , которые мы будем рассматривать как экзогенную величину; с вероятностью π_d , работая проституткой, можно столкнуться с физическими издержками (например, заразиться заболеванием, передающимся половым путем), $d(L_p)$, которые положительно зависят от количества времени, потраченного на занятие проституцией. Будем считать, что издержки правового и физического характера не зависят друг от друга, а вероятности наступления событий, в результате которых эти издержки возникают, заданы экзогенно.

Тогда бюджетное ограничение проститутки выглядит следующим образом:

$$c = wL_p - \pi_b b - \pi_d d(L_p), \quad (2)$$

где w – цена услуг проститутки в единицу времени.

Следовательно, задача проститутки имеет вид:

$$\begin{aligned} \max_{c, L_p} u_p &= v_p(c, 1 - L_p) - m(L_p, m_0) \\ c &= wL_p - \pi_b b - \pi_d d(L_p) \end{aligned} \quad (3)$$

Прежде всего, определим условия, при которых будет иметь место предложение коммерческих сексуальных услуг. Для этого, подставляя (2) в целевую

функцию задачи (3), перейдем к задаче на безусловный максимум по L_p . Тогда, предполагая, что решение задачи существует, получим следующее условие участия на рынке коммерческих сексуальных услуг:

$$L_p > 0, \text{ если } w - \pi_d d'(0) - \left. \frac{\partial m / \partial L_p}{\partial v_p / \partial c} \right|_{L_p=0} > \left. \frac{\partial v_p / \partial l_p}{\partial v_p / \partial c} \right|_{L_p=0} \quad (4)$$

Тем самым, предложение коммерческих сексуальных услуг будет положительным, если цена предложения первой единицы сексуальных услуг за вычетом предельных издержек физического, правового и морального характера, связанных с предложением этой единицы, превосходит теневою цену досуга, оцененного при нулевом предложении коммерческих сексуальных услуг» [5, с. 19–21].

Таким образом, привлечение математической, формальной аргументации существенно повышает качество экономического дискурса. Доказательства необходимости тех или иных реформ, полученные математическим путём, представляются неопровержимыми, но, похоже, социологи и политологи и не хотят с ними спорить. Экономистам есть на что обижаться – они могут решить многие, если не все, политические и социологические проблемы, но «гениальная российская власть» не хочет их слушать. Наверное, многие субъекты этой власти просто не обладают соответствующей математической подготовкой.

1. Аузан А.А. Переучреждение государства: общественный договор. – М.: Европа.
2. Кордонский С.Г. Ресурсное государство. – М., REGNUM. 2006.
3. Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение». 2008.
4. Кордонский С.Г. Россия. Поместная Федерация. – М.: Европа. 2010.
5. Левин М.И., Покатович Е.В. Экономика нелегального коммерческого секса: красный свет на синем фоне. – М.: ИНДЕМ. 2006.
6. Олсон М. Возвышение и упадок народов: Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. – М.: Новое издательство. 2013.
7. Павловский Г. Гениальная власть! Словарь абстракций Кремля. – М.: Европа. 2012.
8. Полтерович В.М. Элементы теории реформ. – М.: Экономика. 2007.
9. Сухарев О.С. Институциональная теория приватизации – национализации активов // Журнал институциональных исследований, Т. 7, № 1, 2015. – С. 59–78.
10. Хелд Д. Модели демократии. – М.: Дело. 2014.
11. Ясаи Э. Государство. М., Челябинск: ИРИСЭН, Социум, 2016. 410 с.

References

1. Auzan A.A. Pereuchrezhdenie gosudarstva: obshhestvennyj dogovor. – М.: Evropa.
2. Kordonskij S.G. Resursnoe gosudarstvo. – М., REGNUM. 2006.

3. Kordonskij S.G. Soslovnaya struktura postsovetskoj Rossii. – M.: Institut Fonda «Obshhestvennoe mnenie». 2008.
 4. Kordonskij S.G. Rossiya. Pomestnaya Federaciya. – M.: Evropa. 2010.
 5. Levin M.I., Pokatovich E.V. E'konomika nelegal'nogo kommercheskogo seksa: krasnyj svet na sinem fone. – M.: INDEM. 2006.
 6. Olson M. Vozvyshenie i upadok narodov: E'konomicheskij rost, stagflyaciya i social'nyj skleroz. – M.: Novoe izdatel'stvo. 2013.
 7. Pavlovskij G. Genial'naya vlast'! Slovar' abstrakcij Kremlya. – M.: Evropa. 2012.
 8. Polterovich V.M. E'lementy teorii reform. – M.: E'konomika. 2007.
 9. Suxarev O.S. Institucional'naya teoriya privatizacii – nacionalizacii aktivov // Zhurnal institucional'nyx issledovanij, T. 7, № 1, 2015. – S. 59–78.
 10. Xeld D. Modeli demokratii. – M.: Delo. 2014.
 11. Yasai E'. Gosudarstvo. M., Chelyabinsk: IRISE'N, Socium, 2016. 410 s.
-

UDC 81.1

RUSSIAN POLITICAL AND ECONOMIC MODEL IN THE WORKS OF G. PAWLOVSKY, S. KORDONSKY, A. AUZAN (DISCOURSE ANALYSIS). PART II.

Orekhovsky Pyotr Aleksandrovich,

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Doctor Habilitatus in Economics,
Professor, Chief Researcher,
Moscow, Russia,
E-mail: orekhovskypa@mail.ru

Annotation

This paper presents a discourse analysis of the works of famous Russian scientists – humanities G. Pawlovsky, S. Kordonsky, A. Auzan. It demonstrates the difference between discourses of political science, sociology and economics, considering the same theme. The last makes it extremely difficult understanding of representatives of various humanitarian disciplines. Most economic studies related to the study of institutions as an implicit premise is used political hedonism that makes possible the quantitative modeling of institutional change.

Key concepts:

discourse, constructivism, the “government-owned”, vertical contract, political hedonism.

УДК 316.77

ИЗМЕРЕНИЯ ДИСКУРСИВНОГО ПРОСТРАНСТВА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ: КОММУНИКАТИВНОЕ, СЕМИОТИЧЕСКОЕ И КОГНИТИВНОЕ. ЧАСТЬ I

Пахалюк Константин Александрович,

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации,
аспирант кафедры политической теории,
Москва, Россия,
E-mail: kap1914@yandex.ru

Аннотация

Автор рассматривает дискурсивный подход в политических исследованиях с точки зрения выделения ключевой проблематики, а именно не-нейтральности языка в (вос)производстве политических отношений. Эта не-нейтральность связывается с изучением трех измерений дискурса: коммуникативного, семиотического и когнитивного, что в свою очередь требует активного заимствования различных теоретических подходов и методологических инструментов смежных дисциплин.

Ключевые понятия:

Дискурс-анализ, когнитивистика, история науки, политический дискурс, теория метафор, коммуникативистика, семиотика.

Противоречивость дискурсивного подхода в политических исследованиях отмечалась многими исследователями [6, с. 12; 10, с. 85–86; 12, с. 44; 13, с. 9]. Причина лежит в междисциплинарности и многозначности самого понятия дискурса. В социальных науках оно появилось в 1940–1950-е гг., а именно вышло из структурной лингвистики, где под дискурсом понималась речь в социальном контексте, промежуточное состояние между «языком» (как набором правил) и «речью» (как ситуативными способами их использования). Однако вскоре оно стало заимствоваться представителями других дисциплин: в 1960-е гг. экспансия структурализма и семиотических методов привела к «лингвистическому повороту» в социальных науках, в центре которого находилась проблематика не-нейтральности языка в (вос)производстве социальной реальности. В зависимости

от поставленных целей и специфики научного поля исследователи по-разному конструировали объекты исследований, а соответственно и придавали понятию дискурса разные значения. Если, например, социолингвисты и основатели школы критического дискурс-анализа понимали под ним сложное коммуникативное событие, то философы-постструктуралисты «растягивали» этот термин до обозначения всего семиотического пространства и практик (в том числе неязыковых) его воспроизводства.

В политической науке дискурсивные исследования, как правило, ассоциируются с интерпретативистской парадигмой, получив наибольшую популярность в таких субдисциплинах, как политическая социология и политическая психология [25, р. 153–171; 26, р. 126–143]. Как правило, интерес к ним проявляют те авторы, которые изучают «идеальное» измерение политического, поскольку обращение к дискурс-анализу позволяет операционализировать достаточно абстрактные понятия «легитимности», «идеологии» или «идентичности», показывая, как они «работают» на практике [20; 21; 22]. Причем изучаемым высказываниям (декларациям, выступления политиков, материалам СМИ) придается несколько иное, нежели обычно значение: все эти высказывания не просто отражают, а собственно конструируют реальность. Подобная текстоцентричность приводит, однако, к опасности подмены текстовым анализом изучение собственно политических процессов. Многочисленные статьи о вечно меняющихся «образах» того или иного политического явления мало что вносят в понимание устройства властных отношений. В этом проявляется одна из ключевых «слабостей» (с точки зрения именно политической науки) доминирующих дискурсивных подходов: выйдя из лона структурализма, они скорее проясняют механизмы функционирования, нежели причинно-следственные связи. В России наиболее часто этим «грешат» политические лингвисты: они, возможно, решают исследовательские задачи, специфичные для языкознания, однако достигаемые (за рядом исключений) результаты для политического науки не имеют практически никакого значения. Пример тому – журнал «Политическая лингвистика»: если судить на основании поисковой системы «Научной электронной библиотеки» (elibrary.ru), то из 5288 ссылок (на декабрь 2017 г.) только 14 приходится на такие известные журналы как «Политическая наука» и «Политэкс», и ни одной – на ключевые для отечественной политологии издания как «Полис» и «Полития». Эти цифры наглядно свидетельствуют о том, что никакого междисциплинарного синтеза не происходит.

Отсюда мы полагаем возможным вернуться к первоначальному вопросу, который стоит в основании дискурсивных исследований: «что значит изучать не-нейтральность языка в (вос) производстве политических отношений»? Ведь ни для кого не секрет существование дискурсивного измерения политики. Если лингвисты могут сосредоточиться на изучении собственно языкового материала, то политологу необходимо «опосредующее звено», эксплицированное в виде теории и проясняющее значение именно обращения к дискурсу. Однако вопрос здесь не только в том, как именно видится устройство политической реальности (мы оставим его за пределами нашей статьи), но и в том, что именно значит изучать ее дискурсивное пространство. А потому мы предлагаем выделять *три измерения дискурса*: коммуникативное, семиотическое и когнитивное. Если брать теорию когнитивной метафоры для рефлексии наших теоретических рас-

суждений, то мы можем говорить о трех метафорических структурах: дискурс как посредник (коммуникативное измерение), дискурс как пространство (семиотическое) и дискурс как глубина (когнитивное). В зависимости от исследователя (поставленных им задач) внимание может быть сосредоточено на одном, двух или – реже – сразу трех из них. Исторически эти три измерения отражают те области, откуда представители дискурса-анализа наиболее активно заимствовали теоретические подходы и методологические инструменты. Более того, обращая внимание на каждое из них в отдельности, мы стремимся показать, что именно может стоять за изучением дискурса, т. е. конкретного языкового материала, а также, почему дискурс-анализ не может быть сведен только к лингвистике.

Коммуникативное измерение дискурса

Изучение дискурса как коммуникации акцентирует внимание на роли языка как медиума во взаимодействии между индивидами. Значение имеет то, как происходит передача сообщения. Подобная не-нейтральность «канала передачи сообщения», способа организации коммуникации открывает широкое пространство для заимствования подходов, сформулированных в рамках социологии коммуникации. Впрочем, нельзя не признать, что социолингвисты склонны сводить проблематику дискурса-как-коммуникации к риторике и используемым риторическим стратегиям [18].

Стоит заметить, что в дискурсивной лингвистике (а заодно и в этнометодологии) получила популярность предложенная Р. Якобсоном шестичастная схема коммуникации (адресант – адресат – код – сообщение – контекст – канал) с акцентом на анализ функций каждой из составляющих [19, с. 33]. Эта аналитическая модель позволяет структурировать анализ конкретных речевых актов. В конечном счете, вместо нее может быть использована практически любая теория коммуникации [4], что открывает дорогу для социологии дискурса.

В более широком контексте речь идет о том, что само устройство коммуникативного пространства влияет на то, как создаются смыслы. Одним из первых эту идею выразил в 1960-е гг. М. Маклюэн в своей формуле «медиа есть сообщение», указывая на то, что сама технология вовсе не нейтральна для передачи смысла, именно она опосредует наше восприятие окружающего мира и тем самым играет роль в его формировании. Отголоски этой идеи можно найти, например, у Б. Андерсона, который утверждал, что переход к печатному слову и чтению романов сделал возможным подорвать цикличное восприятие мира в пользу линейного и тем самым заложил основу для формирования идеи нации как коллективной сущности, имеющей свои истоки и находящейся в процессе развития [1]. В схожей логике в 1990-е гг. социолог Н. Луман описывал реальность медиа как системы, обладающей собственной внутренней динамикой, отличной и от той, которой обладает отражаемый мир, и от той, в которую включен потребитель медиа-продуктов [9].

Пожалуй, наиболее последовательно эту идею развил французский социолог Р. Дебрэ в своей медиологии, концепции, исходящей из представления о тотальной материальной опосредованности любого знания, опыта или действия. Отличие от «классических» теорий коммуникаций он видел в том, чтобы рассматривать изучаемый объект не в синхронном, а в диахронном измерении. Любая

«идеальная сущность» неотделима от процедуры символизации, используемого кода, материального носителя и канала распространения [5, с. 66]. Так, например, идея единого Бога (появившаяся у древних евреев) становится производной от пастушьего образа жизни, консонантного письма и использования папируса, поскольку произошел перевод религиозных символов и учений в текст [5, с. 129].

В России схожие идеи развивает философ В.В. Савчук, который предложил проект медиафилософии, где «медиа есть все то, что опосредует наше восприятие, что открывает сокрытое, что является первосущим <...> Конкретный вид медиа создает собственную реальность, свой способ восприятия, свои практики обхождения с ним, но также – и это всегда нужно помнить – имеет свои разрешения / ограничения, ограниченные разрешения, коренящиеся в устройствах тех аппаратов и средств, которыми мы пользуемся» [15, с. 39]. Тем самым человек воспринимает мир всегда опосредованно, причем у этих средств опосредования существует собственная логика, которая сегодня все больше и больше подчиняет мир себе (коммуникация оказывается нередко автореферентной).

В контексте политической науки сосредоточение на коммуникативном измерении дискурса предполагает обращать внимание на не-нейтральность коммуникации в (вос)производстве политической реальности. Каким образом существующие практики ограничивают и формируют политическую сферу? Например, проблема доступа к ключевым средствам артикуляции собственного мнения, своей позиции находится в центре критического дискурс-анализа. Одновременно данная проблематика разрабатывается в рамках «аргументативного поворота» в *policy studies* [24]. Сюда же могут быть отнесены и работы, посвященные практикам ведения публичных дискуссий [16].

Семиотическое измерение дискурса

Исследователи, сосредоточивающие внимание на данном измерении, рассматривают дискурс как пространство создания и воспроизводства значений. Здесь также уместна метафора дискурса как сети значений, в рамках которой действуют различные субъекты. На Западе основы данного подхода были заложены семиотиками (Ч. Пирс, Моррис) и структуралистами (первенство необходимо отдать Р. Барту). В России сторонники данного подхода нередко отсылают к наработкам Московско-Тартуской школы, и в частности, Ю.М. Лотмана. Он ввел понятие семиосферы для описания культурных явлений. Она виделась как некая динамическая система, обладающая собственной структурой (бинарностью и асимметрией), центром и периферией, внутренним пространством и границей. Важна попытка перенесения общей теории систем и системно-функционального подхода (популярного в 1960–70-е гг. в точных науках) на социальное пространство, некоторые в частности, на ту его часть, которая призвана отвечать за смыслопорождение [8, с. 175–205].

Можно выделить два направления семиотических исследований политики. Первое из них концентрирует внимание на особенностях собственно знаков, используемых в политических взаимодействиях. Здесь можно отослать читателя к работам Е. Шейгал [19]. Отметим, что именно для данного направления типичны попытки выделить инвариантные свойства политического дискурса, как если бы последний обладал некоторой спецификой, отличающей его от других

дискурсов. Например, сама Е.И. Шейгал выделяет следующие: специфика информативности (преобладание эмоционального, фатического и ритуального над информативностью и рациональностью), смысловая неопределенность, фантомность (наличие самореферентных знаков), фидеистичность (иррациональность), эзотеричность, влияние масс-медиа, дистанцированность, а также театральность [19, с. 44–69].

Второй подход ориентирован на изучение не столько самих знаков, сколько порождаемых посредством них смысловых пространств, стремясь (в предельных случаях) прочитывать всю политику как текст. К нему мы относим основоположника политической семиологии Р. Барт [2, с. 10]. Именно он первым обозначил проблему свободы индивидуума от языка, поставив под вопрос возможность свободного выражения своей уникальности через акт письма. Ведь язык всегда является социально обусловленным, он предшествует индивиду, предлагая собственную сетку категорий, различных наборов выражений и языковых инструментов, как правило, уже ранее использовавшихся другими, а потому носящих следы этого использования. Уже в одной из первых своих работ «Нулевая степень письма» Р. Барт выступил с критикой подобного отягощённого языка. Процесс означивания, письмо, выступает как функция языка и стиля, которые «очерчивают для писателя границы природной сферы, ибо он не выбирает ни свой язык, ни свой стиль» [2, с. 58]. Вместе с тем и письмо само по себе далеко не свободно, антикоммуникативно и явлено как нечто символическое, обращенное само на себя (тем самым письмо противопоставляется живой речи).

Особое место Барт уделял политическому письму, задача которого «в том, чтобы в один прием соединить реальность фактов с идеальностью целей» [2, с. 63]. Тем самым слово превращается в алиби, а политическое письмо становится на службу полицейского, дисциплинирующего, государства. Конечно, существовали различные типы письма. Например, в классическую эпоху писатель всегда вставал на сторону власти, революционное письмо отличалось особой эмфатичностью, что соответствовало самоощущению эпохи («никогда еще человеческая речь не была более искусственной и менее фальшивой» [2, с. 64]), марксистское письмо претендовало на то, чтобы стать языком познания, было теснейшим образом связано с практическим действием, что в свою очередь связано с определенной системой оценок. В этом плане сталинское письмо предстает как логическое движение вперед, как попытка постоянно проводить границу между Добром и Злом, где нет ценностно-нейтральных слов, а весь мир уже оценен. Любое политическое письмо представляет в конечном итоге власть, и тем, чем она есть, и тем, чем она пытается казаться [2, с. 67]. Не меньше критика направлена и на буржуазное письмо, в котором «писатель был предан единственной страсти, оправдывавшей все его существование, – созиданию формы» [2, с. 103].

Вместе с тем, обычно исследователи предпочитают сосредоточиваться на изучении отдельных сегментов политического дискурса. Многочисленность таких работ заставляет нас остановиться на двух характерных примерах описания «отдельных языков». В одном случае (А. Хиршман) акцент делается на «логическом» измерении, во втором (М. Мартынов) – на структурном описании автономного «политического языка» сквозь призму культурных детерминант.

А. Хиршман посвятил свое исследование дискурсу реакционности. Реакционность понимается им весьма широко: как противовес конкретным

прогрессистским попыткам осуществить экономические, социальные или политические трансформации в целях улучшения жизни общества. Хотя автор на протяжении всей книги апеллирует такими понятиями, как «риторика» и «аргумент», перед нами вовсе не исследование в области консервативной мысли. Уже в предисловии А. Хиршман пишет: «В процессе моего исследования выяснится, что дискурс определяется не столько базовыми чертами личности, сколько императивами аргументации, практически не зависящими от желаний, склада характера или убеждений участников» [17, с. 9]. В последней главе исследователь пишет более мягко: «Моя главная задумка – проследить некоторые ключевые реакционные тезисы сквозь дискуссии последних двух столетий и показать, что участники этих дискуссий в своих аргументах и риторике следовали некоторым константам» [17, с. 176]. Хиршман выделяет три вида аргументов «реакции»: тезис об извращении («попытка развивать общество в определенном направлении приведет к его движению ровно в противоположном направлении» [17, с. 20]), тезис о тщетности (предполагает, что попытка реформирования обречена на неудачу, а потому «была и будет всегда лишь фасадом, поверхностью, прикрытием» [17, с. 53]) и тезис об опасности (предлагаемые изменения влекут неприемлемые издержки [17, с. 92]).

Среди работ, выполненных в духе структурно-семантического подхода, можно назвать исследование М. Мартынова, посвященное языку русского анархизма [11, с. 5]. В поле зрения попадает то, каким образом происходит концептуализация мира анархистами. Так, исследование начинается с анализа пространственной характеристики концепта власти в России, в которой ключевое значение имеет понятие центра, в то время как анархизм предстает как отрицание власти, понятого как *arche*, т. е. центра и первоначала. Это горизонтальное, а не вертикальное пространство, основанное на принципах самоорганизации и самоуправления, не включающее в себя понятие священного (и тем самым противостоящее пониманию власти в русской культуре, не допускающей десакрализации власти). Другое значение для понимания русского анархизма имеет распространенный в русскоязычной культуре концепт путешествия, который в анархическом видении преломляется как бегство от мира, отрицание конечной цели и отрицание любых границ. Русский анархизм рассматривается в семиотическом пространстве русской языковой культуры. Для русских анархистов идеал народной власти (как представление о естественном, свободном народном духе, противопоставляемом государству) является центральным, тесно связанным с концептом правды. В ее семантическое содержание встроены идеи неба и власти, а потому на практике получается парадокс: происходит сакрализация представлений о народной власти (народной правде), несмотря на общее неприятие трансцендентного и сакрального у анархистов. Близкодная правда, включенная в основание анархического проекта, характеризует анархизм противоположным образом, как проповедующий насилие и опирающийся на священный характер власти... В своих размышлениях о свободе анархисты как бы изначально оказываются в ситуации языковой несвободы. В тех случаях, когда анархисты полагают, что язык – это послушный инструмент, находящийся в их полном распоряжении, и при этом не желают замечать всей языковой неоднозначности и концептуальной сложности, – неизбежно возникают многочисленные парадоксы» [11, с. 51].

Отметим близость семантического понимания дискурса к такому междисциплинарному направлению в политических исследованиях, как символическая политика. Ее идейные истоки восходят, с одной стороны, к М. Эдельману, У. Сарцинелли и Т. Майеру, а с другой, – к социологическому конструктивизму П. Бурдьё. В России эта дисциплина активно развивается, прежде всего, О.Ю. Малиновой и С.П. Поцелуевым. И дискурсивный, и символический подходы сближает их нахождение в интерпретативистской парадигме, а также – общий интерес к производству смыслов. Ключевое же различие состоит в том, что проблематика дискурса акцентирует внимание на не-нейтральности языка (способов выражения), в то время как для символической политики этот аспект является одним из возможных, однако фокус смещен на производство значений. Изучаемые символы интересны именно как социальные и политические факты.

Для американско-немецкой традиции, получившей развитие в последние годы в России, характерно понимание символической политики как форм и механизмов презентации политиков, способов легитимации господства и идейного манипулирования. Так, М. Эдельман интересовался тем, как посредством символов политическая сфера производит свое «внешнее пространство», через которое все, кто не включен в политический процесс, получают представление о политическом. В данном случае политика уподобляется спектаклю, призванному легитимировать господство и не допустить широкие массы до политического участия [14]. Близкими к данному направлению можно отнести те исследования, которые описывают практики властной «игры слов», которые направлены на формирование особого языка описания и легитимации далеко не самых приглядных практик. Хрестоматийный пример – описанный Х. Арндт «язык нацистов», когда «массовое убийство» называлось «окончательным решением», «умерщвление газом» – «медицинской процедурой» и пр. Функция заключалась не только в обмане других и поддержании самообмана исполнителей, но и в том, чтобы способствовать бюрократизации самого процесса геноцида. Подобная практика подмен значений весьма распространена, а широкие общественные дискуссии вокруг тех или иных определений могут рассматриваться как акты символической борьбы [7].

Другое понимание символической политики восходит к П. Бурдьё, который в центр своей социологии политики ставит борьбу за символическую власть – власть легитимной номинации социального пространства (которое принципиально гетерогенно и состоит из множества акторов, отношения между ними определяются владением экономического, социального, культурного и символического капиталов), легитимное выражение правды о социальном мире, право производить категории, посредством которых происходит социальное деление. Под «номинацией» могут пониматься и сословное деление, и звания, и награды, и степени, и социальные группы (чьи действия подлежат регламентации, а интересы – удовлетворению) [3, с. 28–39]. Речь не идет о манипуляции: производство символических значений, организующих социальные процессы, не может быть волюнтаристским актом, а связано с существующим состоянием социального пространства. Скорее символическая власть связана с деятельностью официальных структур и признанных интеллектуалов, которые также находятся в процессе борьбы за право определять социальный мир.

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. – 286 с.
2. Барт Р. Нулевая степень письма. – М.: Академический Проект, 2008. – 430 с.
3. Бурдые П. Социология социального пространства. – М.: Алетейя, 2013. – 288 с.
4. Гриффин Э. Коммуникация: теории и практики. – Харьков: Гуманитарный центр, 2015. – 688 с.
5. Дебрэ Р. Введение в медиологию. – М.: Праксис, 2009. – 361 с.
6. Коломиец С.В., Каменева В.А. Дискурс прессы и рекламы как дискурс власти (гендерный аспект). – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2012. – 99 с.
7. Кречетова М.Ю., Сатаров Г.А. О подмене слов // Политика. – 2013. – № 4. – С. 23–35.
8. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. – СПб.: Азбука, 2015. – 444 с.
9. Луман Н. Реальность массмедиа. – М.: Праксис, 2012. – 253 с.
10. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2006. – 276 с.
11. Мартынов М. Язык русского анархизма. – М.: Культурная революция, 2016. – 171 с.
12. Маслова В.А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика. – 2008. – № 24. – С. 43–47.
13. Паршина О.Н. Российская политическая речь. – М., 2012. – 227 с.
14. Поцелуев С.П. «Символическая политика»: к истории концепта // Символическая политика. Сб. науч. тр. / Отв. ред. О.Ю. Малинова. Вып. 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – М.: ИНИОН, 2012. – С. 17–23.
15. Савчук В.В. Медиафилософия. Приступ реальности. – СПб: Издательство РХГА, 2014. – 348 с.
16. «Синдром публичной немоты». История и современные практики публичных дебатов в России / Отв. ред. Н.Б. Вахтин, Б.М. Фирсов. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 424 с.
17. Хиршман А. Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность. М.: ИД ВШЭ, 2010. – 207 с.
18. Чурашова Е.А. Обвинительный дискурс в постэлекторальной коммуникации // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2013. – № 1. – С. 45–51.
19. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: Гнозис, 2004. – 324 с.
20. Blommaert J. Discourse A Critical Introduction. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 299 p.
21. Discourse and Identity / Ed. by A. de Finna, D. Schiffrin, M. Bamberg. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 462 p.
22. Fairclough N. Language and neo-liberalism // Discourse and society. – 2000. – Vol. 11 (2). P. 147–148.
23. Li, Y. Intertextuality and national identity: discourse of national conflicts in daily newspapers in the United States and China // Discourse Society. – 2009. – Vol. 20. – No. 85. – P. 85–121.

24. The Argumentative Turn in Policy Analysis and Planning / Edited by F. Fischer, J. Forester. – Durham: Duke University Press, 1993. – 327 p.

25. The Handbook of Political Sociology. States, Civil Societies, and Globalization / Ed. by T. Janoski, R. Alford, A. Hicks, M. Schwartz. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 815 p.

26. Tileaga, Ch. Political Psychology. Critical Perspectives. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – 232 p.

References

1. Anderson B. Voobrazhaemye soobshhestva. – M.: Kanon-Press-C: Kuchkovo pole, 2001. – 286 s.

2. Bart R. Nulevaya stepen' pis'ma. – M.: Akademicheskij Proekt, 2008. – 430 s.

3. Burd'e P. Sociologiya social'nogo prostranstva. – M.: Aletejya, 2013. – 288 s.

4. Griffin E'. Kommunikaciya: teorii i praktiki. – Xar'kov: Gumanitarnyj centr, 2015. – 688 s.

5. Debre' R. Vvedenie v mediologiyu. – M.: Praxis, 2009. – 361 s.

6. Kolomic S.V., Kameneva V.A. Diskurs pressy i reklamy kak diskurs vlasti (gendernyj aspekt). – Kemerovo: Kemerovskij gosudarstvennyj universitet, 2012. – 99 s.

7. Krehetova M. Yu., Satarov G.A. O podmene slov // Politiya. – 2013. – № 4. – S. 23–35.

8. Lotman Yu.M. Vnutri myslyashhix mirov. – SPb.: Azbuka, 2015. – 444 s.

9. Luman N. Real'nost' massmedia. – M.: Praxis, 2012. – 253 s.

10. Makarov M.L. Osnovy teorii diskursa. – M.: Gnozis, 2006. – 276 s.

11. Martynov M. Yazyk russkogo anarxizma. – M.: Kul'turnaya revolyuciya, 2016. – 171 s.

12. Maslova V.A. Politicheskij diskurs: yazykovye igry ili igry v slova? // Politicheskaya lingvistika. – 2008. – № 24. – S. 43–47.

13. Parshina O.N. Rossijskaya politicheskaya rech'. – M., 2012. – 227 s.

14. Pocoluev S.P. «Simvolicheskaya politika»: k istorii koncepta // Simvolicheskaya politika. Sb. nau.tr. / Otv. red. O.Yu. Malinova. Vyp. 1. Konstruirovaniye predstavlenij o proshlom kak vlastnyj resurs. – M.: INION, 2012. – S. 17–23.

15. Savchuk V.V. Mediafilosofiya. Pristup real'nosti. – SPb: Izdatel'stvo RXGA, 2014. – 348 s.

16. «Sindrom publichnoj nemoty». Istoriya i sovremennye praktiki publichnyx debatov v Rossii / Otv. red. N.B. Vaxtin, B.M. Firsov. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. – 424 s.

17. Xirshman A. Ritorika reakcii: izvrashhenie, tshhetnost', opasnost'. M.: ID VShE', 2010. – 207 s.

18. Churashova E.A. Obvinitel'nyj diskurs v poste'lektoral'noj kommunikacii // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya. – 2013. – № 1. – S. 45–51.

19. Shejgal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa. – M.: Gnozis, 2004. – 324 s.

20. Blommaert J. *Discourse A Critical Introduction*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 299 p.
21. *Discourse and Identity* / Ed. by A. de Finna, D. Schiffrin, M. Bamberg. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 462 p.
22. Fairclough N. *Language and neo-liberalism // Discourse and society*. – 2000. – Vol. 11 (2). P. 147–148.
23. Li, Y. *Intertextuality and national identity: discourse of national conflicts in daily newspapers in the United States and China // Discourse Society*. – 2009. – Vol. 20. – No. 85. – P. 85–121.
24. *The Argumentative Turn in Policy Analysis and Planning* / Edited by F. Fischer, J. Forester. – Durham: Duke University Press, 1993. – 327 p.
25. *The Handbook of Political Sociology. States, Civil Societies, and Globalization* / Ed. by T. Janoski, R. Alford, A. Hicks, M. Schwartz. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 815 p.
26. Tileaga, Ch. *Political Psychology. Critical Perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – 232 p.
-

UDC 316.77

COMMUNICATIVE, SEMIOTIC AND COGNITIVE LEVELS OF DISCURSIVE DIMENSION OF POLITICAL PROCESSES. PART I

Pakhalyuk Konstantin Aleksandrovich,

The Moscow State Institute of the International Relations (University)
of the Ministry for Foreign Affairs of the Russian Federation,
The post-graduate student of chair of the political theory,
Moscow, Russia,
E-mail: kap1914@yandex.ru

Annotation

The author considers a discursive approach in political studies in terms of highlighting its key issues, namely, the non-neutrality of language in (re)production of political relations. This non-neutrality is associated with the study of three dimensions of discourse: communicative, semiotic and cognitive. The study of them requires active borrowing of various theoretical approaches and methodological tools from related disciplines.

Key concepts:

discourse analysis, cognitive science, history of science, political discourse, theory of metaphors, communicativistics, semiotics.

УДК 32.019.57

ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СОВРЕМЕННЫЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ

Володенков Сергей Владимирович,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
факультет политологии,
доктор политических наук, доцент,
Москва, Россия,
E-mail: E-mail: s.v.cyber@gmail.com

Аннотация

Данная статья посвящена вопросам, связанным с применением технологий интернет-коммуникаций для осуществления дестабилизации и смены современных национальных политических режимов. В работе анализируется международная политическая практика применения интернет-технологий в формате организации цветных революций. По результатам исследования сделан вывод о значительном потенциале информационно-пропагандистского влияния в интернет-пространстве на параметры функционирования современных политических режимов.

Ключевые понятия:

интернет-коммуникации, цветная революция, дестабилизация режима, социальные медиа, информационная агрессия.

В условиях современного информационного общества технологии политической интернет-коммуникации стали мощным инструментом воздействия на национальные политические режимы – от деятельности по стабилизации собственных демократий, до дестабилизации и разрушения политических режимов государств-противников.

Наиболее ярко данная тенденция проявляется в рамках осуществления так называемых цветных революций. Коммуникационная составляющая в процессе их проведения выходит на первую роль сразу по нескольким направлениям, являющимся неотъемлемыми элементами информационного вторжения:

– легитимация осуществляемой ценностно-смысловой и идеологической экспансии в национальные медиасегменты других государств в общественном сознании собственного населения;

– формирование используют выгодных для акторов информационно-коммуникационного воздействия интерпретаций происходящих в странах-мишенях процессов, как до начала, так и во время информационной экспансии, а также, впоследствии, интерпретации результатов смены политических режимов;

– подрыв доверия населения подвергающихся информационным атакам стран к институциональным основам государственной власти и национальным политическим элитам путем их дискредитации;

– вытеснение государственных и прогосударственных акторов, представляющих национальные интересы, из коммуникационного пространства и процессов формирования общественного мнения;

– разрушение традиционных политических ценностей и смыслов и их замещение внешними альтернативами, т. е. перекодировка национальных ценностно-смысловых пространств;

– формирование необходимой для давления на политические режимы информационной повестки дня, перефокусировка общественного внимания на выгодные агрессору общественно-политические темы;

– формирование в виртуальном пространстве протестных сетевых сообществ, виртуальных политических лидеров общественного мнения;

– осуществление программ по общественному давлению на государственные органы власти со стороны протестных сетевых сообществ, формирование виртуального эффекта «революционной ситуации» в представлении как населения самой страны-мишени, так и населения стран-агрессоров;

– формирование среди населения массовых моделей протестного поведения;

– мобилизация масс в интернет-пространстве и «канализирование» их протестной активности в оффлайн-пространстве в форме массовых акций протеста;

– позиционирование протестной активности в медиапространстве в формате народной революции;

– освещение с соответствующей интерпретацией процесса захвата власти в стране протестующими под видом мирных акций протеста, создания правительства народного согласия и требований народа о проведении досрочных президентских и парламентских выборов.

При достижении обозначенных нами задач меняется как представление о политической реальности, так и сама политическая реальность [1].

Как можно заметить, данный подход к организации информационно-коммуникационного воздействия является модельным и используется на протяжении последнего времени при проведении «цветных революций» как в арабском мире, так и в странах Восточной Европы.

В результате такого воздействия в условиях отсутствия адекватного противодействия со стороны государства в большинстве случаев инициато-

ры информационно-коммуникационной агрессии достигают поставленных целей [3].

В силу того, что виртуальные массовые представления формируют вполне конкретные и реальные модели массового поведения, интернет становится виртуальным инструментом производства реальных политических изменений в глобальных масштабах [4].

Как пишет Е. Пономарева, «теперь не только упрощается формирование мировоззрения социума конкретной страны, но сама организация и проведение государственного переворота не требует непосредственного присутствия интересантов в какой-либо стране: свержение режима возможно дистанционно, посредством передачи информации через различные сети [6].

Неслучайно технологически развитые державы активно используют сетевые технологии дестабилизации политических режимов на протяжении последних лет [2].

При этом проанализировать сложившуюся практику применения интернет-технологий массовой коммуникации можно на основе изучения современной политической практики.

В качестве основных технологических инструментов мы можем выделить в первую очередь использование в глобальном сетевом пространстве социальных медиа, включая блогосферу и социальные сети, на основе инфраструктуры которых в дальнейшем создаются протестные сетевые сообщества, генерирующие и распространяющие необходимый политический контент в масштабах национальных сегментов онлайн-пространства.

С учетом особенностей сетевого пространства, в том числе его высоко-го манипуляционного и пропагандистского потенциала, применение сетевых технологий позволяет организовывать эффективные кампании по воздействию на национальные политические режимы посредством организации давления сетевых сообществ и распространения альтернативных протестных идей в онлайн-пространстве.

В рамках организации «цветных революций» активно используется значительное число глобальных сетевых ресурсов.

Так, одной из наиболее интенсивно используемых площадок является система микроблоггинга Twitter, позволяющая оперативно распространять общественно значимую политическую информацию в сетевой среде.

В период волны арабских «цветных революций» Twitter активно использовался в Тунисе и Египте. Так, Twitter был использован в Египте как сетевая площадка для подготовки массовых антиправительственных выступлений 25 января 2011. Оценивая существенную роль сетевых ресурсов в подготовке, организации и проведении протестных акций, египетские власти полностью отключили Египет от интернета 28 января, лишив оппозицию возможности координировать свои действия через Интернет [5].

Однако Google оперативно предоставил представителям оппозиции техническую возможность доступа к Twitter посредством специально разработанного сервиса Speek2tweet, позволившим размещать в своих Twitter-блогах записи посредством использования мобильных телефонов без доступа к Интернету.

Любому желающему активисту было достаточно позвонить на один из бесплатных номеров, размещенных в США, Бахрейне и Италии. Таким образом, Google активно участвовал в обеспечении коммуникационной инфраструктуры для протестующих в обход правительственных блокировок.

Как и в случае с Киргизией, начало массовых акций в Египте было инициировано после размещения в twitter-аккаунте представителя Google на Ближнем Востоке и в Африке Вамиля Гонима @Ghonim широко распространенных в дальнейшем записей со ставшим уже традиционным в рамках сетевой активности оппозиции использованием хэштегов: «Молюсь за #Egypt. Очень волнуюсь, так как кажется, что правительство планирует совершить завтра военное преступление против своих граждан. Мы все готовы умереть #Jan25». «Направляюсь к Тахриру сейчас. Сплю на улицах Каира, пытаюсь почувствовать боль миллионов моих египетских товарищей. #Jan25»¹.

Одновременно в Twitter был создан сервис автоматического перевода сообщений с арабского языка на английский, позволивший распространить информацию оппозиционеров по всему миру, формируя в глобальном сетевом пространстве четко определенную картину происходящих в Египте событий.

Следует заметить, что, помимо Twitter, в ходе египетских событий 2011 года не менее активно использовались и иные социальные интернет-ресурсы. Так, видеохостинг YouTube и социальная сеть Facebook широко применялись в качестве инфраструктурной площадки для информационно-коммуникационной деятельности египетских сетевых оппозиционеров.

YouTube участвовал в технологическом обеспечении распространения информации с площади Тахрир, создав и запустив в работу специальный сетевой видеоресурс – CitizenTube, на котором целенаправленно размещались видеоматериалы, сделанные оппозицией в ходе массовых акций протеста.

В свою очередь, для трансляции видеоконтента в Facebook был специально разработан сервис потокового видео Vambuser, который и в настоящее время активно функционирует в сетевом пространстве.

Что касается самого Facebook, то оппозиционные страницы в данной социальной сети стали создаваться еще летом 2010 года после гибели в Александрии предпринимателя Халида Саида, убитого, по версии оппозиции, полицейскими. Под псевдонимом ElShaheed была создана протестная группа «We are all Khaled Said»² (Мы все Халид Саид), которая в дальнейшем стала одной из площадок мобилизации протестно настроенных египтян.

Уже в декабре 2010 года посещаемость данной страницы в Facebook достигла 500000 человек, также именно в данной группе были размещены первые публичные призывы к проведению антиправительственных акций протеста.

В дальнейшем сирийские оппозиционеры по аналогичной модели создали группу «Syrian Revolution 2011», в которой также размещался контент,

¹ Twitter-аккаунт египетского оппозиционера Вамиля Гонима [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://twitter.com/Ghonim> (дата обращения: 29.08.2017).

² Страница протестной группы «We are all Khaled Shaheed» в социальной сети Facebook [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.facebook.com/elshaheed.co.uk (дата обращения: 29.08.2017).

свидетельствующий о зверствах сирийских властей и издевательствах над людьми со стороны представителей сирийской полиции. На сегодняшний день данная группа имеет порядка 900 000 подписчиков.

События на Украине в ноябре 2013 года вновь развивались по такому же, как в Киргизии и Египте, сценарию. 21 ноября в Facebook был размещен призыв известного журналиста Мустафы Найема выйти на улицы и организовать массовую акцию протеста против действующих украинских властей. При этом первые акции протеста одновременно прошли в Киеве и Львове.

Для мобилизации масс в Facebook была создана страница Евромайдана, ставшая ведущим инструментом координации оппозиционных сил и информирования интернет-пользователей о происходящих в Киеве событиях. В дальнейшем группа Евромайдана на Facebook стала самым массовым по посещаемости ресурсом украинского сегмента онлайн-пространства. Следует при этом заметить, что разработчики Facebook сами открыто поддержали Евромайдан.

Что касается Twitter, то он также в очередной раз широко использовался в ходе революционных событий на Украине. Вновь была применена технология создания хэштегов. На этот раз опознавательным текстовым символом революции стали хэштеги #евромайдан и #euromaidan, сообщения с использованием которого исчислялись десятками тысяч ежедневно.

Основные оппозиционные украинские медиаресурсы, такие, как «Украинская правда», создали свои представительства в социальных медиа, включая Twitter и Facebook.

Одновременно с Twitter и Facebook включились в активную работу по освещению Евромайдана и другие сетевые ресурсы, такие как Радио Свобода, запустившее на своей площадке прямые трансляции акций протестов, Лига.нет, в круглосуточном формате освещавшая события с Майдана, онлайн-телевизионный портал Hromadske.tv.

Разнообразный контент, включавший в себя демотиваторы, фото и видеоматериалы, новостные сообщения, мобилизационные и пропагандистские плакаты, был нацелен на формирование одностороннего освещения событий на Украине, представляющего политическую ситуацию в выгодном для оппозиции свете.

В интернет-пространстве были созданы сотни ресурсов, использовавшихся для формирования определенной политической медиареальности как в рамках внутреннего украинского информационного пространства, так и за его пределами.

Анализ применения интернет-технологий политической коммуникации позволяет заключить, что большинство современных «цветных революций» осуществлялось и с высокой степенью вероятности в ближайшем будущем будет осуществляться с использованием единой модели работы в интернет-пространстве, подразумевающей следующие этапы:

1) внедрение в социальные сети и блогосферу протестных групп, сетевых сообществ и пользовательских аккаунтов, существующих в первое время в спящем режиме. В первую очередь задействуются такие ресурсы как Facebook, Twitter, YouTube;

2) активизация созданных сетевых ресурсов и начало пропагандистской работы, направленной на дискредитацию существующих органов государственной власти;

3) вброс, распространение и внедрение в общественное сознание альтернативных идей, символов (в том числе собственного национального символа «цветной революции»), смыслов, ценностей путем пропагандистского воздействия на интернет-пользователей;

4) монополизация информационной повестки дня, вытеснение из медиапространства официальных и прогосударственных информационных ресурсов, трансляция во внутреннем и внешнем медиа пространстве собственной модели политической реальности, отвечающей интересам представителей оппозиции;

5) привлечение массового внимания к сетевым оппозиционным ресурсам;

6) продвижение в социальных медиа сетевых протестных лидеров; артикуляция протестных требований со стороны сетевых сообществ и сетевых лидеров общественного мнения по отношению к государственным органам власти и руководителям стран;

7) инициирование с помощью сетевых лидеров общественного мнения через интернет-ресурсы массовых акций протеста;

8) мобилизация масс на участие в акциях протеста в оффлайн пространстве; в первую очередь используются такие форматы, как протестная политическая символика, демовидеоролики, идеологические и пропагандистские плакаты, пропагандистские видеоролики, пользовательские комментарии, создающие атмосферу единодушной поддержки оппозиционных настроений, хэштеги и протестные слоганы, превращающиеся в политические символы и идеи;

9) вирусное распространение максимально визуализированной информации в интернет-пространстве о начале народной революции в масштабах государства, проходящих массовых акциях протеста, трансляция репортажей с мест событий, посвященных жестким действиям властей по подавлению и разгону оппозиционных митингов, включая информацию о жертвах и пострадавших, публикация постов в режиме реального времени «очевидцев» и участников происходящих событий, размещение текстовых и видеотрансляций на популярных ресурсах, формирующих массовые представления о политической ситуации в стране;

10) технологическое обеспечение со стороны внешних заинтересованных в случае блокировки интернет-площадок, на которых размещены оппозиционные ресурсы, возможностей доступа к публикации и чтению сообщений со стороны интернет-пользователей;

11) получение и распространение заявлений о политической поддержке со стороны западных демократий, требующих от действующих властей останова столкновений с мирными жителями и начала диалога с оппозицией;

12) окончательная дискредитация действующих государственных органов власти и лидеров стран, признание их нелегитимными, в том числе при помощи внешних политических институтов;

13) формирование собственных «народных» органов власти из числа представителей оппозиции;

- 14) инициирование досрочных парламентских и президентских выборов;
- 15) постсобытийное информационное сопровождение в сети, направленное на легитимацию победивших политических сил и сформированных ими органов власти. Обеспечение в интернет-пространстве эффекта массовой народной поддержки нового политического режима.

Современная практика организации «цветных революций» подтверждает, что именно внедрение подобной модели в национальные сегменты онлайн-пространства позволяет осуществлять широкомасштабную деятельность по подрыву стабильности существующих политических режимов, а в последствии заменять их на управляемые «демократические» режимы. Иными словами, под видом демократического транзита осуществляется внешняя политическая агрессия с целью изменения государственной политической системы.

В условиях, когда глобальные информационные интернет-ресурсы имеют высокий уровень проникновения в большинстве стран мира, осуществление информационных атак, нацеленных на реализацию подобных сценариев, позволяет влиять практически на любой национальный политический режим, не имеющий четкой и эффективной концепции информационного и технологического противодействия внешней агрессии.

При этом заблаговременное внедрение в национальные сегменты онлайн-пространства соответствующих протестных интернет-ресурсов в «спящем» режиме в дальнейшем значительно затрудняет противодействие уже сформированной информационно-коммуникационной структуре, посредством которой иницируются массовые протестные акции, и осуществляется дестабилизация существующих политических режимов.

Данное обстоятельство позволяет сделать важный вывод о необходимости превентивного проведения со стороны современных государств работы по созданию в онлайн-пространстве альтернативной информационно-коммуникационной инфраструктуры, способной противостоять информационной агрессии и обеспечивать в Интернете конкурентоспособность традиционных национальных символов, идей, смыслов и ценностей.

Активно применяемые во многих странах блокировки оппозиционных ресурсов, содержащих нежелательный контент, как показала практика, не решают задачу по поддержанию политической стабильности в силу внешней технологической поддержки обхода такого рода блокировок.

Отсутствие полноценной конкуренции со стороны прогосударственных сил в интернет-пространстве представляет значительную угрозу в аспекте способности и возможности упреждающего обеспечения защиты национальных интересов в информационной сфере.

Реактивные модели противодействия распространению в сетевом пространстве оппозиционных идей и протестных моделей поведения, а также мобилизации политически активных групп населения показали свою неэффективность в современных условиях информационного общества.

В связи с этим разработка концептуальных и технологических моделей превентивного противодействия внешней экспансии, включая создание соб-

ственных национальных социальных медиа, формирование конкурентной смысловой и ценностной коммуникативной среды, разработка эффективных механизмов разрушения нежелательных смысловых и символических конструкций в сетевом пространстве с одновременным сохранением права на свободное общение и артикуляцию независимых политических позиций, интересов и требований, а также отказ от административных блокировок альтернативных интернет-ресурсов, не содержащих экстремистский контент, являются, по нашему мнению, одними из основных направлений обеспечения политической стабильности государства в современных условиях.

1. Володенков С.В. Виртуальное пространство политики и его особенности // *Обозреватель – Observer*. – 2011. – № 6. – С. 5–16.

2. Володенков С.В., Митева В.В. Сетевые информационные войны в современных условиях: основные акторы и стратегии // *PolitBook*. – 2016. – № 3. – С. 18–35.

3. Грамши А. Тюремные тетради. В 3 ч. Ч. I / Пер. с ит. – М.: Политиздат, 1991. – 560 с.

4. Дзялошинский И. М. Пропаганда в системе гражданских коммуникаций // Системные изменения в массовых коммуникациях и медиатекст. – М.: Изд-во РГСУ, 2011. – С. 4–46.

5. Официальное уведомление Twitter о блокировке данного сервиса в Египте. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://api.twitter.com/#!/twitterglobalpr/status/30063209247408128> (дата обращения: 29.08.2017).

6. Пономарева Е.Г. Секреты «цветных революций». Современные технологии смены политических режимов. [Часть 2] / Е.Г. Пономарева // *Свободная мысль*. – 2012. – № 3–4. – С. 48.

References

1. Volodenkov S.V. Virtual'noe prostranstvo politiki i ego osobennosti // *Obzrevatel' – Observer*. – 2011. – № 6. – S. 5–16.

2. Volodenkov S.V., Miteva V.V. Setevye informacionnye vojny v sovremennykh usloviyax: osnovnye aktory i strategii // *PolitBook*. – 2016. – № 3. – S. 18–35.

3. Gramshi A. Tyuremnye tetradi. V 3 ch. Ch. I / Per. s it. – M.: Politizdat, 1991. – 560 s.

4. Dzyaloshinskij I.M. Propaganda v sisteme grazhdanskix kommunikacij // *Sistemnye izmeneniya v massovykh kommunikacijax i mediatekst*. – M.: Izd-vo RGSU, 2011. – S. 4–46.

5. Oficial'noe uvedomlenie Twitter o blokirovke dannogo servisa v Egipte. [E'lektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://api.twitter.com/#!/twitterglobalpr/status/30063209247408128> (data obrashheniya: 29.08.2017).

6. Ponomareva E.G. Sekrety «cvetnyx revolyucij». Sovremennye tehnologii smeny politicheskix rezhimov. [Chast' 2] / E.G. Ponomareva // *Svobodnaya mysl'*. – 2012. – № 3–4. – S. 48.

UDC 32.019.57

INTERNET TECHNOLOGIES AS A TOOL OF INFLUENCE ON THE MODERN NATIONAL POLITICAL REGIMES

Volodenkov Sergey Vladimirovich

Moscow State University,
Faculty of Political Science,
Doctor of Political Science,
Associate Professor of public policy department,
Moscow, Russia,
E-mail: s.v.cyber@gmail.com

Annotation

This article focuses on issues related to the use of Internet communications technology for destabilization and change the current national political regimes. The paper analyzes the international political practice of using Internet technologies in the format of organizing color revolutions. Based on the results of the study, a conclusion was made on the significant potential of information and propaganda influence in the Internet space on the parameters of the functioning of modern political regimes.

Key concepts:

Internet communication, color revolution, political regime, destabilization of the regime, social media, information aggression.

УДК 363.637

ОБЩЕСТВЕННЫЕ СОВЕТЫ ПРИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНАХ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ И «ЗАИНТЕРЕСОВАННЫЕ СООБЩЕСТВА»

Дьякова Елена Григорьевна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
ведущий научный сотрудник,
доктор политических наук,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: gf-urfo@bk.ru

Аннотация

В статье рассматривается, в какой мере в общественных советах при региональных органах исполнительной власти представлены руководители и сотрудники некоммерческих организаций, представляющие «заинтересованные сообщества». Показано, что если на уровне рядовых членов представители «третьего сектора» составляют в общественных советах большинство, то на уровне руководителей они находятся в явном меньшинстве (предпочтение оказывается более статусным руководителям бюджетного сектора по профилю общественного совета).

Статья подготовлена по итогам Мониторинга состава и деятельности общественных советов при органах исполнительной власти Уральского федерального округа.

Ключевые понятия:

консультативные общественные советы, делегативная демократия, «заинтересованные сообщества», социальный состав.

Формирование при органах исполнительной власти совещательно-консультативных органов, чья деятельность направлена на обеспечение взаимодействия власти и гражданского общества, является общемировой тенденцией принятия и реализации управленческих решений.

Г.А. Гарифуллина на основе анализа отечественной и зарубежной литературы выделила три основных подхода к анализу таких совещательно-

консультативных органов. В рамках первого подхода они рассматриваются как инструмент продвижения интересов тех или иных групп, т. е. фактически как механизм лоббирования, в рамках второго – как механизм обратной связи, обеспечивающий сбор нужной органам власти информации, и в рамках третьего – как институт делиберативной демократии, основанный на рациональных аргументах, а не на торге (как в случае лоббирования) [2]. Именно с третьей позиции общественные советы анализируются в работах А.Г. Барабашева [1], В.Н. Руденко [7], С.П. Перегудова [6]. Фактически речь идет о контроле за деятельностью органа власти со стороны заинтересованных сообществ или «специализированных фрагментов гражданского общества» [1, с. 180] путем организации диалога по поводу подготовки и принятия управленческих решений.

На наш взгляд, все три подхода не следует резко разграничивать, поскольку вопрос о том, станет ли тот или иной общественный совет инструментом сбора информации, механизмом лоббистского торга или площадкой для делиберации, зависит от совокупности конкретных факторов. В частности, многое зависит от сферы полномочий соответствующего органа власти и того, в какой степени эти полномочия связаны с регулированием деятельности бизнеса. Весьма значимыми являются и организационные факторы: способ формирования общественного совета (и то, насколько формирование совета зависит от усмотрения руководителя органа власти), механизм его функционирования, характер взаимодействия с руководителем и сотрудниками органа власти. Определенное значение имеют и личные качества членов совета.

Так, М. Горный, обобщив опыт работы общественных советов при исполнительных органах власти такого субъекта федерации, как город Санкт-Петербург, пришел к выводу, что эффективность работы советов зависит, с одной стороны, от того, насколько руководитель того или другого органа лично готов к взаимодействию с общественностью, а с другой – от профессионализма, заинтересованности и активности входящих в советы представителей гражданского общества [3].

Поэтому вопрос о том, насколько представлены в общественных советах «заинтересованные сообщества» как на уровне членства, так и на уровне руководства советами, представляет особый интерес.

С 2015 года мы проводим мониторинг состава и деятельности общественных советов при региональных органах исполнительной власти (далее – РОИВ) в субъектах федерации, входящих в состав Уральского федерального округа (Курганская, Свердловская, Тюменская и Челябинская области, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра и Ямало-Ненецкий автономный округ).

Первый этап мониторинга проходил в июне 2015 года¹, второй – в апреле 2016 г.²

С июня 2015 года по апрель 2016 года количество общественных советов в шести субъектах федерации Уральском федеральном округе выросло со 148 до 156 (при общей численности РОИВ 180). Таким образом, общественные советы действовали при 86,6% РОИВ Уральского федерального округа.

¹ Результаты первого этапа Мониторинга представлены в издании [4, с. 27–44].

² Результаты второго этапа Мониторинга представлены в издании [5, с. 23–46].

Всего в 156 общественных советах в шести субъектах федерации входило 1 540 человек, из них 616 были представителями «третьего сектора», т. е. руководителями и сотрудниками негосударственных некоммерческих организаций. Данный показатель несколько колебался по субъектам федерации Уральского федерального округа – см. таблицу 1.

Таблица 1 – Представленность ННО в общественных советах при РОИВ Уральского федерального округа на 1 апреля 2016 г. (в % от общей численности общественных советов)

Субъект федерации	Доля представителей ННО в общественных советах
Тюменская область	49,2
Ямало-Ненецкий автономный округ	46,6
Свердловская область	41,2
Челябинская область	41,2
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	36,4
Курганская область	29,0

Если в Тюменской области представители ННО составляли почти половину членов общественных советов, то в Курганской области – менее трети.

Особый интерес представляет вопрос о том, в какой мере были представлены ННО в руководстве общественных советов.

В 2016 году из 156 руководителей общественных советов представителями ННО по основному месту работы были 28 человек. Еще 22 совмещали руководство ННО с профессиональной деятельностью, 18 входили в правление крупных (как правило, общероссийских или межрегиональных) ННО, а 11 являлись членами ННО. Суммарно это означает, что доля представителей ННО среди руководителей общественных советов в 2016 году составила 50,6%.

Если рассмотреть социальные характеристики руководителей общественных советов, то окажется, что чаще всего руководителями общественных советов являлись представители академической общественности (ректора и преподаватели высших учебных заведений, сотрудники научно-исследовательских институтов). Примерно четверть (23,7%) руководителей общественных советов представляла именно эту социальную группу – см. таблицу 2.

На втором месте по частоте были руководители ННО, для которых данная деятельность являлась основной (18,9%), на третьем – пенсионеры (15,3%), среди которых были и бывшие руководители тех учреждений, общественный совет при которых они возглавили.

Достаточно много среди глав общественных советов оказалось руководителей частных предприятий (преимущественно, социально активных представителей среднего бизнеса), направление деятельности которых совпало с профилем общественного совета (12,1%), а также руководителей бюджетных учреждений, чья деятельность находилась в сфере компетенции соответствующего общественного совета (7,1%).

Таблица 2 – Социальные характеристики руководителей общественных советов при РОИВ Уральского федерального округа на 01 апреля 2016 г.

Социальный статус	% к общему числу руководителей общественных советов
Руководитель или сотрудник образовательного учреждения, НИИ	23,7/1
Руководитель или сотрудник ННО (по основному месту работы)	17,9/2
Руководитель ННО, совмещающий руководство с профессиональной деятельностью	14,1
Член правления ННО	11,5
Рядовой член ННО	7,1
Пенсионер	15,3/3
Руководитель или сотрудник частного предприятия по профилю общественного совета	12,1
Руководитель или сотрудник бюджетного учреждения по профилю общественного совета	10,2
Руководитель или сотрудник частного предприятия не по профилю общественного совета	7,1
Руководитель или сотрудник бюджетного учреждения не по профилю общественного совета	3,2
Руководитель или сотрудник СМИ	2,5
Представитель профсоюзной организации по профилю общественного совета	1,9
Другое	0,6
Руководитель не избран	3,2

В сумме представители данных социальных групп составили три четверти (77,1%) всех руководителей общественных советов.

Дополнительно укажем, что 16,0% руководителей общественных советов являлись членами региональной Общественной палаты (а один руководитель был членом Общественной палаты Российской Федерации).

В целом, в Уральском федеральном округе наблюдалась тенденция выдвигать руководителями общественных советов представителей высших и средних специальных учебных заведений, а также руководителей и сотрудников учреждений бюджетного сектора по профилю общественного совета.

Иными словами, если говорить о представленности «заинтересованных сообществ», то она заметно лучше выражена на уровне рядовых членов общественных советов (напомним, что представители ННО составляют примерно половину членов), чем на уровне руководителей этих советов. Представители ННО, которые занимаются этой деятельностью на профессиональной основе, составляют только 14,1% руководителей общественных советов. При форми-

ровании руководства общественных советов явное предпочтение оказывается более статусным руководителям из сферы образования и более широко – из бюджетного сектора.

1. Барабашев А.Г. Кризис системы государственного управления и его влияние на основные административные парадигмы государства и бюрократии // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 3. С. 163–194.
2. Гарифуллина Г.А. Совещательные органы при исполнительной власти – институт диалога с бизнесом? // Бизнес. Общество. Власть. 2011. № 6. С. 31–32.
3. Горный М. Общественные консультативные советы при органах власти: опыт Санкт-Петербурга // Телескоп. 2011. № 2 (86). С. 14–24.
4. Общественные советы в Уральском федеральном округе в 2015 году: мониторинг формирования и эффективности деятельности общественных советов при исполнительных органах власти / Под ред. Е.Г. Дьяковой, А.Д. Трахтенберг. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 27–44.
5. Общественные советы в Уральском федеральном округе в 2016 году: мониторинг формирования и оценка эффективности деятельности общественных советов при региональных органах исполнительной власти / Под ред. докт. полит. Е.Г. Дьяковой. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 23–46.
6. Перегудов С.П. Гражданское общество как субъект публичной политики // Полис. Политические исследования. 2006. № 2. С. 139–150.
7. Руденко В.Н. Консультативные общественные советы: особенности организации и деятельности // Политэкс. 2006. Т. 2. № 3. С. 143–155.

References

1. Barabashev A.G. Krizis sistemy gosudarstvennogo upravleniya i ego vliyanie na osnovnye administrativnye paradigmy gosudarstva i byurokratii // Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya. 2016. № 3. S. 163–194.
2. Garifullina G.A. Soveshhatel'nye organy pri ispolnitel'noj vlasti – institut dialoga s biznesom? // Biznes. Obshhestvo. Vlast'. 2011. № 6. S. 31–32.
3. Gornyj M. Obshhestvennye konsul'tativnye sovety pri organax vlasti: opyt Sankt-Peterburga // Teleskop. 2011. № 2 (86). С. 14–24.
4. Obshhestvennye sovety v Ural'skom federal'nom okruge v 2015 godu: monitoring formirovaniya i e'ffektivnosti deyatel'nosti obshhestvennykh sovetrov pri ispolnitel'nykh organax vlasti / Pod red. E.G. D'yakovoj, A.D. Traxtenberg. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2015. S. 27–44.
5. Obshhestvennye sovety v Ural'skom federal'nom okruge v 2016 godu: monitoring formirovaniya i ocenka e'ffektivnosti deyatel'nosti obshhestvennykh sovetrov pri regional'nykh organax ispolnitel'noj vlasti / Pod red. dokt. polit. E.G. D'yakovoj. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2016. S. 23–46.
6. Peregudov S.P. Grazhdanskoe obshhestvo kak sub"ekt publichnoj politiki // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2006. № 2. S. 139–150.
7. Rudenko V.N. Konsul'tativnye obshhestvennye sovety: osobennosti organizacii i deyatel'nosti // Polite'ks. 2006. T. 2. № 3. S. 143–155.

UDC 363.637

PUBLIC COUNCILS WITH REGIONAL EXECUTIVE AGENCIES AND “INTERESTED COMMUNITIES”

Dyakova Elena Grigorjevna,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Leading Researcher, Doctor of Political Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: gf-urfo@bk.ru

Annotation

The article examines the extent to which the leaders and employees of non-profit organizations (i.e. “interested communities”) are represented in the public councils of regional executive agencies. It is shown that at the level of rank-and-file members representatives of the “third sector” make up a majority in the public councils. However at the level of the leaders they are in a clear minority. Preference is given to the status leaders of the budgetary sector according to the profile of the public council. The article was prepared following the results of monitoring of public councils of the Urals Federal District.

Key concepts:

public councils, delegative democracy, “interested communities”, social composition.

УДК 070

КОНСТРУИРОВАНИЕ СОБЫТИЯ В ДИСКУРСЕ КОРПОРАТИВНОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Красикова Татьяна Романовна,

Белгородский государственный
национальный исследовательский университет,
аспирант кафедры журналистики,
Белгород, Россия,
E-mail: tkrasikova@inbox.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема конструирования события в дискурсе корпоративного телевидения. В ходе исследования проанализированы новостные выпуски телеканала «РЖД ТВ». В данном материале автор выделяет конкретные способы конструирования социально значимых событий.

Ключевые понятия:

дискурс, событие, корпоративное телевидение, конструирование.

Новости – важная часть в сетке вещания корпоративного телевидения. Основу новостных выпусков составляют события, являющиеся центральной категорией телевизионного дискурса, который понимается нами как сложная семиотическая самореферентная система вербальных и невербальных высказываний в совокупности с социокультурными феноменами, конструирующая телевизионную реальность [1; 3; 4].

События, репрезентированные в PR-дискурсе, понимаются нами как конструкты, продукты конструирования реальности [2; 5].

Эмпирическую базу нашего исследования составили новостные выпуски телеканала «РЖД ТВ». Это корпоративное СМИ принадлежит открытому акционерному обществу «Российские железные дороги». Информационные поводы новостей этого телеканала разнообразны, но все они касаются деятельности железнодорожной компании. Новостные выпуски составляют события из разных регионов страны. Среди основных тем: модернизация магистралей, новые контракты и соглашения, акции для пассажиров, кардинальные изменения в расписании, годовщины, исторические даты, деятельность топ-менеджмента и простых работников «Российских железных дорог».

Все события в телевизионном дискурсе «РЖД ТВ» мы классифицировали по двум основаниям: по информационному поводу (конфликтные, ретроспективные, неординарные, созидательные, нормативные, перспективные) и по репрезентации людей как социальных акторов (кратоцентрические события, события из жизни ординарных людей). Рассмотрим их подробнее.

Созидательные события

События этого типа встречаются в дискурсе корпоративного канала «РЖД ТВ» практически в каждом выпуске новостей. В этом случае информационным поводом становится та деятельность ОАО «РЖД», которая направлена на совершенствование работы компании, повышение благосостояния общества, приобщение к положительным тенденциям современности. Так, информационным поводом выступает строительство новых объектов, модернизация инфраструктуры, благотворительные акции, помощь социально незащищенным категориям населения. Примеры: «*Железнодорожники Кузбасса в год экологии высадят 30 тысяч саженцев*» («РЖД ТВ», 28.03.2017), «*В Кировском регионе Горьковских железных дорог отремонтируют более 100 платформ*» («РЖД ТВ», 28.03.2017), «*19 млрд. рублей в год РЖД выделят на обеспечение корпоративной пенсии своим сотрудникам*» («РЖД ТВ», 12.10.2016). Стоит отметить, что чаще всего речь идет о процессе «созидания» или планируемой работе в этом направлении, реже – о результатах.

Рассмотрим, каким образом такие события конструируются как социально значимые.

– Связь с аудиторией. Авторы сюжетов чаще всего подчеркивают, что тот или иной проект появился и, возможно даже, успешно реализован, именно благодаря пассажирам. То есть потребители услуг влияют на дела компании: «*Этот проект появился благодаря обратной связи с пассажирами*» («РЖД ТВ», 28.03.2017). Так как практически любой гражданин является потенциальным клиентом РЖД, то в этом случае у аудитории возникает чувство приобщения к социальной группе «пассажиры», а значит событие приобретает еще большую значимость.

– Наличие информации, выгодной для аудитории: снижение цен, новые льготы, акции и скидки. Например, «*РЖД предлагает снизить тарифы на инфраструктуру для пассажирских поездов*» («РЖД ТВ», 27.03.2017).

– В основе события лежит решение какой-либо давней проблемы, которая создавала неблагоприятные условия для пассажиров или партнеров. Так, говоря о необходимости модернизации железных дорог на Кубе, которую взялись проводить РЖД, в сюжете отмечается, что «*Сегодня Кубинские железные дороги перевозят порядка 11 миллионов тонн грузов и более 13 миллионов пассажиров в год. При этом потребности в два раза выше*» («РЖД ТВ», 28.03.2017).

– Акцент на перспективах и преимуществах, которые появятся в результате события-«созидания». Так, говоря о том, что РЖД выделит средства на реализацию экологической программы, авторы в сюжете отмечают, что «*Строительство новых водоочистных сооружений позволит снизить сброс недостаточно очищенных вод на 226 тысяч кубов*» («РЖД ТВ», 24.03.2017).

– Указание на бескорыстную помощь гражданам разных категорий, чаще всего социально незащищенным: «В 2016 году помощь на железнодорожных вокзалах Алтая получили 1,7 тысяч **маломобильных пассажиров**» («РЖД ТВ», 31.01.2017), «**Бригады фирменного поезда «Жигули» помогают Дому ребенка в Самаре**» («РЖД ТВ», 12.07.2016).

– Акцент на одобрении пассажиров: «**Плоды работы путейцев отмечают пассажиры. Сейчас многие из них отдают предпочтение железнодорожному транспорту**» («РЖД ТВ», 28.11.2016). Также нередки прямые указания на то, что все, что делает РЖД, направлено на удобство потребителей их услуг: «**На станции Окружная МЦК обновили пути для комфорта пассажиров**» («РЖД ТВ», 24.10.2016).

– Событие-«созидание» часто основывается на приобщении к значимым социальным тенденциям, актуальным акциям, важным для современного общества: «**РЖД приняли участие в международной акции «Час земли**» («РЖД ТВ», 27.03.2017).

– Акцент на затратах, которые несет компания, или инвестициях, которые она вкладывает: «**В 2017 году РЖД выделят более 4 млрд. рублей на реализацию экологической программы**» («РЖД ТВ», 24.03.2017).

Стоит отметить одну специфическую для дискурса «РЖД ТВ» черту. События, которые имеют связь с какими-либо происшествиями, тоже преподносятся как события-«созидания». В обозначение информационного повода авторы выносят то, что происходило после ЧП. Так, после происшествия с грузовым локомотивом в информационное поле авторы выносят такой инфоповод: «**На Забайкальской железной дороге восстанавливают движение поездов после схода вагонов с углем**» («РЖД ТВ», 28.02.2017). Речь в данном случае идет уже о положительных сдвигах в той или иной ситуации. Таким образом, исчезает негативный контекст, а само событие не теряет своей значимости.

Также часто информационным поводом здесь становится некий сдвиг в работе компании, прогресс в деятельности, речь идет уже об определенных результатах в делах. Эти сообщения исключительно положительного характера: открытие новых объектов, повышение качества каких-либо услуг, итоги работы по какому-либо направлению, отчет о прибыли, внедрение новых разработок, пополнение штата и т. д. Пример: «**РЖД повышают качество услуг проводников в поездах**» («РЖД ТВ», 24.11.2016), «**В больнице РЖД открыли отделение офтальмологии**» («РЖД ТВ», 30.12.2016), «**В 2016 году штат Московской железной дорогиполнили 480 молодых специалистов**» («РЖД ТВ», 18.10.2016), «**РЖД получили удвоенную гарантию от ЕВРАЗ на рельсы**» («РЖД ТВ», 07.07.2016).

Социальная значимость таких событий конструируется следующими способами:

– Использование высказываний, вызывающих положительные ассоциации: «**новая технология**», «**передовая технология**», «**модернизация**», «**инновационный проект**», «**новые индивидуальные программы**», «**беспрецедентная гарантия**».

– Ссылка на мнение специалистов из других сфер: «**По мнению спасателей, железнодорожники продемонстрировали высокую степень готовности к чрезвычайным ситуациям и организации безопасного пребывания граждан**» («РЖД ТВ», 21.12.2016).

– Акцент на значительные результаты работы. К примеру, в сюжете об итогах по среднесуточной выгрузке на станции Мурманск, автор отмечает *«12 сентября здесь обработали 1029 вагонов. Это наивысший показатель за всю историю Мурманского транспортного узла»* («РЖД ТВ», 15.09.2016).

– Акцент на популярность услуг РЖД: *«Растет спрос на электронные билеты межобластных экспрессов»* («РЖД ТВ», 12.07.2016).

Ретроспективные события

В этой группе представлены сюжеты, в центре которых – годовщины исторических событий. Однако все эти события имеют отношение к железнодорожной отрасли. В эфире «РЖД ТВ» рассказывается о знаменательных датах со дня строительства магистралей, мостов, основании профильных учреждений.

Значимость такого рода информационных поводов представлена следующими способами.

– В тексте подчеркивается юбилейная дата. Как правило, это большая цифра, которая помогает аудитории увидеть в событии историческую ценность: *«В РФ отмечают 100-летие окончания строительства Транссиба»* («РЖД ТВ», 18.10.2016), *«Московский государственный университет путей сообщения отмечает 120-летие»* («РЖД ТВ», 26.09.2016).

– Значимость конструируется и в обозначении предмета обсуждения, его номинации. Так, Транссибирскую магистраль авторы сюжета называют *«Великий Сибирский путь»* («РЖД ТВ», 18.10.2016), Московский государственный университет путей сообщения – *«главный железнодорожный вуз страны»* («РЖД ТВ», 26.09.2016), а мост через реку Амур – *«царский мост»* и *«стратегический переход»* («РЖД ТВ», 14.07.2016).

– Важно отметить и номинацию самого события. Как правило, через лексемы, вызывающие положительные ассоциации: *«юбилей»*, *«торжество»*, *«вековой рубеж»*.

– Часто, чтобы подчеркнуть важность события, авторы сюжетов делают акцент на том, кто присутствует на мероприятии: *«На торжестве присутствовала глава дома Романовых, великая княгиня Мария Владимировна»* («РЖД ТВ», 26.09.2016). Чем выше статус социальных акторов, тем большей значимостью обладает событие.

– Авторы сюжетов обращаются к значимости исторической, описывая уникальные особенности предмета обсуждения: *«Его (мост через реку Амур – прим. автора) построили в 1916 году, и тогда сооружение считалось самым длинным железнодорожным мостом в мире»* (14.07.2016) или указывают масштаб сделанного: *«За всю историю она перевезла более 25 миллионов человек»* – о поезде «Красная стрела» («РЖД ТВ», 10.06.2016).

– Отношение общества к предмету речи также подчеркивает значимость события: *«Многие любят именно этот поезд»* («РЖД ТВ», 10.06.2016). Здесь речь идет о 85-летнем юбилее поезда «Красная стрела».

– Отмечают авторы сюжетов и своеобразную историческую преемственность, связь поколений и времен: *«Уже в ближайшее время она порадует пассажиров новыми, еще более современными вагонами. Неизменным оста-*

нется комфорт, вежливость и приветливая улыбка проводников» («РЖД ТВ», 10.06.2016).

Перспективные события

Такой тип событий встречается в дискурсе корпоративного телевидения «РЖД ТВ» достаточно редко, однако его вполне можно назвать исключительным и характерным лишь для PR-дискурса. Дело в том, что в основе такого события лежит не свершившийся в действительности факт, а предположение, прогноз, сообщение о планах, которые возможно будут реализованы. Например, «На обход Краснодарского узла РЖД **могут** направить 1,15 млрд рублей» («РЖД ТВ», 24.03.2017), «В Польше **планируют** работы по ремонту линии к границе РФ в направлении Калининграда» («РЖД ТВ», 28.11.2016). Такие события отчасти близки к слухам. Примечательно, что официальной информации от самой компании РЖД нет. Ссылок на источник информации либо вовсе нет, либо ньюсмейкер не относится к системе Российских железных дорог: «**По информации газеты «Известия», прорабатывается даже возможность пополнить этот сервис госуслугами**» («РЖД ТВ», 30.11.2016).

На значимость таких событий указывает то, что авторы упоминают в сюжетах, какие преимущества будут воплощены, когда событие свершится в социальной реальности: «**Благодаря ремонту это расстояние поезда будут преодолевать не за 1 час 50 минут, как сейчас, а за полчаса**» («РЖД ТВ», 28.11.2016) или «**Это позволит разгрузить направление и увеличить объем грузопотока в порты юга России до 130 пар поездов в сутки**» («РЖД ТВ», 24.03.2017). Акцент на положительных результатах превентивного события – единственный момент, который конструирует такого рода события как социально значимые.

Нормативные события

Если в новостном журналистском дискурсе российских телеканалов под такого рода событиями подразумеваются сообщения о новостях нормотворческой сферы и конвенциональных правилах, то для корпоративного телевидения такие события имеют совершенно иную природу. Объединяет их лишь то, что в основе лежат сообщения, касающиеся изменений в жизни социума. Однако в случае с РЖД речь идет о нововведениях в работе российских железных дорог: новое расписание, маршруты и поезда, появление дополнительных возможностей и услуг. Информация, лежащая в их основе, несет четко регламентирующие функции. Нормативное событие, по сути, является результатом изменений в уставе компании, постановлениях и приказах: «**С 28 декабря в состав поездов Ростов-на-Дону – Адлер включат вагоны-автомобилевозы**» («РЖД ТВ», 30.11.2016) или «**Маршрут Москва – Берлин будет обслуживать скоростной SWIT**» («РЖД ТВ», 28.10.2016).

Значимость подобных событий подчеркивается следующим образом:

– указание на выгоду, которую получит простой пассажир: «**Нескольким составам для удобства пассажиров увеличат длину маршрута**» («РЖД ТВ», 27.03.2017), а также акцент на изменениях, которые повлекли за собой ново-

введения: *«Вагоны стали более просторными и вместительными. Мы установили поручни, мониторы видео-информирования для пассажиров»* («РЖД ТВ», 19.12.2016);

– придание статусности события за счет указания на социальных акторов события: *«Блюда разработал бренд-шеф, француз Фредерик Эннен»*, – говорится в сюжете о введении нового меню для пассажиров («РЖД ТВ», 19.12.2016);

– указание на изменение возможностей аудитории: *«Новый документ значительно упростит обращения клиентов, повысит открытость процесса изменения тарифов»* («РЖД ТВ», 18.11.2016). Стоит отметить, что все возможности пользователей услугами РЖД меняются исключительно в положительную сторону;

– ссылка на дату, когда вступает в силу то или иное нормативное изменение: *«На 11 дорогах сети с 30 августа вводится новый порядок учета работы локомотивных бригад»* («РЖД ТВ», 31.08.2016);

– ссылка на современные тенденции или на нормативные изменения федерального уровня. Так, в сюжете о том, что контролеры в подмосковных электричках будут пользоваться видеорегистраторами, автор указывает на закон, подписанный президентом: *«Владимир Путин подписал закон, который обязывает суды при рассмотрении административных дел учитывать в качестве обязательного документа фото- и видео материалы»* («РЖД ТВ», 14.07.2016).

Неординарные события

В основе таких событий – беспрецедентность. В сюжетах «РЖД ТВ» сообщается о появлении в системе «Российских железных дорог» чего-либо нового, того, что ранее в деятельности компании не использовалось. Это могут быть новые технологии, запуск маршрутов, необычные мероприятия и акции: *«Красноярская магистраль представила уникальный обучающий комплекс для детей»* («РЖД ТВ», 26.05.2016).

На значимость таких событий для аудитории указывает характеристика предмета, о котором идет речь в сюжете, с использованием лексики, вызывающей соответствующие ассоциации: *«специализированная выставка-форум»*, *«многие детали – штучная работа»*, *«новая технология»*, *«старейший действующий паровоз России»*, *«проект уникальный в мировой практике»*.

Авторы в сюжетах нередко напрямую отмечают беспрецедентность происходящих событий, уникальность тех или иных предметов: *«До сих пор устройство такой мощности в модульном исполнении источников питания не существовало»*, *«Разработки не имеют аналогов в мире»* («РЖД ТВ», 24.03.2017).

На социальную значимость событий обращает внимание прием ретроспекции. В сюжетах нередко можно услышать, что до произошедшего события положение дел было хуже и лишь то, что случилось, положительно повлияло на услуги компании: *«Раньше из Саратова до Ростова можно было добраться на поезде Нижний Новгород – Новороссийск, и путешествие занимало около суток»* (сюжет о введении нового скорого поезда Саратов – Ростов-на-Дону – прим. автора) («РЖД ТВ», 26.12.2016).

Стоит отметить, что беспрецедентность, лежащая в основе уникального события, по сути условная категория: поскольку беспрецедентность события

здесь относится исключительно к деятельности «РЖД»: если какого-либо факта не было в опыте компании, значит он уникален.

Конфликтные события

Как такового в чистом виде конфликта в материалах телеканала «РЖД ТВ» не представлено. Противоречие заложено в подоплеке сюжета, а информационный повод представляет собой сообщение о решении проблемы: *«На ОЖД «зацеперам» предлагают поменять поезда на скалодром»* («РЖД ТВ», 16.11.2016) или *«На ЮУЖД вводят новые методы по снижению детского травматизма»* («РЖД ТВ», 9.11.2016). Такой подход вполне отвечает промоцийным задачам. Споров межсубъектных в контенте канала нет, речь идет скорее о конфликтах-проблемах более широкого общественного масштаба: нарушения ПДД на железнодорожных переездах, «зацеперы», травматизм на железной дороге.

Значимость подобных событий подчеркивается в тексте примерами того, к чему приводит та или иная проблема. Как правило, это статистика, имеющая негативные показатели: *«Только за 10 месяцев этого года на Октябрьской магистрали погибли семь «зацеперов», а всего таких нарушений выявлено около сотни»* («РЖД ТВ», 16.11.2016) или *«Количество травмированных детей и подростков в зоне движения поездов в 2016 году выросло почти в 2 раза. С начала нынешнего года погиб один подросток»* («РЖД ТВ», 27.03.2017). В событиях-конflikтах главной становится идея о том, что когда-то или иное противоречие или проблема разрешаются, заслуга в этом принадлежит базисному субъекту PR – компании ОАО «РЖД».

События из жизни ординарных людей

В отличие от новостей общероссийских каналов, в сюжетах «РЖД ТВ» главными героями становятся не знаменитости, а обычные люди. Как правило, это сотрудники российских железных дорог – машинисты, проводники, диспетчеры, рабочие, иногда представители менеджмента. События, которые происходят вокруг этих персон, как правило, связаны с деятельностью компании или отрасли в целом. Люди, о которых идет речь, отличились своими поступками или профессиональными достижениями: *«Диспетчер Горьковской железной дороги стала лауреатом отраслевого конкурса «Доска почета»* («РЖД ТВ», 23.12.2016). Нередко значимость таких событий уже заложена в информационном поводе, который в этом случае носит беспрецедентный характер: *«Помощник машиниста спас пассажиров ценой собственной жизни»* («РЖД ТВ», 20.03.2017). Важность события репрезентирована и посредством указания на то, какое значение имеет деятельность героя сюжета. К примеру, в материале о железнодорожнике, который организовал поисковый отряд, отмечается: *«Благодаря их помощи в деревне Шалахово перезахоронили останки бойца Красной армии»* («РЖД ТВ», 22.06.2016). В этом же сюжете авторы подчеркивают важность, обращаясь к общероссийской ситуации: *«До сих пор в России пропалими без вести в годы Великой Отечественной войны числятся несколько миллионов человек»* («РЖД ТВ», 22.06.2016). Таким образом, деятельность главного действующего лица события приобретает особую значимость.

Номинация героя сюжета также придает событию важность. К примеру, в сюжете об открытии сквера имени уважаемого железнодорожника и ветерана Великой Отечественной войны, главного героя В.В. Полева называют *«живой легендой Красноярской железной дороги»* («РЖД ТВ», 11.05.2016).

Кратоцентрические события

В дискурсе корпоративного телевидения «РЖД ТВ» под властью имеется в виду высшее руководство РЖД или топ-менеджмент. Однако чаще всего в новостях о таких событиях рассказывается о деятельности главы компании Олега Белозерова: *«Глава РЖД выступил на Петербургском экономическом форуме – 2016»* (16.06.2016). Речь идет о событиях, где главным действующим лицом является руководитель: он посетил объекты, принадлежащие компании, провел переговоры или заключил соглашение, он – главный актер события.

Значимость события подчеркивается акцентом на личное участие руководителя в каком-либо мероприятии или решении той или иной проблемы: *«Глава РЖД Олег Белозеров проехал по реконструированным участкам Байкало-Амурской магистрали и лично провел инспекцию проделанной здесь работы»* («РЖД ТВ», 13.05.2016). Кроме того, нередко акценты на международной деятельности РЖД, которую ведет их руководство: *«Глава РЖД провел встречу с президентом Индонезии»* («РЖД ТВ», 19.05.2016). Если переговоры проводит глава коммерческой компании с лидером другой страны, это придает статусность и самой компании, и событию в целом.

Отметим, несколько специфических характеристик, свойственных PR-дискурсу «РЖД ТВ» в целом.

1. Доступность дискурса зависит от компетентности аудитории. В сюжетах телеканала нередко появляются высказывания, суть которых понятна лишь отдельной аудиторной группе. При этом вслед за высказыванием не дается никаких пояснений. К примеру, в сюжете о создании нового прибора для локомотивов автор так описывает его преимущества: *«Результатов добились благодаря применению диодов на основе карбида кремния. Разработка уральских инженеров будет успешно конкурировать устройствами на основе IGBT-транзисторов»* («РЖД ТВ», 24.03.2017).

2. Этим же обстоятельством могут быть обусловлены так называемые «семантические пробелы» в дискурсе: смысловые лакуны, при которых создается впечатление, что в тексте как бы не хватает высказывания. Приведем пример из сюжета о 120-летию Московского государственного университета путей сообщения: *«Также в честь юбилея в главном железнодорожном вузе страны открыли памятник Николаю II. На торжестве присутствовала глава дома Романовых, великая княгиня Мария Владимировна. РЖД к юбилею подарили университету новую аудиторию»* («РЖД ТВ», 26.09.2016). Об открытии монумента говорится вскользь, без пояснений и далее автор переходит к следующему факту. Однако у неподготовленного зрителя может возникнуть вопрос: почему был открыт памятник именно Николаю II? Лишь те, кто наиболее близок не просто к железнодорожной отрасли, а к вузу, знает, что император является основателем Московского государственного университета путей сообщения.

3. PR-дискурсу телеканала свойственна интердискурсивность. Так, к примеру, важная для инвесторов и бизнес-партнеров новость подается со специфическими терминами экономического дискурса: *«Общий объем размещения составил 15 миллиардов рублей. Книга заявок была переподписана в два раза. 33% евробондов выкупили инвесторы из России»* («РЖД ТВ», 28.02.2017).

Итак, дискурсивное конструирование события на корпоративном телеканале обладает рядом специфических черт, главными из которых являются активное вовлечение категории адресата в телевизионный дискурс (акцентирование заслуг аудитории; обращение к положительному мнению аудитории; указание на популярность предмета медиасообщений у аудитории), позитивные описания (использование высказываний, вызывающих положительные ассоциации; обозначение положительных действий персоны; обозначение положительного мнения специалистов иной сферы; акцент на значительных результатах работы); оптимизированная репрезентация предмета дискурса (акцентуация значимости посредством номинации; указание на статус участников события; акцент на общих тенденциях и масштабе события). События в промоционном дискурсе направлены не на массовую аудиторию, а на тех, кто является реальным или потенциальным потребителем услуг базисного субъекта PR.

1. Антонов К.А. Телевизионные новости: интернальные свойства медиа и механизмы конструирования реальности // Вестник МГУКИ 1 (27). – 2009. – С. 64–67.

2. Бурдые. П. О телевидении и журналистике. – М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. – 160 с.

3. Веклич Е.В. Специфика телевизионного новостного дискурса. – Иркутский гос. ун-т, 2013. – С. 239–244.

4. Кожемякин Е.А. Социально-эпистемологические характеристики медийных дискурсов // Научные ведомости БелГУ. Серия: гуманитарные науки. – № 18 (137). – 2012. – Вып. 15. – С. 134–140.

5. Луман, Н. Реальность массмедиа [Текст] / Н. Луман. Пер. с нем. А.Ю. Антоновский. – М.: Практикс, 2005. – 256 с.

References

1. Antonov K.A. Televizionnye novosti: internal'nye svojstva media i mexanizmy konstruirovaniya real'nosti // Vestnik MGUKI 1 (27). – 2009. – S. 64–67.

2. Burd'e. P. O televidenii i zhurnalistike. – M.: Fond nauchnyx issledovanij «Pragmatika kul'tury», Institut e'ksperimental'noj sociologii, 2002. – 160 s.

3. Veklich E.V. Specifika televizionnogo novostnogo diskursa. – Irkutskij gos. un-t, 2013. – S. 239–244.

4. Kozhemyakin E.A. Social'no-e'pistemologicheskie karakteristiki medijnyx diskursov // Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: gumanitarnye nauki. – № 18 (137). – 2012. – Vyp. 15. – S. 134–140.

5. Luman, N. Real'nost' massmedia [Tekst] / N. Luman. Per. s nem. A.Yu. Antonovskij. – M.: Praktiks, 2005. – 256 s.

UDC 070

CONSTRUCTING EVENTS IN THE CORPORATE TELEVISION DISCOURSE

Krasikova Tatyana Romanovna,

Belgorod national research university,
Postgraduate Student, Chair of Journalism,
Belgorod, Russia,
E-mail: tkrasikova@inbox.ru

Annotation

The article considers the issue of event constructions in the discourse of corporate television. The paper discusses the results of the research of the discourse of the Russian Railways company's corporate TV channel. The author observes the ways of construction of socially important events in the company's TV discourse.

Key concepts:

discourse, event, corporate television, construction.

ВТОРАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «SOFT POWER: ТЕОРИЯ, РЕСУРСЫ, ДИСКУРС» (Россия, Екатеринбург, 20 октября 2017 г.)

Доклады

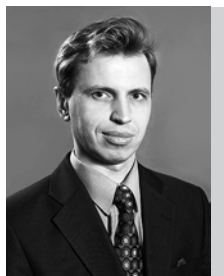
УДК 327.7

ЕВРАЗИЙСКИЙ ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОНЦЕПЦИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Березняков Дмитрий Владимирович,

Сибирский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
заведующий кафедрой государственного
и муниципального управления,
кандидат политических наук, доцент,
Новосибирск, Россия,
E-mail: bereznyakov@ngs.ru

Козлов Сергей Васильевич,

Сибирский институт управления - филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
декан факультета политики и международных отношений,
кандидат исторических наук, доцент,
Новосибирск, Россия,
E-mail: feld@ngs.ru

Аннотация

В статье предпринимается попытка охарактеризовать основные типы символических ресурсов, которые можно использовать при осуществлении политики «мягкой силы» Евразийского Экономического Союза. Авторы приходят к выводу, что в существующих условиях наиболее перспективной стратегией является использование

маркетинго-ориентированных технологий, способных нейтрализовать потенциальные конфликты стран, входящих в ЕАЭС.

Ключевые понятия:

Евразийский Экономический Союз, «мягкая сила», альянсы, символическая политика.

С институционализацией в январе 2015 г. Евразийского Экономического Союза процессы интеграции на постсоветском пространстве приобрели качественно новое измерение. Можно констатировать факт формирования нового международного альянса, дальнейшее развитие которого предполагает не только политическое и экономическое измерение (на чём обычно делают акцент как сами политики, так и представители научного и экспертного сообществ), но и культурно-символическое, самым непосредственным образом связанное с феноменом «мягкой силы».

Безотносительно к многообразным трактовкам самого феномена «мягкой силы» [2; 4; 5], она всегда рассматривается как совокупность методов и технологий, используемых суверенным государством, реализующим свои национальные интересы посредством ресурсов идеологической (а не политической или экономической) власти в терминологии М. Манна [3].

В этой связи необходимо аналитически различать два принципиально разных, но внутренне взаимно обусловленных процесса: с одной стороны – реализацию политики «мягкой силы» самими государствами-участниками ЕАЭС, а с другой – необходимость формирования подобной политики альянса в целом. Эта ситуация самым серьёзным образом проблематизирует традиционные государствоцентричные модели политики «мягкой силы», которые применялись на рубеже XX–XXI веков.

Ключевой момент, который определяет специфику формирования политики «мягкой силы» на евразийском пространстве, связан с необходимостью выработки символических моделей, легитимирующих не только формирующиеся новые национальные государства, но и вписывающие процесс евразийской интеграции в глобальный геополитический контекст. В свою очередь, необходимость в новых моделях символической политики (и политики «мягкой силы» как её частного случая) связана с тем обстоятельством, что два первых постсоветских десятилетия вошедшие в новый альянс страны решали в первую очередь свои собственные проблемы, а существовавшие доселе интеграционные объединения были в первую очередь формами «цивилизованного развода» новых суверенных государств. В новых обстоятельствах встаёт иная задача – создание новой конструкции идентичности, коллективного «мы» вновь учреждённого Союза, который претендует не только на решение вопросов экономического характера, но и должен быть скреплён общими культурно-политическими конструкциями, вписанными в проект коллективного будущего.

Символические ресурсы, которые могут быть использованы для формирования коллективной идентичности и «мягкой силы» самого ЕАЭС как международного альянса, можно условно разделить на несколько блоков: 1) советское;

2) евразийское; 3) национально-государственное; 4) технологическое. Ниже мы охарактеризуем потенциал каждого из этих блоков на предмет их перспективности как конструктивных ресурсов, которые можно использовать при реализации Евразийского интеграционного проекта в аспекте «мягкой силы».

1) Все входящие в состав ЕАЭС страны являются бывшими республиками СССР. Подчеркнём, что роспуск Советского Союза не означал одномоментного отказа от советского наследия. Культурный опыт, повседневные практики и общая коллективная память, сформированная за 70 лет существования этого государства, сохранились. В условиях постсоветской дезорганизации одним из важнейших скрепляющих бывшие советские республики факторов оказалась надэтническая городская русскоязычная культура, которая явилась продуктом советского модернизационного проекта. Вместе с тем формирование собственных национальных государств везде сопровождалось дистанцированием от советского наследия, которое часто маркировалось как имперское. И для современных политических и культурных элит апелляция к советскому имеет ярко выраженные отрицательные коннотации, поскольку противоречит проекту формирования собственных национальных идентичностей. Кроме того, принципиально важным моментом является фактор социализации новых постсоветских поколений, для которых советские культурные коды и некогда общие нарративы лишены актуальности и не могут выступать формирующими их постсоветскую идентичность.

2) Само название нового интеграционного объединения отсылает к концепту «евразийство». Он претендует на то, чтобы выступить заменой носившей наднациональный характер советской идентичности. Если «советское» рассматривается как наднациональное и имперское, то «евразийское» может пониматься также как наднациональное, но лишённое имперских коннотаций. Вместе с тем, анализ актуальных форматов культурных политик стран ЕАЭС демонстрирует то обстоятельство, что только в одном из пяти государств, ныне входящих в этот международный альянс, а именно в Казахстане, евразийство востребовано как некая культурно-идеологическая рамка, являясь одним из системообразующих элементов государственной идеологии, и институционализировано в разного рода форматах (от создания кафедр евразийской интеграции в вузах до присутствия в «Концепции внешней политики Республики Казахстан» и «Стратегии «Казахстан-2050»). Для других членов альянса евразийская идентичность является искусственной конструкцией, не обладающей сколь-нибудь серьёзным мобилизационным потенциалом. Риторика евразийства, как правило, используется ситуационно, для решения текущих государственных задач, и не переходит на уровень внутри государственной институционализации, подобно казахстанской.

3) Гипотетически для формирования «мягкой силы» ЕАЭС как альянса можно использовать символические ресурсы тех государств, из которых этот альянс состоит. В первую очередь речь может идти о России, которая в этом альянсе является доминирующим актором. Однако в такой ситуации возникает проблема доминирования державы-гегемона, стремящейся навязать своим союзникам собственное понимание коллективного «мы» конкретного альянса, которое может идти вразрез с представлениями младших партнёров. Это усугубляется тем фактом, что держава-гегемон может искать способ компенсировать

свои издержки по обеспечению безопасности и совместной экономической политики в символическом плане. Поэтому сфера «мягкой силы» альянса – это сфера латентных и потенциальных конфликтов между участниками альянсов, основанных на их собственных культурно-политических традициях и формирующихся новых национальных идентичностях. Применительно к ЕАЭС речь можно вести об опасениях малых стран-участниц безусловного доминирования России в символическом плане, что приведёт к тому, что они будут рассматриваться внешнеполитическими партнёрами не в качестве самостоятельных игроков, а лишь как спутники России.

4) Ещё один блок ресурсов, который вполне возможно использовать при продвижении проекта евразийской интеграции в формате ЕАЭС, связан не с проблемами конструирования (над) национальных идентичностей макрополитических сообществ, а с технологическими моделями конструирования брендов, в основе которых лежит логика современного маркетинга и менеджмента. Ключевая особенность этой логики состоит в том, что она способна деполитизировать и нейтрализовать потенциально конфликтные отношения стран, входящих в ЕАЭС. Именно эта логика доминирует на технологическом уровне реализации «мягкой силы» и фактически присутствует во всех рейтингах, которые её измеряют. Подчеркнём, что дискурс, используемый для описания «мягкой силы», зачастую носит экономикоцентричный характер, что связано с тем, что данная концепция появляется в эпоху господства неолиберализма как нарратива, задающего словарь для концептуализации мир-системных трансформаций рубежа XX–XXI веков. Его ключевой особенностью является апология рынка как пространства максимизации прибыли и минимизации затрат рациональными акторами, будь то ТНК или национальные государства. Международные отношения в его рамках понимаются не как поле идеологических и ценностных конфликтов суверенных Левиафанов, а как сфера конкуренции акторов, использующих инструменты идеологически нейтрального менеджмента и маркетинга. Соответственно отдельные страны рассматриваются как аналоги товаров, бренды которых продвигаются при помощи технологий национального маркетинга, определяемого Ф. Котлером как «систематический подход, имеющий целью помочь амбициозным нациям сделаться заметными и достичь своих имиджевых целей рентабельным способом» [1, с. 18].

Таким образом, блок технологических ресурсов «мягкой силы», который носит деполитизированный, рыночно-ориентированный характер, потенциально способен снимать и маргинализировать политико-идеологические конфликты, которые могут реализоваться при использовании других охарактеризованных выше блоков. В этом смысле «мягкая сила» ЕАЭС для того, чтобы быть эффективной, действительно, должна быть центрированной на его экономической сути, переведённой в формат современного культурного маркетинга и странового брендинга.

1. Паршин П. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России // Аналитические доклады Института международных исследований МГИМО (У) МИД России. 2013. Март. Вып. 1 (36).

2. Русакова О.Ф., Ковба Д.М. Стратегические модели «мягкой силы» стран восточноазиатского региона // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС.

2016. № 2. С. 14–29.

3. Mann M. The sources of social power. V. 1. A History of Power from the Beginning to AD 1780. New York: Cambridge University Press, 2012.

4. Soft Power, мягкая сила, мягкая власть. Междисциплинарный анализ / Под ред. Е. Борисовой. М.: Флинта; Наука, 2015. – 180 с.

5. Soft power: теория, ресурсы, дискурс / Под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи», 2015. – 376 с.

References

1. Parshin P. Problematika «myagkoj sily» vo vneshnej politike Rossii // Analiticheskie doklady Instituta mezhdunarodnyx issledovanij MGIMO (U) MID Rossii. 2013. Mart. Vyp. 1 (36).

2. Rusakova O.F., Kovba D.M. Strategicheskie modeli «myagkoj sily» stran vostochnoaziatskogo regiona // Politicheskaya e'kspertiza: POLITE'KS. 2016. № 2. S. 14–29.

3. Mann M. The sources of social power. V. 1. A History of Power from the Beginning to AD 1780. New York: Cambridge University Press, 2012.

4. Soft Power, myagkaya sila, myagkaya vlast'. Mezhdisciplinarnyj analiz / Pod red. E. Borisovoj. M.: Flinta; Nauka, 2015. – 180 s.

5. Soft power: teoriya, resursy, diskurs / Pod red. O.F. Rusakovoj. Ekaterinburg: Izdatel'skij dom «Diskurs-Pi», 2015. – 376 s.

UDC 327.7

THE EURASIAN INTEGRATION PROJECT IN THE LIGHT OF THE “SOFT POWER” CONCEPT

Bereznyakov Dmitry Vladimirovich,

Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Head of Public Administration Department,
Novosibirsk, Russia,
E-mail: bereznyakov@ngs.ru

Kozlov Sergey Vasilevich,

Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Dean of Politics and International Relations Faculty,
Novosibirsk, Russia,
E-mail: feld@ngs.ru

Annotation

The article seeks to define main types of symbolic resources which can be used in implementing “soft power” policies of the Eurasian Economic Union. The authors conclude that in the present conditions the most promising strategy involves reliance on market-focused technologies capable of neutralizing potential conflicts between EEC countries.

Key concepts:

the Eurasian Economic Union, “soft power”, alliances, symbolic politics.

УДК 321

МЯГКАЯ СИЛА ВОЕННОЙ МОЩИ

Русаков Василий Матвеевич,

ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»,
кафедра политических наук,
доктор философских наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: dipi@nm.ru

Аннотация

Содержание концепта «мягкая сила» достаточно исследовано в современной литературе. Разработаны различные системы измерения «мягкой силы». Но есть еще одно направление – «мягкая сила» самой военной мощи. В статье ставится проблема и определяется содержание «мягкой силы военной мощи» на примере сравнения применяемых практик в вооруженных силах России и стран – ее вероятных противников.

Ключевые понятия:

«мягкая сила», «умная сила», «жесткая сила», военная мощь, «мягкая сила» военной мощи.

Проблема взаимосвязи понятий «мягкая сила» (soft power), «жесткая сила» (hard power), «умная сила» (smart power)

Причины появления термина и концепта «мягкая сила» (в отличие от «жесткой силы») в общем и целом понятны, стоит только вспомнить исторический контекст.

Во-первых, произошла *серьезная дискредитация* военной силы США и НАТО в 70-е годы прошлого века: США не только потерпели поражение во Вьетнамской войне¹, но и в международном общественном мнении приобрели мрачную «славу» жестокого агрессора, не останавливающегося перед ведением военных действий самыми бесчеловечными средствами (химическое

¹ «Военные специалисты США до сих пор объясняют причины ухода американских войск из Вьетнама исключительно негативной позицией национальной прессы» – В. Газетов. Служба PR в Вооружённых Силах США // <https://cyberleninka.ru/article/n/sluzhba-pr-v-vooruzhennyh-silah-ssha>.

оружие, напалм, «ковровые бомбардировки» и т. п.). Военно-промышленный комплекс США и их союзников был разоблачен как инициатор безудержной и авантюристической гонки вооружений, способной поставить мир на грань начала Третьей мировой войны с применением ядерного оружия, – мощное антивоенное движение проявилось целым рядом беспрецедентных протестных акций по США и Западной Европе. В эти же годы имели место резонансные разоблачения преступной деятельности американских спецслужб (в особенности – ЦРУ) и их ближайших союзников: расследование сенатской комиссии Ф. Черча (Church Committee, 1975) вскрыло практику систематического нарушения прав человека в стране и за рубежом. По рекомендациям и под давлением комиссии, президент Дж. Форд издал Указ (11905) о запрете «санкционированных убийств иностранных лидеров».

Во-вторых, достижение *стратегического паритета* в ядерном оружии между СССР и Западом вынудило последний во главе с США заключить ряд договоров об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-1 (1972), ОСВ-2 (1979)) ликвидации ракет средней и меньшей дальности (1987), об ограничении систем противоракетной обороны (1972) и т. д. Ядерное оружие было осознано как фактор сдерживания, источник неприемлемого ущерба даже в случае его ограниченного применения. Все это положило начало политике «разрядки», поисков и достижения взаимоприемлемых компромиссов (например, признание нерушимости послевоенных границ в Европе), разработке и применению различных «мер доверия» в военной области.

В Советском Союзе (в отличие от «демократической России» 90-х годов) в целом достаточно хорошо понимали причины перехода Запада к политике «мягкой силы» и знали цену ей и границы ее.

США и НАТО постоянно искали средства и способы обойти ядерный паритет, чтобы получить односторонние преимущества (прежде всего для нанесения первого «обезоруживающего» удара). Это вполне наглядно проявилось уже с начала 80-х годов, в правление президента Р. Рейгана, объявившего СССР «империей зла», провозгласившего так называемую «стратегическую оборонную инициативу» (СОИ, 1983) – перенос гонки вооружения в космос.

Более того, научно-технический прогресс и развитие военных технологий (прежде всего прогресс в разработке высокоточного оружия и средств его доставки, резкое повышение мощности «обычного» оружия) объективно создавали некий «зазор», потенциальную возможность нанесения первого обезоруживающего удара обычными средствами, прямо не подпадающими под существующие международные договоры и соглашения. В эту своеобразную «нишу» и устремлялось военно-политическое мышление западной стратегии. Хорошим «подспорьем» в этой политике считалось использование технологической отсталости СССР (а потом и РФ), которое предполагалось закрепить рядом санкций – начиная с пресловутой поправки Джексона-Вэника и кончая секторальными санкциями против российской экономики сегодня.

Концепт «мягкой силы» (Soft Power) [1; 3, 23–32] с самого появления вызвал волну полемики – вначале в академических кругах, а затем внутри политического класса США [7]², в которую втянулась, в том числе, бывшая

² «Главный пафос несогласия автора адресован республиканской политике односто-

в то время Госсекретарем США Х. Клинтон [1, 34]³. Она сочла, что лучшим вариантом было бы понятие «Smart Power – «умной силы», рационального сочетания использования различных средств для достижения конечных целей государственной политики [1, 33–38].

Однако возникает закономерный вопрос: имеет ли «мягкое измерение» сама военная сила, военная мощь страны?

Реализация концепции «мягкой силы» военной мощи США и НАТО

Обзор предпринятых в этой сфере усилий, их экономический и организационно-политический размах показывают беспрецедентность. Каковы основные направления?

1) Вооруженные силы страны – это сфера *передовой техники и технологий*, приобщение к которым может быть осуществлено через службу в армии, работу по контракту в различных организациях и учреждениях подведомственных или связанных с министерством обороны. Для этих же целей активно используются компьютерные игры.

2) Вооруженные силы создают эффективные «*социальные лифты*» – служба в армии дает возможность получить образование: «Ни для кого не является секретом, что в Соединенных Штатах многие молодые люди идут на воинскую службу, потому как это реальный шанс получить образование. В стране действует программа, согласно которой каждый американский гражданин, который отслужил в армии, получает определенные льготы при поступлении в высшее учебное заведение. При этом Пентагон даже намеревается платить резервистам

ронных действий и опоры на одностороннее военное превосходство... автор фактически развернул откорректированный с учетом международного опыта постулат, впервые сформулированный им еще в 1990 г. в работе «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской мощи» («Bound to Lead: the Changing Nature of American Power»). Тогда-то и была высказана идея об абсолютном превосходстве США не только по показателям военной силы и экономического могущества, но и по параметрам несилового влияния на международные отношения. Последние он и назвал «мягкой мощью» (или «мягкой силой», как не вполне точно переводят это словосочетание некоторые специалисты). Полемический запал в той работе был слабее, чем в рецензируемой. Он был адресован не столько администрации Буша-старшего, сколько коллегам-теоретикам школы «политического реализма», которым, по его мнению, стоило отказаться от абсолютизации значения «жесткой мощи» (hard power) в мировой политике в условиях совершенно очевидного в конце 80-х гг. прошлого века ослабления биполярной конфронтации» / <http://www.intertrends.ru/seventh/014.htm>.

³ Публично его впервые озвучила Хиллари Клинтон в своей речи в Сенате непосредственно перед утверждением ее кандидатуры на должность госсекретаря: «Мы должны использовать так называемую «власть интеллекта», полный набор имеющихся у нас средств – дипломатических, экономических, военных, политических, правовых и культурных, – выбирая нужное средство или сочетание средств в каждой конкретной ситуации» / Clinton H. Nomination Hearing to be Secretary of State, Senate Foreign Relations Committee, Washington, D.C., 13 January 2009. P. 12. <http://www.state.gov/secretary/rm/2009a/01/115196.html>.

за получение ими образования»⁴. Армия привлекает возможностью получить хорошо оплачиваемую профессию⁵, возможность сделать карьеру (в некоторых странах служба в армии – условие приема на государственную службу). Кроме того, «проводится и другая работа с семьями военнослужащих. В США существует довольно много организаций, которые состоят из членов семей военнослужащих. Основная задача таких организаций заключается в том, чтобы сделать жизнь солдат более комфортной. Помимо этого, в армии существует ряд программ, направленных на информирование родственников о том, где проходят службу близкие люди»⁶.

3) Вооруженные силы *заботятся о своих ветеранах* (оказывают юридическую психологическую и иную помощь, в получении различных льгот): на сайте минобороны США есть разнообразные ресурсы, посвященные специально ветеранам (Department of Veterans Affairs).

4) Вооруженные силы тесно связаны со *спортом*, в том числе спортом высших достижений (ВС создают условия для занятий спортом, тренировок спортсменов, проводят многочисленные региональные, национальные и международные состязания (чемпионаты, олимпиады и пр.).

5) Вооруженные силы – это «*окно в большой мир*», возможность посмотреть мир (заморские территории, зарубежные военные базы, миротворческие миссии и даже военные операции (в особенности – успешные, победоносные).

6) Вооруженные силы – это *героическая защита* своей страны, мира, демократии и свобод от популистских различий враждебных агрессивных сил (кузница национальных героев): «Западные военные в это время активно участвуют в гражданских мероприятиях. Кроме того, по всему миру распространяется глянцево-военный журнал под названием Soldiers. В России также есть несколько подобных изданий, однако известны они очень небольшому кругу читателей»⁷.

⁴ Военный пиар // <https://topwar.ru/22971-voennyu-pr.html>.

⁵ См. специальный сайт GoArmy.com // Насколько сильно ты хочешь быть в Армии США? В действующей армии и армии резерва вы можете получить профессиональные навыки, хорошую оплату труда, льготы и бонусы. Вы можете выбрать одну из более чем 150 военных профессий.

⁶ Там же. См., например, на сайте МО США: Military Family Support Special Report; Military Health System.

⁷ «... Стоит отметить, что вооруженные силы США – это больше легенда, то есть речь идет вовсе не о том, что они настолько прославленные. Имеется в виду, что вся военная история очень разбавлена сказками и мифами. Примечательно, несмотря на то, что весь мир прекрасно об этом знает, американцам по-прежнему удается убедить всех в том, что у них только самое новое и современное супероружие, а в армии служат только суперсолдаты. Как только американская «оборонка» выпускает очередную новинку, об этом сразу же становится известно широкой общественности благодаря Голливуду. Если же говорить о российских военных фильмах, в частности современных, то они больше вызывают смех, чем желание служить в армии. Достаточно вспомнить сериалы «Солдаты» или «ДМБ» // <https://topwar.ru/22971-voennyu-pr.html>.

Эти направления разнообразно представлены в широкомасштабной политике Soft (Smart) Power, активно реализуемой в США и НАТО. Рассмотрим наиболее активно практикуемые сегодня формы.

1) Широкое использование СМИ – как частных, общенациональных, так и собственных газет и журналов министерства обороны, видов и родов войск, военных округов и даже отдельных подразделений ВС: «Главной задачей управления по связям с общественностью министерства обороны США является целенаправленное информационное воздействие на гражданскую и военную аудитории внутри страны и за её пределами. «У нас есть 45 СМИ – газет, телеканалов, радио, информагентств – которые постоянно аккредитованы при Пентагоне, их мы считаем «своим» журналистским корпусом, – признался Кл. Бернат. – Представители других масс-медиа, а их тысячи, также в определённые дни имеют доступ в Пентагон, однако их при этом сопровождают наши сотрудники... В настоящее время ВС США располагают арсеналом в более чем 1400 военных изданий. Разовый тираж почти 400 журналов и более 1000 газет составляет 12 млн. экз. Из 22 издаваемых министерством обороны США журналов наиболее известным является издание управления по связям с общественностью МО США «Commander's Digest» [2]⁸. В период военных действий в Ираке «Эксклюзивные права на освещение боевых действий были предоставлены CNN и BBC. Профессиональные журналисты интегрировались в подразделения, участвующие в боевых операциях. 662 журналиста были прикреплены к американской армии и 95 – к вооружённым силам Великобритании. Крупнейшие телеканалы США – ABC, NBC, CBS, CNN, Fox были представлены в войсках 26 журналистами. «Вашингтон пост», «Нью-Йорк таймс», «Тайм», «Ньюсуик» и другим печатным изданиям была предоставлена возможность направиь в войска по 10 журналистов» [2].

2) Отдельно нужно сказать об использовании ТВ (как нанимаемых корпораций, так и собственных, принадлежащих МО), где имеется огромное количество передач, программ, снимается и транслируется множество сериалов о службе в армии, вооружённых силах и их миссиях, командирах и героях, о подвигах и повседневных буднях ВС. «Армия США, – пишет В. Газетов, – обладает крупнейшими в мире по мощи и охвату аудитории радио- и телевизионными системами. Служба радио и телевидения ВС США AFRTS контролирует почти 300 наземных радио- и телестанций, расположенных в США и странах дислокации американских войск. Более 70 радио- и телевизионных систем установлено на бортах кораблей ВМС США. Три спутника связи позволяют вести круглосуточные передачи, ориентированные на военную аудиторию в США и за границей. В заданиях Службы PR МО США значится помощь частным фирмам в съёмке теле- и кинофильмов по военной тематике. По мнению руководства Службы,

⁸ В. Газетов: «Политическое руководство стран – членов НАТО по примеру США инициировало создание специальных структур по связям с общественностью в составе вооружённых сил. Информационно-воспитательная работа в вооружённых силах США и стран – членов НАТО характеризуется наличием в войсках разветвлённой структуры информационного аппарата, функционирующего до батальона включительно. PR-отделы существуют в армиях Нидерландов, Канады, Австралии, Люксембурга, Индии, Пакистана и других стран // <https://cyberleninka.ru/article/n/sluzhba-pr-v-vooruzhyonnyh-silah-ssha>.

«после показа в прокате фильма «Top Gun» была просто волна желающих пойти служить в армию» [2].

3) Снимается и прокатывается огромное количество кинофильмов (как на киностудиях Голливуда, так и на созданных специально для этого МО США).

4) Производится огромными тиражами большое количество рекламной продукции, размещаемой в тех же СМИ, записей и фильмов на DVD-дисках, а сейчас – в различных Интернет-ресурсах⁹.

5) Создаются PR-службы [4, 279–282], прекрасно оснащенные самыми современными техническими средствами, высококвалифицированными кадрами и объемными бюджетами. Помимо МО¹⁰ свои разнообразно информационно насыщенные сайты создают виды и рода ВС (ВМФ, ВВС и т. д.)¹¹, военные базы и отдельные подразделения, ветеранские и иные общественные организации, связанные с ВС. Исследователи отмечают, что «сегодня общая численность специалистов по связям с общественностью в армии США составляет более 7 тыс. чел.» [2].

6) Министерства обороны организуют и проводят разнообразные выставки вооружений, военной техники или обеспечивают участие в них своих представителей.

Организируются и проводятся региональные общенациональные и международные спортивные состязания, чемпионаты, которые также широко освещаются в СМИ (Например, Warrior Games (США), Invictus Games («Игры непобежденных», Великобритания) – международные мультидисциплинарные соревнования бывших и действующих военных, ставших инвалидами, проводимые в разных странах с 2014 года по инициативе британского принца Гарри¹²).

7) Осуществляется большое количество разнообразных программ, особенно ориентированных на молодежь призывного возраста и школьников (преследуются цели воспитания патриотизма, желания служить в ВС, гордиться «славной и героической» историей ВС и т. д.). Такая работа ведется в «американских военизированных классах и школах. Здесь постоянно проводятся открытые соревнования между учениками. Наиболее зрелищным из всех является соревнование по обращению с оружием»¹³.

Особо следует сказать о том, что разработано и применяется множество систем «измерения» Hard Power¹⁴, которые, несомненно, призваны оказывать

⁹ Defense video imagery distribution system // <https://www.dvidshub.net>.

¹⁰ Сайт Пентагона: <https://www.defense.gov>. Пресс-служба Министерства обороны США. <https://state-usa.ru/pentagon>.

¹¹ U.S. Department of Defense; U.S. Department of Defense (DoD); Marines.mil – Официальный сайт Корпуса Морской пехоты США; Air Force Link – Официальный сайт ВВС США; Navy – Официальный сайт ВМС США; Army – Официальный сайт армии США.

¹² Официальный сайт: <http://invictusgames.org>.

¹³ Военный пиар // <https://topwar.ru/22971-voennyuy-pr.html>.

¹⁴ Рейтинг стран по военной мощи отображает индекс Global Firepower (GFP) 2016. Он объединяет в себе более 50 различных показателей. Кроме численности армии, количества танков, кораблей, самолетов и прочей военной техники он также учитывает уровень финансирования военной сферы, транспортную инфраструктуру страны, доступ к нефтепродуктам и прочие факторы, которые могут повлиять на боеспособность армии. При этом

влияние на представления не только военных специалистов, но и широких масс населения – о мощи ВС различных стран (превознося одни, пугая другими).

Мягкая сила военной мощи России

Вооруженные силы России в этом плане находятся в стадии, если можно так выразиться, «догоняющей модернизации». МО РФ создало достаточно интересный и содержательный сайт¹⁵. Создан и делает первые впечатляющие успехи Информационный центр МО РФ. Действует военно-информационный портал о российской армии¹⁶. Министерство обороны России стало инициатором таких новаций, как организация и проведение выставок вооружений и военной техники, широкой программы военно-спортивных состязаний АрМИ-2017¹⁷, танкового биатлона, фестиваль военных оркестров «Спасская башня»¹⁸, строительства парка «Патриот»¹⁹, проведения конкурса и т. п.

В настоящий момент Министерство обороны России не только рассказывает о российской армии в теле- и радиозфире, но и выпускает более 20 перио-

в индексе не учитывается фактор ядерного оружия. Данные взяты из открытых источников. Первые три строчки, согласно последней версии рейтинга, занимают США, Россия и Китай. Украина – на 25-м месте, между Швецией и Сингапуром. Настоящий рейтинг составлен 02.02.2016 г. // <https://globalfirepower.com>. Год назад Global Firepower обновил данные в своем самом объективном рейтинге армий мира. США и Россия занимают в нем первое и второе место соответственно. Но военная операция в Сирии расставила точки над i: теперь сомнений нет ни у кого, включая военных США: российская армия – самая мощная армия в мире.

¹⁵ Сайт МО РФ: <http://mil.ru/index.htm>.

¹⁶ <http://armyrus.ru>.

¹⁷ Армейские международные игры – 2017. Они проходили на протяжении двух недель на 21 полигоне на территории пяти стран. В «АрМИ-2017» участвовало 150 команд от 28 стран (для сравнения: в прошлом году было 128 команд из 20 стран) // «Армейские международные игры – 2017». В Подмосковье завершил работу третий международный военно-технический форум «Армия-2017». «С начала работы форума общее количество его гостей и участников составило около 700 тысяч человек, площадки, расположенные в парке «Патриот», посетили почти 563 тысячи человек, кластеры в военных округах и Северный флот – еще более 135 тысяч человек», – сказал представитель пресс-центра. По его словам, общее число участников деловой программы превысило 8,5 тысяч человек, в том числе более 2 тысяч специалистов высшей квалификации. <https://vsr.mil.by/category/armejskie-mezhdunarodnye-igry-2017>. На факт их проведения откликнулись некоторые зарубежные СМИ: «Bang! Vladimir Putin's tanks show off their military might as Russian forces are put through their paces in army games // <http://www.dailymail.co.uk/news/article-4765646/Russia-shows-International-Army-Games-tanks.html>.

¹⁸ Церемония открытия фестиваля «Спасская башня» в Москве (27.08.2017): Десятый международный военно-музыкальный фестиваль «Спасская башня» открылся в Москве. В церемонии приняли участие военные оркестры России, Швейцарии, Австрии, Армении, Белоруссии, Египта, Турции, Индии.

¹⁹ <https://patriotp.ru>.

дических печатных изданий. Свои газеты и журналы есть у Военно-воздушных сил, Военно-Морского Флота, Железнодорожных войск. Главная задача этих СМИ – поддержать боевой дух военнослужащих, даже в самых отдаленных гарнизонах и военных городках. С 1924 г. издается газета «Красная звезда»²⁰, выходит Информационный бюллетень МО РФ²¹. В последние годы активно развивается телерадиокомпания Вооруженных Сил Российской Федерации «Звезда», в состав которой входят телеканал, радиостанция и интернет-сайты. «Звезда» начала свое вещание в 2005 году. Кроме того, в телерадиокомпанию Вооруженных Сил РФ входят информационные порталы телевидения www.tvzvezda.ru и радиостанции www.radiozvezda.ru. Российское телевизионное пространство пополнилось каналом «Звезда», программами «Военная приемка», «Оружие России» и т. д.²², разрабатываются виртуальные экскурсии по интересным объектам ВС РФ²³.

Киностудия МО РФ – это уникальное производственно-творческое предприятие, которое создает учебные фильмы различного жанра для Вооруженных Сил России. Ее предназначение также в производстве и тиражировании военно-учебных, документальных, научно-популярных и технико-пропагандистских фильмов для Министерства обороны (в том числе – содержащих сведения, составляющие государственную тайну), осуществлении другой кинопроизводственной деятельности²⁴.

Было возрождено созданное еще в советское время Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту (ДОСААФ России), располагающее сегодня собственным официальным сайтом²⁵. ДОСААФ России приняло участие в Первом всероссийском молодежном патриотическом форуме «Я – Юнармия», который прошел 22–23 февраля 2018 г. в подмосковном парке ВС РФ «Патриот»²⁶.

²⁰ <http://redstar.ru/index.php/2011-06-30-23-44-03/2011-12-11-22-11-08>.

²¹ https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12166771@egNews.

²² Помимо школы, военно-патриотическим воспитанием молодежи занимаются и многочисленные общественные организации: ДОСААФ, РОСТО, клубы и группы «Русь», «Вымпел», «Дружина», «Добрыня», «Гвардия», «Пламя», «Юный десантник» // Военный приар // <https://topwar.ru/22971-voennyu-pr.html>.

²³ <http://mil.ru/files/files/arctic/Arctic.html>.

²⁴ http://sc.mil.ru/social/culture/film_studio/more.htm?id=9821@morfOrgCulture.

На пике своей деятельности в середине 1980-х годов киностудия насчитывала в своем составе 19 офицеров и 516 служащих Советской Армии. Всего за 50 лет своей истории на киностудии МО создано более 5 тысяч фильмов для армии и флота и около 1,5 тысяч частей по заказам, сделанным предприятиями и организациями оборонной промышленности. Все это составило уникальную фильмотеку киностудии, и абсолютное большинство выпущенных фильмов получило высокую оценку в войсках и военно-учебных заведениях.

²⁵ <http://www.dosaaf.ru>. Общество издает ежемесячный научно-популярный массовый журнал «Военные знания», Газету «Вести ДОСААФ» о военно-патриотическом воспитании и подготовке к военной службе, принята Концепция развития и повышения эффективности патриотического (военно-патриотического) воспитания в ДОСААФ России в 2016–2020 годах.

²⁶ <http://www.dosaaf.ru/news/ministr-oborony-rf-sergej-shojgu-posetil-ploshadku>.

Жизнь современных вооруженных сил тесно связана со спортом, успехи в котором создают весьма притягательный образ армии как по-настоящему здоровой силы общества. В ВС РФ важную роль играют армейские спортивные клубы и различные спортивные состязания. В 2017 г. в Сочи прошли III Зимние Всемирные военные игры²⁷.

Своеобразие ВС РФ придает развитие военной культуре. «Военная культура – подчеркивает МО РФ, – это важнейшая составляющая армейской жизни и одновременно часть глобального культурного наследия. Она играет значительную роль в патриотическом воспитании подрастающих поколений, хранит историю великих побед русского народа». Беспрецедентен вклад в формирование неповторимого облика «народной армии» легендарного коллектива страны – Дважды Краснознаменного Академического ансамбля песни и пляски Российской Армии имени А.В. Александрова – крупнейшего военно-художественного коллектива России, «он вполне сопоставим с такими известными российскими брендами, как Большой театр, Эрмитаж, Третьяковская галерея, Алмазный фонд Московского Кремля. И он по праву заслужил это своей уникальностью и блистательным мастерством. Днем его рождения считается 12 октября 1928 года – тогда состоялось первое выступление коллектива в составе 12 человек в Центральном доме Красной Армии. Уже к середине 30-х годов численность ансамбля выросла до 300 человек, а его известность вышла далеко за пределы России. Хор ансамбля признан одним из лучших мужских хоров мира»²⁸.

С помощью инструментов культуры создается привлекательный имидж Российской Армии, которой может гордиться каждый военнослужащий: «Ежегодно проводятся Всеармейский фестиваль «Армия России»²⁹, Всероссийский фестиваль военной прессы «Медиа-Ас»³⁰, фестиваль военных биг-бендов «Армия-джаз». Стали более масштабными Всероссийские фестивали военно-патриотической песни «Катюша» и «Крымская волна», Всероссийский конкурс на лучшие практические результаты культурно-досуговой деятельности «Золотой Сокол». С большим успехом проходят Всеармейские игры КВН среди военных вузов, а также суворовцев и кадетов. Кроме того, Военные музеи с каждым годом становятся более привлекательными для посетителей и завоевывают все больший авторитет в профессиональном обществе. Центральный музей Вооруженных Сил Российской Федерации, Центральный военно-морской музей, Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, а также Военно-медицинский музей регулярно организуют и проводят крупнейшие выставки, семинары, международные конференции, участвуют

²⁷ III зимние Всемирные игры военнослужащих прошли в Сочи, с 23 по 27 февраля 2017 года. Это первое спортивное мероприятие подобного рода в России/ В Играх приняли участие спортсмены из 25 стран // <http://cismsochi2017.ru>.

²⁸ <http://sc.mil.ru/social/culture/ensembles/more.htm?id=10674@morfOrgCulture>. Всего действует 11 ансамблей песни и пляски военных округов и родов войск.

²⁹ <http://мультимедиа.минобороны.рф/multimedia/photo/gallery.htm?id=18242@cmsPhotoGallery>.

³⁰ <http://sc.mil.ru/social/media/media-ace.htm>.

в международных межмузейных проектах, и уделяют большое внимание разработке и внедрению новых форм работы с посетителями»³¹.

Немаловажное значение имели преобразования даже внешнего облика военнослужащего России (новая высокотехнологичная экипировка солдата и военная форма).

В плане открытости ВС РФ большое впечатление на СМИ произвело приглашение зарубежных корреспондентов на военные базы РФ в Сирийской Арабской республике для освещения повседневной жизнедеятельности контингента ВС России в борьбе с силами международного терроризма в этом регионе.

Результаты последнего интерактивного опроса населения об отношении к российской армии, размещенные на сайте МО РФ, свидетельствуют об изменении этого отношения в лучшую сторону (все мы хорошо знаем о весьма негативном отношении к службе в ВС России в недавнем прошлом³², о широко распространенном уклонении от призыва и т. п.).

Однако в этой сфере существует еще значительное число проблем (естественно связанных не только с процессами реформирования и переоснащения ВС России передовой техникой и вооружениями) [5]. Эти проблемы имеют как внутреннее измерение, так и внешнее. Армия неотделима от общества и ее не могут не касаться остродискуссионные проблемы: такие как противоречие положений о верховенстве российских законов и «примате» международного права; идеологический плюрализм и ползучая клерикализация. Они ставят весьма непростые вопросы: должны ли ВС быть готовыми сражаться за национальный суверенитет или за «общечеловеческие (или «европейские») ценности» – такие, как права гомосексуалистов и трансгендеров, ЛГБТ-сообщества, право детей на «раннее сексуальное просвещение», право на существование любой (например, нацистской, бандеровской или педофильской) точки зрения. Явно подрывной характер для службы в ВС приобретают игры с «политикой исторической памяти», попытками переписать историю [6]. Крайне опасный смысл, в том числе для ВС РФ, для военнослужащих и ветеранов, несут призывы некоторых «ученых» объявить советский период истории России преступным и заставить каяться страну.

Если кратко суммировать, то главные составляющие Soft Power ВС страны суть следующие:

- «эффективность» использования ВС (результативность применения ВС в военных операциях, управляемость ВС при осуществлении учений, операций, миссий);
- «притягательность» ВС для собственного населения страны, в мире (заслуги, подвиги, героизм, выучка ЛС и выправка, военный дизайн – как вооружений и военной техники, так и военной формы, престиж военной службы);
- участие (неучастие) ВС в военных преступлениях и провокациях, несущих угрозу миру, ценностям;

³¹ <http://sc.mil.ru/social/culture/about.htm>.

³² В 2006 г. достаточно «привычными» были констатации: «Уровень преступности в армии вырос», «От дедовщины за полгода погибли 17 солдат» и т. п. // http://armyus.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1018.

- «криминализованность» (некриминализованность) ВС (объем и тяжесть совершаемых правонарушений военнослужащими, коррупция);
- «открытость» ВС для общественного контроля (представленность ВС в открытых СМИ, эффективность парламентского и общественного контроля над ВС);
- способность ВС и ВПК страны быть «локомотивом» технических и технологических инноваций.

1. Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под. ред. О. Ф. Русаковой. – Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи», 2015. – 376 с.
2. Газетов В. Служба PR в Вооружённых Силах США // <https://cyberleninka.ru/article/n/sluzhba-pr-v-vooruzhyonnyh-silah-ssha>.
3. Ларина Е. Взлет и падение «мягкой силы» // http://communitarian.ru/posts/bolshoy_blizhniy_vostok/vzlet_i_padenie_myagkoj_sily_30082014.
4. Русакова О.Ф., Русаков В.М.. PR-Дискурс: теоретико-методологический анализ. Екатеринбург, Издательский дом «Дискурс-Пи», 2011. – 336 с.
5. Сергей Николаев, Владимир Переборенко, Кирилл Загурский, Пётр Данилов, Виктория Кульбякина. «Армия-2017» – сухой остаток: об искусстве войны, шоу и о новых вызовах // <http://rossaprimavera.ru/article/1247029b>.
6. Российская гвардия, но без советской // <https://rossaprimavera.ru/article/502372bb>.
7. Трибрат Владимир. Рец. на книгу Д. Ная Мягкая сила... / Joseph S. Nye. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. 192 p. (Джозеф С. Най. Мягкая сила. Слагаемые успеха в мировой политике. Нью-Йорк: Паблик Аффферз. 2004. 192 с.) / <http://www.intertrends.ru/seventh/014.htm>.

References

1. Soft power: teoriya, resursy, diskurs / pod. red. O.F. Rusakovej. – Ekaterinburg: Izdatel'skij dom «Diskurs-Pi», 2015. – 376 s.
2. Gazetov V. Sluzhba PR v Vooruzhyonnyx Silax SShA // <https://cyberleninka.ru/article/n/sluzhba-pr-v-vooruzhyonnyh-silah-ssha>.
3. Larina E. Vzlet i padenie «myagkoj sily» // http://communitarian.ru/posts/bolshoy_blizhniy_vostok/vzlet_i_padenie_myagkoj_sily_30082014.
4. Rusakova O.F., Rusakov V.M.. PR-Diskurs: teoretiko-metodologicheskij analiz. Ekaterinburg, Izdatel'skij dom «Diskurs-Pi», 2011. – 336 s.
5. Sergej Nikolaev, Vladimir Pereborenko, Kirill Zagurskij, Pyotr Danilov, Viktoriya Kul'byakina. «Armiya-2017» – suxoj ostatok: ob iskusstve vojny, shou i o novyx vyzovax // <http://rossaprimavera.ru/article/1247029b>.
6. Rossijskaya gvardiya, no bez sovetskoj // <https://rossaprimavera.ru/article/502372bb>.
7. Tribat Vladimir. Rec. na knigu D. Naya Myagkaya sila... / Joseph S. Nye. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. 192 p. (Dzhozef S. Naj. Myagkaya sila. Slagaemye uspeha v mirovoj politike. N'yu-York: Pablik Afferz. 2004. 192 s.) / <http://www.intertrends.ru/seventh/014.htm>.

UDC 321

SOFT POWER OF MILITARY POWER

Rusakov Vasily Matveevich,

Ural Federal University,
Department of political science,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: dipi@nm.ru

Annotation

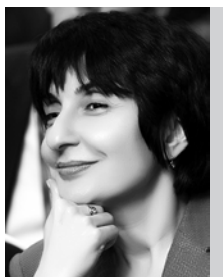
The content of the concept of “soft power” is sufficiently investigated in modern literature. Various “soft power” measurement systems have been developed. But there is one more direction – “soft power” of the military power. The article raises the problem and defines the content of “soft power of military power” on the example of comparison of the applied practices in the armed forces of Russia and its likely opponents.

Key concepts:

soft power, smart power, hard power, military power, soft power of military power.

УДК 327

GLOBAL ENGLISH КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ТРАНСЛЯТОР «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Пашаева Гюльшен Мамедали кызы

Центр Стратегических Исследований
при Президенте Азербайджанской Республики,
заместитель директора,
кандидат филологических наук, доцент,
Баку, Азербайджан,
E-mail: gulshan_pm@yahoo.com

Аннотация

В статье рассматривается роль английского языка как универсального транслятора «soft power» для государств, в которых английский язык является иностранным. Основываясь на статистических данных, предлагается использовать показатель уровня владения английским языком в качестве предварительной оценки потенциала «мягкой силы» неанглоязычных стран. В статье также подчеркивается роль русского языка как транслятора «мягкой силы» для стран постсоветского пространства.

Ключевые понятия:

мягкая сила, языковая политика, английский язык, русский язык.

Сегодня, когда в международных отношениях все большее значение начинают приобретать невоенные и неэкономические ресурсы внешнеполитического влияния, растет интерес к такому собирательному концепту как soft power («мягкая сила»). Как известно, Джозеф Най, впервые предложивший этот концепт, полагал, что soft power страны опирается в основном на три ресурса: культура (где эта культура привлекает остальных), политические ценности (когда страна придерживается этих ценностей у себя дома и за рубежом) и внешнюю политику (когда она выглядит легитимной, нравственной и авторитетной) [3, с. 11].

При таком подходе интуитивно ясно, что у «мягкой силы» есть т.н. «языковое измерение» [12], так как язык, с одной стороны, является неотъемлемой частью культуры, а, с другой, представляет собой наиболее естественный транслятор культурных и политических ценностей. Надо отметить, что ведущие мировые акторы уже давно и довольно успешно используют привлекательность своих

языков, продвижение которых стало важной составной частью их публичной дипломатии [11].

Взаимосвязь «мягкой силы» и языка отчетливо проявляется и при рассмотрении итогов рейтинга «мягкой силы» государств «The Soft Power 30», опубликованного международной консалтинговой компанией Portland [8]. Составители этого рейтинга при определении индекса культурной привлекательности стран используют также результаты рейтинга наиболее влиятельных языков мира Power Language Index [5]. Справедливости ради следует отметить, что К. Чан, автор Power Language Index, при составлении индекса использует ряд показателей, которые можно также рассматривать в качестве компонентов «мягкой силы» соответствующих стран. В частности, речь идет о наличии информационных ресурсов на различных языках в сети Интернет, количестве выпускаемых фильмов, издаваемых академических журналов, вузов, входящих в мировые рейтинги.

Поэтому неудивительно, что языки тридцати стран, вошедших в рейтинг «мягкой силы» государств, также занимают первые 27 позиций и в Power Language Index, за исключением греческого и венгерского, занявших в рейтинге языков 32 и 37 места соответственно. Еще одной особенностью рейтинга «мягкой силы» государств, связанной с языками, является то, что в этот рейтинг наряду с такими глобальными и региональными акторами, как США, Великобритания, Канада и Австралия, входят также Новая Зеландия и Ирландия, для населения которых английский язык является основным.

Можно полагать, что на высокие рейтинговые позиции последних двух стран определенное влияние оказывает фактор английского языка, особенно на фоне процессов формирования глобальной экономики, ведущим языком которой является *Global English* [10]. Фактически, благодаря способности любого языка объединять и сближать представителей различных этносов, религий и социальных групп, эти страны, основываясь на широкой распространённости английского языка, могут активно использовать возможности англоязычного мира для формирования соответствующей внешнеполитической повестки и продвижения собственных национальных интересов в информационном, культурном, научно-образовательном пространствах. Впрочем, верно и обратное, т.е. привлекательность этих стран в контексте «мягкой силы» в немалой степени обусловлена их изначальной англоязычностью. В частности, в рейтинге «мягкой силы» быстроразвивающихся экономик (Rapid-growth markets soft power index), опубликованном в 2012 году и охватывающим 20 стран, в качестве одного из параметров использовался уровень свободного владения английским языком (English fluency). В качестве примера здесь можно упомянуть Индию, имеющую преимущество перед другими странами, которые из-за слабого распространения английского языка испытывают трудности в процессах интеграции и общения с англоязычным миром [6, с. 12].

Более того, ряд исследователей полагают, что в условиях глобализации английский язык становится существенным ресурсом, который каждое общество может использовать для собственных целей. Однако, глобальное распространение английского (или его различных версий) еще не означает формирование единой мировой культуры, так как этот язык в разных культурах и обществах используется для продвижения различных ценностей, убеждений и мировоззрений [2, с. 68]. В частности, Китай пытается активно использовать английский язык, чтобы

продвигать уникальные ценности китайского общества и культуры. Несмотря на усилия по популяризации китайского языка, его распространение и влияние в мире по-прежнему ограничены, в связи с чем использование английского языка является неизбежным выбором и способом обеспечения безопасности в контексте укрепления позиций Китая в продвижении китайской культуры за рубежом [9].

Таким образом, английский язык становится своего рода «паспортом для общения на глобальном уровне», а требования знания английского языка как иностранного (English as a Foreign Language, EFL) для изучения многих предметов в вузах делает его рабочим языком для растущей доли лиц, формирующих общественное мнение [7, с. 5]. А с учетом возможностей глобальной сети Интернет, все эти процессы могут привести к усилению влияния неанглоязычных стран. Одновременно, наличие в таких странах значительного числа людей, владеющих английским языком, может создать благоприятные условия для усиления воздействия (трансляции) «мягкой силы», так как важнейшей характеристикой «мягкой силы» являются ее относительная независимость от официальных структур, в отличие, например, от «жесткой силы», целиком контролируемой правительством. Эту особенность отмечает и Дж. Най, когда указывает, что американскую «мягкую силу» «в значительной степени создает не государство, а гражданское общество – все, начиная с университетов и фондов, и кончая Голливудом и поп-культурой» [4].

Исходя из вышеизложенного, можно считать, что в современных условиях для неанглоязычных стран английский язык выполняет функцию основного транслятора «мягкой силы». Следовательно, высокий рейтинг «мягкой силы» данной страны должен соответствовать, как правило, более высокой доле населения, владеющей английским языком. Одним из возможных источников сведений об уровне владения английским языком может служить рейтинг EF English Proficiency Index (EF EPI) [1], рассчитываемый компанией Education First.

Для статистического обоснования взаимосвязи мягкой силы и уровня владения английским языком нами было проведено вычисление коэффициента корреляции между рейтингом «мягкой силы» ряда государств, за исключением англоязычных стран (США, Великобритания, Канада, Австралии, Новой Зеландии и Ирландии), а также Франции, Германии и Японии, входящих в «Большую семерку», и соответствующим рейтингом этих государств в English Proficiency Index (см. таблицу 1).

Таблица 1.

№	Страна	Рейтинг «мягкой силы»	Рейтинг владения английским языком
1	Швейцария	70,45	60,17
2	Швеция	69,32	70,81
3	Нидерланды	67,89	72,16
4	Дания	65,48	71,15
5	Норвегия	65,2	68,54
6	Австрия	63,75	62,13

7	Испания	63,57	56,66
8	Бельгия	62,8	60,9
9	Финляндия	62,37	66,61
10	Сингапур	58,55	63,52
11	Южная Корея	58,4	54,87
12	Португалия	54,43	59,68
13	Польша	51,27	61,49
14	Китай	50,5	50,94
15	Россия	49,6	52,32
16	Чехия	48,73	59,09
17	Венгрия	48,16	58,72
18	Бразилия	47,41	51,05
19	Турция	45,35	47,89

Статистический расчет по данным таблицы 1 показывает, что коэффициент ранговой корреляции Спирмена в данном случае равен 0,77. Как известно, близкое к единице значение этого коэффициента свидетельствует о том, что между рангом «мягкой силы» страны и страновым рангом владения английским языком существует статистически значимая положительная корреляционная зависимость. Как уже указывалось, эта зависимость является отражением того факта, что во многих странах для продвижения собственной «мягкой силы» (если она существует) необходим соответствующий уровень владения английским языком, так как именно английский язык является наилучшим транслятором «мягкой силы» на глобальном уровне.

Одновременно следует подчеркнуть, что с практической точки зрения взаимосвязь потенциала «мягкой силы» и уровня распространения английского языка, как универсального транслятора «мягкой силы», имеет большое значение и для тех малых стран, которые только находятся в начале процесса формирования собственной «мягкой силы». К числу таких стран относится и Азербайджан, который, находясь в сложном геополитическом окружении, может за счет собственной «мягкой силы» нейтрализовать ряд вызовов и угроз национальной безопасности. Согласно уже упоминавшемуся рейтингу EF EPI Азербайджан по уровню владения английским языком занимает 57 место среди 72 стран мира, уступая в европейском регионе России, Украине и Турции, а также соседнему Казахстану. Таким образом, в контексте мягкой силы в сфере языковой политики в Азербайджане следует обратить первоочередное внимание на реализацию специальных мер по увеличению доли населения Азербайджана, свободно владеющего английским языком.

Заметим также, что если *Global English* выполняет функцию универсального транслятора мягкой силы на мировом уровне, то и русский язык может с успехом играть аналогичную роль на постсоветском пространстве. В этой связи можно упомянуть выступление Президента Грузии Г. Маргвелашвили на международном форуме народной дипломатии «НАТО – Грузия», в котором он заявил

о важности использования русского языка в процессе защиты интересов Грузии. В выступлении он, с одной стороны, рассматривал русский язык как «инструмент» и даже «оружие», которое может быть использовано «внешним врагом» против национальных интересов страны [14]. С другой стороны, по его мнению, «использование русского языка необходимо для того, чтобы сказать правду о нашей политике и жизни, особенно это важно в процессе распространения реальной и правдивой информации о Грузии», а также «при общении с абхазами и осетинами» [13].

Как представляется, рассмотрение русского языка, именно как транслятора «мягкой силы», может позволить в известной степени деполитизировать вопрос о роли русского языка, который в ряде случаев превращается в заложника двухсторонних отношений между Россией и бывшими союзными республиками. Можно полагать, что такой прагматичный подход будет способствовать превращению этого языка в надежный канал информационно-культурного взаимодействия, как между официальными органами, так и общественностью постсоветских стран.

1. EF English Proficiency Index. The sixth edition. URL: <http://www.ef.com/epi>.
2. I-Chung Ke. A Global Language without a Global Culture: From Basic English to Global English // English as a Global Language Education (EaGLE) Journal, 2015, vol. 1, No. 1, p. 68. <http://www.ncku.edu.tw/lang/chinese/eagle/04%20Ke.pdf>.
3. Nye, Joseph S. Jr. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004, p. 11.
4. Nye, Joseph S. Jr. What China and Russia Don't Get About Soft Power // Foreign policy, April 29, 2013 URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2013/04/29/what_china_and_russia_don_t_get_about_soft_power.
5. Power Language Index. May 2016. Kai L. Chan, PhD. URL: http://www.kailchan.ca/wp-content/uploads/2016/12/Kai-Chan_Power-Language-Index-full-report_2016_v2.pdf.
6. Rapid-growth markets soft power index. P.12. URL: [http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/Rapid-growth_markets:_Soft_power_index/\\$FILE/Rapid-growth_markets-Soft_Power_Index-Spring_2012.pdf](http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/Rapid-growth_markets:_Soft_power_index/$FILE/Rapid-growth_markets-Soft_Power_Index-Spring_2012.pdf).
7. Rose, Richard. The Internet goes EFL (English as a Foreign Language) // Issues in Technology Innovation, Number 5, January 2011, p. 5. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/01_egl_rose.pdf.
8. The Soft Power 30. A Global Ranking of Soft Power. Portland, 2017. URL: <http://softpower30.com/wp-content/uploads/2017/07/The-Soft-Power-30-Report-2017-Web-1.pdf>.
9. Zhang Bingtian. The Exercise of Power: Analysis of the Role of China English in Cross-Cultural Communication. // Cross-Cultural Communication. Vol. 11, No. 10, 2015, pp. 9–14. URL: <http://www.cscanada.net/index.php/ccc/article/view/7561/8381>.
10. Кристал Д. Английский язык как глобальный. М.: Весь мир, 2001, с. 227–229.
11. Пашаева Г.М. Мировые языки как составная часть публичной дипломатии // «SAM Комментарии», выпуск XVI, ноябрь, 2016, Баку. URL: <http://sam.az/articles/view/mnpobbie-r3bikn-kak-coctabhar-hactb-tty6jinhon-dnnjiomatnn/az>.

12. Пашаева Г.М. Языковое измерение soft power. // Дискурс-Пи: Научный журнал, 2014, № 1 (14). С. 76–82.

13. Президент Грузии впервые за последние годы заявил о важности использования русского языка // tass.ru, 11 апреля 2017. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4173376>.

14. Президент Грузии вспомнил о русском языке // Коммерсант.ru, 11 апреля, 2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3268357>.

References

1. EF English Proficiency Index. The sixth edition. URL: <http://www.ef.com/epi>.

2. I-Chung Ke. A Global Language without a Global Culture: From Basic English to Global English // English as a Global Language Education (EaGLE) Journal, 2015, vol. 1, No. 1, p. 68. <http://www.ncku.edu.tw/lang/chinese/eagle/04%20Ke.pdf>.

3. Nye, Joseph S. Jr. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004, p. 11.

4. Nye, Joseph S. Jr. What China and Russia Don't Get About Soft Power // Foreign policy, April 29, 2013 URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2013/04/29/what_china_and_russia_don_t_get_about_soft_power.

5. Power Language Index. May 2016. Kai L. Chan, PhD. URL: http://www.kailchan.ca/wp-content/uploads/2016/12/Kai-Chan_Power-Language-Index-full-report_2016_v2.pdf.

6. Rapid-growth markets soft power index. P.12. URL: [http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/Rapid-growth_markets_Soft_power_index/\\$FILE/Rapid-growth_markets-Soft_Power_Index-Spring_2012.pdf](http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/Rapid-growth_markets_Soft_power_index/$FILE/Rapid-growth_markets-Soft_Power_Index-Spring_2012.pdf).

7. Rose, Richard. The Internet goes EFL (English as a Foreign Language) // Issues in Technology Innovation, Number 5, January 2011, p. 5. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/01_efl_rose.pdf.

8. The Soft Power 30. A Global Ranking of Soft Power. Portland, 2017. URL: <http://softpower30.com/wp-content/uploads/2017/07/The-Soft-Power-30-Report-2017-Web-1.pdf>.

9. Zhang Bingtian. The Exercise of Power: Analysis of the Role of China English in Cross-Cultural Communication. // Cross-Cultural Communication. Vol. 11, No. 10, 2015, pp. 9–14. URL: <http://www.cscanada.net/index.php/cc/article/view/7561/8381>.

10. Kristal D. Anglijskij yazyk kak global'nyj. M.: Ves' mir, 2001, c. 227–229.

11. Pashaeva G.M. Mirovye yazyki kak sostavnaya chast' publichnoj diplomatii // «SAM Kommentarii», vypusk XVI, noyabr', 2016, Baku. URL: <http://sam.az/articles/view/mnpobbie-r3bikn-kak-coctabhar-hactb-ty6jinhhon-dnnjiomatn/az>.

12. Pashaeva G.M. Yazykovoe izmerenie soft power. // Diskurs-Pi: Nauchnyj zhurnal, 2014, № 1 (14). С. 76–82.

13. Prezident Gruzii v pervye za poslednie gody zayavil o vazhnosti ispol'zovaniya russkogo yazyka // tass.ru, 11 aprelya 2017. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4173376>.

14. Prezident Gruzii vspomnil o russkom yazyke // Kommersant.ru, 11 aprelya, 2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3268357>.

UDC 327

GLOBAL ENGLISH AS A UNIVERSAL TRANSLATOR OF «SOFT POWER»

Pashayeva Gulshan Mamedali kyzy,

Center for Strategic Studies under the President of the Republic of Azerbaijan,
Deputy Director,
PhD in Philology, Associate Professor,
Baku, Azerbaijan,
E-mail: gulshan_pm@yahoo.com

Annotation

The article focuses on the role of English language as a universal translator of “soft power” for states where English is a foreign language. Based on statistical data it is proposed that the level of English proficiency should be used as a preliminary evaluation of the “soft power” potential of non-English speaking countries. The role of Russian language as a translator of “soft power” for the post-soviet states is also underlined in the article.

Key concepts:

soft power, language policy, English, Russian language.

УДК 008+130.2(510)

КУЛЬТУРНЫЙ БРЕНДИНГ В РЕПРЕЗЕНТАТИВНЫХ ПРАКТИКАХ КИТАЙСКОЙ МЯГКОЙ СИЛЫ

Ни Цзяоцзяо,

Забайкальский государственный университет,
аспирант кафедры востоковедения,
Чита, Россия,
Маньчжурский институт университета Внутренней Монголии,
старший преподаватель кафедры русского языка и литературы,
Маньчжурия, КНР,
E-mail: jiaoni@yandex.ru

Кучинская Татьяна Николаевна,

Забайкальский государственный университет,
доктор философских наук, доцент,
Чита, Россия,
E-mail: kuchinskaya_t@mail.ru

Аннотация

В статье культурный брендинг представлен как инновационный инструмент «мягкой силы» Китая. Авторы характеризуют современное состояние, потенциал и практики культурного брендинга в Китае. В заключении отмечается особенность китайской стратегии культурного брендинга, которая заключается в сочетании традиционализма и модернизации, региональной специфики и универсальности, ориентации на внутренний и международный рынок.

Ключевые понятия:

культурный брендинг, мягкая сила Китая, культурные бренды Китая.

В условиях всеобщей информатизации, транснационализации культуры и изменения форм межкультурного взаимодействия развитие получают репре-

зентативные механизмы «культурного влияния» – культурной «мягкой силы». В современном понимании мягкой силы «акцентируется внимание на репрезентативных (перформативных), смыслообразующих и ценностно-ориентировочных стратегиях, на способности осуществлять ментальное переформатирование посредством культивирования определенных желаний, предпочтений, образов, идей» [6, с. 69].

В подобных условиях активно эксплуатируются транслирующие и коммуникационные функции брендов, к разработке которых привлекаются «новые» неэкономические (культурно-ценностные) ресурсы. Культурный брендинг – относительно новое явление, не имеющее точного определения. С одной стороны, принято считать, что бренд как категория творческой деятельности человека входит в сферу культуры. Тем не менее, понятие «культурный бренд», как новизна первого, обозначает отдельное явление создания образа-имиджа с привлечением культурных ресурсов [7] и их репрезентации.

При этом репрезентация – это «не только средство визуализации образа, но и важный механизм его освоения, социо- и этнокультурной ретрансляции и интерпретации» [3, с. 77]. Культурный брендинг как репрезентативная практика мягкой силы культуры способствует формированию определенного образостереотипа, «выбора в пользу определенного агента влияния и <...> помогает одерживать главную победу в конкурентной борьбе за умы, ресурсы, рынки, естественные и произведенные богатства» [6, с. 68].

Несмотря на новизну самого феномена, культурный брендинг в Китае уже стал неотъемлемой частью национальных и региональных стратегий развития. Культурный бренд – это ядро конкурентоспособности культурной индустрии и важное проявление национальной культурной «мягкой силы» КНР. Культурный бренд, как воплощение материальных и нематериальных активов, является показателем уровня развития культурной индустрии. Грамотно выстроенный культурный бренд способствует развитию китайской индустрии культуры, повышению её международной конкурентоспособности и является необходимым условием продвижения китайской культуры в мире [1].

Партийное руководство КНР придает большое значение процессу создания культурных брендов с привлечением передовых творческих сил. В 2014 г. Си Цзиньпин в одном из выступлений в Пекине подчеркнул необходимость «активно развивать культурные индустрии, культурные бренды Китая, которые являются инструментом культурной «мягкой силы» страны» [9].

Развитие культурной индустрии в КНР вступило в новый этап конкуренции брендов. Культурное творчество как индустрия является частью национальной культурной стратегии КНР. Культурный брендинг становится инновационной формой государственной культурной политики КНР по развитию китайской индустрии культуры, повышению её международной конкурентоспособности и комплексной мягкой силы китайской культуры в мире.

«Научный подход» (科学方法) к развитию культурных индустрий и культурных брендов в КНР реализуется путем создания «мозговых центров». Ведущим является Центр исследования брендов китайских культурных индустрий при Центрально-южном университете, г. Чанша, пров. Хунань (中南大学中国文化产业品牌研究中心). За период с 2006 по 2017 гг. Центр опубликовал одиннадцать докладов о культурных брендах КНР, в которых в общей сложности были пред-

ставлены более 373 китайских культурных продуктов. Многообразие культурных брендов КНР демонстрирует уровень развития и дифференцированную структуру культурных индустрий, охватывающих все культурные сферы – 10 отраслевых категорий, включающих кино-, теле-, интернет-индустрию, печатные СМИ, индустрию туризма, литературу и искусство и ряд других брендов, в т. ч. национальных и региональных [10].

В содержательном плане культурные бренды должны отражать неповторимую оригинальность традиционной китайской культуры и выступать носителями её ценностей. Но в то же время, они должны быть современными и популярными. По мнению китайских аналитиков, таковым критериям полностью соответствуют культурные бренды; «Образ Юньнани» – самый крупный народный коллектив песен и плясок; «Взятие горы Вэйхушань» – исторический художественный фильм; «Люянхэ» парк культурной индустрии, культурно-исторический район Макао.

Высокая региональная дифференциация и богатое разнообразие региональных культур определяют развитие региональных культурных брендов в КНР. Так, высокоразвитые регионы и города прибрежной зоны КНР, опираясь на достижения в экономической, научно-технической сферах и качественные людские ресурсы, имеют возможность усиленно развивать инновационные типы культурных брендов регионов, главным критерием формирования которых выступает гармоничное сочетание национального стиля и инноваций. При этом в экономически слабо развитых районах центрального и западного Китая создание культурных брендов тесно связано лишь с ресурсными преимуществами территорий (местными достопримечательностями, богатой этнической культурой, своеобразными ремесленными изделиями и т. д.), на которые они могут опираться при формировании культурных бренд-стратегий. Культурные индустрии различных регионов КНР ищут свои ниши на рынке, выстраивая культурные бренды в соответствии со своей региональной спецификой [2]. К таковым региональным преимуществам относят: 1) географическое положение; 2) творческий человеческий потенциал; 3) финансовая и организационная поддержка на правительственном уровне.

Культурные бренды регионов КНР должны разрабатываться с перспективой выхода на национальный и международный рынок. Китайские эксперты в области развития культурных индустрий считают, что в условиях реализации стратегии построения «могущественного культурного государства» и «выхода вовне» китайской культуры, необходимо обеспечить возможность национальным культурным брендам вступить как в диалог, так и в здоровую конкуренцию с мировыми культурными брендами [2]. А это возможно лишь в условиях преодоления дисконта китайской культуры в мире и правильного определения ценностной наполненности китайских брендов, ориентированных на внутреннюю и внешнюю аудиторию.

Формирование культурных брендов как фактора регионального развития и механизма реализации культурной «мягкой силы» находится в Китае на стадии становления [4]. Анализ существующих практик показал наличие двух основных механизмов культурного брендинга в КНР. Во-первых, это брендрование объектов национального культурного наследия, т. е. продвижение существующих культурно-исторических, этнических культурных брендов, обладающих глубоким культурным содержанием и транслирующих традиционные культурные ценности. Яркими примерами таких брендов выступают: мероприятие, посвященное 70-летию «Великого похода» Китайской Красной Армии, «Музыкальный конкурс

революционных песен Китая» (中国红歌会), самый красивый город Китая – Феникс (пров. Хунань), художественный фильм «Взятие горы Вэйхушань» и т. д. Стоит отметить, что в ходе брендинга объектов национальной китайской культуры соблюдается принцип сохранения культурных традиций и учета этно-региональных особенностей.

Во-вторых, это создание инновационных креативных культурных брендов. В условиях глобализации культуры при создании культурных брендов необходим учет новейших мировых тенденций, внедрение инноваций и творческий подход. К наиболее успешным инновационным брендовым проектам КНР относят мультипликационный фильм «Синий кот»; китайскую версию музыкального конкурса «Голос», реалити-шоу для детей «Папа, куда ты?» и т. д.

Важно отметить, что культурный брендинг в КНР имеет двойственную природу: с одной стороны – культурно-идеологическую, а с другой – сугубо экономическую и, таким образом, оказывает двойственный эффект – социокультурный и экономический. Мошь «мягкого воздействия» бренда зависят от культурно-ценностного содержания самой культурной продукции и её экономической эффективности. Увеличение продаж продуктов «подлинной» культуры ведёт к распространению её влияния, росту положительного социального эффекта, и наоборот. Таким образом, экономический и социокультурный эффекты культурных брендов – это своеобразный канал распространения мягкой силы культуры [8, с. 96].

Подводя итог, можно сделать вывод, что в Китае процесс создания культурных брендов рассматривается как часть государственной стратегии развития индустрии культуры, повышения её международной конкурентоспособности и в целом продвижения китайской культурной «мягкой силы» вовне. При этом четко прослеживается специфика китайской стратегии культурного брендинга: гармоничное сочетание традиции и инновации, учёт региональной специфики, ориентация на внутренний и международный рынки. При создании культурных брендов используется два основных механизма: брендинг национальной культуры и создание инновационных креативных брендовых проектов. Практики построения культурных брендов в КНР как часть национальной концепции наращивания мягкой силы китайской культуры в мире представляет научный и практический интерес и требует дальнейшего исследования [5].

1. Абрамова Н. А. Культурные индустрии в социокультурных практиках современного Китая (на примере провинций Хэнань и Сычуань) // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2011. № 10. С. 95–100.

2. Дорожкова С. А., Т. Н. Кучинская Культурные бренды как инструмент «мягкой силы» Китая // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: сборник статей VIII Междунар. науч. – практич. конф. 2016. С. 72–80.

3. Калуцков В. Н. Географические подходы к созданию историко-культурных образов // Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест / под ред. В. К. Мальковой, акад. В. А. Тишкова. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2012. С. 63–83.

4. Кучинская Т. Н. Культурные бренды в социокультурном пространстве Китая: региональные практики Северо-Восточного региона // Россия и Китай:

проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2011. № 10. С. 122–123.

5. Ни Цзяоцзяо. Культурный брендинг как инструмент мягкой силы Китая // Имидж страны как фактор «мягкой силы» в международных отношениях: история и современность: материалы междунар. интернет-конференции АШПИ (1 апреля – 30 июня 2017 г.). URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=4313> (дата обращения: 10.08.2017 г.).

6. Русакова О.Ф. Методологические проблемы категориального и инструментального анализа soft power // Дискурс-Пи, 2014. № 1 (14). С. 68–74.

7. Старцева, А.С. Культурный брендинг российского региона: сущность и особенности реализации: монография. Омск: Издатель-Полиграфист, 2014. 112 с.

8. Тарабарко К. А. Мягкая сила культуры Китая: концептуальное содержание и практики реализации: дис... канд. филос. наук: 09.00.13. Чита, ЗабГУ, 2017. 216 с.

9. Чжунго вэньхуа пиньпай фачжань баогао (2015 нянь) = Доклад о развитии культурных брендов Китая (2015 г.) / Под ред. Оуян Юцюаня. – Бэйцзин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2015. 322 с. кит. яз.

10. Чжунго вэньхуа пиньпай фачжань баогао (2016 нянь) = Доклад о развитии культурных брендов Китая (2016 г.) / Под ред. Оуян Юцюаня. – Бэйцзин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2016. 364 с. кит. яз.

References

1. Abramova N.A. Kul'turnye industrii v sociokul'turnyx praktikax sovremennogo Kitaya (na primere provincij Xe'nan' i Sychuan') // Rossiya i Kitaj: problemy strategicheskogo vzaimodejstviya: sbornik Vostochnogo centra. 2011. № 10. S. 95–100.

2. Dorozhkova S.A., T.N. Kuchinskaya Kul'turnye brendy kak instrument «myagkoj sily» Kitaya // Aktual'nye problemy razvitiya KNR v processe ee regionalizacii i globalizacii: sbornik statej VIII Mezhdunar. nauch. – praktich. konf. 2016. S. 72–80.

3. Kaluckov V.N. Geograficheskie podxody k sozdaniyu istoriko-kul'turnyx obrazov // Kul'tura i prostranstvo: istoriko-kul'turnye brendy i obrazy territorii, regionov i mest / pod red. V.K. Mal'kovej, akad. V.A. Tishkova. Rostov n/D: YuNC RAN, 2012. S. 63–83.

4. Kuchinskaya T.N. Kul'turnye brendy v sociokul'turnom prostranstve Kitaya: regional'nye praktiki Severo-Vostochnogo regiona // Rossiya i Kitaj: problemy strategicheskogo vzaimodejstviya: sbornik Vostochnogo centra. 2011. № 10. S. 122–123.

5. Ni Czyaocyao. Kul'turnyj brending kak instrument myagkoj sily Kitaya // Imidzh strany kak faktor «myagkoj sily» v mezhdunarodnyx otnosheniyax: istoriya i sovremennost': materialy mezhdunar. internet-konferencii AShPI (1 aprelya – 30 iyunya 2017 g.). URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=4313> (data obrashheniya: 10.08.2017 g.).

6. Rusakova O.F. Metodologicheskie problemy kategorial'nogo i instrumental'nogo analiza soft power // Diskurs-Pi, 2014. № 1 (14). S. 68–74.

7. Starceva, A.C. Kul'turnyj brending rossijskogo regiona: sushhnost' i osobennosti realizacii: monografiya. Omsk: Izdatel'-Poligrafist, 2014. 112 s.

8. Tarabarko K. A. Myagkaya sila kul'tury Kitaya: konceptual'noe sodержanie i praktiki realizacii: dis... kand. filos. nauk: 09.00.13. Chita, ZabGU, 2017. 216 s.

9. Chzhungo ve'n'xua pin'paj fachzhan' baogao (2015 nyan') = Doklad o razvitii kul'turnyx brendov Kitaya (2015 g.) / Pod red. Ouyan Yucyuanya. – Be'jczin: She'xue'j ke'syue' ve'n'syan' chuban'she', 2015. 322 s. kit. yaz.

10. Chzhungo ve'n'xua pin'paj fachzhan' baogao (2016 nyan') = Doklad o razvitii kul'turnyx brendov Kitaya (2016 g.) / Pod red. Ouyan Yucyuanya. – Be'jczin: She'xue'j ke'syue' ve'n'syan' chuban'she', 2016. 364 s. kit. yaz.

UDC 008+130.2(510)

CULTURAL BRANDING IN REPRESENTATIVE PRACTICES OF CHINA'S SOFT POWER

Ni Jiaojiao,

Transbaikal State University,
Postgraduate Student of Oriental Studies Department,
Chita, Russia,
Manzhouli Branch of Inner Mongolia University,
Senior Lecturer of Department of Russian Language and Literature,
Manzhouli, China,
E-mail: jiaoni@yandex.ru

Kuchinskaya Tatiana Nikolaevna,

Transbaikal State University
Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Chita, Russia,
E-mail: kuchinskaya_t@mail.ru

Annotation

In the article cultural branding is represented as innovative implemental mechanism of China's "soft power". Authors characterize current state, potential and outstanding practices of cultural branding in China. In conclusion they specify features of the Chinese strategy of cultural branding, that include harmonious combination of traditions and innovations, regional diversity and universality, and orientation toward domestic and foreign audience.

Key concepts:

cultural branding, China's soft power, China's cultural brands.

УДК 327.8(470+4/5)

«SOFT POWER» РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ И ПРОБЕЛЫ В РЕАЛИЗАЦИИ

Мураталиева Замира Тулкуновна,

Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина,
кандидат политических наук, доцент,
Кыргызстан, Бишкек,
E-mail: nargi84@yandex.ru

Аннотация

В статье предпринята попытка проанализировать сильные и слабые стороны мягкой силы России в Центральной Азии. Акцентируется внимание на необходимости содержательного наполнения концепции, а также укрепления и модернизации образовательной политики России в странах региона. Выявлены особенности реализации мягкой силы, а также разработаны рекомендации и сделаны выводы по проблематике.

Ключевые понятия

мягкая сила, Россия, Центральная Азия, сильные стороны, НПО.

Понятие «мягкая сила» вошло во внешнеполитический лексикон и практику Российской Федерации относительно недавно. В концепции внешней политики РФ 2013 г. «мягкая сила» впервые упоминается в качестве одного из форматов ее внешней политики в современных геополитических реалиях. При этом США активно используют «мягкий инструментарий» уже на протяжении нескольких десятилетий, разработав внушительное количество различных тактик и накопив значительный опыт [1]. В силу данных обстоятельств для России представляется целесообразным проводить учет работы реализации мягкой силы и других акторов в Центральной Азии с целью выработки собственных подходов и способов влияния.

Евразийский концепт как идея

Представляется, что основная задача, которая должна стоять перед РФ в контексте формирования привлекательного для центральноазиатских госу-

дарств образа для подражания и превращения в один из центров притяжения, должна состоять в концептуальном оформлении своего видения международного порядка.

Евразийский концепт должен не просто раскрывать уникальное местоположение России между Востоком и Западом, в нем должно быть обозначено, почему центральноазиатским государствам будет выгоднее углублять сотрудничество именно с Россией в культурном и политическом аспектах. Идея должна обладать потенциалом формирования новой идентичности, во-первых, для поддержания статуса российского культурного влияния, во-вторых, для легитимации политических решений в странах региона, направленных на укрепление интеграционных процессов.

Евразийство или новый концепт должен рассматриваться как один из основных методов обеспечения мягкой силы, характеризующийся своей привлекательностью в качестве пробуждения и репрезентационной силы. Данная идея должна быть ориентирована не на деятельность конкретных политических акторов, а выступать объединяющим стимулом для широких социальных групп как в самой России, так и за ее пределами. Здесь же стоит отметить важность ценностного аспекта мягкой силы России: в чем заключаются евразийские ценности и насколько они близки и отвечают реалиям центральноазиатских государств?

Здесь ключевую роль должны сыграть аналитические центры и проведение совместных исследований с целью поиска точек соприкосновения, а также программы по обмену студентами и сильные экспертные площадки.

НПО как базовые проводники Soft Power

Говоря о российской мягкой силе в Центральной Азии, стоит выделить НПО, зарегистрированные и функционирующие на местах в регионе, а также НПО, штаб-квартиры которых находятся в России.

В Казахстане существует несколько российских НПО, дискуссионных площадок и постоянных форматов для продвижения мягкой силы. В Кыргызстане активно реализует мягкую силу Фонд «Евразийцы – новая волна», занимающийся укреплением историко-культурных, научных и образовательных связей между Россией и Кыргызстаном. В Таджикистане НПО представлены в основном организациями российских соотечественников. В Узбекистане в силу внутреннего законодательства и «особого» отношения к НПО-сектору деятельность российских структур сильно ограничена, а в Туркменистане нет ни одной организации, объединяющей русскоязычных граждан, кроме русской школы им. А. С. Пушкина [2].

Среди НПО, находящихся в России, можно выделить Фонд Горчакова, который несколько раз в год проводит школы, мастер-классы и тренинги для политологов и международных экспертов, а также проводит конкурсы для финансирования местных НПО по нескольким приоритетным направлениям. Другим примером может служить Политологический центр Север-Юг, который на постоянной основе проводит международные конференции и круглые столы в странах региона.

Такие структуры, как Фонд «Русский мир» и Россотрудничество делают ставку на развитие русского языка, работу с соотечественниками, а также за-

нимаются грантовыми программами для преподавателей и исследователей. Представительства Россотрудничества есть во всех пяти государствах ЦА, причем в Казахстане – в двух городах: Алма-Ате и Астане.

Стоит подчеркнуть в целом, что российским НПО в странах Центральной Азии необходимо усилить координацию работы и взаимодействие между собой для получения синергетического результата, с целью укрепления полученных результатов. Также отдельное внимание стоит уделить исследовательской деятельности, характер которой порой носит весьма абстрактно-теоретический характер. В то время как НПО в связке с аналитическими центрами должны вырабатывать конкретные рекомендации для достижения целей мягкой силы на среднесрочную перспективу, а также проводить своевременную работу над ошибками и вносить коррективы в работе.

Образование как критерий мягкой силы

Одним из самых сильных базовых элементов мягкой силы России в регионе является образовательная политика, которая отличается широкой сетью российских учреждений (кроме Туркменистана) и разнонаправленностью программ и грантов.

Следует отметить, что во всех странах Центральной Азии, кроме Туркменистана, представлена сеть государственных (к примеру, филиал МГУ в Душанбе, КРСУ, РТСУ) и частных российских вузов.

Ежегодно министерство образования и науки выделяет квоты гражданам Центральной Азии для обучения в российских вузах. В частности, граждане Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана могут поступать на бюджетные места в российских вузах на общих основаниях с российскими гражданами.

По различным данным, в 2017 году в России обучаются около 70 тыс. казахстанцев [3], 20 тыс. таджикстанцев [4], 16 тыс. кыргызстанцев [5] и около 17 тыс. узбекистанцев [6]. Более того, желающих обучаться в вузах России после вступления Кыргызстана в ЕАЭС стало больше, расширяется также география российских вузов – теперь спросом пользуются также вузы Сибири, Дальнего Востока, Севера, западной части России.

Тем не менее, необходимо продолжить работу над повышением привлекательности российского образования, особенно на фоне того, какие позитивные динамики наблюдаются у других внешнеполитических акторов в регионе Центральной Азии.

Для сравнения – на лицо тенденция повышения привлекательности китайского образования. Можно взять в пример кейс Казахстана, когда в 2014 году в Китае обучались около 9 тыс. казахстанских студентов, но уже в 2016 году этот показатель достиг 13 тыс., а к 2020 году планируется довести этот показатель до 20 тыс. человек [7].

Это подтверждает тезис о том, что говорить о стратегической роли высшего образования как механизма российской мягкой силы преждевременно, учитывая, что политика в этой сфере остается «инертной и ситуативно-реактивной, во многом продолжая работать в рамках треков, намеченных еще в советское время» [8, с. 70]. В связи с чем можно предположить, что в случае отсутствия новых инициатив и отвечающих реалиям средне- и долгосрочных проектов,

исторически сложившиеся культурные и академические связи рискуют значительно ослабнуть.

Сильные стороны Soft power

В первую очередь, одной из самых важных основ для мягкой силы РФ является имеющаяся и *расширяющаяся сеть СМИ*, которые качественно вещают и публикуются на русском языке и имеют доверие у широких слоев населения центральноазиатских государств.

Примером мультимедийного центра в ЦА может служить телевизионный канал Спутник, который охватывает все важные события в странах с непрерывным освещением политики, экономики, социальных вопросов, культуры и спорта. Содержание веб-сайтов Sputnik (<http://sputnik.kg>; <http://sputnik-tj.com>; <http://ru.sputniknews-uz.com>) разрабатывается с помощью всевозможных медиаформатов, используемых сегодня.

Стоит подчеркнуть другой уникальный источник оказания влияния России на центральноазиатские государства, которого нет у США – *мигранты*. Здесь важна хорошо продуманная миграционная политика, с одной стороны, направленная на удовлетворение социально-экономических потребностей России, с другой – на формирование своего привлекательного имиджа. В этом отношении также важным механизмом могут выступить НПО.

Стоит также выделить, что у России как правопреемницы СССР есть такой уникальный инструмент мягкой силы, как *единая история*. Так, празднование годовщин дня победы показало, что этот праздник может быть достаточно сильным консолидирующим фактором для миллионов людей не только на пространстве СНГ, но и за его пределами. В 2017 году в акции «Бессмертный полк» приняли участие жители более 70 стран со всех континентов планеты. Помимо России, самые массовые шествия прошли в Белоруссии, Молдавии, Казахстане, Украине и других странах мира.

Россия регулярно оказывает *финансовую помощь государствам региона* и на двусторонней основе. К примеру, в апреле 2015 г. Россия и Кыргызстан создали совместный Фонд развития для адаптации национальной экономики Кыргызстана к нормам ЕАЭС. В рамках «официальной помощи развитию Кыргызской Республики» в 2017 году был списан долг Бишкеку на сумму 240 млн. долл. В апреле 2016 г. Москва списала Ташкенту долг в размере \$865 млн. [9].

Подобные меры и имеющийся арсенал инструментов мягкой силы РФ укрепляют позиции Москвы в регионе, тем не менее, стоит подвергать анализу также и слабые стороны в этом вопросе.

Пробелы в реализации Soft Power

Образовательная политика и наличие широкой сети образовательных учреждений в странах Центральной Азии дает крепкий фундамент для успешной реализации мягкой силы РФ. Однако в данном аспекте стоит выделить несколько проблемных моментов.

Во-первых, *образовательный аспект мягкой силы Москвы имеет слабые позиции в регионах*. На примере Кыргызстана можно сказать, что в региональном

разреze наиболее крепкие позиции у Турции, которая за годы независимости Кыргызстана обосновала широкую сеть образовательных учреждений не только в больших городах, но и в регионах страны.

Также важно выделить упущение, связанное с *отсутствием долгосрочной стратегии отслеживания выпускников российских образовательных учреждений*. После получения диплома о высшем образовании, к примеру, КРСУ или РТСУ не создали Alumni-центра или клубов выпускников, где они на постоянной основе могли бы встречаться уже будучи полноценными специалистами или даже агентами влияния. Подобные собрания выпускников носят спорадический и неопределенный характер. В то время как западная модель мягкой силы делает большой акцент на поддержке и отслеживании своих выпускников и их дальнейшей роли в качестве проводников мягкой силы.

Образовательные учреждения слабо работают над PR-стратегией своих вузов, повышением имиджа и узнаваемости учреждения, обратной связью и коммуникациями. В эпоху информационного общества делать ставку только на наличие русскоязычного образования и диплома российского образца, было бы недостаточным. Высшее образование должно быть конкурентоспособным и привлекательным, в первую очередь, для абитуриентов, которые должны видеть практическую составляющую и выгоду получения образования именно в этом вузе.

Российским вузам в регионе ЦА не хватает адаптивности и мобильности, учитывая, что профессорско-преподавательский состав имеет ограниченные шансы пройти стажировки как минимум в тех же вузах России для обмена опытом и передовыми технологиями. Одной из сильных сторон мягкой силы США является как раз подобная мобильность, когда преподаватели американских вузов в странах ЦА (АУЦА, КАУ) имеют возможность получить опыт и практику в образовательных учреждениях США и Европы, тем самым перенося атмосферу и дух «американской мечты» на места.

Содержательная направленность российских проектов также может быть предметом для обсуждения. Так, к примеру, в реализации российской мягкой силы, как справедливо отмечают эксперты, существует «малое количество программ в сфере здравоохранения и экологии» [10, с. 74].

Также по объективным факторам стоит заметить, что в силу особенностей политического режима и законодательства некоторых государств (Туркменистан и Узбекистан) *проводить политику мягкой силы России приходится дифференцированно*. В государствах-членах ЕАЭС (Казахстан и Кыргызстан) в целом результаты от политики мягкой силы России достаточно хорошие, в то время как в Таджикистане необходимо усилить работу, не говоря уже об Узбекистане и Туркменистане.

Рекомендации

Исходя из вышеизложенного, представляется, что для России для успешной реализации мягкой силы в Центральноазиатском регионе большое значение имеют следующие моменты:

✓ прежде всего, необходимо содержательно наполнить концепцию мягкой силы, чтобы она вызывала четкий ассоциативный ряд. Представляется целесоо-

бразным подчеркнуть концепцию евразийства и ее несводимость к коммунизму в качестве идеологической основы восстановления СССР [11];

✓ важно культивировать развитие аналитических центров, занимающихся прикладными исследованиями на территории республик ЦА (открытие филиалов российских «фабрик мысли» в центральноазиатских республиках и привлечение к работе местных экспертов);

✓ отдельным направлением следует выделить работу на местах и в регионах как в понимании генерации и реализации региональных проектов, так и в направлении усиления внимания к потребностям и ожиданиям широких слоев населения;

✓ необходимо работать в направлении укрепления и модернизации российских вузов в Центральной Азии. Кроме того, важно и в дальнейшем контактировать с выпускниками российских вузов в целях углубления связей с молодежью стран ЦА и «закрепления» позитивного опыта мягкой силы.

В целом следует отметить, что инструменты «мягкой силы» являются дорогостоящими и рассчитанными на длительное, но непрекращающееся последовательное воздействие. Их влияние фактически незаметно в краткосрочной перспективе, но гарантирует долгосрочные результаты.

1. CSIS Commission on Smart Power. A Smarter, More Secure America / Edited by Armitage R., Nye J. // URL: http://csis.org/files/media/csis/pubs/071106_csissmartpowerreport.pdf (2007).

2. Общественные и некоммерческие организации в России, занимающиеся проблематикой соотечественников за рубежом и переселенцев. Информация из справочного издания МИД России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-73419.html?page=8/>.

3. Тасмагамбетов встретился с казахстанскими студентами в Москве 30 мая 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://i-news.kz/news/2017/05/30/8515034-tasmagambetov_vstretilsya_s_kazahstanski.html.

4. Россия увеличила квоты на бесплатное обучение для таджикских студентов 9 февраля 2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://evrazia-ural.ru/novosti/rossiya-uvlechila-kvoty-na-besplatnoe-obuchenie-dlya-tadzhikskih-studentov>.

5. В России обучаются 16 тысяч студентов из Кыргызстана. 26 апреля 2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bilim.akipress.org/ru/news:1379167>.

6. Всего в России обучается около 17 тысяч узбекских студентов. 20 декабря 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.sputniknews-uz.com/society/20161220/4432177/Uzbekistan-studenty-RF-vuzy.html>.

7. Увеличить количество студентов из Казахстана в вузах КНР до 20 тыс. к 2020 году намерены в Ассоциации университетов стран Шелкового пути 24 декабря 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://express-k.kz/news/lenta_novostey/uvlechit_kolichestvo_studentov_iz_kazahstana_v_vuzakh_knr_do_20_tys_k_2020_godu_namereny_v_assotsi-91052.

8. Центральная Азия: Социально-гуманитарное измерение / М.М. Лебедева, К.П. Боришполец, Н.А. Иванова, М.А. Чепурина. – М.: Аспект Пресс, 2016. – С. 70.

9. Путин списал Узбекистану долг 5 апреля 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/economics/05/04/2016/57041af49a7947220df53400>.

10. Центральная Азия: Социально-гуманитарное измерение / М.М. Лебедева, К.П. Боришполец, Н.А. Иванова, М.А. Чепурина. – М.: Аспект Пресс, 2016. – С. 70.

11. Бжезинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и ее геостратегические императивы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://read.virmk.ru/b/bzezinsky/index.htm>.

References

1. CSIS Commission on Smart Power. A Smarter, More Secure America / Edited by Armitage R., Nye J. // URL: http://csis.org/files/media/csis/pubs/071106_csissmartpowerreport.pdf (2007).

2. Obshhestvennye i nekommercheskie organizacii v Rossii, zanimayushhiesya problematikoj sootchestvennikov za rubezhom i pereselencev. Informaciya iz spravochного izdaniya MID Rossii [E'lektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-73419.html?page=8/>.

3. Tasmagambetov vstretilsya s kazaxstanskimi studentami v Moskve 30 maya 2017 [E'lektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://i-news.kz/news/2017/05/30/8515034-tasmagambetov_vstretilsya_s_kazahstanski.html.

4. Rossiya uvelichila kvoty na besplatnoe obuchenie dlya tadjikskix studentov 9 fevralya 2017 g. [E'lektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://evrazia-ural.ru/novosti/rossiya-uvelichila-kvoty-na-besplatnoe-obuchenie-dlya-tadjikskix-studentov>.

5. V Rossii obuchayutsya 16 tysyach studentov iz Kyrgyzstana. 26 aprelya 2017 g. [E'lektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://bilim.akipress.org/ru/news:1379167>.

6. Vsego v Rossii obuchaetsya okolo 17 tysyach uzbekskix studentov. 20 dekabrya 2016 g. [E'lektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://ru.sputniknews-uz.com/society/20161220/4432177/Uzbekistan-studenty-RF-vuzy.html>.

7. Uvelichit' kolichestvo studentov iz Kazaxstana v vuzax KNR do 20 tys. k 2020 godu namereny v Associacii universitetov stran Shelkovogo puti 24 dekabrya 2016 g. [E'lektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://express-k.kz/news/lenta_novostey/uvelichit_kolichestvo_studentov_iz_kazahstana_v_vuzakh_knr_do_20_tys_k_2020_godu_namereny_v_assotsi-91052.

8. Central'naya Aziya: Social'no-gumanitarnoe izmerenie / М.М. Лебедева, К.П. Боришполец, Н.А. Иванова, М.А. Чепурина. – М.: Аспект Пресс, 2016. – С. 70.

9. Путин списал Узбекистану долг 5 апреля 2016 г. [E'lektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.rbc.ru/economics/05/04/2016/57041af49a7947220df53400>.

10. Central'naya Aziya: Social'no-gumanitarnoe izmerenie / М.М. Лебедева, К.П. Боришполец, Н.А. Иванова, М.А. Чепурина. – М.: Аспект Пресс, 2016. – С. 70.

11. Bzhezinskij Z. Velikaya shaxmatnaya doska: gospodstvo Ameriki i ee geostrategicheskie imperativy [E'lektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://read.virmk.ru/b/bzezinsky/index.htm>.

UDC 327.8(470+4/5)

RUSSIAN SOFT POWER IN CENTRAL ASIA: KEY ASPECTS AND OMISSIONS IN IMPLEMENTATION

Muratalieva Zamira Tulkunovna,

Kyrgyz-Russian Slavic University,
PhD in Political Science, Associate Professor,
Kyrgyzstan, Bishkek,
E-mail: nargi84@yandex.ru

Annotation

The article attempts to analyze the strengths and weaknesses of Russia's soft power in Central Asia. Attention is focused on the need for a meaningful filling of the concept, as well as strengthening and modernizing Russia's educational policy in the countries of the region. The specifics of the implementation of soft power are revealed, and recommendations and conclusions are drawn up on the problems.

Key concepts:

soft power, Russia, Central Asia, strengths, NGOs.

УДК 327

ВОЗМОЖНОСТИ И ЛИМИТЫ МЯГКОЙ СИЛЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Аванесова Мария Станиславовна,

Западночешский университет в Пльзени,
аспирант,
Пльзень, Чешская Республика,
E-mail: mariaavanesova93@gmail.com

Аннотация

Данная статья посвящена возможностям российской «мягкой силы» в Средней Азии. Кроме того, в ней анализируется российский подход к понятию «мягкой силы». Отдельное внимание уделено и источникам «мягкой силы». Автор анализирует роль Русской Православной Церкви, Русского мира и Россотрудничества и мигрантов в создании «мягкой силы» России в Средней Азии.

Ключевые понятия:

Россия, мягкая сила, Средняя Азия, РПЦ, Русский мир, Россотрудничество, Послы русского языка.

Сегодня мягкая сила (*soft power*), т. е. способность одного актора влиять на поведение других акторов, не используя средств принуждения, становится одним из наиболее важных инструментов внешней политики, потенциал которого не стоит недооценивать.

Впервые термин «мягкая сила» был использован Джозефом С. Наем-младшим. В своей книге «*Soft Power: The Means to Success in World Politics*» он говорит о том, что государство А будет успешно в мировой политике не только, если будет с помощью «жестких»¹ инструментов воздействия принуждать остальные государства (В, С...) к действиям, которые будут выгодны для А, но и в случае, когда государство А будет примером для остальных.

¹ В данном случае под «жесткими» инструментами воздействия понимается экономические и силовые способы воздействия.

По мнению Най, источниками «мягкой силы» являются культура (в местах, где она привлекательна для других), политические ценности (в том случае, если государственные элиты руководствуются ими во внутренней и внешней политике) и внешняя политика (когда другие считают её законной и имеющей моральное право) [1, с. 11].

В дальнейших своих работах Най заметил, что в некоторых случаях и экономические ресурсы могут стать источником «мягкой силы» [7, с. 154]. Кроме того, и военные ресурсы могут быть источником «мягкой силы» в связи с тем, что «... сотрудничество в военной области и программы подготовки могут создать транснациональную сеть, увеличивающую мягкую силу страны» [7, с. 156].

В своих работах Най отмечает, что необходимо создавать «мягкую силу», опираясь лишь на правдивую информацию. Любое искажение фактов не будет отличать такую «мягкую силу» от пропаганды [1, с. 107], а неправильное использование любого из вышеперечисленных источников, в свою очередь, может привести к обратному эффекту и подорвать мягкую силу страны [6, с. 156]. В качестве инструментов «мягкой силы» Най называет не только государственные, но и негосударственные акторы [1, с. 17].

В России первые разговоры о необходимости использовать «мягкую силу» во внешней политике начались во время «цветных революций» на постсоветском пространстве. Представители России понимали, что если Россия хочет удержать и усилить свои позиции в данном регионе, то необходимо действовать не только с помощью инструментов «жесткой силы». В 2007 Россия открывает фонд «Русский мир», позднее Россотрудничество, фонд Горчакова.

Новая волна внимания к мягкой силе была вызвана программной статьёй Владимира Путина «Россия и меняющийся мир» в 2012 году. В качестве акторов, создающих мягкую силу, Путин обозначил Россотрудничество, фонд «Русский мир» и ведущие российские университеты. Роль СМИ и негосударственных акторов наоборот была критикована, данные институты были охарактеризованы как инструменты, которые дестабилизируют внутривнутриполитическую ситуацию и способствуют манипуляции общественным мнением [8]. В Концепции внешней политики РФ 2013 года также указывается, что «мягкая сила» может быть одним из инструментов вмешательства во внутренние дела суверенных государств. Несмотря на то, что Концепция расширяет количество акторов, которые способны создать «мягкую силу», фактически государство и дальше продолжало уделять внимание лишь государственным институтам.

Такую позицию российского руководства Дж. Най не оставил без внимания. В своей статье «*What China and Russia Don't Get about Soft Power*» Най пишет о том, что российская ошибка заключается в том, что российские элиты думают о том, что правительство является главным институтом «мягкой силы» [2].

События последних трёх лет указывают на то, что Россия активно использует свою «жесткую силу». Однако трудно сказать, что использование этой силы играет на пользу России в отношениях не только с Западом, но и с государствами на постсоветском пространстве. Результаты информационной кампании, которая ведется против России, указывают на существующие

проблемы в возможностях России создавать и использовать «мягкую силу». А ведь именно использование потенциала «мягкой силы» на постсоветском пространстве может помочь России избавиться от ситуации, когда отношения между Россией и странами СНГ зависят от личных отношений между главами государств. Отказ от использования «мягкой силы» на этой территории и вовсе может привести к созданию идентичности постсоветских государств на антироссийской основе [3].

Территориально данная работа ограничена регионом Средней Азии. По мнению Лебедевой, Россия в Средней Азии имеет преимущество в использовании «мягкой силы», которое заключается в наличии дружеских, родственных и профессиональных связей, участия в совместных интеграционных проектах и использовании русского языка в данном регионе [4, с. 49–50]. А Александр Шустов в своей статье указывает, что «если военно-политическое влияние России в регионе все еще достаточно сильно, то тренд на сокращение демографического и культурно-языкового фундамента русского мира сохраняется. Главной причиной сжатия русскоязычного пространства в регионе является сокращение численности русского населения, которое влечет за собой дальнейшее сужение культурно-языковой сферы» [12].

Действительно, количество российских соотечественников в странах Средней Азии уменьшается (этому способствует и программа возвращения соотечественников). В Туркменистане и Таджикистане русских практически не осталось. Уменьшение российского культурно-цивилизационного влияния вызвано и отказом политических элит от русского языка. Руководство Туркменистана *de facto* лишило граждан возможности обучения на русском. В стране работает только одна туркмено-российская школа [12]. Кроме того, в стране отсутствует представительство фонда «Русский мир». Представительство фонда отсутствует и в Узбекистане, где также заметна тенденция сокращения образования на русском. Все мероприятия фонда «Русский мир» и Россотрудничества направлены на укрепление позиций русского языка, культуры и литературы в данном регионе, однако их усилий для распространения русского языка и культуры недостаточно. Например, в Таджикистане они явно уступают китайским центрам по изучению китайского языка и культуры «Конфуций» [11].

Следующим проектом, финансируемым государством и направленным на изучение русского языка, является проект *«Послы русского языка в мире»*. Проект был создан в 2015 году и курируется Институтом Пушкина. В 2015–2016 годах в рамках проекта российские волонтеры ездили в страны СНГ (на данный момент «экспедиции» прошли в Армении, Молдове, Кыргызстане и Таджикистане). «Послы» учат детей в средних школах в течение недели, знакомят детей с русской культурой, традициями и русским языком. Кроме того, школьники под руководством наставников готовят концерты, в рамках которых дети читают русские стихотворения, показывают русские сказки, поют русские песни. Данный проект реализуется в сотрудничестве со Славянским университетом в данных странах. Несмотря на огромный потенциал данного проекта, у него есть и значительные лимиты. Первым из них является период обучения «послами» детей – фактически «послы»

успевают провести 12–15 уроков за время своего пребывания. Существенно ограничены и возможности дальнейшей поддержки данных классов и школ со стороны данной программы. Несмотря на существование интернет-портала «Образование на русском», который предлагается использовать учителям русского языка во время своих уроков и детям для улучшения своих знаний, его внедрение в условиях Таджикистана и Киргизии осложнено отсутствием доступа в Интернет в большинстве школ.

Следующим актором являются религиозные институты. После распада СССР в Центральной Азии увеличивалось число исламских школ, институтов, количество мечетей. В политику и общественную жизнь проникала радикальная исламская идеология. Страны данного региона, за исключением Казахстана, ощущали себя частью исламского мира, что неизбежно отражалось на отношениях с Россией, где начали активно вспоминать о «государствообразующей» роли РПЦ. Более того, Алексей Малашенко считает, что принадлежность к различным религиям стала фактором взаимоотталкивания между Россией и странами Средней Азии [5]. Однако РПЦ удалось наладить хорошие отношения с представителями ислама. Источники указывают, что существовало негласное правило, согласно которому Русская Православная Церковь не проводила миссионерскую деятельность среди мусульман, а представители ислама не проводили миссионерскую деятельность среди православных [6]. Но это не спасло позиции РПЦ в регионе, которые значительно ослабли из-за оттока русскоязычного населения.

Усилия патриарха Кирилла по консолидации зарубежных епархий, которые в случае Средней Азии заключались в административной реформе (был создан Среднеазиатский митрополичий округ РПЦ), не принесли ожидаемых результатов по усилению позиций Церкви в регионе. В 2015 году РПЦ запускает интернет-телеканал для православных Центральной Азии. В епархиях на территории Средней Азии начинают вести службы и на местном языке, что, в свою очередь, вызвало негативную реакцию между некоторыми представителями ислама. В Казахстане подобная инициатива привела к тому, что Духовное управление мусульман обвинило РПЦ в желании распространить геополитическое влияние России [9]. Проблемы существуют и в Туркменистане, где можно говорить о «туркменизации» Церкви, возможности Церкви в данной стране сведены к нулю.

Последним актором «мягкой силы» России являются среднеазиатские мигранты, живущие в России. По данным МВД в период с января по март 2017 года в России были поставлены на миграционный учет 127810 граждан Казахстана, 192750 граждан Киргизии, 775692 граждан Узбекистана, 10537 граждан Туркмении, 407963 граждан Таджикистана, что составляет около 53 процентов от числа всех граждан зарубежных стран, которые были поставлены на миграционный учет в России в течение данного периода [10]. Именно они могут помочь России создать привлекательный образ в глазах своих соотечественников, проживающих в странах Средней Азии посредством передачи своего образа России/опыта с Россией своим родственникам, друзьям и знакомым. По данным опроса, который был нами проведен среди мигрантов, приехавших из Средней Азии на заработки в Россию, можно го-

ворить о том, что большинство из них разочарованы в России. Среди факторов, ухудшающих образ России, они называют отношение к себе со стороны российских граждан и фактическую незащищенность перед российскими работодателями. Кроме того, после теракта в Санкт-Петербурге и последующей информационной кампании большинство респондентов почувствовало увеличение психологического давления со стороны российского общества. По нашему мнению, улучшение миграционной политики и положения представителей Средней Азии в глазах российского общества могут значительно помочь России в создании своего позитивного образа среди среднеазиатской общественности.

Несмотря на то, что в 2016 году Россия впервые вышла в топ 30 стран по использованию мягкой силы, заняв 27 место, необходимо констатировать то, что влияние посредством «мягкой силы» в российской внешней политике недостаточно развито.

Среди главных проблем мягкой силы России можно назвать не только проблемы в теоретическом определении «мягкой силы» и практическом игнорировании потенциала негосударственных акторов в реализации «мягкой силы», но и реальные препятствия, которые создают иностранные государства для российских учреждений, реализующих концепцию «мягкой силы». Уменьшающийся интерес к русскому языку в постсоветских странах, возрастающий национализм и антироссийская пропаганда также не способствуют созданию привлекательного образа России за рубежом.

1. Nye J.S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. NY: Public Affairs Group, 2004. 208 p.

2. Nye, J. What China and Russia Don't Get about Soft Power // *Foreign Policy* [Электронный ресурс]. URL: <https://foreignpolicy.com/2013/04/29/what-china-and-russia-dont-get-about-soft-power>.

3. Ваплер, В.Я. и кол. Идея империи и «мягкая сила»: мировой опыт и российские перспективы // *Журнал «Вопросы управления»*. 01.02.2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik.uara.ru/en/issue/2010/01/02/>.

4. Лебедева М.М. «Мягкая сила» в отношении Центральной Азии: участники и их действия // *Вестник МГИМО-университета*. – 2014. – № 2 (35). – С. 47–56.

5. Малашенко А.В. Конфессиональный фактор в отношениях России со странами Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.analitika.org/article.php?story=20071219090122848>.

6. Мирофанова, А. (2007). Имеет ли Русская Православная Церковь объединяющее значение для соотечественников в странах СНГ и Балтии [Электронный ресурс]. URL: <http://ia-centr.ru/archive/comments6a70.html?id=387>, 6.2.2017.

7. Най, С. Дж. (младший). *Будущее власти* / Пер. с англ. В.Н. Верченко. – М.: АСТ, 2014. – 444 с.

8. Путин В.В. Россия и меняющийся мир [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mn.ru/politics/78738>.

9. Смагулов К. Современная религиозная ситуация в Казахстане // Центральная Азия и Кавказ – 2011 – № 3. – С. 53–73.

10. Статистические сведения по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь-март 2017 года с распределением и регионам // МВД России [Электронный ресурс]. URL: <https://xn-b1aew.xn-p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/10097217>.

11. Шарифзода, М. «Мягкая сила» России в отношении Центральной Азии (на примере Таджикистана) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.picreadi.ru/2017/04/03/>.

12. Шустов А. Русский мир Средней Азии сжимается [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/dipkurer/2016-02-01/11_asia.html.

References

1. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. NY: Public Affairs Group, 2004. 208 p.

2. Nye, J. What China and Russia Don't Get about Soft Power // Foreign Policy [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://foreignpolicy.com/2013/04/29/what-china-and-russia-dont-get-about-soft-power>.

3. Vapler, V.Ya. i kol. Ideya imperii i «myagkaya sila»: mirovoj opyt i rossijskie perspektivy // Zhurnal «Voprosy upravleniya». 01.02.2010 [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://vestnik.uapa.ru/en/issue/2010/01/02/>.

4. Lebedeva M.M. «Myagkaya sila» v otnoshenii Central'noj Azii: uchastniki i ix dejstviya // Vestnik MGIMO-universiteta. – 2014. – № 2 (35). – S. 47–56.

5. Malashenko A.V. Konfessional'nyj faktor v otnosheniyax Rossii so stranami Central'noj Azii [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://www.analitika.org/article.php?story=20071219090122848>.

6. Mirofanova, A. (2007). Imeet li Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' ob"edinyayushhee znachenie dlya sootechestvennikov v stranax SNG i Baltii [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://ia-centr.ru/archive/comments6a70.html?id=387>, 6.2.2017.

7. Naj, S. Dzh. (mladshij). Budushhee vlasti / Per. s angl. V.N. Verchenko. – M.: AST, 2014. – 444 s.

8. Putin V.V. Rossiya i menyayushhiysya mir [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://www.mn.ru/politics/78738>.

9. Смагулов К. Sovremennaya religioznaya situaciya v Kazaxstane // Central'naya Aziya i Kavkaz – 2011 – № 3. – S. 53–73.

10. Statisticheskie svedeniya po migracionnoj situacii v Rossijskoj Federacii za yanvar'-mart 2017 goda s raspredeleniem i regionam // MVD Rossii [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://xn-b1aew.xn-p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/10097217>.

11. Sharifzoda, M. «Myagkaya sila» Rossii v otnoshenii Central'noj Azii (na primere Tadzhiqistana) [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://www.picreadi.ru/2017/04/03/>.

12. Shustov A. Russkij mir Srednej Azii szhimaetsya [E'lektronnyj resurs]. URL: http://www.ng.ru/dipkurer/2016-02-01/11_asia.html.

UDC 327

OPPORTUNITIES AND LIMITS OF RUSSIA'S SOFT POWER IN CENTRAL ASIA

Avanesova Maria Stanislavovna,

University of West Bohemia in Pilsen,
PhD student,
Pilsen, Czech Republic,
E-mail: mariaavanesova93@gmail.com

Annotation

The article is devoted to the description of opportunities of the Russian soft power in Central Asia. There is analyzed a Russian understanding of a soft power concept as well. Special attention is paid to the origin of soft power notion. The author makes an attempt to analyze and explain the activities of the Russian Orthodox Church, Russkiy Mir Foundation and the Rossotrudnichestvo Agency as a source of soft power in Central Asia.

Key concepts:

Russia, soft power, Central Asia, ROC, Russkiy Mir, Rossotrudnichestvo, Posly russkogo jazyka.

УДК 327

СПЕЦИФИКА ПРИМЕНЕНИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ АРГЕНТИНЫ

Бурляй Ян Анастасьевич,

Московский Государственный лингвистический университет,
Институт международных отношений
и социально-политических наук,
профессор,
Чрезвычайный и Полномочный Посол,
г. Москва, Россия,
E-mail: embaru@yandex.ru

Аннотация:

Статья посвящена рассмотрению постоянных компонентов внешней политики Аргентины, основным инструментам «мягкой силы», используемым при ее реализации, а также специфике ее применения. В ней демонстрируются конкретные примеры эффективных способов достижения внешнеполитических целей различными аргентинскими правительствами.

Ключевые слова:

«мягкая сила», Аргентина, образ страны, внешняя политика.

На протяжении второй половины XX – начала XXI веков внешняя политика Аргентины претерпевала серьезные колебания – от автоматического следования курсу Вашингтона до отказа от ориентации на Белый дом и сближения со странами, выступающими за социалистический путь развития. Вместе с тем, независимо от режима и типа правительств, находившихся у власти, во внешнеполитической стратегии государства прослеживались некоторые постоянные компоненты.

Аргентинские власти традиционно выступают за создание нового, более справедливого миропорядка. При этом особое значение придается соблюдению норм международного права всеми странами мира. Важное место в этом процессе отводится урегулированию проблем внешней задолженности развивающихся стран. Нельзя забывать, что именно благодаря Аргентине в далеком уже 1902 году появилась доктрина Драго [5], согласно которой государственный долг не может быть причиной вооруженной интервенции.

Вторым ведущим направлением внешней политики Аргентины является борьба с колониальными пережитками и неоколониализмом, которая может

принимать самые различные формы: от антиимпериалистических выпадов Х.Д. Перона (см., в частности, его работу «Сила – закон зверей» [4], а также запись беседы И.В. Сталина с послом Аргентины Л. Браво [3]) до прямого вооруженного столкновения с Великобританией из-за Мальвинских островов, спровоцированного аргентинскими генералами, свергнувшими перонистский режим.

Для достижения практических результатов на этих направлениях аргентинские руководители выступают за объединение всех развивающихся государств, делая упор при этом на латиноамериканской интеграции. Буэнос-Айрес был одним из инициаторов создания Группы Рио по Центральноамериканскому урегулированию, которая впоследствии трансформировалась в Сообщество латиноамериканских и карибских государств. Кроме того, Аргентина сыграла ключевую роль при формировании Южноамериканского Общего рынка (МЕРКОСУР [9]) и Союза южноамериканских государств (УНАСУР [15]), первым генеральным секретарем которого стал Нестор Киршнер [7; 8; 10].

Положительной чертой, формирующей благоприятный образ страны за рубежом, является политика открытых дверей для иммигрантов. Подавляющее большинство населения Аргентины представляют собой выходцы из Европы, в первую очередь из Испании и Италии. В настоящее время Аргентина принимает большое количество иммигрантов из Парагвая, Боливии и Уругвая. Кроме того, заметно выросло число корейцев, китайцев и вьетнамцев, которые прибывают в страну для постоянного или временного проживания.

Осуществляя внешнюю политику страны, аргентинцы постулируют ее как оплот ценностей христианской цивилизации, что теперь, после избрания Хорхе Марио Берголье Папой Римским, стало общепризнанным фактом.

Для реализации своего внешнеполитического курса Аргентина активно применяет «мягкую силу» [1; 2]. Основные ее инструменты подробно описаны в статье молодого уральского ученого Дарьи Хаботиной «Рейтинг soft power Аргентины на основе RGMS» [6]. Нам кажется важным остановиться лишь на некоторых из них.

В современной модели «мягкой силы» Аргентины важную роль играет использование образов наиболее харизматичных государственных деятелей и духовных лидеров. В рассматриваемый нами период в аргентинскую историю вошли три женщины – Эва Перон, первая женщина – президент в мире Исабель Перон и Кристина Киршнер.

Наибольших успехов в наши дни Аргентина добилась в области защиты прав человека (отсутствие дискриминации, право на жизнь, свобода вероисповедания и т. д.), что оказывает огромное влияние на общий имидж страны. Согласно данным международной неправительственной организации «The World Justice Project», Аргентина заняла по этому показателю 7-е место среди стран Латинской Америки и Карибского бассейна [17].

Благодаря своей старинной архитектуре и богатой культурной жизни аргентинскую столицу называют «латиноамериканским Парижем». Вообще Аргентина является самой посещаемой страной в Южной Америке, и именно высокие показатели «мягкой силы» способствуют этому.

Привлечение в аргентинские вузы иностранных студентов также укрепляет «мягкую силу» страны. Старейшим высшим учебным заведением

Аргентины является Национальный университет Кордовы, который был основан в 1610 году [16]. Национальные аргентинские университеты являются независимыми, автономными, светскими и бесплатными, в том числе и для иностранцев. Самый знаменитый вуз страны – Университет Буэнос-Айреса занимает 29-е место в мире [14] по востребованности выпускников на рынке труда.

Рассмотрим теперь конкретные примеры применения «мягкой силы» во внешней политике Аргентины.

Наиболее успешным в этом плане можно считать решение проблемы внешнего долга, которая породила дефолт 2001 года. Стратегия аргентинского правительства заключалась в том, чтобы доказать невозможность выплаты общего объема внешнего долга. В качестве первого шага было предложено обменять 25% от невыплаченной задолженности в размере 87 млрд. долларов на новые облигации государственного займа, срок погашения которых должен был закончиться в 2045 году; 75% долга предлагалось «простить» [11].

Администрация Нестора Киршнера мобилизовала лучших экспертов и пропагандистов для продвижения своей позиции на международной арене. С этой же целью было опубликовано огромное количество статей в зарубежных средствах массовых коммуникаций. Аргентинские официальные лица и университетские профессора выступали на многочисленных международных конференциях и форумах с докладами на эту тему. «Запросная позиция» Киршнера, естественно, не прошла. Однако, в конечном счете, аргентинцам удалось договориться с большинством кредиторов, благодаря, в частности, и умелому применению «мягкой силы».

Принципиально важным было участие Аргентины в противодействии попыткам Вашингтона распространить неоколониалистские механизмы влияния на все страны континента путем создания Межамериканской зоны свободной торговли [10]. При поддержке правительства Бразилии и других патриотически настроенных государственных и политических деятелей стран региона на конференции в г. Мар-дель-Плата была похоронена мечта Джорджа Буша и Билла Клинтона [13]. И вновь решение данной проблемы шло при мощном пропагандистском сопровождении, которое было направлено на обработку общественного мнения латиноамериканских государств.

В противовес межамериканской зоне свободной торговли был создан Союз южноамериканских государств, у руководства которого Аргентине довелось сыграть роль первой скрипки. В данном случае прогресс был достигнут вследствие формирования стратегического союза между Аргентиной и Венесуэлой. Наибольшим достижением на этом направлении стала договоренность о создании Банка Юга. К сожалению, после кончины Киршнера, а затем и Чавеса проект УНАСУР завис в воздухе.

Активно применяют «мягкую силу» все аргентинские руководители, которые стремятся привлечь иммигрантов для освоения пустующих территорий на юге страны. Правда, попытки подключить к этому проекту Европейский Союз, предпринимавшиеся во времена Карлоса Менема, потерпели неудачу. Однако несмотря на это, число новых иммигрантов, в том числе из стран СНГ, не уменьшается. Автор этих строк в далеком уже 1993 году сам стал свидетелем того, как украинские семьи устремлялись в Аргентину, уподобляясь своим предкам, которые ехали «в Америку за лучшей жизнью».

Классическим примером применения «мягкой силы» во внешнеполитических интересах Аргентины стали широко растиражированные местными СМИ заявления английских певцов Стивена Моррисси из группы «The Smiths» и Роджера Уотерса («Пинк Флойд») в пользу возвращения Мальвинских островов аргентинскому народу. К ним присоединился позже и американский киноартист Шон Пенн. Накануне Олимпийских игр 2012 года (г. Лондон) был показан документальный фильм об аргентинском легкоатлете Фернандо Сильберберге, тренировки которого были сняты на улицах города Порт-оф-Стенли, своего рода «столицы» Мальвинских островов. В заключительных кадрах фильма говорилось: «Чтобы победить в Великобритании, мы тренируемся на аргентинской земле». Фильм, снятый в 30-ю годовщину Мальвинского конфликта, заканчивался посвящением памяти павших солдат и ветеранов войны 1982 года [12].

В заключение хотелось бы высказать следующие соображения. Аргентинцам удалось представить свою Родину в виде привлекательной латиноамериканской страны, где проживает высококультурный народ, исповедующий традиционные христианские ценности. Большую роль в этом сыграли достижения всемирно известных деятелей отечественной науки и культуры, литературы и искусства. Широко известны также успехи Аргентины в сфере образования, здравоохранения и спорта.

Основываясь на этом мощном фундаменте, правящие круги с каждым годом все более активно применяют «мягкую силу» во внешней политике своей страны. Вместе с тем, резервы ее более эффективного использования далеко не исчерпаны.

1. Будаев, Андрей Владимирович. «Мягкая сила» во внешней политике современного государства: российские подходы и опыт применения. – Бразилия, Рио-де-Жанейро, январь 2015 г.– 128 с.
2. Будаев, Андрей Владимирович. Латиноамериканские модели политики «мягкой силы» – М.: Перо, 2016. – 220 с.
3. Независимая газета. 2003. 4 марта [Электронный ресурс]: http://www.ng.ru/ideas/2003-03-04/10_stalin.html.
4. Перон, Хуан Д. Сила – закон зверей. – Москва: Изд-во иностр. лит., 1957. – 168 с. [Электронный ресурс – на исп. языке]: http://elhistoriador.com.ar/documentos/ascenso_y_auge_del_peronismo/la_fuerza_es_el_derecho_de_las_bestias.php.
5. Строганов А.И. Латинская Америка в XX веке. – М.: Дрофа, 2002. 416 с. [Электронный ресурс]: http://ushistory.ru/images/files/lat_am.pdf.
6. Хаботина Д.В. Рейтинг soft power Аргентины на основе RGMs // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 3–4 (20–21). С. 94–101.
7. Bravi, Bárbara. Soft power en la política exterior kirchnerista // *Politikós*, ICP – Universidad. Católica de Santa Fe, 2007, n° 9:69–105.
8. Llenderozas, Elsa. La política exterior de los gobiernos kirchneristas. En: *La política en tiempos de los Kirchner*. AAVV, Bs. As.: Eudeba, 2011.
9. Mercosur and the creation of the free trade area of the americas. – 2005. Woodrow Wilson International Center for Scholars, Washington, DC [Электронный ресурс]: https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/Mercosur_final_Web.pdf.

10. Miranda, Roberto y otros. “Una clave en el análisis de la política exterior argentina: su sustentabilidad”. Política exterior: conceptos y enfoques en torno a Argentina. – 1ª ed. – Rosario: P Ruvalcaba, Daniel Efrén Morales “La política exterior de Néstor Kirchner y el diseño de un ‘Regional Core-State’ suramericano”. Revista Contextualizaciones Latinoamericanas, Departamento de Estudios Ibéricos y Latinoamericanos de la Universidad de Guadalajara. Año 2, N° 3, Julio-Diciembre de 2010. ia, 2011.

11. www.infobae.com/2005/01/11/161681-los-nuevos-bonos.

12. www.rhulgeopolitics.wordpress.com/2012/05/09/383.

13. http://www.summit-americas.org/iv_summit_sp.html.

14. [www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2015#sorting=rank+region="+country+350+faculty="+stars=false+search](http://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2015#sorting=rank+region=).

15. www.unasursg.org.

16. www.unc.edu.ar.

17. www.worldjusticeproject.org/rule-of-law-index.

References

1. Budaev, Andrej Vladimirovich. «Myagkaya sila» vo vneshnej politike sovremennogo gosudarstva: rossijskie podxody i opyt primeneniya. – Braziliya, Rio-de-Zhanejro, yanvar' 2015 g. – 128 s.

2. Budaev, Andrej Vladimirovich. Latinoamerikanskije modeli politiki «myagkoj sily» – M.: Pero, 2016. – 220 s.

3. Nezavisimaya gazeta. 2003. 4 marta [E'lektronnyj resurs]: http://www.ng.ru/ideas/2003-03-04/10_stalin.html.

4. Peron, Xuan D. Sīla – zakon zverej. – Moskva: Izd-vo inostr. lit., 1957. – 168 s. [E'lektronnyj resurs – na isp. yazyke]: http://elhistoriador.com.ar/documentos/ascenso_y_auge_del_peronismo/la_fuerza_es_el_derecho_de_las_bestias.php.

5. Stroganov A.I. Latinskaya Amerika v XX veke. – M.: Drofa, 2002. 416 s. [E'lektronnyj resurs]: http://ushistory.ru/images/files/lat_am.pdf.

6. Xabotina D.V. Rejting soft power Argentiny na osnove RGMs // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. № 3–4 (20–21). S. 94–101.

7. Bravi, Bárbara. Soft power en la política exterior kirchnerista // Politikós, ICP – Universidad. Católica de Santa Fe, 2007, n° 9:69–105.

8. Llenderozas, Elsa. La política exterior de los gobiernos kirchneristas. En: La política en tiempos de los Kirchner. AAVV, Bs. As.: Eudeba, 2011.

9. Mercosur and the creation of the free trade area of the americas. – 2005. Woodrow Wilson International Center for Scholars, Washington, DC [E'lektronnyj resurs]: https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/Mercosur_final_Web.pdf.

10. Miranda, Roberto y otros. “Una clave en el análisis de la política exterior argentina: su sustentabilidad”. Política exterior: conceptos y enfoques en torno a Argentina. – 1ª ed. – Rosario: P Ruvalcaba, Daniel Efrén Morales “La política exterior de Néstor Kirchner y el diseño de un ‘Regional Core-State’ suramericano”. Revista Contextualizaciones Latinoamericanas, Departamento de Estudios Ibéricos y Latinoamericanos de la Universidad de Guadalajara. Año 2, N° 3, Julio-Diciembre de 2010. ia, 2011.

11. www.infobae.com/2005/01/11/161681-los-nuevos-bonos.

12. www.rhulgeopolitics.wordpress.com/2012/05/09/383.
 13. http://www.summit-americas.org/iv_summit_sp.html.
 14. [www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2015#sorting=rank+region="+country+350+faculty="+stars=false+search](http://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2015#sorting=rank+region=).
 15. www.unasursg.org.
 16. www.unc.edu.ar.
 17. www.worldjusticeproject.org/rule-of-law-index.
-

UDC 327

PECULIARITIES OF SOFT POWER USE IN ARGENTINA'S FOREIGN POLICY

Burliay Yan Anastasievich,

Moscow State Linguistic University (MSLU),
Institute of the international relations and sociopolitical sciences,
The Professor,
The plenipotentiary Ambassador,
Moscow, Russia,
E-mail: embaru@yandex.ru

Annotation

The article is devoted to the study of Argentina's foreign policy permanent components, basic soft power instrument used in its realization and peculiarities of its implementation, contains examples of effective methods to achieve foreign policy goals by Argentinean governments.

Key concepts:

soft power, Argentina, country image, foreign policy.

УДК 327.8+321.01

АГОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР МЯГКОЙ СИЛЫ СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ

Исаков Александр Сергеевич,

Уральский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС
при Президенте РФ,
старший преподаватель,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: as.isacov@gmail.com

Аннотация

Доклад направлен на изучение потенциала мягкой силы современной Турецкой республики. Особое внимание уделяется вопросу влияния политической конъюнктуры на ресурсный потенциал. Исследование базируется на гипотезе о том, что использование различных ресурсов мягкой силы в Турции нивелирует их эффективность. Причина заключается в том, что каждая группа ресурсов ассоциирована с политической повесткой, артикулируемой разными политическими силами.

Ключевые понятия:

мягкая сила, невидимая сила, Турция, пантюркизм, неоосманизм.

В современном мире неуклонно возрастает значимость исламского Востока как политического пространства. Это выражается и в возрастании политической, экономической, военной и иной активности отдельных стран – лидеров мусульманской уммы. Отсюда – неуклонный рост академического интереса к изучению данного процесса, его причин и последствий.

Характер данной активности может иметь как конструктивную коннотацию, выраженную в создании новых эффективных моделей государственного устройства, так и негативную, представляющую собой экстремум социального действия, (как, например, запрещенная в РФ террористическая организация «Исламское государство» – ДАИШ). Описание и раскрытие структурного потенциала и системы детерминации данных явлений становится важной исследовательской задачей отечественной политической науки.

Одной из исламских стран, наиболее активно набирающих политический вес на международной арене и продвигающей свои национальные интересы, является Турция. В последние годы турецкое руководство все чаще обраща-

ется к применению такого современного инструмента влияния как soft power или мягкая сила.

В целом, практика использования «мягкой силы» сводится к способности государства и связанных с ним акторов ненасильственными мерами оказывать влияние на поведение иных субъектов, основываясь на выстраивании привлекательного образа и на формировании «вожделения», желательности и приоритетности получения каких-либо благ, предоставляемых ресурсами «мягкой силы». Совокупные практики и традиции определения данного понятия могут быть сведены к тому, что мягкая сила – это прежде всего «стратегия, политика управления ресурсами, которая может быть успешной только при условии коммуникативной интеграции своих структурных компонентов. В более широком контексте soft power выступает интегративным драйвером ненасильственного воздействия, ведущего к возрастанию конкурентоспособности агентов влияния и упрочению их позиций в деле контроля над различными пространствами» [6].

В отличие от стран Западной политики, на Востоке, как правило, использование инструментов мягкой силы государством носит ситуативный характер и выстраивается в угоду политической целесообразности. Не является исключением и Турецкая республика, где данный инструментарий пока еще не получил своего закрепления в официальном политическом дискурсе.

Тем не менее, необходимость артикуляции и имплементации ресурсного потенциала мягкой силы составляет часть дискурса близких к правящим элитам экспертных групп. Так, неофициальным идеологом «мягкой Турции» в правящей партии Справедливости и Развития является бывший глава правительства и бывший министр иностранных дел профессор Ахмет Давутоглу. В его работах и выступлениях не содержится упоминания о мягкой силе, но неоднократно звучит понятие «invisible power» или «невидимая сила», суть которой сводится к достижению дипломатических успехов [10]. В целом, можно сказать, что данная концепция является всего лишь национальной адаптацией концепта «мягкая сила» и не имеет с ним принципиальных расхождений.

Национальная стратегия по использованию мягкой силы получила неофициальное название «Неоосманнизм» или, реже, «Новый османнизм» и «Постосманнизм». Стоит отметить, что приведенный концептуальный ряд является внешним по отношению к Турции и используется, по большей части, европейскими и американскими экспертами. Процесс категоризации в данном случае основан на упоминаемых в работах Давутоглу аналогиях современного турецкого общества как общества «Новых Османов» [1].

Использование концепта «Неоосманнизм» предполагает, что существует некоторое пост-османское пространство, в котором современная Турция имеет приоритетные национальные интересы, и, как следствие, пытается включить находящиеся в нем страны в структуру своего лимитрофа. Возможность такого действия гарантируется использованием не жесткой военной силы, а именно мягкими средствами – дипломатией и гуманитарным воздействием.

Согласно экспертному мнению, гуманитарная дипломатия является синтетическим (интегративным) видом мягкой силы. Она включает в свою структуру следующие элементы soft power: гуманитарные инструменты (социальные, образовательные и научные программы, продвижение нацио-

нальной культуры, языка и т.п.), политические инструменты (защита прав и свобод человека, эффективные практики государственного управления), дипломатические инструменты (народная дипломатия, участие в разрешении конфликтов, миротворчество) [6]. На основании данного подхода можно проанализировать ресурсный потенциал мягкой силы современной Турции. При этом нельзя не согласиться с точкой зрения, согласно которой формирование концептуальной модели мягкой силы Анкары должно происходить на основе синтеза различных подходов, составляющих теоретическую базу современной внешней политики, которая постоянно расширяется и усложняется по мере разработки новых идей [2].

К активно используемым современной Турцией ресурсным компонентам мягкой силы мы относим: турецкий кинематограф, крупные турецкие коммерческие компании, туризм, культурные связи, разветвленная структура дипломатических связей. Для понимания потенциала данных ресурсов необходимо остановиться на описании их качественных характеристик, а также на том, с какими идеями, идеалами и политическими группами они связаны.

Прежде всего, общий благоприятный имидж современной Турции формирует турецкий кинематограф – явление сравнительно свежее. При относительно небольшой поддержке со стороны государства продукты турецких телестудий достаточно быстро смогли обрести популярность на территории как сопредельных стран, так и достаточно отдаленных. «Данное утверждение может быть ярко проиллюстрировано феноменом турецких сериалов, масштабная трансляция которых ведется в государствах, входящих в сферу геополитических интересов Турции, – то есть на территории от Ближнего и Среднего Востока до Магриба и Балкан включительно» [3]. Наряду с огромной популярностью турецких сериалов в арабских странах, наблюдается успешное проникновение турецкого кинематографа в евразийское пространство. Яркий тому пример – высокая популярность сериала «Великолепный век» в России. Стоит отметить, что символическая составляющая как данного сериала, так и большей части остальной продукции кинематографа эксплуатирует историческую повестку, связанную с Османской империей и ее наследием.

Росту темпов туристической привлекательности Турции способствуют активные маркетинговые кампании, позиционирующие не только привлекательность отдыха, но и привлекательность образа Турции как государства. Активно вопросами повышения имиджевой привлекательности страны занимаются коммерческие компании, одним из ярких примеров является международный авиаперевозчик Turkish Airlines.

Свои культурные связи Турция выстраивает на различных институциональных уровнях и направлениях. Во-первых, это официальные структуры, являющиеся институтами мягкой силы. К подобным структурам относится институт имени Юнуса Эмре, который создает и координирует сеть центров турецкой культуры по всему миру. Основная задача подобных центров – продвижение турецкой культуры и популяризация турецкого языка. В работе данной структуры также эксплуатируется османская повестка, так как Юнус Эмре – известный турецкий поэт, живший в 12–13 вв. «С 2009 года было

открыто 27 центров, входящих в Институт им. Юнуса Эмре по всему миру. На территории России такие центры появились в 2012 году, и пока их действовало два: один – в Москве, второй – в Казани. Примечательно, что Центр изучения Турции Института им. Юнуса Эмре, базировавшийся в Казанском федеральном университете, был открыт даже раньше, чем в столице России. После начала российско-турецкого конфликта в ноябре 2015 года оба центра были [закрыты] » [8].

К подобным структурам относятся: Фонд исследования тюркского мира «Туран», который оказывает финансовую помощь российским студентам при поступлении в турецкие образовательные учреждения; международная организация тюркской культуры (ТюрКСОИ), которую возглавляет бывший министр культуры Казахстана Дюсен Касеинов. Сюда же можно отнести проекты вроде «Turkvision» – музыкального конкурса песни, по аналогии с Евровидением, на котором выступают представители тюркоязычных стран и регионов. В институциональном ключе совокупная работа данных площадок приводит к унификации тюркской культуры, превращая ее в аутентично турецкую. В частности, это происходит в форме политической интеграции проживающих в странах арабского мира туркоманов, в виде языковых реформ в Азербайджане и Казахстане.

Во-вторых, важным направлением развития мягкой силы Турции является стратегическое выстраивание особых коммуникационных связей с тюркоязычным миром. В основе такой деятельности – представление об отсутствии существенных различий между тюркскими народами. С точки зрения внутренней идеологии все тюркские народы, включая тюркские народности бывших советских республик и современной России, являются турками. Институционально данный вектор закрепляется в особых направлениях сотрудничества с тюркскими странами, с которыми заключаются договоры о стратегическом партнерстве. Наиболее яркими примерами подобных соглашений являются Соглашение о стратегическом партнерстве между Турцией и Казахстаном (2009 г.) и Соглашение о стратегическом партнерстве и взаимопомощи между Турцией и Азербайджаном (2010 г.). На основе этих соглашений были созданы специальные межправительственные органы – Советы высокого уровня по стратегическому сотрудничеству, призванные служить ключевым механизмом для реализации партнерств [7]. Для системного взаимодействия с тюркским миром при активной поддержке Турции была создана Парламентская ассамблея тюркоязычных стран со штаб-квартирой в Баку. Внешнеполитическая стратегия Турции на постсоветском пространстве заключалась в том, чтобы воспитать новое поколение элиты тюркских республик бывшего СССР, которое будет комплементарно относиться к Турции [8].

В-третьих, это гуманитарные связи по линии образовательной и идеологической подготовки лиц, приближенных к политическим элитам разных стран. В первую очередь к структурам подобного рода относится международная сеть лицеев, ассоциированная с религиозной организацией «Хизмет» во главе с Фетхуллахом Гюленом, в центре учения которого – идея восстановления баланса религиозного и политического по образу Османской империи.

Данные лицеи распространены в самых разных регионах мира, особенно – в африканских странах. Кроме того, на образовательное воздействие были ориентированы различные негосударственные фонды, которые оплачивали обучение талантливой молодежи в турецких вузах, условным лидером из которых является Босфорский университет, входящий в Утрехтскую сеть и ассоциацию средиземноморских университетов.

В качестве отдельного ресурса мягкой силы можно рассматривать турецкую форму правления. Заложенные Мустафой Кемалем идеи предполагали построение национального государства европейского образца, показательная жизнеспособность которого породила идеал вестернизации в качестве катализатора политических изменений и модернизации, предназначенный для слома традиционного общества и высокого уровня религиозности. Вестернизация предполагает также инкорпорацию европейских ценностей, включая ориентацию на Европейский союз и высокие стандарты обеспечения прав человека.

В последнее время политический курс турецкого государства претерпевает трансформацию от национализма и пантюркизма к умеренному исламу. На смену имиджу демократического государства приходит образ эффективной автократии. Несмотря на то, что данный тренд вступает в противоречие с кемалистским наследием, исламизация страны способствует повышению эффективности внешней политики. Данная ситуация описывается турецкими экспертами как попытка со стороны политической элиты осуществить слияние турецкого национализма и исламского традиционализма [12]. Базовой стратегией мягкой силы, лежащей в основе процесса исламизации, – продвижения наследия османской империи [9].

Технология мягкой силы в зависимости от целей и особенностей применения может иметь как позитивные, так и негативные эффекты [4]. Негативные аспекты могут усиливаться при наличии политических противоречий в использовании различных ресурсов мягкой силы. В данном контексте представляет интерес позиция президента Турецкой республики Реджепа Тайипа Эрдогана. В начале политической карьеры он считался приверженцем умеренного исламизма, связанного с Джамаатом Гюлена. «Когда ПСР шла на свои первые выборы, она обещала реализовать именно те положения, о которых говорилось в наставлениях Гюлена» [5]. Однако позже Эрдоган объявил предателями сторонников движения «Хизмет». Были произведены массовые чистки в политической и военной верхушке страны, а в отношении самого лидера движения – выписан ордер на арест. Соответственно, такой поворот курса стал основанием для раскрытия агонального потенциала ресурсов мягкой силы, заключающегося в том, что использование одного инструмента, как например лицеев движения «Хизмет», обернулось препятствием для эффективного применения других.

Агональный потенциал турецких ресурсов мягкой силы связан с наличием существенного противоречия между турецким национализмом и исламским традиционализмом. При отходе от идеалов кемализма, ресурсы мягкой силы, связанные со стратегией евроинтеграции, начинают приносить выгоду не столько правящей партии, сколько оппозиционной ей Республиканской

народной партии, ориентированной на кемализм и европейский вектор развития страны.

Подобные «слабые» места в идеологической базе официального политического курса пытаются заглушить посредством усиления дискурса неоосманизма. В частности, неоосманисты обращаются к концептам Ахмета Давутоглу – «ноль проблем с соседями» и «ближнее мусульманское зарубежье». Их суть сводится к тому, что Турция как наследница Османской империи имеет право на особые интересы в ближайших мусульманских странах, в том числе – право на вмешательство в их внутренние дела. В то же время, концепт «ноль проблем с соседями» подразумевает необходимость нормализации и укрепления отношений с близлежащими государствами, в том числе – с «проблемными» Грецией и Арменией» [1].

В целом, отметим, что современная Турция имеет огромный потенциал для реализации собственных ресурсов мягкой силы. Однако сам процесс их практического использования с позиции стратегии политической целесообразности нередко приобретает агональный характер, что приводит к выходу за условные рамки «мягкого» воздействия. Например, политика «ноль проблем с соседями» не ограничивает проведение военных операций турецких военных на территории соседних Сирии и Ирака, осуществляемых без согласия официальных правительств. В свою очередь, это оставляет открытым вопрос: является ли «невидимая сила» Турции доподлинно «мягкой»?

1. Аватков В. А. Неоосманизм. Базовая идеологема и геостратегия Турции [Текст] / В. А. Аватков // Свободная мысль. 2014. № 3 (1645). С. 71–78.

2. Алиева А. И. «Мягкая сила» в современной внешней политике Турции [Текст] / А. И. Алиева // Вестник московского университета. Серия 25: международные отношения и мировая политика. 2014. № 3. С. 63–94.

3. Зубков А. И. Мягкая сила Турции: феномен «Softpower» как инструмент культурной дипломатии [Текст] / А. И. Зубков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: политология. 2015. № 2. С. 52–62.

4. Ковба Д. М. Теоретическая и практическая адаптация концепта «мягкой силы» восточноазиатскими государствами [Текст] / Д. М. Ковба // Пространство и время. 2014. № 4 (18). С. 111–118.

5. Надеин-Раевский В. А. Идеинная борьба и «новая Турция» [Текст] / В. А. Надеин-Раевский // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 2 (47). С. 22–31.

6. Русакова О. Ф., Ковба Д. М. Стратегические модели «мягкой силы» стран восточноазиатского региона [Текст] / О. Ф. Русакова, Д. М. Ковба // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2016. Т. 12, № 2. С. 14–29.

7. Сафонкина Е. А. Турция как новый актер политики «мягкой силы» [Текст] // Вестник международных организаций. 2014. Т. 9. № 2. С. 145–166.

8. Сулейманов Р. Р. «Мягкая сила» Турции в Татарстане: инфраструктура влияния Анкары в регионе в постсоветский период [Текст] / Р. Р. Сулейманов // Человеческий капитал. 2016. № 2. С. 115–117.

9. Çelenk A.A. Public Diplomacy and Foreign Policy Making: The Turkish Case [Text] / A.A. Çelenk // *International Journal of Turcologia*. 2015. № 10. P. 25–44.
10. Davutoğlu A. Turkey's foreign policy vision: an assessment of 2007 [Text] / A. Davutoğlu // *Insight Turkey*. 2008. Vol. 10. No. 1. P. 77–96.
11. Rabasa A., Larrabee F.S. The Rise of Political Islam in Turkey [Text] / A. Rabasa, F.S. Larrabee. Santa-Monica: RAND, 2008. 113 p.
12. Yeşiltaş M. The Transformation of the Geopolitical Vision in Turkish Foreign Policy [Text] / M. Yeşiltaş // *Turkish Studies*. 2013. Vol. 14. Iss. 4. P. 661–687.

References

1. Avatkov V.A. Neosmanizm. Bazovaya ideologema i geostrategiya Turcii [Tekst] / V.A. Avatkov // *Svobodnaya mysl'*. 2014. № 3 (1645). S. 71–78.
2. Alieva A.I. «Myagkaya sila» v sovremennoj vneshnej politike Turcii [Tekst] / A.I. Alieva // *Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 25: mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*. 2014. № 3. S. 63–94.
3. Zubkov A.I. Myagkaya sila Turcii: fenomen «Softpower» kak instrument kul'turnoj diplomatii [Tekst] / A.I. Zubkov // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: politologiya*. 2015. № 2. S. 52–62.
4. Kovba D.M. Teoreticheskaya i prakticheskaya adaptaciya koncepta «myagkoj sily» vostochnoaziatskimi gosudarstvami [Tekst] / D.M. Kovba // *Prostranstvo i vremya*. 2014. № 4 (18). S. 111–118.
5. Nadein-Raevskij V.A. Idejnaya bor'ba i «novaya Turciya» [Tekst] / V.A. Nadein-Raevskij // *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2016. № 2 (47). S. 22–31.
6. Rusakova O.F., Kovba D.M. Strategicheskie modeli «myagkoj sily» stran vostochnoaziatskogo regiona [Tekst] / O.F. Rusakova, D.M. Kovba // *Politicheskaya e'kspertiza: POLITE'KS*. 2016. T. 12, № 2. S. 14–29.
7. Safonkina E.A. Turciya kak novyj aktor politiki «myagkoj sily» [Tekst] // *Vestnik mezhdunarodnyx organizacij*. 2014. T. 9. № 2. S. 145–166.
8. Sulejmanov R.R. «Myagkaya sila» Turcii v Tatarstane: infrastruktura vliyaniya Ankary v regione v postsovetskij period [Tekst] / R.R. Sulejmanov // *Chelovecheskij kapital*. 2016. № 2. S. 115–117.9. Çelenk A.A. Public Diplomacy and Foreign Policy Making: The Turkish Case [Text] / A.A. Çelenk // *International Journal of Turcologia*. 2015. № 10. P. 25–44.
9. Çelenk A.A. Public Diplomacy and Foreign Policy Making: The Turkish Case [Text] / A.A. Çelenk // *International Journal of Turcologia*. 2015. № 10. P. 25–44.
10. Davutoğlu A. Turkey's foreign policy vision: an assessment of 2007 [Text] / A. Davutoğlu // *Insight Turkey*. 2008. Vol. 10. No. 1. P. 77–96.
11. Rabasa A., Larrabee F.S. The Rise of Political Islam in Turkey [Text] / A. Rabasa, F.S. Larrabee. Santa-Monica: RAND, 2008. 113 p.
12. Yeşiltaş M. The Transformation of the Geopolitical Vision in Turkish Foreign Policy [Text] / M. Yeşiltaş // *Turkish Studies*. 2013. Vol. 14. Iss. 4. P. 661–687.

UDC 327.8+321.01

THE AGONAL CHARACTER OF SOFT POWER IN MODERN TURKEY

Isacov Alexander Sergeevich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Senior lecturer,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: as.isacov@gmail.com

Annotation

The report aims to explore the potential of “soft power” of modern Turkey. Special focus is on the question about influence of political configuration on the resource potential. Research is based on hypothesis that using of various “soft power” recourses in Turkey neutralizes their effectiveness. The reason is that each group of resources is associated with a political agenda articulated by different political powers.

Key concepts:

soft power, invisible power, Turkey, pan-Turkism, neo-Ottomanism.

УДК 316.77

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ «SMART POWER»: КРАТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Моисеенко Ян Юрьевич,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
аспирант,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: yan.moisseenko@mail.ru

Аннотация

В данной статье «умная сила» рассматривается с феноменологических позиций, что позволяет выявить причины того, почему её концептуальное оформление в современной политологии заведомо является одномерным. Разбирается теория «центральных доминионов» К. Шмитта, которая позволяет вывести на первый план кратологический аспект «умной силы», за счёт чего становится возможной её дополнительная интерпретация в качестве «силы Ума».

Ключевые понятия:

феноменология, политическая онтология, «умная сила», «мягкая сила», центральные доминионы.

Несмотря на то, что термин «smart power» уже достаточно давно «взят на вооружение» различными политическими и дипломатическими экспертами, активно внедряется «истеблишментом» (по крайней мере, американским) во внешнеполитическую практику, теоретическое осмысление данного концепта по-прежнему не увенчалось его полноценным оформлением. В научно-исследовательских кругах дискуссия вокруг «smart power» ведётся преимущественно в том же ключе, что и дискуссия вокруг другого, схожего концепта, но приобретшего большую известность – «soft power».

Концепт «smart power» изначально задумывался авторами – политическим аналитиком Дж. Наем и представителем администрации президента США Р. Армитаэджем – для решения конъюнктурных задач [8, с. 33–35]. Учитывая, что эти задачи были преимущественно связаны с преодолением издержек различных комбинаций «hard power» и «soft power» в стратегии внешней политики США, совсем не удивительно, что концептуализации

самой «smart power» уже изначально было предопределено следовать строго в фарватере оформления других, «старших» концептов [1].

Однако воспринимать «smart power» исключительно как «производную» от военной, экономической мощи и культурно-информационного потенциала государства чревато введением концепта в некие ограничительные рамки. В таком случае, методологический арсенал исследователя будет строго ограничен тем предметным полем, в котором объект исследования обретает своё значение. В связи с этим, в настоящей статье будет предпринята попытка рассмотреть «smart power» с феноменологической точки зрения, что позволит во многом переосмыслить природу того, что «скрывается» за этим концептом.

Учитывая, что один из наиболее ярких представителей-феноменологов XX в. немецкий философ Мартин Хайдеггер утверждал, что «феноменология возможна только как онтология» [6, р. 36], предметом данного исследования станет именно кратологический аспект «smart power», поскольку понятие «политической власти» (*κράτος*) является ключевым элементом политической онтологии. Заметим, что концепт «smart power» не впервые рассматривается через призму кратологического дискурса [3, с. 46–49]. Собственно феноменологическому вскрытию «smart power» может поспособствовать анализ трансформаций «центральных доминионов» (*central domains*), представленный немецким политическим философом К. Шмиттом в виде лекции в Барселоне в 1929 году. Полная версия этого доклада вошла в расширенное издание фундаментальной работы Шмитта «Понятие политического» (*“The Concept of Political”*) [7]¹.

В своей статье Шмитт декларировал оригинальный взгляд на историю Западной цивилизации, представив её через призму сменяющихся специфических «мировоззренческих парадигм». Основное отличие парадигмального подхода К. Шмитта от аналогичных теорий (например, теории Т. Куна о «научных революциях») заключается в том, что здесь «парадигмы», т. е. «центральные доминионы» (*central domains*), иллюстрируют скорее область Политического (*das Politische*), нежели некие гносеологические модели. Важно заметить, что понятие «доминиона» имеет составную природу. С одной стороны, «доминион» следует трактовать как «пространство» (сразу же следует оговориться, что это не пространство в его буквальном, территориальном понимании, а интеллектуальное «пространство мысли»). С другой стороны, сводить понятие «доминиона» исключительно к нейтральной области некоего общего «знания» было бы также неправильно, так как в таком случае будет потерян второй смысловой компонент – а именно «власть», которую осуществляет тот, кто этим «пространством» владеет [7, р. 80–97].

На уровне концепта «доминион» во многом подобен «суверенному государству», принимая во внимание то, что он обретает себя не на политической карте мира, а на «метафизической» карте идей. К. Шмитт признавал

¹ Далее ссылки будут даваться по расширенному английскому изданию “The concept of the political / Carl Schmitt; translation, introduction, and notes by George Schwab; with “The Age of Neutralizations and Depoliticizations” (1929) translated by Matthias Konzen and John P. McCormick; with Leo Strauss’ notes on Schmitt’s essay, translated by J. Harvey Lomax; foreword by Tracy B. Strong. – Expanded edition”.

плюрализм таких «доминионов», поскольку те были способны не только сменять друг друга в течение времени, но и сосуществовать в «одновременности». Однако отличительной чертой именно «центрального доминиона» является претензия на диктовку своей воли другим «доминионам», попадающим от него практически в колониальную зависимость [7, р. 86]. Последнее выражается в том, что любая «проблема», возникающая в пределах любого периферийного «доминиона», автоматически начинает восприниматься через призму проблем «центрального доминиона». Соответственно, решаются эти «проблемы» не исходя из того, каким следовало бы быть этому решению согласно внутренней природе того доминиона, в котором проблемы возникли, а исключительно в логике видения реальности «центральным доминионом» [7, р. 86]. Таким образом, сам «центральный доминион» обладает достаточными властными полномочиями для того, чтобы самостоятельно выступать «актором» на политической арене, используя как национальные государства, так и целые империи в качестве ретрансляторов его воли окружающим его акторам – более склонным к слепому заимствованию, легко восприимчивым «пространствам мысли».

К. Шмитт выделял пять основных «центральных доминионов» в истории Запада, которые, начиная с эпохи Возрождения, господствовали в мировом масштабе, сменяя друг друга по очереди. Четыре из них вполне могут быть проанализированы в исторической ретроспективе, тогда как пятый во многом продолжает структурировать современность, выстраивая систему ценностных координат. В качестве первого «доминиона» он выделял теологическое видение мира (XVI в.), его сменила сциентистски-рационалистическое видение (XVII в.). Оно было в свою очередь вытеснено этическим гуманизмом (XVIII в.), на смену которому пришла экономическая призма интерпретации реальности (XIX в.) [7, р. 86–87]. Что касается пятого «доминиона», который ознаменовал собой, согласно К. Шмитту, приближение всеобъемлющей эры «нейтрализации и деполитизации», то он имеет сугубо «технический» характер (*technicity*) [7, р. 87–91]. Это означает, что его суть сводится не только к признанию технического развития и собственно «техники» в качестве основополагающих факторов «прогресса», а также и то, что решение любых проблем и спорных вопросов должно происходить с помощью сугубо «технических» средств.

Таким образом, даже подлинно политические проблемы, попадая в сферу влияния пятого «центрального доминиона», все без исключения подвергаются тотальному переосмыслению по заданным лекалам, вследствие чего выводятся из политического поля, то есть перестают быть собственно «политическими». Однако подобная «деполитизация» на практике не влечёт за собой «нейтрализацию» и сглаживание противоречий. Дело в том, что, будучи вытесненными из пространства человеческого бытия и ввергнутыми в пространство «техники», проблемы не только не исчерпывают себя, но и обретают себя в новом пространстве сражений и битв [7, р. 86–87].

Именно по этой причине политический по своей природе феномен «smart power» (власть – неотъемлемый элемент политической онтологии) как политический концепт интерпретируется в качестве технического инструмента, единственное предназначение которого – способствовать снятию

сиюминутных противоречий в функционировании какой-либо системы или стратегии. Если же рассмотреть потенциал концепта вне зависимости от власти центрального «доминиона», то с феноменологической точки зрения «smart power» следует трактовать уже не как «умную силу» а как «*власти Ума*» (как «power of Smart»). Феномен «Ума» в данном случае непосредственно связан с доминирующей идеей (мыслью), которая господствует над другими идеями и правит «пространством», в пределах которого она развивается и развёртывается. Таким образом, ответ на вопрос, *кто* или *что* является источником или ресурсом «smart power» (как «power of Smarts»), будет следующим: им являются не столько политические элиты или истеблишмент, сколько «центральный доминион».

1. Най С. Дж. Будущее власти / пер. с англ. В.Н. Верченко. М.: АСТ, 2014. – 444 с.

2. Политическое как проблема. Очерки политической философии XX века / под ред. Т.А. Алексеевой, И.К. Пантина, Е.А. Самарской, М.М. Фёдоровой. – М.: Идея-Пресс, 2009. – 224 с.

3. Моисеенко Я.Ю. Ресурсы и инструментарий интеллектуального колониализма: введение в теоретический анализ // Интеллектуальный колониализм на глобальном образовательном рынке: монография / Шаронова С.А. и др.; [под ред. доктора социологических наук С.А. Шароновой и кандидата философских наук Н.В. Трубниковой] – М.: РУДН, 2017. С. 33–61.

4. Русакова О.Ф. Современная политическая философия: предмет, концепты, дискурс. – Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2012. – 400 с.

5. Сокулер З.А. Знание и власть: наука в обществе модерна. – СПб.: Российский Христианский Государственный Университет, 2001. – 239 с.

6. Heidegger M. Being and Time / translated from German by John Macquarrie and Edward Robinson. Blackwell Publishers Ltd 108 Cowley Road Oxford OX4 UF, UK, 1967. 589 p.

7. Schmitt K. The Concept of Political / Carl Schmitt; translation, introduction, and notes by George Schwab; with “The Age of Neutralizations and Depoliticizations” (1929) translated by Matthias Konzen and John P. McCormick; with Leo Strauss’ notes on Schmitt’s essay, translated by J. Harvey Lomax; foreword by Tracy B. The University of Chicago Press, Ltd., London, 2007. – 159 p.

8. Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2015. – 376 с.

References

1. Naj S. Dzh. Budushhee vlasti / per. s angl. V.N. Verchenko. M.: AST, 2014. – 444 s.

2. Politicheskoe kak problema. Ocherki politicheskoy filosofii XX veka / pod red. T.A. Alekseevoj, I.K. Pantina, E.A. Samarskoj, M.M. Fyodorovoj. – M.: Ideya-Press, 2009. – 224 s.

3. Moiseenko Ya. Yu. Resursy i instrumentarij intellektual'nogo

kolonializma: vvedenie v teoreticheskij analiz // Intellektual'nyj kolonializm na global'nom obrazovatel'nom rynke: monografiya / Sharonova S.A. i dr.; [pod red. doktora sociologicheskix nauk S.A. Sharonovoj i kandidata filosofskix nauk N.V. Trubnikovoj] – M.: RUDN, 2017. S. 3–61.

4. Rusakova O.F. Sovremennaya politicheskaya filosofiya: predmet, koncepty, diskurs. – Ekaterinburg: ID «Diskurs-Pi», 2012. – 400 s.

5. Sokuler Z.A. Znanie i vlast': nauka v obshhestve moderna. – SPb.: Rossijskij Xristianskij Gosudarstvennyj Universitet, 2001. – 239 s.

6. Heidegger M. Being and Time / translated from German by John Macquarrie and Edward Robinson. Blackwell Publishers Ltd 108 Cowley Road Oxford OX4 UF, UK, 1967. 589 p.

7. Schmitt K. The Concept of Political / Carl Schmitt; translation, introduction, and notes by George Schwab; with “The Age of Neutralizations and Depoliticizations” (1929) translated by Matthias Konzen and John P. McCormick; with Leo Strauss’ notes on Schmitt’s essay, translated by J. Harvey Lomax; foreword by Tracy B. The University of Chicago Press, Ltd., London, 2007. – 159 p.

8. Soft power: teoriya, resursy, diskurs / pod red. O.F. Rusakovoj – Ekaterinburg: Izdatel'skij Dom «Diskurs-Pi», 2015. – 376 s.

UDC 316.77

PHENOMENOLOGY OF «SMART POWER»: CRATOLOGICAL ASPECT

Moiseenko Yan Yurevich,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Post-graduated student,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: yan.moiseenko@mail.ru

Annotation

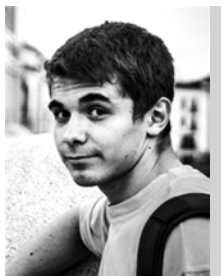
This article describes “smart power” from a phenomenological point of view, which makes possible to identify reasons why the conceptual design of “smart power” in contemporary political science is certainly one-dimensional. The theory of Schmitt’s “central domains” is elucidated in order to bring the cratological aspect of “smart power” into the forefront. When examined through Schmittian lenses, “smart power” appears to gain its additional dimension as “power of Smarts”.

Key concepts:

phenomenology, political ontology, smart power, soft power, central domains.

УДК 32.019.51

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ SOFT POWER В ИНТЕРНЕТЕ

Строганов Вадим Борисович,

ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»,
аспирант кафедры политических наук,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: tarangarret@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется место манипуляции в концепте «мягкая сила». Автор уделяет особое внимание проблеме отождествления данных феноменов и предлагает критерии их четкого разграничения. Автор рассматривает манипуляцию как инструмент мягкой силы, основной площадкой применения которого является Интернет. Ключевое внимание в статье уделяется технологиям манипуляции в Интернете.

Ключевые понятия:

мягкая сила, манипуляция, технологии, Интернет.

Конец XX в. ознаменовался созданием многочисленных концепций ненасильственного проведения как внешней, так и внутренней политики. Одной из таких концепций, которая остается актуальной и сегодня, является теория Джозефа Ная о трех типах силы: hard power («жесткая сила»), smart power («умная сила»), soft power («мягкая сила»). Наибольший резонанс в научном сообществе вызвала так называемая «мягкая сила». «Мягкую силу» можно интерпретировать как силу, достигающую своих стратегических целей без внешнего материализованного насилия. Инструментами ее влияния выступают интеллектуальные паттерны, когнитивные соблазны, привлекательные идеи и символы, обольстительные визуальные и аудиальные образы [5, с. 174].

«Мягкая сила» направлена на достижение следующих целей: формирование предпочтений, запросов, интересов и ценностей общества, получение желаемых результатов в политике, создание повестки дня и др. В целом, можно утверждать, что ключевым мотивом использования «мягкой силы» является стремление заставить объект хотеть того же, чего хочет субъект, обращающий его в свою культуру и идеологию [4, с. 63].

«Мягкую силу» иногда отождествляют с манипуляцией, интерпретируемой как скрытое принуждение, как программирование мыслей, намерений, чувств, отношений, установок, поведения [6, с. 75]. Некоторые ученые, разделяющие данную точку зрения, утверждают, что «мягкую силу» используют в целях оказания политического давления на суверенитет государств, вмешательства в их внутренние дела, дестабилизации обстановки и манипуляции общественным мнением и сознанием [1, с. 68]. Мы, однако, придерживаемся несколько иного взгляда на соотношение манипуляции и «мягкой силы», поскольку считаем некорректным отождествление манипуляции и «мягкой силы».

Ключевое различие между манипуляцией и «мягкой силой» заключается в характере и свойствах субъекта. В случае с «мягкой силой» важно, чтобы субъект был известен объекту, чтобы действия его были открыты для объекта. Характер субъекта манипуляции иной: его ключевыми свойствами являются неизвестность объекту и неочевидность действий.

Тем не менее, на наш взгляд, иногда субъекту «мягкой силы» выгодно оставаться неизвестным некоторое время. Подобное поведение характерно для начального периода действия «мягкой силы». Оставаясь неизвестным, субъект «мягкой силы» может, с одной стороны, «прощупать почву» и сформировать стратегию действий на выбранной территории, а с другой стороны, создать у объекта запрос, удовлетворить который сможет только субъект «мягкой силы». Вместе с тем, период скрытости от объекта не может продолжаться долго, т. к. объекту необходимо знать, с кем он себя идентифицирует.

В данном контексте можно утверждать, что манипуляция выступает как часть, а конкретнее – как один из инструментов «мягкой силы». С нашей точки зрения, основной площадкой применения манипуляции как инструмента «мягкой силы» является Интернет. Это связано с тем, что Интернет, являясь основным информационным ресурсом в современном мире, открывает широкий простор для применения всевозможных манипулятивных технологий.

На наш взгляд, технологии манипуляции в Интернете можно разделить на три группы. Первая группа технологий направлена на манипулирование информационными потоками, с которыми работает пользователь. К этой группе мы относим следующие методы:

«Ложная статистика». Этот метод направлен на убеждение пользователя в том, что та или иная статистика является отражением мнений других пользователей, вследствие чего объект манипулирования может прийти к выводу, что та или иная точка зрения является преобладающей и одобряемой социумом. Такой метод распространен на сайтах, на которых присутствуют открытые опросы.

«Фальсификация». Метод подачи информации таким образом, чтобы подменить или затмить одним фактом другие. К данному методу часто прибегают прогосударственные сайты, например, PolitRussia.ru, различные политические публицисты, например, Николай Стариков (<http://nstarikov.ru>) и др. В данных информационных источниках намеренно переключается внимание читателя с внутренних проблем российской политической системы на поиск внешнего врага.

«Создание лжесобытий». Данный метод направлен на конструирование медийными средствами событий, которые не происходили на самом деле, но их выдают за свершившиеся факты.

Вторая группа технологий воздействует непосредственно на сознание объекта, используя его слабые места, особенности поведения и психологии. В этой группе представлены следующие технологии:

«Ссылка на авторитеты»: техника манипуляции людьми, основанная на цитировании известных персон. Данная техника хорошо известна и регулярно применяется во всех сферах общения. Однако в Интернет-среде у нее есть одна важная особенность – это использование несуществующих высказываний в качестве авторитетных. Так, например, в период избирательной кампании «Единой России» осенью 2011 года в Интернете появилось видео с, якобы, обращением В. Путина, в котором было заявлено следующее: «Бедность, хоть и медленно, но устойчиво растет», «Мы не добились наш народ до конца» [8]. Разумеется, это оказалось грамотно смонтированным «фейком».

«Игра в простонародность». В Интернете это проявляется созданием политиком личной страницы в социальных сетях. Представленный на ней политик может вести переписку с пользователями, создать собственную группу, вести блог, выкладывать фотографии с различных мероприятий, делиться своим мнением о произошедших событиях. Яркими примерами использования технологий такого рода являются активная Интернет-деятельность премьер-министра РФ Д. Медведева, главы Чеченской Республики Р. Кадырова, оппозиционного политика А. Навального и др.

«Троллинг». Троль в социальных сетях – это вредитель, провокатор, который размещает на различных Интернет-ресурсах множество провокационных комментариев [2, с. 63]. Основная цель троллинга – вывести из равновесия объект воздействия, поставить его в неловкое положение, чтобы тем самым сформировать в отношении него негативное общественное мнение. Троллинг часто используют, чтобы высмеять некое сообщение или какое-либо событие.

«Sockpuppet». Данная технология представляет собой программу, в рамках которой существует конкретный пользователь, который создает и управляет большим количеством фейковых виртуальных личностей [3, с. 157]. Как правило, данная технология используется для создания иллюзии масштабного общественного резонанса и злободневности обсуждаемой проблемы. В какой-либо социальной сети, например, на сайте twitter.com, создается несколько десятков однотипных профилей, куда репостится один и тот же интернет-пост. В результате данный интернет-пост попадет в топ данного сайта, привлечет внимание СМИ, а значит, охватит более широкую аудиторию.

Третья и самая широкая группа технологий представлена следующими типами:

«Многократные повторы». Этот метод манипуляции массовым сознанием основан на частом повторении недостоверной информации, что приводит к тому, что публика начинает в неё верить. По сути, осуществляется информационно-психологическое давление на массовое сознание.

«Сияющие обобщения». Базой данного метода является формирование положительных эмоций и образов у окружающих. В Интернете данный эффект достигается при помощи слов, мемов, картинок и комиксов, несущих позитивный смысл.

«Навешивание ярлыков». В данном случае манипулятор сознательно оскорбляет либо человека, либо объект обсуждения. Большое количество негативной

информации об объекте формирует у окружающих отрицательное мнение о нем. Данная техника крайне популярна в социальных сетях и открытых Интернет-сообществах, где присутствует система рейтинга, позволяющая оценивать то ли иное высказывание пользователя. Данная схема работает по принципу реакции на комментарий или действие объекта в сети. В открытых Интернет-сообществах типа развлекательного сайта Пикабу (<http://pikabu.ru>) пользователи могут оценить комментарий к новости или событию другого пользователя и поставить знак «+» (одобрение и поддержка комментария) или «-» (несогласие). Если комментарий человека не одобряется, то автор этого комментария переживает негативные чувства.

«Поиск ответа». В данном случае инструментом манипуляции выступают официальные форумные поисковые системы, такие как Mail.ru-ответы или Google-ответы. Посредством указанных сервисов пользователь может задать любой интересующий его вопрос, а другие пользователи, в свою очередь, предоставят ему ответы на данные вопросы. Таким образом, становится возможным осуществление манипуляции предоставляемой информацией и доверчивостью пользователя.

«Использование меметических средств». Интернет-мемы – это определенные изображения или идиомы, имеющие фиксированный смысл и изменяющуюся, «мутирующую» форму [7, с. 218]. В процессе Интернет-коммуникации пользователи часто используют «мемовый» способ коммуникации, то есть передают друг другу меметические сообщения, тем самым подчеркивая свою идентичность с определенными Интернет-группами. Таким образом, мемы позволяют идентифицировать пользователей по признаку принадлежности к определенному сообществу. Кроме того, простой просмотр мемов создает иллюзию причастности к сообществу [7, с. 218]. Примерами мемов могут служить мелодии, идеи, модные слова, картинки, комиксы и выражения [3, с. 141], например: «Партия жуликов и воров», «Превед-медвед», «Обама-обезьяна», «Трамп – агент Кремля», «Он вам не Димон», «Во всем виновата Россия» и др.

«Twitter-революция». Суть данной технологии заключается в том, что благодаря социальным сетям, в особенности Twitter и Facebook, в период государственной нестабильности и обострения социально-экономических и политических вопросов начинается активное обсуждение в данных сетях назревших проблем с дальнейшим призывом к активным действиям: митингам, демонстрациям, выступлениям и даже бунтам.

«Искренний голос» (OEV). Технология, с помощью которой происходит манипулирование социальными сетями – Facebook, Twitter, «ВКонтакте» и др. Она представляет собой использование подставных личностей, которые влияют на онлайн-коммуникацию и осуществляют разные виды пропаганды. Данная технология позволяет одному человеку управлять десятками различных личностей (ботами) по всему миру, каждая из которых, в свою очередь, оказывает влияние на других пользователей.

Важно отметить, что данная группа демонстрирует одну из главных характеристик Интернет-манипуляций, а именно, – конвергентность, т. е. обладание свойством сближения и слияния технологий между собой с целью усиления влияния на объект.

В заключение отметим, что, несмотря на смысловые пересечения таких понятий, как «манипуляция» и «мягкая сила», между ними есть различия. По своему объему понятие «манипуляция» значительно уже, чем понятие «мягкая сила». Манипуляция – это один из технологических инструментов «мягкой силы». Он призван обеспечивать скрытность, незаметность процесса «соблазна» разрабатываемого объекта воздействия. Но помимо использования манипулятивных технологий для создания эффекта соблазна, у «мягкой силы» есть более высокие цели. В их числе – создание коммуникативных сетей и потоков для успешного продвижения таких символических образований, как имиджи и бренды конкретных стран, регионов, международных сообществ.

1. Григорьев М. Soft Power: противодействие манипуляции / М. Григорьев, С. Орджоникидзе // Валовый внутренний продукт – Российское федеральное издание. 2013. № 4 (82). С. 66–69.

2. Ефремова Н. Я. Манипулирование сознанием человека в рамках виртуальной реальности // Территория новых возможностей. Вестник ВГУЭС. 2012. № 4. С. 61–68.

3. Коровин В. Третья мировая сетевая война. – СПб.: Питер, 2014. – 352 с.

4. Михалев А. В. Концепция «мягкой силы»: обзор подходов в зарубежной Науке // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2014. № 1. С. 63–67.

5. Русакова О. Ф. Концепт «мягкой» силы (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник института философии и права Уральского отделения российской академии наук. 2010. № 10. С. 173–192.

6. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием / Пер. с англ.; Науч. ред. Я. Н. Засурский. – М.: Мысль, 1980. – 325 с.

7. Зиновьева Н. А. Роль интернет-мемов в воспроизводстве интернет-культуры // Электронный научный архив УрФУ [Электронный ресурс]. – URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/32403/1/klo_2015_25.pdf. – С. 217–223 (дата обращения: 10.08.2017).

8. «Фейковое» Обращение Путина на выборы Госдумы, 1 декабря 2011 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.youtube.com/watch?v=4WsPhk5pM10> (дата обращения: 10.08.2017).

References

1. Grigor'ev M. Soft Power: protivodejstvie manipulyacii / M. Grigor'ev, S. Ordzhonikidze // Valovyy vnutrennij produkt – Rossijskoe federal'noe izdanie. 2013. № 4 (82). S. 66–69.

2. Efremova N. Ya. Manipulirovanie soznaniem cheloveka v ramkax virtual'noj real'nosti // Territoriya novyx vozmozhnostej. Vestnik VGUE'S. 2012. № 4. S. 61–68.

3. Korovin V. Tret'ya mirovaya setevaya vojna. – Spb.: Piter, 2014. – 352 s.

4. Mixalev A. V. Konceptiya «myagkoj sily»: obzor podxodov v zarubezhnoj Nauke // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2014. № 1. S. 63–67.

5. Rusakova O. F. Koncept «myagkoj» sily (soft power) v sovremennoj

politicheskoy filosofii // Nauchnyj ezhegodnik instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya rossijskoy akademii nauk. 2010. № 10. S. 173–192.

6. Shiller G. Manipulyatory soznaniem / Per. s angl.; Nauch. red. Ya. N. Zasurskij. – M.: Mysl', 1980. – 325 s.

7. Zinov'eva N. A. Rol' internet-memov v vosproizvodstve internet-kul'tury // E'lektronnyj nauchnyj arxiv UrFU [E'lektronnyj resurs]. – URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/32403/1/klo_2015_25.pdf. – S. 217–223 (data obrashheniya: 10.08.2017).

8. «Fejkovoe» Obrashhenie Putina na vybory Gosdumy, 1 dekabrya 2011 [E'lektronnyj resurs]. – URL: <http://www.youtube.com/watch?v=4WsPhk5pMI0> (data obrashheniya: 10.08.2017).

UDC 32.019.51

MANIPULATIVE SOFT POWER TECHNOLOGIES IN THE INTERNET

Stroganov Vadim Borisovich,

Ural Federal University,
Department of political science,
Graduate student,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: tarangarret@mail.ru

Annotation

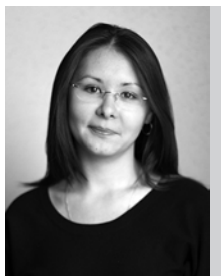
The article analyzes the place of manipulation in the concept of “soft power”. The author pays special attention to the problem of identifying these phenomena and suggests the criteria for their clear delineation. The author considers manipulation as an instrument of soft power, the main platform for the application of which is the Internet. The article focuses on the technologies of manipulation in the Internet.

Key concepts:

soft power, manipulation, technology, Internet.

УДК 327.8

ДИСКУРСНАЯ ПРАКТИКА РОССИЙСКИХ МЕДИА В ОСВЕЩЕНИИ СИРИЙСКОГО ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

Маринович Анна Николаевна,

ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»,
аспирант,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: anna.marinovich@urfu.ru

Аннотация

В статье рассматривается такой ресурс «мягкой силы», как современные медиа. На примере освещения заявлений президента РФ В.В. Путина о вводе и выводе российской авиации из сирийского конфликта показано, как российские медиа формируют информационное пространство, задают тон международной информационной повестки и влияют на формирование имиджа России на мировой арене.

Ключевые понятия:

ресурсы «мягкой силы», медиа, информационное пространство, информационная повестка, дискурс.

Современные медиа – официальные средства массовой информации, представленные в Интернете – стали серьезным дискурсивно-коммуникационным ресурсом реализации политики «мягкой силы». Нередко являясь основным источником информации о политических процессах, медиа задают политические предпочтения, влияют на общественные настроения, определяют мнения и создают привлекательный имидж государства как среди обычных граждан, так и среди представителей власти.

Также как и традиционные СМИ, медиа транслируют определенные политические смыслы и идеи, формируя представления о политических процессах, однако вследствие беспрецедентного развития информационно-коммуникационных технологий конструирование информационного пространства происходит более активно, агрессивно. Современный человек оказывается под серьезным медиа-прессом, который нередко «продавливает» критическое восприятие реальности

и скептическое отношение к политической информации. Давление на общественное мнение оказывается как количеством новостей (по данным Яндекс.Новости, в 2014 году только российские медиа – 4,6 тыс. – ежедневно публиковали около 47 тыс. сообщений [5]), так и разнообразием источников информации. При этом образ политических процессов, создаваемый современными медиа в информационном пространстве, воспринимается довольно легко в силу упрощенности трактовки политических процессов, схематичного объяснения происходящих событий. И, как отмечают О.Ф. Русакова и Е.Г. Грибовод, «транслируемая СМИ политическая медиареальность нередко оказывается для граждан более интересной и привлекательной, чем реальность эмпирического политического опыта» [7, с. 66].

Вместе с тем, вследствие активного развития технологических возможностей, которые предоставляет Интернет, медиа создают не имеющее географических границ информационное пространство и, таким образом, могут оказывать влияние на политические мнения и предпочтения граждан различных стран. Среди российских медиа, преимущественно оказывающих влияние на международную информационную повестку, можно выделить такие СМИ, как телеканалы, входящие в холдинг ВГТРК, информационные агентства ТАСС и «Спутник» (РИА Новости), телеканал RT, обладающие большой аудиторией и ориентированные на зарубежного зрителя и на освещение действий представителей власти.

Среди других ресурсов «мягкой силы» России можно выделить военную мощь страны (производство вооружения, востребованного на мировом рынке) и политику президента РФ В.В. Путина. И вооружение, и президент в международном пространстве создают образ сильной России, обладающей военным и интеллектуальными потенциалами. Так, политика, проводимая В.В. Путиным (референдум о вхождении полуострова Крым в состав России и приписываемые ему действия – влияние на выборы США) по отстаиванию национальных интересов, его заявления и интервью, визиты и встречи вызывают живую реакцию как СМИ, так и представителей политической элиты не только западных, но и других стран. Несмотря на то, что корреспонденты западных медиа нередко демонизируют образ В.В. Путина, описывая его как хитрого представителя спецслужб, авторитарного лидера, вместе с тем российский президент представлен как сильный, волевой, умный, политически подкованный профессионал и искусный политик, которому пока уступает в профессионализме президент США Д. Трамп.

Оружие, производимое в России, также можно назвать элементом «мягкой силы», и, как отмечает С.Л. Виллардсон [18], использовать как инструмент в международной политике. Истребители, ЗРК, бомбардировщики, БТР, танки, винтовки, сверхзвуковое оружие и другие виды вооружения, производимые в России, пользуются спросом и популярностью на международных выставках среди заказчиков. Являясь второй страной-экспортером оружия на мировом рынке (по итогам 2016 года) и занимая по данным SIPRI в 2012–2016 годах 23% в совокупном мировом экспорте вооружения [15], Россия обладает имиджем государства, где занимаются разработками сложных военных технологий, возвращают высококлассных конструкторов и военных и, соответственно, создают качественное оружие.

Попробуем продемонстрировать формирование имиджа страны на мировой арене посредством использования вышеперечисленных ресурсов «мягкой силы». На примере описания российскими медиа заявлений В.В. Путина о вводе и выводе ВКС РФ из Сирии покажем, как формировалась российская информационная повестка, и какова была реакция западных СМИ.

Так, 30 сентября 2015 года российские медиа сообщили, что Совет Федерации одобрил предложение президента РФ использовать Вооруженные силы России за рубежом. Причина военной кампании в САР трактовалась необходимостью защищать «национальные интересы РФ» [10] «на дальних рубежах» [6] и просьбой президента Сирии Б. Асада [1] оказать военную поддержку официальному сирийскому правительству в борьбе с нарастающей террористической угрозой. Пояснялось, что операция ВКС РФ имеет ключевое значение в борьбе с терроризмом [3] и изменила расстановку сил в Ближневосточном регионе [11]; застав врасплох США [13], российским специалистам удалось продемонстрировать мощь российского оружия [12] и высокопрофессиональную подготовку отечественных военнослужащих. После присоединения российской авиации к боевым действиям у боевиков начались серьезные материальные и человеческие потери, а армия Б. Асада, истощенная длительной гражданской войной и не представляющая реальной угрозы для террористов [8], получила весомую поддержку и надежду на освобождение захваченных боевиками территорий и мирных жителей. При этом решение президента России о начале военной операции и борьбу с террористами одобрили россияне [2].

В американских медиа, несмотря на критику российского вмешательства в сирийский конфликт («гуманитарные организации предупреждают об ухудшающемся гуманитарном кризисе в северной Сирии, который осложнили российские авиаудары: парализовали маршруты поставок медикаментов, разгромили пекарни, больницы, убивают и калечат мирных жителей» [14]), российский президент представлен как рассудительный лидер, твердо реализующий политику национальных интересов: «В. Путин действует в Сирии столь настойчиво и целеустремленно... потому, что у него более четкая [чем у Обамы] стратегия» [18].

Заявление о выводе российских ВКС с территории Сирии также представлено российскими медиа, как рассудительное и тщательно продуманное президентом решение. Москва добилась поставленной цели – положила начало мирному урегулированию конфликта и довольно быстро вышла из него. Своевременно завершив военную кампанию, Кремль имеет веские основания преподнести операцию как победу: стороны конфликта сели за стол переговоров и предпринимают попытки урегулировать его дипломатическим способом; Россия заявила о себе, как о региональном игроке и смогла переломить ход боевых действий: «Решение Путина разочарует как тех, кто считал, что Россия увязла в конфликте, так и полагавших, что она должна нести до конца бремя ответственности за сохранение режима президента Асада», – говорит политолог Андрей Кортунов. «Похоже, Кремль учел опасность повторения Вьетнама и Афганистана, когда военные кампании, изначально планировавшиеся как краткосрочные, растягивались на долгие годы» [4].

Для американской стороны заявление В.В. Путина о выводе основной части российских сил из Сирии стало неожиданностью: «новость крайне удивила людей в западных столицах и простое население Сирии, порождая лихорадочные

домыслы о намерениях России, так же как и неожиданное вторжение Путина в сирийский конфликт пять месяцев назад» [16]. Несмотря на то, что вывод ВКС представлен как экономически вынужденное решение (из-за глубокого экономического кризиса в России), предполагается, что действия президента РФ хорошо продуманны: «господин Путин добился многих поставленных целей: возвращение России на мировую арену в качестве глобальной державы, предотвращение смены режима под давлением со стороны внешних сил, в особенности Запада, укрепление своих позиций в Сирии, уничтожение российских джихадистов на сирийском поле и укрепление позиций господина Асада» [16].

Полагаем, что вышеобозначенные примеры освещения сирийского вооруженного конфликта демонстрируют, что в современном мире происходит глобальное дискурсивное конструирование политической реальности. Медиа, создавая информационную повестку, задают отношение к политическим событиям и формируют образ субъекта политических отношений. В данную тенденцию включены и российские медиа, которые оказывают влияние на формирование международного информационного пространства и предлагают политические идеи, модели поведения, привлекательные для остальных участников международных отношений.

1. Башар Асад на встрече с Владимиром Путиным: Благодаря помощи РФ мы одержим победу над ИГ // RT. 21.10.2015. URL: <https://russian.rt.com/article/124972> (дата обращения: 08.08.2017).

2. ВЦИОМ: россияне поддерживают активные действия по борьбе с террористами в Сирии // ТАСС. 09.10.2015. URL: <http://tass.ru/obschestvo/2332282> (дата обращения: 08.08.2017).

3. Замглавы МИД Ирана: операция РФ в Сирии имеет ключевое значение в борьбе с терроризмом // ТАСС. 09.10.2015. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2332915> (дата обращения: 08.08.2017).

4. Никольский А. Владимир Путин объявил о выводе войск из Сирии / Никольский А., Мухаметшина Е., Козлов П., Ильина Н. // Ведомости. URL: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2016/03/15/633563-vladimir-putin-obyavil-nachale-vivoda-voisk-sirii> (дата обращения: 19.03.2016).

5. Новости в интернете: СМИ и читатели // Яндекс.Исследования. – URL: https://yandex.ru/company/researches/2014/ya_news (дата обращения: 08.06.2017).

6. Рогозин: Россия будет защищать свои интересы даже за пределами своей территории // ТАСС. 05.10.2015. URL: <http://tass.ru/politika/2318228> (дата обращения: 08.08.2017).

7. Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики / О.Ф. Русакова, Е.Г. Грибовод // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. № 4 (14). С. 66. (65–77).

8. СМИ: боевики ИГ эвакуируют свои семьи в Ирак после ударов ВКС РФ в САР // РИА Новости. 02.10.2015. URL: https://ria.ru/arab_sy/20151002/1295548355.html (дата обращения: 08.08.2017).

9. Сергей Шойгу: Террористы в Сирии теряют \$1,5 млн. ежедневно из-за авиаударов России // RT. 20.11.2015. URL: <https://russian.rt.com/>

article/131483 (дата обращения: 08.08.2017).

10. Совет Федерации дал согласие президенту России на использование ВС РФ в Сирии // ТАСС. 30.09.2015. URL: <http://tass.ru/politika/2302922> (дата обращения: 08.08.2017).

11. Эксперт: операция в Сирии показывает, что РФ является реальным игроком на Ближнем Востоке // ТАСС. 07.10.2015. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2324624> (дата обращения: 08.08.2017).

12. NYT: российское оружие в Сирии приобрело колоссальный вес // РИА Новости. 03.10.2015. URL: <https://ria.ru/world/20151003/1296260836.html> (дата обращения: 08.08.2017).

13. Washington Post: Россия своими действиями в Сирии застигла США врасплох // ТАСС. 10.10.2015. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2334717> (дата обращения: 08.08.2017).

14. Barnes J.E. Russia, West Diverge on Military Tactics in Syria / J.E. Barnes, S. Fidler, T. Grove // The Wall Street Journal. Dec. 14, 2015. URL: (дата обращения: 03.12.2016).

15. Increase in arms transfers driven by demand in the Middle East and Asia, says SIPRI // Stockholm International Peace Research Institute. 20 Feb. 2017. URL: <https://www.sipri.org/media/press-release/2017/increase-arms-transfers-driven-demand-middle-east-and-asia-says-sipri> (дата обращения: 08.08.2017).

16. MacFarquhar N., Bernard A. Putin Orders Start of Syrian Withdrawal, Saying Goals Are Achieved / N. MacFarquhar, A. Bernard // The New York Times. March 14, 2016. URL: <https://www.nytimes.com/2016/03/15/world/middleeast/putin-syria-russia-withdrawal.html> (дата обращения: 08.08.2017).

17. Willardson S.L. Under the influence of arms: the foreign policy causes and consequences of arms transfers / S.L. Willardson. – ProQuest LLC (2013). – 241 p.

18. Zakaria F. In Syria, whose side is the United States on? / F. Zakaria // The Washington Post. Oct. 1, 2015. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/in-syria-whose-side-is-the-united-states-on/2015/10/01/27163ec4-6875-11e5-9ef3-fde182507eac_story.html?utm_term=.22de6bf2d781 (дата обращения: 03.06.2017).

References

1. Bashar Asad na vstreche s Vladimirom Putiny: Blagodarya pomoshhi RF my oderzhim pobedu nad IG // RT. 21.10.2015. URL: <https://russian.rt.com/article/124972> (дата обращения: 08.08.2017).

2. VCIOM: rossiyane podderzhivayut aktivnye dejstviya pobor'besterroristami v Sirii // TASS. 09.10.2015. URL: <http://tass.ru/obschestvo/2332282> (дата обращения: 08.08.2017).

3. Zamglavy MID Irana: operaciya RF v Sirii imeet klyuchevoe znachenie v bor'be s terrorizmom // TASS. 09.10.2015. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2332915> (дата обращения: 08.08.2017).

4. Nikol'skij A. Vladimir Putin ob"yavil o vyvode vojsk iz Sirii / Nikol'skij A., Muxametshina E., Kozlov P., Il'ina N. // Vedomosti. URL: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2016/03/15/633563-vladimir-putin-obyavil-nachale-vivoda-voisk->

sirii (data obrashheniya: 19.03.2016).

5. Novosti v internete: SMI i chitateli // Yandeks.Issledovaniya. – URL: https://yandex.ru/company/researches/2014/ya_news (data obrashheniya: 08.06.2017).

6. Rogozin: Rossiya budet zashhishhat' svoi interesy dazhe za predelami svoej territorii // TASS. 05.10.2015. URL: <http://tass.ru/politika/2318228> (data obrashheniya: 08.08.2017).

7. Rusakova O.F., Gribovod E.G. Politicheskij mediadiskurs i mediatizaciya politiki kak koncepty politicheskoy kommunikativistiki / O.F. Rusakova, E.G. Gribovod // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. 2014. № 4 (14). S. 66. (65–77).

8. SMI: boeviki IG e'vakuiruyut svoi sem'i v Irak posle udarov VKSRF v SAR // RIA Novosti. 02.10.2015. URL: https://ria.ru/arab_sy/20151002/1295548355.html (data obrashheniya: 08.08.2017).

9. Sergej Shojgu: Terroristy v Sirii teryayut \$1,5 mln. ezhednevno iz-za aviaudarov Rossii // RT. 20.11.2015. URL: <https://russian.rt.com/article/131483> (data obrashheniya: 08.08.2017).

10. Sovet Federacii dal soglasie prezidentu Rossii na ispol'zovanie VS RF v Sirii // TASS. 30.09.2015. URL: <http://tass.ru/politika/2302922> (data obrashheniya: 08.08.2017).

11. E'kspert: operaciya v Sirii pokazyvaet, chto RF yavlyayetsya real'nyim igrom na Blizhnem Vostoke // TASS. 07.10.2015. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2324624> (data obrashheniya: 08.08.2017).

12. NYT: rossijskoe oruzhie v Sirii priobrela kolossal'nyj ves // RIA Novosti. 03.10.2015. URL: <https://ria.ru/world/20151003/1296260836.html> (data obrashheniya: 08.08.2017).

13. Washington Post: Rossiya svoimi dejstviyami v Sirii zastigla SShA vrasplokh // TASS. 10.10.2015. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2334717> (data obrashheniya: 08.08.2017).

14. Barnes J.E. Russia, West Diverge on Military Tactics in Syria / J.E. Barnes, S. Fidler, T. Grove // The Wall Street Journal. Dec. 14, 2015. URL: (data obrashheniya: 03.12.2016).

15. Increase in arms transfers driven by demand in the Middle East and Asia, says SIPRI // Stockholm International Peace Research Institute. 20 Feb. 2017. URL: <https://www.sipri.org/media/press-release/2017/increase-arms-transfers-driven-demand-middle-east-and-asia-says-sipri> (data obrashheniya: 08.08.2017).

16. MacFarquhar N., Bernard A. Putin Orders Start of Syrian Withdrawal, Saying Goals Are Achieved / N. MacFarquhar, A. Bernard // The New York Times. March 14, 2016. URL: <https://www.nytimes.com/2016/03/15/world/middleeast/putin-syria-russia-withdrawal.html> (data obrashheniya: 08.08.2017).

17. Willardson S.L. Under the influence of arms: the foreign policy causes and consequences of arms transfers / S.L. Willardson. – ProQuest LLC (2013). – 241 p.

18. Zakaria F. In Syria, whose side is the United States on? / F. Zakaria // The Washington Post. Oct. 1, 2015. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/in-syria-whose-side-is-the-united-states-on/2015/10/01/27163ec4-6875-11e5-9ef3-fde182507eac_story.html?utm_term=.22de6bf2d781 (data obrashheniya: 03.06.2017).

UDC 327.8

THE DISCOURSE PRACTICE OF RUSSIAN MEDIA IN THE COVERAGE OF THE SYRIAN CONFLICT

Marinovich Anna Nikolaevna,

Ural Federal University,
PhD candidate,
Yekaterinburg, Russia,
E-mail: anna.marinovich@urfu.ru

Annotation

The article is devoted to the consideration of modern media as a resource of “soft power”. It shows on the examples of the coverage of statements by Russian President Vladimir Putin on the entry and exit of the Russian aviation from the Syrian conflict, how it is described, how was shaped the information space, how it influenced on the formation of Russia’s image on the world stage.

Key concepts:

resources of “soft power”, media, information space, information agenda, discourse.

УДК 32:316.62; 004.514.6

ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ХАКЕРСТВО И «ЦИФРОВОЙ ПОВОРОТ» «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Реут Олег Чеславович,

Северо-западный институт управления РАНХиГС,
кандидат технических наук,
Санкт-Петербург, Россия,
E-mail: olegreut@sampo.ru

Аннотация

Рассматриваются возможности и ограничения применения концепции «мягкой силы» в обстоятельствах её «цифрового поворота» для исследования принципиально нового феномена электорального хакерства.

Ключевые понятия:

«мягкая сила», электоральное хакерство, «цифровой поворот».

Большинство современных политологических теорий рассматривают потребность в безопасности граждан в рамках договорных отношений «человек – общество – государство», которые являются одними из центральных оснований появления политики как универсального ресурса, обеспечивающего функционирование и развитие социума и политикума. Актуальные исследовательские задачи предопределяют дифференциацию категорий безопасности, что, с одной стороны, вызвано расширением предметного поля за счёт включения новых видов военных и невоенных угроз, а с другой – определяется обстоятельствами, в которых эти угрозы репрезентируются. В особую группу оформляется такой вид безопасности, как безопасность информационная, который в соответствии с пространственным измерением контекста взаимодействия политических акторов дифференцируется по уровням – от индивидуального до глобального.

Информационная безопасность представляет собой состояние, при котором сохраняется целостность, устойчивость и способность к эффективному

саморегулированию, несмотря на неблагоприятное внешнее информационно-коммуникационное воздействие. В целях обеспечения информационной безопасности политические акторы используют различные методы, которые могут быть ориентированы на применение насилия или на использование средств косвенного воздействия. Считается, что задействование потенциала инструментов «мягкой силы» (*soft power*), реализуемых посредством информационно-коммуникационных технологий, надлежит определять как нетрадиционные. Однако такое представление не является в полной мере корректным для ситуаций электорального хакерства, с которым столкнулись на протяжении последнего года ряд государств.

При этом важно отметить, что сама проблематика хакерства находится в довольно сложных взаимоотношениях с концептуальным оформлением вопросов безопасности, что становится очевидным при рассмотрении характера и стилей принятия политических решений; роли институтов государства, гражданского общества и индивида в обеспечении безопасности; в выборе соотношения методов и средств обеспечения. Более того, многократное усложнение природы такого феномена современности, как информационные войны, приводит к переформатированию репрезентации ненасильственного воздействия на противника.

Ранее считалось, что в ходе информационного противоборства политические акторы концентрируют свои усилия на создании двух образов, или имиджей: негативного – врага, и позитивного – своего государства. Сами же имиджи транслируются как на граждан своей страны, соседние государства, так и на потенциального противника. В последние годы основной вектор формирования репрезентационной картины выстраивается в направлении выявления скрываемой от аудитории информации. Это могут быть скандальные шпионские досье, взломанные материалы почтовых сервисов, результаты журналистских расследований. При этом сами хакеры позиционируются не как маргинальные кибер-агрессоры, а в качестве разоблачителей государственных или корпоративных афер. Конечно, хакинг остаётся в тёмно-серой области спектра политических действий, но его последствия вполне претендуют быть представленными обществу как ответ на социальный запрос, направленный на преодоление фальшивых новостей (*fake news*), генерируемых традиционными средствами массовой информации.

Чёткое терминологическое оформление категории «электоральное хакерство» выступает довольно нетривиальной задачей, поскольку её решение призвано объединить в некоторую совокупность разные проявления принципиально нового феномена – от утечек социально и политически значимой информации до выстраивания так называемого «искусственного общественного мнения», от повышения уязвимости (вплоть до выведения из строя) сложных инженерно-технических и информационных систем до фальсификации итогов голосования на выборах и референдумах. Одновременно с этим электоральное хакерство концентрируется на использовании потенциала Интернет-технологий, хотя и не ограничивается ими. И, вне сомнений, отдельную сложность в описании рассматриваемых феноменов представляет собой транснациональный характер хакерских групп, к которым лишь частично применимы

подходы, выработанные в отношении, например, частных военных компаний. Это «работает» только в ситуации, когда хакерские коллективы выступают контракторами, наёмными исполнителями воли государственных заказчиков, т. е. тех, кто действует в интересах отдельного государства или их группы. При этом существуют и всё больше заявляют о себе абсолютно самостоятельные группы, которые, в отличие от хакеров в погонах, имеют практически невыявляемую и склонную к постоянным изменениям систему целеполагания [2].

Именно в этом контексте представляется ограниченно возможным расширить применимость сложившегося категориального аппарата, оперирующего вышеназванным понятием «мягкая сила». Исходя из классификации природы воздействия, предложенной в ставших классическими работах Джозефа Ная [4], «мягкая сила» вполне корректно описывает совокупность ресурсов, находящихся за пределами пространств применения принуждения – как военных, так и экономических (прежде всего, санкционных). При этом она оперирует такими единицами анализа, как «массовая культура» и «политические ценности», которые конструируются социально и (вос)производятся в «потоке практик» различных акторов. В данном прочтении исходной точкой рассуждений выступает оппозиция «объективное / социально сконструированное», пришедшая в социально-гуманитарных науках на смену классической дихотомии «объективное / субъективное».

Применительно к электоральному хакерству довольно сложно не заметить различия в языках описания, которые используют не только политологи и международники, но, например, социологи, специалисты в области систем информационной безопасности, культурных (*cultural*) или медиаисследований. Очевидно, что представители разных областей знания оперируют разными аксиоматическими допущениями и, что более значимо, разными описательными метафорами, которые вполне обоснованно были объединены Ричардом Рорти при объяснении введённого им [3] понятия «конечный словарь». Естественно, «конечный словарь» является «начальным словарём», поскольку указывает на всю совокупность риторических элементов той или иной исследовательской программы: от базовых категорий и концептуализаций до первоначальных образных сравнений, задействованных той или иной дисциплиной. «Словарь» – потому что эта совокупность доступна кодификации. «Конечный» (по Рорти) – потому что исследовательская оптика представляет собой «замкнутую систему»; каждому новому феномену она будет подбирать описания из уже имеющихся ресурсов воображения. В некотором смысле, такой словарь есть арсенал всех доступных исследователю способов описания своего объекта.

Первичное описание, как правило, глубоко метафорично – даже само помещение слов «электоральный» и «хакерство» (как, впрочем, «мягкая» и «сила») в одно словосочетание надлежит рассматривать как подобный приём, именно поэтому задача последующей концептуализации представляема как превращение метафор в концепты. Однако уже на стадии начала повествования требуется построение эксплицитной объяснительной модели или, другими словами, повествование использует имплицитные объяснительные схемы, встроенные (более или менее искусным образом) в само описание.

В какой степени электоральное хакерство корректно представлять, например, через категориальную сетку политических ценностей? Поиск ответа на этот вопрос может, пожалуй, лишь воспроизвести полемику о герметичности объяснительных моделей, инициированную следованием или отказом от следования дюркгеймовским принципам «объяснения социального социальным». Жанр функционального оперирования «мягкой властью» куда менее требователен в этом отношении, что определяется не только опорой на методологию конструктивизма, но и адаптивностью «цифрового поворота» в политологическом знании, считающейся одним из признаков трансформации исследовательских парадигм, когда приходит осознание необходимости изучать процессы, сопутствующие появлению тех или иных коллективно разделяемых смыслов.

Хотя конечные словари концепций «мягкой власти» и «электорального хакерства» – пересекающиеся множества, применение «воздействия привлекательности» выстраивается в совершенно нетождественной, а порой и в прямо противоположной логике. По-разному и выстраивается состав субъектов, и происходит артикуляция внешнеполитических интересов, и действуют механизмы убеждения.

Не менее важно и то, что институты, занимающиеся имплементацией «мягкой силы», не только не успевают перестраиваться в соответствии с теми требованиями, которые необходимо учитывать, применяя данную концепцию в обстоятельствах «цифрового поворота» (*digital turn*), но и испытывают определённую растерянность в формулировании отношения к хакингу, конструирование привлекательности которого объективно затруднено устойчивостью фобий Интернет-пользователей.

Так, например, по данным Лаборатории Касперского за 2016 год, 23% россиян заклеивают веб-камеры персональных компьютеров, поскольку боятся спецслужб и хакеров [1]. Отчасти это указывает на возможность восприятия «мягкой силы» в качестве инструмента внутренней политики, что требует «перезагрузки» аксиоматических допущений не только по поводу экспортного продвижения национальных интересов и политических ценностей, которые они манифестируют, но и в отношении более фундаментальных подходов, связанных с функциями современного государства, обеспечением информационной безопасности и даже возможностью информационной гражданской войны.

С одной стороны, новый угол зрения позволяет расширить теоретическую основу концепции «мягкой силы», но с другой – ставит под сомнение сложившийся категориальный аппарат, оперирующий данным понятием, что в свою очередь формулирует основания для возможного «перехода» к концепциям «умной силы» (*smart power*) и «тёмной силы» (*dark power*). В таких обстоятельствах целесообразно вернуться к базовым положениям разработанной Наем теоретической конструкции.

По его мнению, государства могут добиваться решения ряда проблем через формирование и продвижение своей привлекательности. В условиях трансграничных вызовов и угроз противостояние им оказывается более эффективным при включении в систему ценностных, идеологических и культурных

регуляторов, выгодно позиционирующих государство в сравнении с другими членам международного сообщества. «Мягкая сила», таким образом, в отличие от «жёсткой», склоняющей другое государство, чужих граждан и иных акторов мировой политики к принятию тех или иных действий через навязывание своей воли, основывается на способности формировать предпочтения других. В последнем аспекте «мягкая сила» в определённой мере вписывается в рамки публичной дипломатии, в т. ч. в рамки оформившегося сравнительно недавно направления цифровой публичной дипломатии.

Ответ на вопрос «Является ли хакерство привлекательным?» скорее отрицательный. Но останется ли он прежним при добавлении уточнения о том, что в результате, например, установлена фальшивость социально (и политически) значимых новостей, генерируемых традиционными средствами массовой информации, либо выявлена государственная или корпоративная афера, либо разоблачена неискренность политика – кандидата на выборную должность? Парадоксальность ситуации заключается в том, что сами добавляемые уточнения являются социально конструируемыми. Более того, они конструируются традиционными средствами массовой информации, государственными или корпоративными институциями, политиками – лидерами общественного мнения. Происходит секьюритизация хакерства, дискурсивно оно оформляется в категориях информационно-коммуникационной опасности. Восприятие хакерства как угрозы легитимирует необходимость его контроля и регулирования.

Последнее наблюдение, тем не менее, не является универсальным. В ряде случаев субъекты политики исходят из того, что отсутствие контроля и регулирования в сфере цифрового взаимодействия выступает не меньшей ценностью, чем адекватное ограничение открытости и прозрачности. Очевидно, что разноречивое прочтение контекста затрудняет формулирование механизмов «создания привлекательности».

Вполне вероятно, что именно в этой точке размышлений первостепенной оказывается важность терминологического оформления привлекательности. Если привлекательность является необходимым элементом «мягкой силы», то верно ли утверждать, что она создаётся исключительно при коммуникативном обмене, в которой одна из интерпретаций «правды» одерживает верх над другими, а генерирование симпатии, сочувствия и благодарности происходит в отношении действий, рассматриваемых как законные и заслуживающие доверия? Означает ли это, что электоральное хакерство, изначально помещённое за пределы законности и доверия, не может претендовать на субъектность в создании привлекательности?

Открытость ответа на последний вопрос может быть охарактеризована в качестве проблемы методологической интервенции, т. е. операции по переносу языков описания и объяснения из концепции «мягкой силы» в сферу информационно-коммуникационной безопасности с последующей проблематизацией аксиоматического ядра реципиента. Здесь стоит признать, что разносторонность эмпирической базы исследования электорального хакинга и пока недостаточно высокая степень её критической проработанности не позволяют выстроить стройную логику преодоления изоляционистских

конвенций. Вне сомнений, формирование большинства современных политологических теорий, помещающих в центр своего внимания проблематику обеспечения информационной безопасности, представляет собой процесс непрерывного обмена концептами, аксиоматическими допущениями и объяснительными моделями. При этом в связи с усложнением и динамизмом практик информационно-коммуникационного взаимодействия назревает необходимость содержательного переосмысления концептуального оформления «мягкой силы», обнаруживаемой в обстоятельствах «цифрового поворота».

В означенном контексте нуждается в обсуждении и вопрос о том, «работают» ли предложенные Наем теоретические идеи, возможна ли их адаптация, переосмысление и модификация в исследованиях с учетом современных общественно-политических реалий. Не менее продуктивным представляется обсуждение вопроса о том, какие исследовательские метафоры и концептуальные сюжеты содержатся в новых теоретических конструкциях, появившихся в последние годы в общественно-гуманитарной мысли, какие методологические ракурсы они открывают в актуальных прикладных исследованиях.

1. Кочергина Е. Заклей меня полностью: фотопроект о пластыре на камере ноутбука, 5 июня 2017 г. <http://batenka.ru/protection/no-camera>.

2. Реут О.Ч. Страна электоральных хакеров – новый образ России? // Имидж страны как фактор «мягкой силы» в международных отношениях: история и современность. Материалы Интернет-конференции, 2017. <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=4100>.

3. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность / Пер. с англ. М.: Русское феноменологическое общество, 1996. 282 с.

4. Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. NY: Basic Books, 1990. 336 p.

References

1. Kochergina E. Zaklej menya polnost'yu: fotoproekt o plastyre na kamere noutbuka, 5 iyunya 2017 g. <http://batenka.ru/protection/no-camera>.

2. Reut O.Ch. Strana e'lektoral'nykh xakerov – novyj obraz Rossii? // Imidzh strany kak faktor «myagkoj sily» v mezhdunarodnykh otnosheniyax: istoriya i sovremennost'. Materialy Internet-konferencii, 2017. <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=4100>.

3. Rorti R. Sluchajnost', ironiya i solidarnost' / Per. s angl. M.: Russkoe fenomenologicheskoe obshhestvo, 1996. 282 s.

4. Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. NY: Basic Books, 1990. 336 p.

UDC 32:316.62; 004.514.6

ELECTORAL HACKING AND THE DIGITAL TURN OF SOFT POWER

Reut Oleg Cheslavovich,

North-West Institute of Management, branch of RANEPA,
St.-Petersburg, Russia,
E-mail: olegreut@sampo.ru

Annotation

The article considers opportunities and limitations of the application of the soft power concept in the circumstances of its digital turn for studying a fundamentally new phenomenon of electoral hacking.

Key concepts:

soft power, electoral hacking, digital turn.

УДК 316.48+327.8

«МЯГКАЯ СИЛА» И ЭСКАЛАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Иванов Олег Борисович,

руководитель Центра урегулирования социальных конфликтов,
заслуженный юрист Московской области,
Москва, Россия,
E-mail: collegiamo@gmail.com

Аннотация

В статье выявляются сущность и назначение «мягкой силы» во внешней политике, анализируется ее потенциал и возможности в части эскалации социально-политических конфликтов национального уровня. Исследуется соответствующий опыт применения ключевых инструментов «мягкой силы». Автор утверждает, что «мягкая сила» используется в качестве инструмента влияния и пропаганды в глобальном информационном пространстве и внешней политике. В эпоху глобализации «мягкая» мощь возрастает по сравнению с «жесткими» инструментами влияния.

Ключевые понятия:

мягкая сила, мягкое влияние, геополитический проект, социально-политический конфликт, управление социально-политическим конфликтом.

В настоящее время борьба между группами факторов обеспечения национальных интересов в глобальной политике вышла на новую стадию. Первая группа, предлагающая использование военно-силовых средств, расширяет сферу применения. Однако обострение международной обстановки не будет продолжаться долго. Логично ожидать смягчения политического климата, укрепление позиций «мягкой силы» и тех акторов, которые смогут использовать ее потенциал.

С развитием информационного общества в мире возрастает роль информации, которая занимает центральное место в концепции «мягкой силы». Информация является инструментом прогресса человечества, открывающим огромное количество возможностей. Однако с изобретением способов, методов и технологий информационно-психологического воздействия она превращается в геополитическое оружие, которое существенно влияет на развитие страны, подвергающейся «информационная атаке» [1, с. 166].

Применение «мягкой силы» позволяет добиваться желаемого поведения как от союзников, так и от противников мирными средствами, без применения военно-политической или экономической агрессии. Ключевыми сферами применения «мягкой силы» являются: культурные и политические ценности, институты (которые способны притягивать других в собственных интересах), национальные идеалы, внутренняя политика (демократия, свобода и права человека, благотворительность), а также культура, причем не столько «высокая», классическая, сколько массовая, современная (музыка, кинематограф, литература и т. д.) [2, с. 21].

Как отметил несколько лет назад министр иностранных дел России Сергей Лавров: «Сегодня очевидно, что без грамотного использования солидного ресурса «мягкой силы» невозможно эффективно отстаивать интересы государства в мире» [3].

После распада биполярной мировой системы остался только один центр силы – США. Как итог, именно США доминировали в международных отношениях, что создавало дополнительный импульс для их потенциала «мягкой силы». Это привело к идеологическому превосходству США в вопросах выбора политической и экономической модели развития мира, распространению ценностей. В определенный момент западная экономическая и социальная модель развития стала эталонной, воспринималась в качестве единственно возможного залога государственной стабильности [4, с. 26].

Современная ситуация на мировой арене такова, что такой проводник «мягкой силы», как коллективный Запад во главе с США возлагает на себя исключительную миссию определять, что «хорошо», а что «плохо», «справедливо» и «несправедливо», указывать, какая страна является образцом, а какая – изгоем, подвигая тем самым остальных участников мирового политического процесса соглашаться с этой интерпретацией в обмен на поддержку со стороны ключевого субъекта «мягкой силы» [5, с. 27].

Эффективность «мягкой силы», применяемой западными акторами, определяется двумя аспектами. Первый состоит в том, что пропагандируемые западные ценности культуры и политики представляются своего рода идеалами, имеющими, в то же время, возможность быть реализованными в конкретных национальных условиях. Это обстоятельство существенно повышает объективную социальную притягательность данных ценностей и, следовательно, эффективность использования их образов. Второй аспект более сложен и заключается в том, что с помощью мягкой силы акторы пытаются сформулировать единственно актуальную глобальную повестку дня и, одновременно, установить рамки соответствующей дискуссии. Очень точно эти аспекты подметил известный американский исследователь Уолтер Рассел Мид: «Притягательная сила – ценности, идеи, политические шаги, встроенные в нашу систему, – убажывает другие нации. Сила гегемонии создает нечто столь же искусственное и произвольное, сколь с исторической точки зрения сама американская система порядка со времен Второй мировой войны выглядит естественной, желанной, неизбежной и устойчивой» [6, с. 25–26].

Так, информационно-психологическое воздействие на сознание и поведение населения России и бывших союзных республик с помощью инстру-

ментов «мягкой силы» со стороны США и Евросоюза сопровождает весь процесс формирования независимых государств на постсоветском пространстве. Сила и значение этого воздействия таковы, что само становление гражданских обществ и государственных институтов в странах бывшего СССР не может осуществляться вне учета механизма «промывания мозгов». Появляется феномен «управляемого гражданского общества» с видимостью прав, искаженным представлением о долге, обязанностях, деятельностью финансируемых США общественных организаций. Наиболее ярким примером всего вышесказанного могут служить события последних лет на Украине. Здесь в течение более чем 20 лет информационное давление, оказываемое на гражданское общество, сформировало поколение русофобов и националистов, готовых участвовать в «зачистках» на юго-востоке не по принуждению, а по убеждению [7, с. 24].

Сами по себе экспортные западные ценности – это всего лишь слегка трансформированные в соответствии с современными вызовами классические продукты либеральной идеологии («демократические институты», «демократические ценности», «права человека» и др.). В силу декларируемой (хоть и принципиально недоказуемой) их универсальности, западные страны, активно использующие «мягкую силу», рассматривают общественно-политические конфликты в третьих странах (то есть конфликты национального уровня) в первую очередь как путь проникновения в их культурную среду с целью ее дальнейшего преобразования в соответствии с собственным видением мира. При этом предполагается, что окончательное разрешение такого конфликта не является целью и, зачастую, вообще нежелательно. Об окончании конфликта и о стратегии действий в связи с этим следует задумываться только тогда, когда конфликт перестанет быть интересен с точки зрения использования его для оказания самого разного давления на прочих акторов и, следовательно, исчерпает свои возможности в глобальной политической борьбе. В связи с этим крупные глобальные акторы при применении «мягкой силы» стремятся встроить конфликт в выгодную им схему взаимодействия с его участниками и использовать эту схему в соответствии с собственными интересами [8].

Таким образом, современный социально-политический конфликт – явление синтетическое. Оно включает в себя как противостояние внутри государства, так и геополитическое противостояние глобальных внешних акторов, заинтересованных в определенном исходе конфликта и влияющих на такой исход с помощью инструментов «мягкой силы».

История социально-политических конфликтов последних лет четко иллюстрирует заявленную позицию. Национальные события в рамках нормального политического противостояния при необходимости «обрабатываются» заинтересованными внешними акторами с помощью «мягкой силы» через посредство, например, институтов гражданского общества, и в дальнейшем используются для удаленного администрирования. В итоге, атакованные государства «пикируют» в направлении серьезного политического кризиса, который приводит либо к существенной трансформации публичной власти, падению уровня жизни и прочим неблагоприятным последствиям (как, например, было в Грузии в 2003 г. и на Украине в 2004 г.), либо (при самом негативном варианте развития событий), – к гражданской войне (Ливия в 2011 г., Сирия – с 2011 г., Украина – с 2014 г.) [7].

Основными инструментами «мягкой силы» в условиях конфликта являются пропаганда, вербовка, давление через третьих лиц, подкуп и обещание различных преференций. Государственный переворот посредством цветных революций во время избирательного процесса и установление марионеточного режима, как было в Сербии, Грузии и Украине, также является ярким примером применения «мягкой силы» [9].

Своеобразным руководством по применению инструментария «мягкой силы» со стороны «западных демократий» и, в первую очередь, США можно считать совместную статью нескольких высокопоставленных американских военных, названную «Неконвенциональная война в серой зоне» [10]. Авторы статьи указывают, что применение «мягкой силы» целесообразно в тех случаях, когда приходится действовать на границе между дипломатией и открытой войной и тогда, когда традиционные механизмы государственного управления оказываются недостаточными или неэффективными, а военные кампании по ряду причин не подходят. Используемые методы при этом могут включать в себя подрывную деятельность, которая ведется в достаточно традиционных формах: массовые протесты, деятельность с целью замедления или полной остановки рабочего процесса, бойкот, инфильтрация в правительственные учреждения, а также формирование передовых групп. Цель этих мероприятий состоит в подрыве всех составляющих силы национального или оккупационного правительств соответствующей территории.

Анализируя использование «мягкой силы» для эскалации общественно-политических конфликтов и их удаленного администрирования, следует остановиться и на теории «управляемого хаоса», разработчиком которой является профессор Торонтского университета Стивен Манн, лично участвовавший в создании многих очагов управляемого хаоса и, более того, имеющий прямое отношение к «цветным революциям» в республиках бывшего СССР. В настоящее время его наработки активно используются не для урегулирования конфликтов, а для их конструирования (именно в духе «создания хаоса»). Геополитическая доктрина «управляемого хаоса» в политической сфере страны предполагает: во-первых, объединение в нужный момент и на требуемый период разрозненных политических сил, проявляющих недовольство в отношении легитимной власти; во-вторых, подрыв уверенности самих лидеров страны в своих силах и в лояльности армии, служб безопасности и других силовых структур; в-третьих, прямую дестабилизацию обстановки в стране, поощрение настроений протеста с привлечением иностранных агентов, которые, в свою очередь, будут сеять в обществе чувство паники и недоверия к власти; в-четвертых, – организацию смены власти путем «демократических» выборов, вооруженных выступлений или другими методами [1, с. 169–171].

То обстоятельство, что сегодня все крупные глобальные акторы используют «мягкую силу», порождает ряд проблем. Так, например, американцев заботит, каким образом единая Европа будет соотносить применение своей «мягкой силы» по отношению к американской, не будет ли здесь противодействий или осложнений в двусторонних отношениях. От политического курса России, с другой стороны, зависит, будет ли «мягкая сила» нашей страны сталкиваться с западной «мягкой силой» или с восточной (китайская «мягкая сила») или, наоборот, будет способствовать сближению политических позиций [2, с. 13; 11, с. 100].

Вместе с тем, стремление ряда западных стран диктовать остальному миру свои условия и выстраивать всю систему миротворчества в соответствии с собственной моделью управления конфликтами вызывает серьезные возражения со стороны других участников международных отношений, в первую очередь России и Китая. Последние полагают, что юридической основой такой политики должны быть решения Совета Безопасности ООН, который не только создает схему управления конфликтами, но и определяет легитимность арбитра. Западные страны, напротив, в последнее время все более пренебрежительно относятся к ООН, способствуя перехвату ряда ее функций другими организациями, прежде всего НАТО, выдвигают идею создания новых международных организаций по политико-идеологическому принципу – на основе соответствия их будущих членов «демократическим идеалам» [12].

Манипуляции извне заставляют национальные органы власти внимательно присматриваться к проявлениям всякой внешней и внутренней активности. При развитости техник «мягкой силы» за, казалось, безобидной деятельностью институтов гражданского общества может (как показали события на Украине, в Африке во время «арабской весны» и др.) скрываться начальная стадия государственного переворота. Не должно вызывать сомнений то, что геополитически сильные игроки при определенных благоприятных условиях будут применять все возможные ресурсы «мягкой силы».

Успех арабских революций стал своего рода классическим примером применения ресурсов «мягкой силы» в управлении социально-политическими конфликтами извне. Ведь авторитарные режимы, которые подавляли силой гражданские движения, в конечном итоге пали фактически под их давлением, причем протестующие в большинстве своем использовали тактику ненасильственного протеста. Именно в то время возникло даже такое понятие, как «Facebook-революция», которое очень четко отразило основной инструмент рекрутирования движущих сил этих движений. В научной среде такого рода протестную активность определяли через понятия «возмущенных», или «рассерженных сообществ». Эти демонстрации гражданского общества, которые спровоцировали значительные изменения в разных странах и регионах, – доказательство того, что «мягкая сила» сегодня играет определяющую роль в мировой политике [4, с. 17]. Это обстоятельство объективно требует тщательного изучения различных доктрин и инструментов «мягкой силы», особенно в свете той меры ответственности, которую должно нести государство, использующее «мягкую силу» в интересах внешней экспансии и транслирования своих ценностей [13, с. 80].

Опыт показывает, что государства, обладающие существенными ресурсами, оказываются, зачастую, не в состоянии добиться желаемых результатов на мировой арене. Например, в 2014 году США и их европейские союзники решили пойти ва-банк в конфронтации с Россией, но в итоге в значительной степени утратили собственное единство по ключевым вопросам глобальной повестки дня, существенно снизили потенциал своей «мягкой силы» на постсоветском пространстве, в связи с чем доверие к западным СМИ и экспертам оказалось подорванным [14, с. 103].

В завершение отметим, что США и страны Евросоюза заинтересованы в продолжении курса на конфронтацию с Россией. Эти акторы будут предпри-

нимать попытки дестабилизировать ситуацию в нашей стране и в соседних с нами государствах с помощью инструментов «мягкой силы». В связи с этим нам следует разрабатывать и внедрять методики эффективного противостояния «мягкой» экспансии, опираясь на аутентичные модели акторного воздействия, которые позволяют работать на опережение.

1. Матвеев Ю.И., Галаева М.Г. «Мягкая сила» как фактор современной геополитики // PolitBook. 2015. № 1. С. 165–179.
2. Казаринова Д.Б., Коробка Д.Н., Кутелева А.В., Кинякин А.А., Сарымова Н.И., Зубкова А.И. Мягкая сила в глобальной политике. Часть I. Региональное измерение. Материалы «Круглого стола» сотрудников Российского университета дружбы народов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2012. № 4. С. 5–34.
3. России нужна «мягкая сила» // Официальный сайт издания «Российская газета». Режим доступа: <https://rg.ru/2012/11/01/sila-site.html> (дата обращения: 07.08.2017).
4. Казаринова Л.Б., Хохлачева Е.Г., Погосян Э.В., Барановски Ж., Журенкова В.А., Се Ч., Жданов П.А. Мягкая сила в глобальной политике. Часть II. Региональное и функциональное измерения. Материалы «круглого стола» сотрудников Российского университета дружбы народов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2013. № 2. С. 5–32.
5. Егоров А.И., Гудгольд А.М. «Мягкая сила»: немецкий опыт реализации // Вестник Поволжского института государственного управления. 2017. № 1. С. 25–32.
6. Уолтер Рассел Мид. Власть, террор, мир и война. Большая стратегия Америки в обществе риска. – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – 208 с.
7. Иванов О.Б. Информационная война как фактор развития российского гражданского общества // Политика и Общество. 2017. № 4. С. 21–30.
8. Карпович О.Г. Современные концепции управления международными конфликтами в миротворческих операциях: дис. ... доктора полит. наук: 23.00.04 [Текст] / О.Г. Карпович. – Москва, 2012. – 344 с.
9. Савин Л. Жесткая, мягкая и умная сила во внешней политике США // Официальный сайт информационно-аналитического портала «Геополитика». Режим доступа: <https://www.geopolitica.ru/article/zhestkaya-myagkaya-i-umnaya-sila-vo-vneshney-politike-ssha> (дата обращения: 05.08.2017).
10. Joseph L. Votel, Charles T. Cleveland, Charles T. Connett, and Will Irwin. Unconventional Warfare in the Gray Zone, JFQ 80, 1st Quarter 2016 // Официальный сайт National Defense University Press. Режим доступа: <http://ndupress.ndu.edu/JFQ/Joint-Force-Quarterly-80/Article/643108/unconventional-warfare-in-the-gray-zone/> (дата обращения: 05.08.2017).
11. Иванов О.Б. О конфликтологическом подходе к актуальной типологии политических режимов // Власть. 2017. № 4. С. 99–109.
12. Хохлачева Е.Г., «Мягкая сила» НАТО как инструмент урегулирования международных конфликтов // Официальный сайт Автономной некоммерческой организации «Центр стратегических оценок и прогнозов». Режим доступа: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/491/myagkaya-sila-nato-kak-instrument-uregulirovaniya-mezhdunarodnyh-konfliktov-3931> (дата обращения: 06.08.2017).

13. Суханова Н.Е. «Мягкая сила» во внешней политике современной России // Власть. 2015. № 12. С. 79–84.

14. Иванов В.Г. «Потенциальная мягкая сила» как ресурс внешнеполитического влияния // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2016. № 4. С. 101–104.

References

1. Matveenko Yu.I., Galaeva M.G. «Myagkaya sila» kak faktor sovremennoj geopolitiki // PolitBook. 2015. № 1. S. 165–179.

2. Kazarinova D.B., Korobka D.N., Kuteleva A.V., Kinyakin A.A., Sarymova N.I., Zubkova A.I. Myagkaya sila v global'noj politike. Chast' I. Regional'noe izmerenie. Materialy «Kruglogo stola» sotrudnikov Rossijskogo universiteta druzhby narodov // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya. 2012. № 4. S. 5–34.

3. Rossii nuzhna «myagkaya sila» // Oficial'nyj sajt izdaniya «Rossijskaya gazeta». Rezhim dostupa: <https://rg.ru/2012/11/01/sila-site.html> (data obrashheniya: 07.08.2017).

4. Kazarinova L.B., Xoxlacheva E.G., Pogosyan E'.V., Baranovski Zh., Zhurenokva V.A., Se Ch., Zhdanov P.A. Myagkaya sila v global'noj politike. Chast' II. Regional'noe i funkcionnoe izmereniya. Materialy «Kruglogo stola» sotrudnikov Rossijskogo universiteta druzhby narodov // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya. 2013. № 2. S. 5–32.

5. Egorov A.I., Gudgol'd A.M. «Myagkaya sila»: nemeckij opyt realizacii // Vestnik Povolzhskogo instituta gosudarstvennogo upravleniya. 2017. № 1. S. 25–32.

6. Uolter Rassel Mid. Vlast', terror, mir i vojna. Bol'shaya strategiya Ameriki v obshhestve riska. – M.: Progress-Tradiciya, 2006. – 208 s.

7. Ivanov O.B. Informacionnaya vojna kak faktor razvitiya rossijskogo grazhdanskogo obshhestva // Politika i Obshhestvo. 2017. № 4. S. 21–30.

8. Karpovich O.G. Sovremennye koncepcii upravleniya mezhdunarodnymi konfliktami v mirotvorcheskix operacijax: dis. ... doktora polit. nauk: 23.00.04 [Tekst] / O.G. Karpovich. – Moskva, 2012. – 344 s.

9. Savin L. Zhestkaya, myagkaya i umnaya sila vo vneshnej politike SShA // Oficial'nyj sajt informacionno-analiticheskogo portala «Geopolitika». Rezhim dostupa: <https://www.geopolitica.ru/article/zhestkaya-myagkaya-i-umnaya-sila-vo-vneshney-politike-ssha> (data obrashheniya: 05.08.2017).

10. Joseph L. Votel, Charles T. Cleveland, Charles T. Connett, and Will Irwin. Unconventional Warfare in the Gray Zone, JFQ 80, 1st Quarter 2016 // Oficial'nyj sajt National Defense University Press. Rezhim dostupa: <http://ndupress.ndu.edu/JFQ/Joint-Force-Quarterly-80/Article/643108/unconventional-warfare-in-the-gray-zone/> (data obrashheniya: 05.08.2017).

11. Ivanov O.B. O konfliktoologicheskom podxode k aktual'noj tipologii politicheskix rezhimov // Vlast'. 2017. № 4. S. 99–109.

12. Xoxlacheva E.G., «Myagkaya sila» NATO kak instrument uregulirovaniya mezhdunarodnyx konfliktov // Oficial'nyj sajt Avtonomnoj nekommercheskoj organizacii «Centr strategicheskix ocenok i prognozov». Rezhim dostupa: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/491/myagkaya-sila-nato-kak-instrument->

uregulirovaniya-mezhdunarodnyh-konfliktov-3931 (data obrashheniya: 06.08.2017).

13. Suxanova N.E. «Myagkaya sila» vo vneshnej politike sovremennoj Rossii // Vlast'. 2015. № 12. S. 79–84.

14. Ivanov V.G. «Potencial'naya myagkaya sila» kak resurs vneshnepoliticheskogo vliyaniya // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya. 2016. № 4. S. 101–104.

UDC 316.48+327.8

«SOFT POWER» AND ESCALATION OF SOCIO-POLITICAL CONFLICTS

Ivanov Oleg Borisovich,

Head of the Center for the Settlement of Social Conflicts,
Honored Lawyer of the Moscow Region,
Moscow, Russia,
E-mail: collegiamo@gmail.com

Annotation

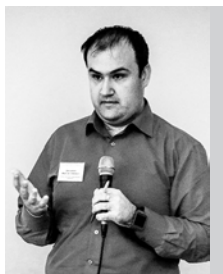
The article reveals the essence and purpose of the “soft power” in foreign policy, analyzes its potential and opportunities in terms of escalating socio-political conflicts at the national level. The relevant experience of using the key tools of “soft power” is explored. The author claims that “soft power” is used as an instrument of influence and propaganda in the global information space and foreign policy. In the era of globalization, “soft” power is increasing compared to “hard” instruments of influence.

Key concepts:

soft power, soft influence, geopolitical project, socio-political conflict, socio-political conflict management.

УДК 323

МЕДИАОБРАЗ ВРАГА В КОНТЕКСТЕ ТЕХНОЛОГИЙ МЯГКОЙ СИЛЫ

Двойненко Максим Олегович,

Южно-Уральский Государственный Университет (НИУ),
преподаватель кафедры Социологии и политологии,
Челябинск, Россия,
Email: dvoinenkomo@susu.ru

Аннотация

Создание медийного образа врага является актуальной технологией мягкой силы. Цель данной технологии – организация оперативного ответа правящей политической элиты на внешнеполитические и внутривнутриполитические вызовы и угрозы. Использование мягкой силы для формирования медиаобраза врага предполагает интерактивное участие граждан в широком обсуждении возможных и реальных угроз для безопасности страны, в самостоятельной выработке общественного мнения по поводу сопротивления враждебным информационным и политическим атакам. В статье дается сравнительный анализ технологий мягкой силы и пропаганды в сфере формирования образа врага.

Ключевые понятия:

мягкая сила, политический дискурс, медиаобраз врага, пропаганда, угрозы, вызовы.

Включенная в коммуникативное пространство политического дискурса мягкая сила выполняет функцию формирования определенного образа государства, политических элит, отдельных институтов и политических деятелей. В зависимости от поставленных стратегических задач эти образы могут быть как привлекательными, так и не привлекательными. Привлекательные образы обеспечивают органам власти дополнительную легитимность как во внутренней, так и во внешней политической среде. Джозеф Най считает, что на внешнеполитической арене данная технология работает посредством демонстрации актуальности своей культуры, ценностей, а вместе с тем – институтов и позиций, существующих в государстве благодаря наполнению их особым ценностным содержанием [5, с. 151].

Стратегически заданный непривлекательный политический образ, овладевший массовым сознанием, превращается в образ врага. Образ врага, если в нем заклю-

чена угроза для конкретной общности, страны, государства, помогает преодолеть комплекс политической или национальной неполноценности, активизировать мобилизационные процессы, обосновать любую «исключительность» [10, с. 64]. Образ врага «включает» эмоциональные процессы, связанные с желанием дать решительный отпор враждебным силам. К примеру, о запросе населения России на усиление противодействия враждебно настроенным по отношению к стране политическим силам свидетельствуют результаты социологического опроса, проведенного «Левада-Центром» в июне 2017 года [3].

Значимой технологией защиты правящего политического режима, технологией, легитимизирующей власть правящей элиты, способной мобилизовать патриотические чувства общества, выступает медийный образ врага. К. Шмитт в своих лекциях «Теория партизана» дает определение политического врага, характеризуя его как «нечто такое, что по какой-либо причине должно быть устранено... по этой причине я должен с ним столкнуться в борьбе...» [9]. Сам же образ врага есть совокупность представлений о потенциальной или реальной угрозе обществу или политической системе, которые основываются на сложившихся политических мифах и архетипах, а в некоторых случаях имеют вполне естественное происхождение, основанное на коллективном опыте и исторической памяти.

Наиболее распространённое понимание образа врага сложилось на стыке конфликтологии и социальной психологии, где данный образ трактуется как качественная (оценочная) характеристика (имидж) врага, сформированная в общественном сознании [4, с. 32]. К.Г. Юнг в своей работе «Архетип и символ» выделяет архетип «Тень», который содержит представление обо всем плохом и негативном для конкретной культуры или общества, о ценностях и моделях поведения, которые общество не приемлет [8, с. 59]. Медийный образ врага также содержит в своей структуре архетипические представления конкретного социума о враждебных ему силах, о чуждом, неприемлемом поведении или об опасностях, которые грозят обществу.

Принимая во внимание архетипы вражды в структуре массового сознания, масс-медиа способны сконструировать медийными средствами яркие и устрашающие образы врага. Они выстраиваются в соответствии как с бессознательными страхами, так и с рациональными стратегическими установками властной элиты, которая отчетливо понимает, что образ врага мобилизует в массах чувство сплоченности перед лицом потенциальной угрозы, усиливает патриотические настроения.

При анализе способов конструирования медиаобраза врага важно сопоставить соответствующие технологии мягкой силы и пропаганды. С нашей точки зрения между данными технологиями существуют определенные сходства и различия. Э. Бернейс в своей классической работе «ПРОПАГАНДА» в главе 6. «Пропаганда и политическое лидерство» рассматривал пропаганду как умение работать с эмоциями масс, максимально использовать простейшие эмоции и предрассудки для достижения политических целей. Он отмечал, что методы пропаганды эффективны только в том случае, если избиратель принимает решение, исходя из предрассудков и устремлений, бытующих в его социальной группе. Однако современный политик для того, чтобы быть успешным, должен не столько угождать массам, сколько уметь склонить их на свою сторону [1].

Технологии мягкой силы схожи с технологиями пропаганды в том, что тоже эксплуатируют чувства и эмоции людей, их страхи и надежды. Образ врага формируется обеими технологиями, но продвигается в сознание масс по-разному, их дискурс неодинаков. Дискурс политической пропаганды прямолинеен, его риторика заострена на достижении однозначной ответной реакции («Ты записался добровольцем?»; «Если не мы, то кто?»; «Да или нет?»), она предполагает четкую определенность выбора («Выбирай или проиграешь», «Родина или смерть!»), содержит конкретные призывы к действию.

Образ врага в политической пропаганде не содержит никаких нюансов, он одномерен, поскольку призван воплощать абсолютное зло. Для его обозначения официальные институты пропаганды ввели в современный политический оборот такие понятия как «империя зла», «ось зла», «кровавый режим» и др. Напротив, в дискурсе мягкой силы образ врага преподносится в неопасной, на первый взгляд, оболочке, это, по сути, «волк в овечьей шкуре». Акцент делается на том, чтобы побудить массы самостоятельно разобраться, кто есть кто, конечно, не без определенной подсказки. Важно, чтобы публика сама смогла распознать двуличие и лицемерие политики или политика, таящуюся в них угрозу. Враг, согласно технологиям мягкой силы, должен быть изобличен общественными усилиями. Против него надо расставить ловушки, чтобы потом «задушить в объятиях». В конце 1980-х гг. наша страна сама попала в такую ловушку. Когда распался Варшавский Договор, западные политики «убаюкали» отечественную политическую элиту обещаниями включения России в сообщество цивилизованных демократий, обещали не продвигать к ее границам базы НАТО, поскольку Россия, якобы, перестала быть системой, враждебной западной цивилизации.

Как оказалось впоследствии, образ России как врага никогда не исчезал из стратегических проектов мягкой силы и пропаганды Запада. В самой же России «отрезвление» после «мягкого» удушения наступило только с наступлением «эпохи Путина». Как только Запад ощутил новую мощь России, им тут же были взяты на вооружение все стереотипные представления о России как враждебном государстве, задействованы технологии эпохи «холодной войны».

Продолжая сравнивать политические дискурсы мягкой силы и пропаганды, отметим, что дискурс политической пропаганды базируется на ментальном насилии, поскольку требует действовать определенным образом и в определенном направлении. Технология же мягкой силы базируется на интерактивном убеждении общественности, не подавляя его волю, стремится апеллировать к аргументам, выстроенным рационально, признает право на умеренное несогласие. Эти же особенности, с нашей точки зрения, проявляются и при создании образа врага.

По нашему мнению, политический образ врага, конструируемый с помощью инструментов мягкой силы, обладает следующими чертами:

- Образ врага не преподносится как официальная позиция первых лиц государства, а выстраивается на мнения привлеченных экспертов и аналитиков.
- Медийный образ врага не закреплён в официальных документах государства, например в Доктрине национальной безопасности, и тем самым не имеет программного характера, его задачей становится моментальный ответ на насущные вызовы, стоящие перед политической элитой в данный момент, и придание им социальной значимости.

- Использование мягкой силы для формирования медиаобраза врага предполагает интерактивное участие граждан в широком обсуждении в традиционных СМИ и в социальных сетях возможных и реальных угроз для безопасности страны. Мягкие технологии стимулируют инициативу граждан в деле разоблачения враждебной фейковой информации, в выработке приемов противодействия информационным и политическим атакам.

Следует отметить, что пропаганда по сравнению с дискурсом мягкой силы апеллирует к простым и понятным коллективным чувствам и переживаниям. При формировании образа врага она, прежде всего, вызывает чувство страха у населения. Пропагандистское оружие – это оружие устрашения. Дискурс мягкой силы не запугивает публику образом врага, а подталкивает граждан к самостоятельному его разоблачению и к формированию механизмов своей защиты.

Один из ранних примеров создания медийного образа врага был описан военным историком К. Гайворонским. В своей статье «Тревожное лето 1927 года» он обращается к анализу действий советской политической элиты, направленных на формирование чувства «тревожности» у граждан страны в связи с обострением к 1927 году международной ситуации. Благодаря широко развернувшейся идеологической работе с населением при активном участии советских печатных изданий, руководителям государства удалось сформировать среди широких масс желание стать более защищенными от возможной агрессии противника. В итоге граждане сами смогли ощутить внутреннюю потребность в ужесточении советского законодательства. Образ внешнего врага, создававшийся в тот период, был в значительной степени сформирован посредством пропагандистских приемов, однако, по всей видимости, в ход была пущена и технология мягкой силы, которая базировалась на задачах самостоятельной выработки у граждан потребности в дополнительной защите со стороны государства [2].

Комплексное применение пропагандистских и «мягких» технологий в данном случае привело к тому, что рабочие, служащие и колхозники начали собирать деньги на постройку эскадрильи «Наш ответ Чемберлену», проводить массовые пикеты, направленные против шпионов и врагов. Правящие круги, в свою очередь, за счет принимаемых мер по ужесточению политического режима смогли дискредитировать действующую внутри страны политическую оппозицию, введя в 1927 году в Уголовный Кодекс статью 58 УК СССР «О борьбе с контрреволюционным движением».

Медийная актуализация образа врага имеет большое значение для выработки единой повестки дня в публичном информационном пространстве, для идейно-политического сплочения нации перед лицом возможных угроз. Эффективность его использования подтверждается, в частности, экспертным исследованием, проведенным ЦСИ «Платформа» на тему «Социология российского политического телевидения». Полученные результаты подтверждают нашу гипотезу о значимости медийного образа врага как инструмента формирования и укрепления легитимности правящей политической элиты, инструмента мобилизации общества. Эксперты выделяют несколько особо обсуждаемых медийных тем, провоцирующих усилия по формированию образа врага в последние годы: военные и революционные действия на Украине и проецирование их на Россию; борьба с мировым терроризмом и вклад в защиту легальных политических режимов на примере миротворческой военной акции России в Сирии; потенциальная

внешнеполитическая угроза со стороны западных стран и их лидеров; введение санкций на внешнеполитическую деятельность России и вопросы эффективности антисанкций. По данным исследования, у 61% опрошенных новостная повестка федеральных СМИ вызывает чувство тревоги и беспокойства, а вместе с этим – и чувство раздражения [7].

Наш общий вывод таков: наибольшая эффективность в формировании образа врага и в эксплуатации его в политических целях приносит комплексное применение технологий пропаганды и мягкой силы. Данная комплексность должна присутствовать как в открытом публичном пространстве, так и в медийном. При этом именно медиаобраз врага создает наиболее сильный эмоциональный отклик у широких масс, способствуя укреплению чувств национальной сплоченности, солидарности и патриотизма.

1. Бернейс Эдвард. ПРОПАГАНДА // <http://commondatastorage.googleapis.com/brainmod/book/Edward-Bernays-Propaganda.pdf>.

2. Гайворонский К. Тревожное лето 1927 года // Ведомости [сайт]. – Режим доступа <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/07/14/723578-trevozhnoe-let> (дата обращения: 01.08.2017).

3. Какую линию, по вашему мнению, должен проводить избранный в 2018 году президент: Исследование [Социологический опрос от 23.06.2017] // Левада-центр [сайт]. – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2017/07/05/narod-hochet-pozhestche/> (дата обращения: 03.08.2017).

4. Козырев Г.И. «Враг» и «образ врага» в общественных и политических отношениях // Социологические исследования. – 2008. – № .1. – С. 31–39.

5. Най С. Джозеф (младший). Будущее власти / С. Джозеф Най, младший; пер. с англ. В.Н. Верченко // Москва: АСТ. – 2014. С. 444.

6. Смотрите ли вы новостные передачи телевизионных каналов: Исследование [Социологический опрос от 31.03.2017] // Левада [сайт]. – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2017/07/28/prosmotr-novostej> (дата обращения: 03.08.2017).

7. Социология российского политического телевидения: Исследование [Электронный ресурс] // Платформа центра социального проектирования: [сайт]. – Режим доступа: <http://pltf.ru/2017/02/01/polit-tv/> (дата обращения: 03.08.2017).

8. Юнг К.Г. Архетип и символ. – Renaissance, 1991. С. 160.

9. Шмитт Карл. Теория партизана: Промежуточное замечание по поводу понятия политического // <http://gosuslugi.kck.ru/documents/10147/14901/KarlShmidt.pdf>.

References

1. Bernejs E'dvard. PROPAGANDA // <http://commondatastorage.googleapis.com/brainmod/book/Edward-Bernays-Propaganda.pdf>.

2. Gajvoronskij K. Trevozhnoe leto 1927 goda // Vedomosti [sajt]. – Rezhim dostupa <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/07/14/723578-trevozhnoe-let> (data obrashheniya: 01.08.2017).

3. Kakuyu liniyu, po vashemu mneniyu, dolzhen provodit' izbrannyj v 2018 godu prezident: Issledovanie [Sociologicheskij opros ot 23.06.2017] // Levada-

centr [sajt]. – Rezhim dostupa: <https://www.levada.ru/2017/07/05/narod-hochet-pozhestche/> (data obrashheniya: 03.08.2017).

4. Kozyrev G.I. «Vrag» i «obraz vraga» v obshhestvennykh i politicheskikh otnosheniyaх // Sociologicheskie issledovaniya. – 2008. – № .1. – S. 31–39.

5. Naj S. Dzhozef (mladshij). Budushhee vlasti / S. Dzhozef Naj, mladshij; per. s angl. V.N. Verchenko // Moskva: AST. – 2014. S. 444.

6. Smotrite li vy novostnye peredachi televizionnykh kanalov: Issledovanie [Sociologicheskij opros ot 31.03.2017] // Levada [sajt]. – Rezhim dostupa: <https://www.levada.ru/2017/07/28/prosmotr-novostej> (data obrashheniya: 03.08.2017).

7. Sociologiya rossijskogo politicheskogo televideniya: Issledovanie [E'lektronnyj resurs] // Platforma centra social'nogoproektirovaniya: [sajt]. – Rezhim dostupa: <http://pltf.ru/2017/02/01/polit-tv/> (data obrashheniya: 03.08.2017).

8. Yung K.G. Arxetip i simvol. – Renaissance, 1991. S. 160.

9. Shmitt Karl. Teoriya partizana: Promezhutochnoe zamechanie po povodu ponyatiya politicheskogo // <http://gosuslugi.kck.ru/documents/10147/14901/KarlShmidt.pdf>.

UDC 323

MEDIA IMAGE OF THE ENEMY IN THE CONTEXT OF SOFT POWER TECHNOLOGIES

Dvoinenko Maxim Olegovich,

South Ural State University (NIU),
The teacher of the Chair of Sociology and Political Science,
Chelyabinsk, Russia,
E-mail: dvoinenkomo@susu.ru

Annotation

Creation of a media image of the enemy is actual technology of soft power. The purpose of the given technology - the organization of the operative answer of ruling political elite on foreign policy both internal political challengers and threats. Use of soft power for formation of a media image of the enemy assumes interactive participation of citizens in wide discussions of possible and real threats for safety of the country, in independent development of public opinion concerning resistance to hostile information and political attacks. In article the comparative analysis of technologies of soft power and propaganda in sphere of formation of an image of the enemy is given.

Key concepts:

soft power, media image of the enemy, political discourse, propaganda, threats, challengers.

DISCOURSE-P
Дискурс★Ни
Научный журнал

PHILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILIOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

№ 4 (29) 2017

DISCOURSE-P
ДИСКУРС★НИ

УДК 811.161.1

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Третьякова Ирина Юрьевна,

Костромской государственной университет,
доктор филологических наук, доцент,
Кострома, Россия,
E-mail: trirfr@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается влияние экстралингвистических факторов на выбор и употребление фразеологических единиц учителем в речевой коммуникации «учитель – ученик», описываются основные фразеосемантические группы, активно функционирующие в педагогическом дискурсе. Определяются также группы идиом ограниченного употребления, выявляются причины ограничений.

Ключевые понятия:

педагогический дискурс, фразеологические единицы, фразеосемантические группы.

Дискурсивный подход к изучению языка предопределяет рассмотрение функционирующих в нём языковых единиц в новом аспекте, а именно с учётом влияния экстралингвистических факторов. Предложенная В.И. Карасиком модель описания дискурса [1, с. 270–299] позволяет выявить признаки коммуникативной ситуации, определяющие выбор тех или иных языковых единиц при осуществлении речевой коммуникации. Выявление особенностей использования фразеологических единиц в одном из дискурсов – педагогическом – вызывает научный интерес.

Педагогический дискурс относится к дискурсам институциональным, характеризующимся общением коммуникантов в заданных рамках статусно-ролевых отношений. Педагогический дискурс решает несколько задач, в него включается много жанров (урок, лекция, семинар, экзамен и др.) [2; 5]. Однако в данной работе источником материала послужили ситуации речевого общения, не связанные с непосредственным процессом передачи, закрепления, контроля

знаний: в общении «учитель – ученик» – реплики учителя на уроках, на внеурочных мероприятиях с доминирующей воспитательной функцией.

В общении с учениками учитель – в силу заданных статусно-ролевых отношений – выполняет основную цель педагогического дискурса: воспитывать подрастающее поколение, способствовать социализации молодых членов общества. На наш взгляд, достаточно точно эта миссия учителя отражена в словах немецкого педагога К. Слезак-Шиндлер: «Ребёнок с готовностью даёт себя вести своему учителю и ощущает себя созвучным ему. Подросток будет следовать добровольно за учителем, если через его личность он познает правду жизни и её законы, благодаря которым он приходит к зрелости» [3, с. 194]. Именно социализация нового члена общества (объяснение устройства мира, норм и правил поведения, организация деятельности нового члена общества в плане его приобщения к ценностям и видам поведения, ожидаемым от ученика, проверка понимания и усвоения информации, оценка результатов) [1, с. 324] является главным, определяющим фактором педагогического дискурса.

Социализация ученика осуществляется в двух направлениях: образовательном и воспитательном. Несмотря на единую глобальную цель, общение «учитель – ученик» в ситуациях, не связанных напрямую с передачей и получением научных знаний, имеет свою специфику. Во-первых, основными функциями такого общения являются оценочная и воспитательная; во-вторых, в общении коммуникантов при сохранении статусно-ролевого амплуа важное значение имеет ситуационно-коммуникативная роль учителя: он прямо выражает своё отношение к описываемым субъектам, объектам, событиям, высказывает оценочные суждения. Следует упомянуть, что оценочность в речи учителя является проявлением общей оценочной стратегии педагогического дискурса как институционального; оценивающая стратегия педагогического дискурса выражает общественную значимость учителя как представителя норм общества и реализуется в праве учителя давать оценку как событиям, обстоятельствам, персонажам, о которых идёт речь при обучении, так и достижениям ученика. Мнения, оценочные суждения учителя не являются показателями личностно-ориентированного дискурса, это, по сути, суждения коммуниканта, имеющего право говорить от имени общественного института (школы), от имени всего общества. Для учителя особенно важно – осуществлять речевую деятельность в рамках норм педагогического дискурса, гарантирующих успешность педагогической коммуникации. Всё это накладывает отпечаток на речевое общение учителя и ученика, на выбор языковых средств при построении речи педагога.

Оценочность в педагогическом общении обуславливает использование в речи учителя фразеологизмов-идиом, характеризующихся образностью, экспрессивностью. Специфика педагогического дискурса требует от учителя особого внимания при выборе средств выражения мыслей, ставит его «в рамки» при использовании идиом. В такой ограниченности и проявляются особенности употребления фразеологизмов в педагогическом дискурсе [4].

Основные темы, актуальные в беседах с учениками, касаются образования и воспитания. Соответственно, и языковые единицы, в частности фразеологизмы, выбираемые говорящим в качестве элементов текста, в большинстве своём, относятся к фразеосемантическим группам, связанным с процессом учёбы и с воспитанием.

Успех в обучении ребёнка обусловлен такими его качествами, как умственные способности, прилежание. Фразеологизмы именно этих фразеосемантических групп являются активными в коммуникации.

1. Фразеосемантическая группа «Умственные способности».

1.1. Хорошие умственные способности:

впитывать как губка (легко воспринимать, усваивать что-либо), *схватывать на лету* (быстро воспринимать и легко понимать, усваивать что-либо), *ума палата* (кто-либо очень умён), *щёлкать как орехи* (быстро, легко справляться с какой-либо задачей, каким-либо делом и др.

1.2. Недостаток ума, средние / плохие умственные способности:

азбучные истины (то, что всем известно, неоспоримо), *открывать Америку* (высказывать банальные сведения о чём-либо, говорить о том, что всем и давно известно), *изобретать велосипед* (обнаруживать, создавать заново что-либо давно открытое, общеизвестное), *схватывать верхушки* (усваивать только первичные, поверхностные знания), *скакать по верхам* (не углубляться в суть явления, воспринимать поверхностно что-либо), *звёзд с неба не хватать* (иметь средние способности), *не по зубам* (не хватает способностей быстро воспринимать, усваивать что-либо), *камень преткновения* (помеха, затруднение, на которое наталкивается кто-либо в каком-либо деле, занятии), *становиться в тупик* (приходить в крайнее затруднение) и др.

2. Фразеосемантическая группа «Отношение к труду».

2.1. Трудолюбие (прилежание), умение и желание учиться:

как пчёлка [трудиться] (очень много, без отдыха работать), *на совесть [учиться]* (добросовестно, хорошо делать что-либо).

2.2. Лень, безделье:

бить баклуши (праздно проводить время, бездельничать), *ворон считать* (проводить время в праздности, бездельничать), *лежать на боку* (совсем ничего не делать, бездельничать), *лодыря гонять* (праздно проводить время, бездельничать), *палец о палец не ударять* (совершенно, совсем ничего не делать), *спустя рукава* (небрежно, кое-как делать что-нибудь), *шалляй-валяй* (небрежно, кое-как делать что-нибудь), *штаны просиживать* (не заниматься чем-либо полезным, бездельничать) и др.

2.3. Безответственное отношение к учёбе.

2.3.1. Жить беззаботно, не обременяя себя трудом (учёбой):

не болит голова (ничего не заботит, не беспокоит), *жить – не тужить* (жить без трудностей, без печали, не обременяя себя заботой, ответственностью), *жить припеваючи* (жить легко, в довольстве, без трудностей), *и в ус не дуть* (ни о чём не беспокоиться), *хоть бы хны* (никакого внимания, полное равнодушие к кому-либо или к чему-либо, всё нипочём), *как ни в чём не бывало* (словно ничего не случилось), *не каплет* (нет никаких причин топиться, спешить; успеется).

2.3.2. Самонадеянность, легкомыслие по отношению к труду (учёбе):

пара пустяков (очень легко, без особых усилий сделать что-нибудь), *проще простого* (очень, чрезвычайно просто), *проще пареной репы* (очень, чрезвычайно просто), *как нечего делать* (делать легко, без затруднений, без проблем), *идти по пути наименьшего сопротивления* (выбирать легчайший способ действий, уклоняясь от трудностей, избегая препятствий) и др.

2.3.3. Не трудясь, надеяться на что- или кого-либо:

по щучьему велению (чудесным образом, без вмешательства кого-либо), *по мановению волшебной палочки* (с лёгкостью, без труда совершается что-либо) и др.

На успешность учёбы большое влияние оказывает качество учебной деятельности ученика. Поэтому учитель стремится активизировать работу учеников, часто высказывая неудовлетворение их учебной деятельностью; при этом используются фразеологизмы, характеризующие действия ученика в основном в негативном плане.

3. Фразеосемантическая группа «Учебная деятельность».

3.1. Процесс мышления (как правило, данные фразеологизмы употребляются в качестве призыва к интенсификации умственной деятельности на уроке):

думать головой (соображать, думать, размышлять), *раскинуть мозгами/умом* (обдумывать; мысленно рассчитывать, прикидывать), *шевелить мозгами* (соображать, думать, размышлять), *собраться с мыслями* (сосредоточиться на чём-либо, пытаясь обдумать, решить что-либо).

3.2. Речевая деятельность на уроке.

3.2.1. Говорение. Качество говорения:

бормотать себе под нос (говорить очень тихо, неразборчиво), *перескакивать с пятого на десятое* (говорить бессвязно, непоследовательно, пропуская подробности), *открывать рот* (начинать говорить, высказывать своё мнение), *двух слов связать не мочь* (плохо говорить, испытывать затруднения в выражении мыслей), *боек на язык* (находчив в разговоре, красноречив), *язык без костей* (кто-либо очень болтлив, любит поговорить, болтает много всякого вздора, глупостей) и др.

3.2.2. Отсутствие говорения. Молчание:

играть в молчанку (отмалчиваться, уклоняться от разговора), *молчать, как партизан на допросе* (скрывать что-либо, упорно не признаваться в чём-либо, несмотря на чьи-либо настояния), *молчать как рыба* (упорно не говорить о чём-либо важном, не желать говорить в ситуации, когда это предполагается), *держат рот на замке* (не сообщать окружающим важную для них информацию), *язык прикусить* (молчать, воздерживаться от высказывания чего-либо), *язык отнялся* (кто-либо потерял способность говорить), *язык к нёбу присох* (кто-либо потерял способность говорить) и др.

3.3. Письмо. Качество письма:

каляки-маляки (плохой, неразборчивый почерк, похожий на каракули), *писать как курица лапой* (писать неразборчиво, так, что ничего нельзя понять) и др.

3.4. Слушанье. Качество слушания:

в одно ухо влетает, в другое вылетает (плохо слушать, не обращать внимания на то, что говорят), *проходить мимо ушей* (оставлять без внимания важную информацию), *уши в трубочку свернулись* (кто-либо ничего не слышит, не хочет слышать) и др.

4. Чтение. Качество чтения:

читать как пономарь (читать невыразительно, монотонно, невнятно), *язык заплетается* (не мочь членораздельно, внятно сказать что-либо), *язык с трудом ворочается* (с большим трудом говорить что-либо) и др.

Одной из главных тем речевой коммуникации учителя и учеников является тема соблюдения учениками норм поведения в обществе. Поведение школьников может рассматриваться разнопланово: в отношении нарушения нравственных норм, принятых в обществе, в отношении нарушения этических норм. Поэтому спектр фразеологизмов, функционирующих в педагогическом дискурсе, достаточно широк. Тем не менее, эмпирический материал позволил выявить фразеосемантические группы наиболее частотных фразеологизмов; эти фразеологические единицы используются в речи учителя при обсуждении поведения учеников в процессе их социализации.

1. Проблемы, трудности, неприятности:

наломать дров (наделать глупостей, грубых ошибок), *заварить кашу* (затянуть сложное, хлопотное, неприятное дело), *расхлёбывать кашу* (распутывать сложное, хлопотное, неприятное дело) и др.

2. Бездумная, глупая деятельность:

потерять голову (попав в затруднительное положение, прийти в растерянность, не знать, что делать, как поступить), *каша в голове* (кто-либо путано мыслит, у кого-либо нет ясности в понимании, в осознании чего-либо), *не иметь головы на плечах* (поступать неумно, необдуманно) и др.

3. Опасность, риск, непредусмотрительность:

висеть на волоске (оказываться в опасности, под угрозой гибели), *жить сегодняшним днём* (жить интересами сегодняшнего дня, не задумываясь о том, что будет в будущем), *рубить сук, на котором сидишь* (своими действиями лишать себя опоры, вредить самому себе) и др.

4. Тайна, скрытность, попытка уйти от ответственности:

прятать концы в воду (уничтожать улики какого-либо проступка, чтобы не осталось никаких следов), *уйти в кусты* (отстраниться от ответственности, от непосредственного участия в деле), *перекладывать с больной головы на здоровую* (освобождаться от ответственности, обременяя этим другого) и др.

5. Нечестность, неискренность, лицемерие:

в мутной воде рыбку ловить (извлекать выгоду из чьих-либо затруднений, корыстно пользоваться неурядицами, беспорядками, неясностью обстановки), *прятать глаза* (избегать смотреть прямо в лицо кому-либо, отворачиваться), *вертеться как уж на сковородке* (изворачиваться, хитрить, пытаться уйти от ответственности), *с три короба наврать* (сказать очень много неверного, лживого) и др.

5. Наказание:

получить по заслугам (быть наказанным за совершение плохого поступка), *получить за дело* (быть наказанным за совершение плохого поступка), *устроить весёлую жизнь* (причинить неприятности кому-либо с целью вывести из равновесия, унижить, опозорить), *подрезать крылышки* (лишить возможности проявить себя в плохом поступке), *разбор полётов* (критически обсуждать проступки) и др.

6. Последствия неправильного поведения:

сесть в лужу (ставить себя в неловкое, глупое, смешное положение), *оказаться у разбитого корыта* (остаться ни с чем, претерпеть крах всех своих

надежд), *остаться за бортом* (сходить с правильного пути, оказаться вне дела), *наступить на грабли* (повторно совершить ту же ошибку, не сделать выводов из предыдущих промахов), *сойти с дистанции* (выбыть из числа участников в каком-либо деле) и др.

Специфика педагогического дискурса, статусно-ролевое амплуа учителя обуславливают не только выбор фразеологических единиц в тематическом плане, но и устанавливают ограничения на использование фразеологизмов, не соответствующих глобальной цели, либо приводящих к коммуникативным неудачам. Ограничения в использовании в речи учителя накладываются на следующие группы идиом:

1) Разговорные фразеологизмы.

Разговорные фразеологические единицы составляют большой пласт русской фразеологии. Такие устойчивые знаки характеризуются яркой негативной экспрессией (*дубина стоеросовая, заткнуть рот*), или фразеологическим образом, способным вызвать неприятие, насмешку (*бабку оторвать, моча в голову ударила, плевать в потолок*), или компонентами – просторечными, бранными словами (*плятить глаза, ржать как сивый мерин*). Употребление разговорной фразеологии выходит за стилистические рамки, противоречит законам существования институционального дискурса. Поскольку оценивающая стратегия педагогического дискурса выражает общественную значимость учителя, владеющего правилами, принятыми в обществе, в том числе и стилистическими нормами речи, постольку использование учителем разговорных фразеологизмов ведёт к нарушению норм речи и – как следствие – к снижению статусной значимости учителя.

Разговорные фразеологизмы (*плевать в потолок, дурью маяться, ковырять в носу*) характеризуются ярко выраженной негативной оценочностью, передают насмешку, иронию, сарказм адресанта (учителя) по отношению к адресату речи (ученику), чем нарушают успешное общение, провоцируют появление агрессии учеников.

2) Фразеологизмы из литературных источников.

Ограничения в использовании касаются фразеологизмов литературного происхождения (библейзмов, мифологизмов), так как далеко не всегда такие единицы знакомы школьникам. Среди фразеологизмов-библейзмов лишь отдельные фразеологизмы широко употребляются носителями языка, причём многие говорящие не знают источника устойчивых единиц (*волк в овечьей шкуре, всемирный потоп, в чём мать родила, кожа да кости, лезть на рожон*). В основном же, фразеологизмы-библейзмы в силу известных причин вышли из активного употребления. Фразеологизмы-мифологизмы также составляют пласт языковых единиц, опознаваемых и понимаемых далеко не всеми носителями языка. Следует учесть, что Библия и мифы Древней Греции, Древнего Рима не включены в школьную программу, а потому и фразеологизмы не получают широкого распространения в речи школьников. Использование учителем таких фразеологических единиц, как *неопалимая купина, петь Лазаря, дамоклов меч, муки тантала, пиррова победа* приводит к неточному восприятию учеником высказывания учителя и – как следствие – к коммуникативной неудаче.

3) Фразеологизмы с компонентом-зоонимом.

Особой интерпретации требует группа фразеологизмов с компонентами-зоонимами. Известно, что слова-зоонимы, помимо прямого значения, имеют переносное значение и используются для характеристики человека. Ряд таких лексем, будучи культуремами, содержит негативную характеристику свойств человека, резко отрицательно воспринимаемую русскими людьми (*свинья, козёл, баран, крыса, гнида* и др.). Так же как и слова, фразеологизмы с такими компонентами (*метать бисер перед свиньями, как баран, козёл отпущения*) способны вызвать негативную реакцию, возмущение, спровоцировать речевую агрессию адресата речи. Следует сказать, что большая часть фразеологизмов с компонентами-зоонимами вызывает негативную реакцию учеников, так как даже вполне «безобидные» образы животных при характеристике человека используются для выражения негативной оценочности, иронии: *подопытный кролик, глядеть орлом, соколиный глаз, запеть соловьём* и др.

Изучение использования языковых единиц в разных дискурсах позволяет, с одной стороны, выявить особенности функционирования этих единиц в различных условиях речевой коммуникации, а с другой – даёт более полное представление о «текстовой ткани» дискурса.

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

2. Пospelova Ю.Ю. Педагогический дискурс и его характеристики // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2009. № 1. С. 307–310.

3. Слезак-Шиндлер К. Искусство речи в школьном возрасте / пер. с нем. Т.Б. Здорик, Л.Г. Фельдмана. – М.: «Парсифаль», 1996. – 288 с.

4. Фразеологический словарь русского языка / сост. Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Фёдоров / под ред. А.И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1986. – 543 с.

5. Щербинина Ю.В. Педагогический дискурс: мыслить – говорить – действовать: уч. пособие. – М.: Флинта. Наука. 2010. – 884 с.

References

1. Karasik V.I. Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs. – Volgograd: Peremena, 2002. – 477 s.

2. Pospelova Yu. Yu. Pedagogicheskij diskurs i ego karakteristiki // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. 2009. № 1. S. 307–310.

3. Slezak-Shindler K. Iskusstvo rechi v shkol'nom vozraste / per. s nem. T.B. Zdorik, L.G. Fel'dmana. – M.: «Parsifal'», 1996. – 288 s.

4. Frazеologicheskij slovar' russkogo yazyka / sost. L.A. Vojnova, V.P. Zhukov, A.I. Molotkov, A.I. Fyodorov / pod red. A.I. Molotkova. – M.: Russkij yazyk, 1986. – 543 s.

5. Shherbinina Yu.V. Pedagogicheskij diskurs: myslit' – govorit' – dejstvovat': uch. posobie. – M.: Flinta. Nauka. 2010. – 884 s.

UDC 811.161.1

PECULIARITIES OF USING PHRASEOLOGICAL UNITS IN PEDAGOGICAL DISCOURSE

Tretiakova Irina Jurievna,

Kostroma State University,
Doctor of Philological Sciences,
Associate Professor,
Kostroma, Russia,
E-mail: trirfr@mail.ru

Annotation

The article reveals influence of extralinguistic factors on a teacher's choice and usage of phraseological units in the speech communication "a teacher – a pupil". The article depicts general phraseo-semantic groups that are actively used in pedagogic discourse. The study also defines idiomatic groups with limited usage and it detects causes of such limitation.

Key concepts:

pedagogic discourse, phraseological units, phrase-semantic groups.

УДК 316.77

ИЗМЕРЕНИЯ ДИСКУРСИВНОГО ПРОСТРАНСТВА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ: КОММУНИКАТИВНОЕ, СЕМИОТИЧЕСКОЕ И КОГНИТИВНОЕ. ЧАСТЬ II

Пахалюк Константин Александрович,

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации,
аспирант кафедры политической теории,
Москва, Россия,
E-mail: kap1914@yandex.ru

Аннотация

Автор рассматривает дискурсивный подход в политических исследованиях с точки зрения выделения ключевой проблематики, а именно не-нейтральности языка в (вос)производстве политических отношений. Эта не-нейтральность связывается с изучением трех измерений дискурса: коммуникативного, семиотического и когнитивного, что в свою очередь требует активного заимствования различных теоретических подходов и методологических инструментов смежных дисциплин.

Ключевые понятия:

дискурсивный анализ, когнитивистика, история науки, политический дискурс, теория метафор, коммуникативистика, семиотика.

Когнитивное измерение дискурса

Третье измерение дискурса – когнитивное, концептуальной метафорой которого служит «глубина», выражаемая в стремлении исследователя выйти на уровень мыслительных процессов, заложенных в языке и детерминирующих восприятие, осмысление и поведение актора. Безусловно, семиотический и когнитивный подходы тесно переплетены на практике. Та же самая теория когнитивных метафор может использоваться и для концептуализации определенного смыслового пространства, и для выявления инвариантных структур мышления. Разница между выделяемыми измерениями заключается в том, как именно проблематизируется дискурс: рассматривается он именно как про-

странство, внутри которого действует субъект (тем самым, будучи включенным в него, он все же сохраняет автономию), или же акцент исследования ставится на том, как дискурс (язык-в-действии) связан с глубинными психическими процессами. Здесь принципиальна сама исследовательская позиция. Например, при анализе определенного текста может быть выявлен набор концептуальных метафор, опорных понятий, нарративных структур, однако важно определить, что собственно стоит за ними: являются ли они чисто семиотическими, организуя смысловое пространство самого текста или же речь идет об экспликации особенностей индивидуальных или коллективных когнитивных процессов.

Когнитивный подход в самом широком смысле связан с проблемой упорядочивания реальности, которая воспринимается как изначально недискретная. Речь идет не о работе со смыслами, а о том, каким образом мы это делаем. Предпосылкой является утверждение, что прежде чем что-то осмыслить, мы должны это «что-то» наименовать. Можно выделить несколько направлений в рамках когнитивного подхода.

Одно из них нацелено на выявление инвариантных структур, которые заложены в естественный язык. Толчок к развитию дала теория языковой относительности Э. Сепира и Б. Уорфа. Они выдвинули гипотезу о том, что именно естественный язык (русский, английский, китайский и пр.) детерминирует как социальный мир, так и действия людей. Как писал Э. Сепир: «Реальный мир» в значительной степени неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы... Миры, в которых живут различные общества, – это разные миры, а вовсе не один и тот же мир с различными навешанными на него ярлыками» [26, с. 261]. Впрочем, в подобной формулировке представление о детерминизме языка встретило множество оппонентов. Например, Р.О. Якобсон отмечал, что разница языка заключается не в том, что «может или не может быть выражено, а в том, что должно или не должно сообщаться говорящими» [35, с. 233].

Проблему границ естественного языка (русского, немецкого, английского и пр.) можно возвести к социальным философам XVIII–XIX вв., которые полагали, что именно национальный язык является выражением особо «духа нации», тем самым увязывая язык и ментальность [7, с. 17]. Отсюда берет представление теория о «национальных характерах», которая была популярна в начале XX века. Уже в середине века этот подход окончательно оказался маргинальным в социальных науках, однако в России и среди русистов пережил определенный ренессанс и получил название «языковой картины мира». В определенной степени данный подход смыкается с практикой советской антропологии, которая в 1960–90-е гг. сосредоточилась на изучении этносов как самостоятельных культурных обществ. Эссенциализация идентичностей, восприятие культурных и языковых отличий как «естественных» привели к тому, что этнос превратился в некий самостоятельный субъект исторического процесса, реальную вещь. На этой базе распространились исследования «национального характера» (получившие название «этнопсихологии»), а в конце 1980-х гг. они заложили «научную» базу различного рода национализмов, приведших к краху СССР [28]. На этой основе строится теория националь-

ных языковых картин мира, в центре внимания которой не просто процесс вербализации значения, но и тех ограничений, которые накладывает на этот процесс используемый естественный язык [15, с. 121]. Язык рассматривается как хранитель национально-культурной информации, он отражает (и одновременно формирует) совокупность представлений народа и действительности, а закономерности грамматических формул отражают особое видение мира, предписываемое языком. Проблема же того, как носители разных языков все же понимают друг друга, решается за счет ввода термина «универсально-предметный код», который подразумевает наличие некоей единой логико-понятийной базы [15, с. 121].

Критика теории языковой относительности звучала с разных позиций. С одной стороны были представители социальных наук, указывавшие на то, что коллективное мышление детерминировано социально, но вовсе не национальным языком. С другой – лингвисты (Н. Хомский, С. Пинкер), которые полагали, что ключевые категории мышления укоренены в структуре человеческого мозга (т.н. теория «универсальной грамматики») и являются общими для всего человечества. Значительный вклад в полемику внесли Б. Берлин и П. Клей, которые изучили способы категоризации цветов представителями 22 неродственных языков. Им удалось выявить 11 «цветовых» прототипов, поразному актуализированных отличными друг от друга языками [11, с. 11–12]. Не претендуя на пересказ всей полемики, которая вызвала эта статья, можно утверждать, что категории мышления могут рассматриваться и социально, и лингвистически, и естественно обусловленными, однако природа и степень влияния являются вопросами широкой дискуссии.

В политических исследованиях данный подход был использован Н.И. Бирюковым и В.М. Сергеевым для операционализации понятия политической культуры, под которой понимались «базисные знания о социальной жизни, которые разделяются достаточно большой частью общества и определяют для этой части общества понимание конкретных политических ситуаций и поведение в них. Знание этого рода может быть, и как правило, является неосознанным... Такое знание организовано в чрезвычайно общие концептуальные схемы, которые не могут быть подтверждены или опровергнуты опытом, так как сами представляют собой способы интерпретации опыта (и мира в целом)» [3, с. 18]. Уже в дальнейшем авторы выделяют три составляющие политической культуры: социальную онтологию (способы категоризации социальной ситуации), ценности (шкала «преемственности» тех или иных ситуаций) и операциональный опыт (типовые схемы поведения).

Второе направление когнитивного подхода в дискурсивных исследованиях восходит к работам в области психологии и психоанализа. В поле внимания оказывается индивидуальный или групповой опыт структурирования социального опыта в рамках различных моделей [19, с. 72–83]. В качестве таких ментальных моделей могут выделяться фреймы (модели одного концепта), схемы (модели явлений или событий во временной и логической последовательности), планы (модели явлений, ориентированные на достижения цели), прототипы (образцы, фиксирующие чувственно воспринимаемые ключевые

особенности объекта) и сценарии (устоявшиеся планы, с определением ролей и ожидаемых действий) [6, с. 7; 20].

В политической психологии наибольшую популярность получило понятие стереотипа, которое вслед за Олпорттом можно определить как «преувеличенное убеждение, ассоциированное с какой-либо категорией» [34, с. 422]. Утверждается, что в обыденном сознании люди делятся на различные категории, которым приписываются определенные признаки, тем самым члены группы по отдельности мыслятся носителями данной группы. На языке аналитической философии речь идет об эллиптической конструкции, а с точки зрения логики – о стандартной логической ошибке. Неудивительно преимущественно негативное отношение к стереотипам, которое высказывалось уже одним из первых его исследователей У. Липпманом. Могут различаться автостереотипы (о самих себе) и гетеростереотипы, индивидуальные (в сознании одного человека) и социальные (разделяемые определенной группой) стереотипы. Принципиальным же является, что все они предстают в качестве удобных (потому и распространенных) когнитивных механизмов (моделей), позволяющих человеку ориентироваться в сложной социальной реальности. Как утверждал Гамильтон, само устройство когнитивного процесса ведет к формированию стереотипов [34, с. 427]. Социальные стереотипы не только ведут к искаженному восприятию, но и способствуют рационализации реальности, а также выполняют социальную функцию самооправдания, тем самым укрепляя групповую солидарность. В политическом плане стереотипы могут быть рассмотрены и в контексте формирования идентичности, и как элементы картины мира лиц, принимающих решения [19, с. 9–50].

Другое популярное понятие – фрейм. В отечественной науке оно было введено М. Минским: «фрейм – это структура данных, предназначенная для представления стереотипной ситуации». Если фрейм фиксирует типичные ситуации, то рефрейминг предполагает, в случае с речевым поведением, отказ от следования типовым моделям и сценариям [10, с. 70]. Так, О.С. Иссерс выделяет три типа приемов рефрейминга: когнитивные (направлены на изменение отношения к объекту), коммуникативные (изменение отдельных параметров коммуникационной ситуации) и лингвистические. В социологии понятие фрейма восходит к И. Гофману, который рассматривал относительно стабильные паттерны поведения человека в определенных контекстах. В этом плане проблема фреймов, прежде всего, связана с проблемой контекста (разные контексты, фреймы, задают разные смыслы одним и тем же действиям).

Третье направление (которое на практике наиболее тесно сопряжено с изучением семиотических пространств) связано со способами категоризации социальной реальности, подчинения ее власти слов (в частности, в поле зрения оказываются понятия и концептуальные метафоры), которые задают базовую картину мира, границы смысла, а потому и политических действий. История понятий стала одним из наиболее распространенных направлений как в социологии, так и в политической науке. Вслед за А. Магуном мы можем выделить две школы истории понятий: немецкая (Р. Козеллек, О. Бруннер), в рамках которой создается всеобъемлющая история того или иного понятия, и британская, т. н. Кембриджская школа интеллектуальной истории (К. Скиннер, Дж. Покок),

которая предстает более эмпирически ориентированной, изучающей скорее развитие не понятия как ментального контекста, а слова в его различных аспектах [18, с. 20]. Заметим, что и К. Скиннер, и Дж. Покок занимались изучением не собственно политических процессов, а историей политической мысли, акцентируя внимание на взаимоотношении политических текстов с их конкретными социальными контекстами, под которыми понимается полемическая языковая ситуация. Любой автор может пониматься только в контексте определенной языковой среды, которая уже предлагает определенный язык (узус) для выражения мысли [1].

Наибольшую популярность данное направление получило в рамках интеллектуальной истории, исторической социологии и истории политической мысли. Понятия предстают в качестве социальных институтов, которые задают «рамки» для социальных действий. Как правило, исследователи концентрируются на преемственности, развитии понятия. А. Магун подметил, что «почти все основные наши политические понятия в какой-то момент меняют смысл на прямо противоположный». Затем изначальный контекст создания и применения понятия уходит, забывается, но при этом «включается» внутренняя система отсылок: «Когда рефлексия обнаруживает за понятием его скрытую систему отсылок, то в качестве новой ценности и истины выходит наружу его бессознательная подоплека, которая раньше считалась его противоположностью». Другими словами, речь идет о том, что каждое понятие всегда представляет собою соотношение других понятий [18, с. 22, 24]. В контексте отечественной политической теории «история понятий» получила развитие в работах, прежде всего, М.В. Ильина и О.А. Хархордина [9; 33].

Наряду с изучением понятий популярность получила теория концептуальной метафоры. О метафоре как основе мышления и способе конструирования мира еще писал Ф. Ницше. Теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и Джонсона [см.: 4; 17; 36] стала отправной точкой метафорического анализа в социальных науках. Нередким стало утверждение, что научное познание основывается на определенной метафоре (системе метафор), а потому прогресс знание предполагает смену метафорических моделей [24; 31, с. 37–75]. Суть теории заключается в изначальной метафоричности языка: наше мышление устроено таким образом, что одни вещи мы всегда описываем в рамках других вещей. Даже такое утверждение как «Россия заявила протест» является метафорическим, поскольку России приписываются свойства человека. Метафорические системы не только влияют на то, как собственно политики описывают для себя происходящие изменения, но и используются как риторические средства для интерпретации политических процессов.

На стыке изучения политических концептов и метафор в отечественной политологии в 2000-е гг. обозначилась школа когнитивного анализа политического дискурса в МГИМО (В.М. Сергеев, К.Е. Коктыш, Е.С. Алексеенкова, Н.И. Бирюков, В.Б. Паршин, А.А. Казанцев, К.Е. Петров). Общим для работ этих авторов стало выявление когнитивных и метафорических моделей различных понятий, которые, в свою очередь, оказались совмещены с неинституциональным или сетевым анализом конкретных политических процессов [12; 13; 14;

16; 22; 23; 27]. В отличие от собственно психологического подхода выделяемые когнитивные структуры полагаются intersubъективными, организующими границы знания и поведения субъектов. В рамках данного подхода понятие дискурса скорее относится к социальной онтологии, которая, в свою очередь, является производной от определенной политической культуры.

Описанные нами подходы составляют «ядро» когнитивного измерения дискурса. Конечно, это не отменяет наличие других теорий. Например, отечественные философы С. Неретина и А. Огурцов с опорой на феноменологическую традицию предложили понятие концепта как смысловой формы, возникающей и функционирующей в контекстах дискурсивных практик от речи до текстов. Он взаимоинтенционален, многомерен и исполнен смысловой напряженности, поскольку является выражением ценностных ориентаций и предпочтений участников коммуникативных актов [21, с. 198]. Подобная теория концепта как «рационализирующего когнитивного построения» оказалась удобной для анализа различных политических теорий в целях выявления их субъективно-авторского измерения.

По ряду причин в политологии слабое развитие получила дискурсивная психология, которая акцентирует внимание на роли языкового аспекта в формировании и выражении психического мира человека. Здесь можно говорить и об использовании методов консервационного анализа (развитого в социологии повседневности), и о появлении более развитых теорий, например, теории репертуаров интерпретации Дж. Поттера и М. Уезерелла или позиционного анализа Б. Дэвис и Р. Харре (анализ повседневно-разговорного, в котором акцент от интенции смещен на изучение повествовательных линий) [5]. В качестве исключения стоит назвать «интервенцию психологов» в поле политической науки, а именно: применение метода интенс-анализа для изучения конфликтных политических дискуссий (т. н. «конфликтный треугольник», под которым подразумевается направленность интенций на себя, оппонента и третьего лица), а также предвыборных кампаний. Предлагаемый инструментарий позволяет проводить сравнительный анализ публичных выступлений отдельных политиков, выявлять не выходящую за пределы здравого смысла корреляцию между интенциональными установками и используемыми речевыми приемами воздействия, а также фиксировать экспериментальным путем разную степень восприимчивости аудитории к интенции выступающего [8, с. 15–49; 32]. Метод эксперимента применяется и для анализа воздействия текстов на читателя, причем лингвистический инструментарий используется для разъяснения полученных результатов и установления зависимости между восприятием и конкретными стилистическими особенностями текстов [25].

Другое перспективное исследовательское направление связано с изучением воплощенного познания, с сопряжением когнитивной лингвистики и нейробиологии, а также – с интеграцией результатов различных экспериментальных исследований («эффект достопримечательности», прайминг-эффект) с политической проблематикой [2; 29; 30].

Таким образом, выделение трех измерений дискурса позволяет отойти от «лингвистического империализма» и дать ответ, в чем именно заключается

не-нейтральность языка в (вос) производстве политической реальности, очертить теоретические подходы и методологические инструменты, которые могут быть заимствованы из смежных, казалось бы не имеющих отношения к дискурсивному анализу и политологии, дисциплин. В политологии наибольший потенциал дискурсивный подход имеет, во-первых, при изучении процессов артикуляции различных политических позиций, во-вторых, при рассмотрении принципов функционирования «идеальных аспектов» политического взаимодействия.

1. Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа. «Contextisking». Джон Покок – историк политических языков // Новое литературное обозрение. – 2015. – № 4. – С. 21–44.
2. Барг Дж. и др. Автоматизмы в социальном поведении // Горизонты когнитивной психологии. Хрестоматия / Сост. В.Ф. Спиридонов, М.В. Фаликман. – М.: РГГУ, 2012. – С. 71–80.
3. Бирюков Н.И., Сергеев В.М. Становление институтов представительной власти в современной России. – М.: Издательский сервис, 2004. – 542 с.
4. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе. – Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2006. – 208 с.
5. Бусыгина Н.П. «Дискурсивный поворот» в психологических исследованиях сознания // Консультативная психология и психотерапия. – 2010. – № 1. – С. 55–82.
6. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. Волгоград: Перемена, 1997. – 138 с.
7. Воякина Е.Ю., Королева Л.Ю. Семантико-стилистические особенности общественно-политического дискурса. – Тамбов: Изд-во ИП Чеснокова А.В., 2013. – 118 с.
8. Дискурс в современном мире. Психологические исследования / Под ред. Н.Д. Павловой, И.А. Зачесовой. М.: Институт психологии РАН, 2011. – 366 с.
9. Ильин М.В. Формула государственности // Полития. – 2008. – № 3. – С. 67–78.
10. Иссерс О.С. Дискурсивные практики нашего времени. М.: URSS, 2015. – 272 с.
11. Истомина К., Ильина И., Уляшев О. Восприятие цвета у русско- и комизычного населения Республики Коми: еще раз к вопросу о связи языка и мышления // Антропологический форум. – 2016. – № 29. – С. 9–37.
12. Казанцев А.А. «Ваххабизм»: опыт когнитивного анализа институтов в ситуации социокультурного кризиса // Полис. – 2002. – № 5. – С. 96–109.
13. Казанцев А.А. Тирания, диктатура: когнитивная схема и историческая судьба политических понятий // Полис. – 2001. – № 5. – С. 116–122.
14. Коктыш К.Е. Когнитивные интеграторы: опыт моделирования социальной динамики // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 4. С. 255–260.
15. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.: Книжный дом университет, 2014. – 347 с.
16. Кубышкина Б.В. Американский политический дискурс при Дж. Буше-

мл: эволюция метафор // Полис. – 2012. – № 1. – С. 100–112.

17. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: URSS, 2012. – 262 с.

18. Магун А. Демократия и гегемон. – СПб: Европейский университет в СПб, 2016. – 153 с.

19. Медведева С.М. Проблема политического стереотипа в зарубежной политической психологии. – М.: МГИМО-Университет, 2005. – 147 с.

20. Меркулов И.П. Когнитивные особенности архаического мышления // Противоречие и дискурс / Под ред. И.А. Герасимова. – М.: ИФРАН, 2005. – С. 63–79.

21. Неретина С., Огурцов А. Концепты политической культуры. – М., 2011. – 276 с.

22. Петров К.Е. Концепт «Европа» в современном политическом дискурсе // Полис. – 2004. – № 3. – С. 140–153.

23. Петров К.Е. Структура концепта «терроризм» // Полис. – 2003. – № 4. – С. 130–141.

24. Печерская Н.В. Знать или называть: метафора как когнитивный ресурс социального знания // Полис. – 2004. – № 2. – С. 93–105.

25. Репина Е.А. Политический текст: психолингвистический анализ воздействия на электорат. М.: ИНФРА-М, 2013. – 96 с.

26. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 2001. – 654 с.

27. Сергеев К.В. Когнитивные модели и формирование религиозных институтов: античный протогностицизм // Полис. – 2002. – № 5. – С. 86–95.

28. Соколовский С. Прошлое в настоящем российской антропологии // Антропологические традиции: стили, стереотипы, парадигмы / Ред. и сост. А.Л. Елфимова. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 78–108.

29. Тверски Б. Телесная и ментальная навигация // Горизонты когнитивной психологии. Хрестоматия / Сост. В.Ф. Спиридонов, М.В. Фаликман. – М.: РГГУ, 2012. – С. 57–70.

30. Уилсон М. Шесть взглядов на воплощенное познание // Горизонты когнитивной психологии. Хрестоматия / Сост. В.Ф. Спиридонов, М.В. Фаликман. – М.: РГГУ, 2012. – С. 19–28.

31. Урри Дж. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. – М.: ИД ВШЭ, 2011. – 335 с.

32. Ушакова Т.Н., Латынов В.В., Павлова А.А., Павлова Н.Д. Ведение политических дискуссий. Психологический анализ конфликтных выступлений. – М.: Академия, 1995. – 155 с.

33. Хархордин О.А. Основные понятия российской политики. – М.: НЛЮ, 2011. – 321 с.

34. Хьюстон М., Джайлз Г. Социальные группы и социальные стереотипы // Социоллингвистика и социологи языка. Хрестоматия. Том II. Отв. ред. Н.Б. Вахтин. – СПб: Изд. ЕУ СПб. – С. 421–437.

35. Якобсон Р. Взгляды Боаса на грамматическое значение // Якобсон Р.О. Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – С. 110–132.

36. Musolff, A. *Political Metaphors Analysis. Discourse and Scenarios.* – London, Oxford, New York, Delhi, Sydney, 2016. – 194 p.

References

1. Atnashev T., Velizhev M. *Kembridzhskaya shkola. «Contextisking».* Dzhon Pokok – istorik politicheskix yazykov // *Novoe literaturnoe obozrenie.* – 2015. – № 4. – S. 21–44.
2. Barg Dzh. i dr. *Avtomatizmy v social'nom povedenii // Gorizonty kognitivnoj psixologii. Xrestomatiya / Sost. V.F. Spiridonov, M.V. Falikman.* – M.: RGGU, 2012. – S. 71–80.
3. Biryukov N.I., Sergeev V.M. *Stanovlenie institutov predstavitel'noj vlasti v sovremennoj Rossii.* – M.: Izdatel'skij servis, 2004. – 542 s.
4. Budaev E'.V., Chudinov A.P. *Metafora v politicheskom interdiskurse.* – Ekaterinburg: Ural'skij gos. ped. un-t, 2006. – 208 s.
5. Busygina N.P. «Diskursivnyj povorot» v psixologicheskix issledovaniyax soznaniya // *Konsultativnaya psixologiya i psixoterapiya.* – 2010. – № 1. – S. 55–82.
6. Vodak R. *Yazyk. Diskurs. Politika.* Volgograd: Peremena, 1997. – 138 s.
7. Voyakina E.Yu., Koroleva L.Yu. *Semantiko-stilisticheskie osobennosti obshhestvenno-politicheskogo diskursa.* – Tambov: Izd-vo IP Chesnokova A.V., 2013. – 118 s.
8. *Diskurs v sovremennom mire. Psixologicheskie issledovaniya / Pod red. N.D. Pavlovoj, I.A. Zachesovoj.* M.: Institut psixologii RAN, 2011. – 366 s.
9. Il'in M.V. *Formula gosudarstvennosti // Politiya.* – 2008. – № 3. – S. 67–78.
10. Issers O.S. *Diskursivnye praktiki nashego vremeni.* M.: URSS, 2015. – 272 s.
11. Istomin K., Il'ina I., Ulyashev O. *Vospriyatие cveta u russko-i komiyazychnogo naseleniya Respubliki Komi: eshhe raz k voprosu o svyazi yazyka i myshleniya // Antropologicheskij forum.* – 2016. – № 29. – S. 9–37.
12. Kazancev A.A. «Vaxxabizm»: opyt kognitivnogo analiza institutov v situacii sociokul'turnogo krizisa // *Polis.* – 2002. – № 5. – S. 96–109.
13. Kazancev A.A. *Tiraniya, diktatura: kognitivnaya sxema i istoricheskaya sud'ba politicheskix ponyatij // Polis.* – 2001. – № 5. – S. 116–122.
14. Koktysh K.E. *Kognitivnye integratory: opyt modelirovaniya social'noj dinamiki // Vestnik MGIMO-Universiteta.* 2010. № 4. S. 255–260.
15. Kornilov O.A. *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye nacional'nyx mentalitetov.* – M.: Knizhnyj dom universitet, 2014. – 347 s.
16. Kubyshkina B.V. *Amerikanskij politicheskij diskurs pri Dzh. Bushe-ml: e'voljuciya metafor // Polis.* – 2012. – № 1. – S. 100–112.
17. Lakoff Dzh., Dzhonson M. *Metafor, kotorymi my zhivem.* – M.: URSS, 2012. – 262 s.
18. Magun A. *Demokratiya i gegemon.* – SPB: Evropejskij universitet v SPB, 2016. – 153 s.
19. Medvedeva S.M. *Problema politicheskogo stereotipa v zarubezhnoj*

- politicheskoy psixologii. – M.: MGIMO-Universitet, 2005. – 147 s.
20. Merkulov I.P. Kognitivnye osobennosti arxaicheskogo myshleniya // Protivorechie i diskurs / Pod red. I. A. Gerasimova. – M.: IFRAN, 2005. – S. 63–79.
21. Neretina S., Ogurcov A. Koncepty politicheskoy kul'tury. – M., 2011. – 276 s.
22. Petrov K.E. Koncept «Evropa» v sovremennom politicheskom diskurse // Polis. – 2004. – № 3. – S. 140–153.
23. Petrov K.E. Struktura koncepta «terrorizm» // Polis. – 2003. – № 4. – S. 130–141.
24. Pecherskaya N.V. Znat' ili nazyvat': metafora kak kognitivnyj resurs social'nogo znaniya // Polis. – 2004. – № 2. – S. 93–105.
25. Repina E.A. Politicheskij tekst: psixolingvisticheskij analiz vozdejstviya na e'lektorat. M.: INFRA-M, 2013. – 96 s.
26. Sepir E'. Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu i kul'turologii. – M.: Progress, 2001. – 654 s.
27. Sergeev K.V. Kognitivnye modeli i formirovanie religioznyx institutov: antichnyj protognosticizm // Polis. – 2002. – № 5. – S. 86–95.
28. Sokolovskij S. Proshloe v nastoyashhem rossijskoj antropologii // Antropologicheskie tradicii: stili, stereotipy, paradigmy / Red. i sost. A.L. Elfimova. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. – S. 78–108.
29. Tverski B. Telesnaya i mental'naya navigaciya // Gorizonty kognitivnoj psixologii. Xrestomatiya / Sost. V.F. Spiridonov, M.V. Falikman. – M.: RGGU, 2012. – S. 57–70.
30. Uilson M. Shest' vzglyadov na voploshhennoe poznanie // Gorizonty kognitivnoj psixologii. Xrestomatiya / Sost. V.F. Spiridonov, M.V. Falikman. – M.: RGGU, 2012. – S. 19–28.
31. Urri Dzh. Sociologiya za predelami obshhestv. Vidy mobil'nosti dlya XXI stoletiya. – M.: ID VShE', 2011. – 335 s.
32. Ushakova T.N., Latynov V.V., Pavlova A.A., Pavlova N.D. Vedenie politicheskix diskussij. Psixologicheskij analiz konfliktnyx vystuplenij. – M.: Akademiya, 1995. – 155 s.
33. Xarxordin O.A. Osnovnye ponyatiya rossijskoj politiki. – M.: NLO, 2011. – 321 s.
34. X'yuston M., Dzhajlz G. Social'nye gruppy i social'nye stereotipy // Sociolingvistika i sociologi yazyka. Xrestomatiya. Tom II. Otv. red. N.B. Vaxtin. – SPb: Izd. EU SPB. – S. 421–437.
35. Jakobson R. Vzglyady Boasa na grammaticheskoe znachenie // Jakobson R.O. Izbrannye raboty. – M.: Progress, 1985. – S. 110–132.
36. Musolff, A. Political Metaphors Analysis. Discourse and Scenarios. – London, Oxford, New York, Delhi, Sydney, 2016. – 194 p.

UDC 316.77

COMMUNICATIVE, SEMIOTIC AND COGNITIVE LEVELS OF DISCURSIVE DIMENSION OF POLITICAL PROCESSES. PART II

Pakhalyuk Konstantin Aleksandrovich,

The Moscow State Institute of the International Relations (University)
of the Ministry for Foreign Affairs of the Russian Federation,
The post-graduate student of chair of the political theory,
Moscow, Russia,
E-mail: kap1914@yandex.ru

Annotation

The author considers a discursive approach in political studies in terms of highlighting its key issues, namely, the non-neutrality of language in (re)production of political relations. This non-neutrality is associated with the study of three dimensions of discourse: communicative, semiotic and cognitive. The study of them requires active borrowing of various theoretical approaches and methodological tools from related disciplines.

Key concepts:

discourse analysis, cognitive science, history of science, political discourse, theory of metaphors, communicativistics, semiotics.

УДК 316.33

ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ КАЗАХСТАНА

Булекбаев Сагади Байузакович,

Казахский Университет Международных отношений
и Мировых языков им. Абылай хана,
доктор философских наук, профессор,
Алматы, Казахстан,
E-mail: sagadi58@mail.ru

Жакьянова Айгерим Мухамедрахимовна,

Казахский Университет международных отношений
и мировых языков им. Абылай хана,
докторант по специальности «Международные отношения»,
Алматы, Казахстан,
E-mail: zhakyanova.a@inbox.ru

Аннотация

В статье рассматривается актуальный вопрос о проблемах и перспективах реформирования системы образования в Казахстане. Автор последовательно анализирует результат реформ, которые были проведены за годы независимости. Система образования – это сфера, где конечный продукт не виден сразу. В этой связи, автор делает акцент на том, что необходимо обдуманно и целенаправленно развивать образование в стране; это сфера, которая не приемлет поспешных решений. В качестве наглядности, автор провел компаративистский анализ системы образования в Казахстане и России.

Ключевые понятия:

образование, наука, вуз, образование-наука-производство, специалист, профессорско-преподавательский состав.

Образовательная система Казахстана, по оценкам многих специалистов, родителей, да и работодателей, страдает рядом существенных недостатков.

Закономерным итогом этого положения является то, что многие выпускники казахстанских вузов не востребованы реальным сектором народного хозяйства. Причина отказа работодателей от выпускников наших вузов в том, что их общий уровень подготовки и квалификация не соответствуют высоким современным требованиям. Зачастую знания, получаемые выпускниками, оторваны от реальной действительности, поэтому при устройстве на работу, как нередко отмечают работодатели, многих из них приходится заново переучивать. Эти издержки вызваны, на наш взгляд, рядом причин, некоторые из которых мы отметим. Во-первых, отсутствием четкого социального заказа на то, каким должен быть современный специалист, как со стороны работодателей, так и со стороны МОН РК (Министерство образования и науки Республики Казахстан); во-вторых, излишней теоретизированностью учебных курсов, в результате чего многие из выпускников не умеют увязывать теоретические положения с реальной действительностью; в-третьих, многие современные специалисты не умеют грамотно писать, логично мыслить и свободно излагать свои мысли. Большую лепту в эти издержки внесли как ЕНТ (единое национальное тестирование), когда старшеклассники фактически не изучают основные школьные предметы, а лишь «зубрят» те 3–4 предмета, по которым они будут сдавать ЕНТ (рейтинг школы определяется тем, сколько выпускников школы успешно прошли ЕНТ), так и тотальная тестовая сдача экзаменов в вузе. Как известно, для сдачи тестов в первую очередь требуется хорошая память, а не способность думать, говорить и писать. Фактически, эта система отучает студента мыслить.

По некоторым источникам тестовая сдача экзаменов впервые была придумана французами для своих африканских колоний, полагавшими, что африканцы настолько неразвиты, что могут отвечать лишь на простые вопросы «да» и «нет». К великому сожалению, этот базовый принцип, эта методика со временем оформилась, в конечном счете, в кредитную систему обучения, которая сегодня ведет и нас вместе с западным миром к такой системе обучения, которая фактически не очень способствует тому, чтобы студент думал, размышлял и находил ответы на сложные вопросы. Действительно, как можно на основе тестов научить студента мыслить, к примеру, по таким предметам, как философия или логика. В-третьих, ревностно внедренная нашими реформаторами кредитная система обучения, при отсутствии серьезной материальной базы, технической и учебно-методической оснащенности, научно-исследовательской базы, без выработанной самостоятельности студентов и всегда чрезмерно загруженного профессорско-преподавательского состава (учебная нагрузка в среднем от 700 часов до 1000 часов) явно не срабатывает, как задумали реформаторы. К примеру, на Западе средняя учебная нагрузка профессора 250–280 часов, к тому же он имеет кабинет 4–6 квадратных метров, и его в течение недели один раз библиотекарь снабжает самой новейшей информацией, не говоря о том, что у каждого есть на работе Интернет.

Дело здесь в том, что и проверка знаний по этой системе осуществляется по формальным показателям. При отсутствии вышеуказанных необходимых условий кредитная система зачастую превращается в зубрежку предмета, которая, как правило, не дает студенту глубоких знаний по своей дисциплине. То есть выпускник казахстанского вуза, к сожалению, не обладает современ-

ными качественными знаниями, навыками исследователя, и компетенцией специалиста, умеющего успешно применять свои знания на производстве. Причины этих недостатков мы изложим чуть ниже.

Ко всему этому добавим, что университеты Республики Казахстан (РК) не являются научными университетами. Научный компонент в вузе, особенно по гуманитарным дисциплинам, до недавних пор в основном ограничивался написаниями диссертаций и учебных пособий и статей, которые, как правило, не находили своего практического применения. Дело здесь было не только в качестве и уровне научных исследований в области гуманитарных дисциплин, а в том, что наша власть, начиная еще с советских времен, не имеет традиции основывать свою политику и свои решения на результатах научных исследований. Для власти общественная наука, как правило, была нужна лишь для того, чтобы оправдывать и обосновывать свои уже принятые политические решения.

В то время как на Западе, в данном случае мы имеем в виду англосакскую модель образования, типичным представителем которой является образовательная модель США, в отличие от нашей системы, всегда при университетах существовали научно-исследовательские институты. Эти институты, как правило, выполняют заказы на научно-исследовательские и другие проекты американского общества, американской экономики. Короче говоря, в США образование, наука и производство связаны друг с другом, они представляют собой одну систему. Студентам доступны современные научные знания и достижения, поскольку они могут слушать лекции ведущих ученых, которые делают реальную науку, и проходить практику в современных научных лабораториях. В тоже время есть связь этих научно-исследовательских центров с производством, поскольку они выполняют научные заказы производителей. Это дает возможность, с одной стороны, значительно повысить образовательный уровень студента, а с другой, увеличивает его шанс быть принятым на работу. В отличие от этих стран, у нас образование, наука и производство не связаны в единый комплекс. Поэтому реформа образования и науки в нашей стране осуществляется вне учета этого триединства «образование-наука-производство». При отсутствии такой связи ни реформа образования, ни реформа науки вряд ли может быть успешной, поскольку они осуществляются вне должной органической связи образования, науки и производства.

Как показывает опыт многих развитых стран, вне умения соединить образование, науку и производство получить грамотного высококвалифицированного специалиста практически невозможно. Поэтому, если мы хотим получить грамотного, компетентного, знающего свое дело специалиста, то нам в первую очередь необходимо включить в образовательный процесс научное исследование и наладить реальную связь с производством. К сожалению, в существующем законодательстве нашей страны вопрос об интеграции науки в образовательный процесс указывается, но в концептуальном плане не проработан и не обоснован.

Еще одно возражение против нашей образовательной реформы, осуществляемой нашим государством в рамках Болонской Конвенции. Цель данной конвенции, бесспорно, благородна. Это то, что для стран европейского Союза необходимо создать единое образовательное пространство. Для этого необходимо, чтобы образовательные стандарты этих государств были едины. Если

образовательные стандарты будут едины, то тогда и дипломы, выдаваемые на этой основе должны признаваться всеми этими государствами.

По этому пункту наше возражение сводится к тому, что Казахстан, во-первых, не член Европейского Союза, чья экономика, культура и государство существенно отличается от РК.

Во-вторых, наша традиционная образовательная система, как известно, основывалась на немецкой модели, которая была более адаптирована к существующей структуре нашего народного хозяйства и экономики.

В-третьих, современная экономика казахстанского общества имеет структурный перекося в сторону добывающего производства, а не обрабатывающего. Эта особенность нашей экономики должна была учитываться при реформировании образовательной системы и подготовке специалистов.

В-четвертых, до сих пор в нашей стране не установлена четкая социальная ниша, в которой должен работать магистр или доктор PhD – в системе нашей экономики и хозяйства.

В-пятых, если мы хотим, чтобы наши дипломы признавались в Европе и мире, то было бы разумно и логично начать вхождение в образовательное пространство европейских стран вначале с самых лучших двух-трех вузов Казахстана. Однако есть очень большие сомнения в том, что не только дипломы, выдаваемые в Джезказгане, Актау или Кызыл-Орде, но и дипломы национальных вузов, таких как КазНУ (Казахский национальный университет имени аль-Фараби) или ЕНУ (Евразийский национальный университет), будут признаваться на Западе. Как известно, по серьезным рейтингам, до сих пор Запад признал дипломы лишь нескольких российских вузов.

К сказанному добавим, что в основе признания диплома, в конечном счете, лежит идея привлечения лучших наших выпускников в западные страны, то есть «утечка мозгов».

Главным условием поднятия образовательного уровня любой страны является, в первую очередь, социальный заказ народного хозяйства, потребность ее экономики в образованных специалистах. В этом плане не лишне спросить, какова потребность нашей страны в высококвалифицированных специалистах и какими компетенциями они должны владеть. В какой мере этот фактор учитывается при реформировании образования? Ведь не секрет, что если нет такого социального заказа на специалиста ни со стороны народного хозяйства, ни со стороны МОН РК, как по количеству, так и по качеству выпускаемых специалистов, то тогда вузы готовят специалистов, исходя из своих представлений о том, каким он должен быть. Это объясняет, почему такой выпускник не востребован народным хозяйством. Он такой, каким, по мнению вуза, должен быть специалист, а не такой, какой нужен обществу или производству.

Кстати, такая же проблема стоит и перед российскими вузами. Несколько лет назад ректор МГИМО профессор А. Торкунов, выступая на Совете УМО (Учебно-методическое объединение) постсоветских и российских вузов по специальности международные отношения в г. Москве, сетовал, что до сих пор нет четкого социального заказа на подготовку специалиста-международника ни со стороны МИД, ни со стороны Министерства образования России. Поэтому, говорит он, мы готовим специалистов, исходя из своих представлений о том, каким сегодня должен быть специалист-международник.

Хотя часто со стороны совместных или иностранных компаний, которые работают в России, говорит он, поступают заявки не на традиционные специальности, к примеру, как «Международные отношения», «Международная экономика», «Международная журналистика», а по специальности типа «Международник-механик», «Международник-инженер».

Все это говорит о том, что контроль подготовки специалистов в вузах со стороны МИД и Министерства образования России, как и в Казахстане, – формальный, если они до сих пор не могут дать социальный заказ на то, какой, с точки зрения качества, нужен специалист для народного хозяйства, не говоря о том, какое количество специалистов и по каким отраслям необходимо в нашей стране.

Контроль уполномоченных органов сводится к бесчисленным запросам, занимающим огромное время у преподавательского и административно-управленческого состава, письмам и распоряжениям по поводу сбора информации о вузе, которые фактически никому не нужны, в том числе и министерству. Часто различными департаментами Министерства образования и науки запрашивается одна и та же информация, хотя порой эту информацию вполне можно извлечь из того же статистического отчета, подаваемого ежегодно министерству.

По мнению аналитиков, достаточно высокий образовательный уровень населения, достигнутый в последние десятилетия в странах Юго-Восточной Азии, таких как Япония, Корея и Китай, вызван тем, что для бурно развивающейся обрабатывающей промышленности этих стран потребовались высоко-профессиональные кадры, способные создавать товары, выдерживающие высокую конкуренцию на мировом рынке. Так, развитие научного потенциала страны в Японии является важным и главным стратегическим направлением, которое активно и целенаправленно поддерживается как на государственном уровне, так и в частном секторе. В Японии научно-исследовательские работы проводят, прежде всего, университеты и различного рода научные институты. В крупных университетах имеются научные лаборатории, которым выделяется грантовое финансирование. Что важно отметить, в данном процессе участвуют и студенты, и преподаватели, и, конечно же, ведущие ученые. Технически такие лаборатории оснащены новейшим оборудованием. И второй тип научных организаций – это R&D (отделы Research and Development) частных компаний. К примеру, такие японские корпорации, как Honda, Toyota, Mitsubishi, Hitachi и т. д. – занимаются производством большого спектра продукции, начиная от мелкобытовой техники и заканчивая специализированной техникой. Для создания новых технологий и продуктов они также проводят научные исследования. Например, Honda занимается разработкой нового поколения гуманоидных роботов и проводит исследования по созданию мозг-подобных компьютеров [1].

Ярким примером является Институт физико-химических исследований (RIKEN) – крупный научно-исследовательский институт в Японии. Он почти полностью финансируется правительством Японии, и его годовой бюджет составляет около 88 млрд. иен (760 млн. долл. США) [2]. Помимо RIKEN можно выделить ещё два ведущих института в Японии: Национальный исследовательский институт Оказаки и Институт науки и технологий на Окинаве. Такого уровня организации есть и в США – National Institutes of Health, в Германии –

Max Planck Institutes и в Великобритании – Medical Research Council Centers. Данные организации финансируются государством, выполняя НИР в рамках национальных программ, также и из частных фондов.

Для сравнения финансового положения современных работников интеллектуального труда с советским периодом 70–80 гг. приведем некоторые данные, взятые из российского журнала «Свободная мысль», где говорится, что работники здравоохранения, науки, образования, культуры обычно входят в первую пятерку снизу по уровню оплаты труда в стране. Начиная с советский учитель или врач за одну ставку получал зарплату, равную примерно двум прожиточным минимумам [3]. Современные же медики и педагоги на одну ставку не работают, а если бы работали – не добрали бы и до одного минимума, который российская пресса справедливо называет «непрожиточным». Кстати, минимальная заработная плата в настоящее время равна прожиточному минимуму работающего человека, который равняется 24459 тенге или 4,8 тыс. рублей. По данным портала «Зарплаты ИНФО» в Казахстане в 2017 году работники в области образования получают в среднем 77 тысяч тенге, около 14 тыс. рублей. А в список самых низкооплачиваемых профессий в наши дни также входят: учителя – оклад в 40000 тенге; работники сельскохозяйственного сектора – 50000 тенге; деятели искусства, а также культуры – в пределах 63 163 тенге [4]. Журналисты не раз просили парламентариев прожить на этот прожиточный минимум 1 месяц или хотя бы на зарплату учителя. Комментарии излишни.

В контексте этих данных нелишне поинтересоваться, сколько вкладывает в науку наше государство? Сколько в среднем получает доктор наук, профессор? В среднем, сколько процентов из годового бюджета вкладывают развитые страны на развитие науки?

Согласно отчету ИРЧП (Индекс развития человеческого потенциала) по параметру развития человеческого капитала с 2015 года Казахстан находится на 56 строчке и входит в группу стран с высоким уровнем человеческого развития [5]. Этот подъем стал возможен благодаря улучшению показателей в социальной сфере. Что же касается науки, то финансирование на НИР выросло незначительно, а если учитывать экономический кризис и девальвацию национальной валюты, то этот рост является объективной необходимостью.

Согласно оценкам экспертов ИРЧП, если расходы на науку составляют менее 1% от ВВП, – страна не может считаться конкурентоспособной. Считается также, если страна тратит на науку ниже одного процента от ВВП, то наука начинает деградировать. В пятерку стран, лидирующих по объемам инвестиций в НИОКР в абсолютном выражении (расходы на НИОКР) вошли крупные экономические державы: США, за которыми следуют Китай, Япония, Германия и Республика Корея [6]. Согласно же Национальному докладу по науке – 2016, доля затрат на казахстанские научные исследования в ВВП составляет всего 0,17%. [7, с. 57]. Более того, увеличение расходов на образование в РК в последние годы было не столь существенно и вряд ли может кардинально улучшить ситуацию в нашей республике. В отличие от нашей страны, Южная Корея, достигшая феноменальных успехов за последние десятилетия, вкладывает огромные инвестиции в науку и технические инновации. Руководство этой страны прекрасно понимает, что именно развитие образования и науки является

фундаментальной предпосылкой успешного экономического развития. Доля затрат в Южной Корее на научные исследования в ВВП составляет 4,3% [6].

Как мы видим, наши показатели по вкладу в науку не очень утешительны. А если это так, то о каком притоке талантливейшей молодежи в науку можно говорить, когда стоимость одного года обучения в PhD докторантуре стоит огромных денег. Не говоря о том, в какую сумму они выльются за три года. Число грантов по гуманитарным дисциплинам небольшое. Обучение детей на платной основе для большинства населения практически недоступно. Государство предлагает выход в качестве образовательных кредитов, но ситуация в США наглядно демонстрирует к чему это может привести. Для многих американцев единственный способ позволить себе получить высшее образование – это обучение в кредит. Обучение в вузе финансово недоступно для молодых людей. Общая сумма студенческих долгов в США достигла колоссальной отметки в \$1,3 трлн. [8]. В Казахстане стоимость обучения – это также запредельные суммы. Но здесь, наряду с образовательными кредитами, возникает другая, более катастрофичная проблема, – это отток казахстанской молодежи в зарубежные вузы. Многие избегают сдачи ЕНТ, тогда как зарубежные вузы предлагают более лояльные требования к поступлению, некоторые не удовлетворены качеством предоставляемых образовательных услуг за такие деньги. В итоге, наряду с оттоком капитала, мы теряем человеческий капитал. К примеру, в США обучается почти треть всех иностранных студентов мира (свыше 25%), а чистый ежегодный доход, который они приносят американским вузам, составляет более 15 млрд. долларов [9].

Подводя итоги наших грустных размышлений об образовательной реформе РК можно сказать лишь, к сожалению, то, что она проводится у нас как обычно, в духе очередного партийно-комсомольского мероприятия советского периода, главная цель которого, как известно, была хорошо отрапортовать вышестоящему начальству. Что будет на самом деле, к каким результатам она приведет, тем более через несколько лет, никто не знает, в том числе и наши реформаторы. Это в то время, когда наше государство претендует на вхождение в группу развитых стран мира.

1. Как делают науку в Японии? На вопросы редакции ОРЕС.ru отвечает Алексей Васильевич Семьянов [Электронный ресурс]. URL: <https://iq.hse.ru/news/177687494.html> (дата обращения: 19.08.2017).

2. RIKEN – Материал из Википедии [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/RIKEN> (дата обращения: 19.08.2017).

3. Смолин О.Н. Интеллектуальная катастрофа в России: причины и пути выхода // Экономика образования. – № 3, 2013 – С. 19–27.

4. Средняя заработная плата в Казахстане в 2016–2017 году [Электронный ресурс]. URL: http://zarplatyinfo.ru/v_mire/srednyaya-zarabotnaya-plata-v-kazakhstan-v-2015-2016-godu.html (дата обращения: 19.08.2017).

5. Доклад о человеческом развитии 2016 Человеческое развитие для всех и каждого. М. Издательством «Весь Мир», соиздатель ООН в России – 288 с. [Электронный ресурс]. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/HDR2016_RU_Overview_Web.pdf (дата обращения: 07.08.2017).

6. Каковы объёмы инвестиций стран в НИОКР? Новый инструмент

ЮНЕСКО для сбора данных выявил перспективных инвесторов. [Электронный ресурс]. URL: http://www.unesco.org/new/ru/media-services/singleview/news/how_much_do_countries_invest_in_rd_new_unesco_data_tool_re/ (дата обращения: 07.08.2017).

7. Национальный доклад по науке – Астана; Алматы, 2016. – 106 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://sc.edu.gov.kz/storage/0b/0b0fa8071476780e19b0023a15707371.pdf> (дата обращения: 07.08.2017).

8. Пискунов Е. Студенческие кредиты становятся непосильным бременем для американцев [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/article/141176> (дата обращения: 20.08.2017).

9. Адилханулы Н. Элитное образование: плюсы и минусы для Казахстана [Сканированная статья] / Н. Адилханулы. – 890 Кб // «Известия» КазУМОиМЯ имени Абылай хана. Серия «Международные отношения и регионоведение». – 2013. – № 3 (13). – С. 78–88.

References

1. Kak delayut nauku v Yaponii? Na voprosy redakcii OPEC.ru otvechaet Aleksej Vasil'evich Sem'yanov [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://iq.hse.ru/news/177687494.html> (data obrashheniya: 19.08.2017).

2. RIKEN – Material iz Vikipedii [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/RIKEN> (data obrashheniya: 19.08.2017).

3. Smolin O.N. Intel'ktual'naya katastrofa v Rossii: prichiny i puti vыхoda // E'konomika obrazovaniya. – № 3, 2013 – S. 19–27.

4. Srednyaya zarabotnaya plata v Kazaxstane v 2016–2017 godu [E'lektronnyj resurs]. URL: http://zarplatyinfo.ru/v_mire/srednyaya-zarabotnaya-plata-v-kazaxstane-v-2015–2016-godu.html (data obrashheniya: 19.08.2017).

5. Doklad o chelovecheskom razvitii 2016 Chelovecheskoe razvitie dlya vsekh i kazhdogo. M. Izdatel'stvom «Ves' Mir», soizdatel' ONN v Rossii – 288 s. [E'lektronnyj resurs]. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/HDR2016_RU_Overview_Web.pdf (data obrashheniya: 07.08.2017).

6. Kakovy ob'yomy investitsij stran v NIOKR? Novyj instrument YuNESKO dlya sbora dannykh vyyavil perspektivnykh investorov. [E'lektronnyj resurs]. URL: http://www.unesco.org/new/ru/media-services/singleview/news/how_much_do_countries_invest_in_rd_new_unesco_data_tool_re/ (data obrashheniya: 07.08.2017).

7. Nacional'nyj doklad po nauke – Астана; Алматы, 2016. – 106 с. [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://sc.edu.gov.kz/storage/0b/0b0fa8071476780e19b0023a15707371.pdf> (data obrashheniya: 07.08.2017).

8. Piskunov E. Studencheskie kredity stanoviyatsya neposil'nym bremenem dlya amerikancev [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://russian.rt.com/article/141176> (data obrashheniya: 20.08.2017).

9. Adilxanuly N. E'litnoe obrazovanie: plyusy i minusy dlya Kazaxstana [Skanirovannaya stat'ya] / N. Adilxanuly. – 890 Кб // «Izvestiya» KazUMOiMYa imeni Abylay xana. Seriya «Mezhdunarodnye otnosheniya i regionovedenie». – 2013. – № 3 (13). – S. 78–88.

UDC 316.33

PROBLEMS OF REFORMING THE EDUCATION SYSTEM IN KAZAKHSTAN

Bulekbaev Sagadi Bayusakovich,

Professor of Kazakh Ablaihan University of International Relations and Foreign Languages,
Almaty, Kazakhstan,
E-mail: sagadi58@mail.ru

Zhakyanova Aigerim Mukhamedrakhimovna,

Kazakh Ablaihan University of International Relations and Foreign Languages,
PhD student,
Almaty, Kazakhstan,
E-mail: zhakyanova.a@inbox.ru

Annotation

The article deals with the actual issue of the problems and prospects of reforming the education system in Kazakhstan. The author consistently analyzes the result of the reforms that were carried out during the years of independence. The education system is a sphere where the final product is not visible immediately. In this connection, the author emphasizes that it is necessary to deliberate and purposefully develop education in the country, this is a sphere that does not accept hasty decisions. The author conducted a comparative analysis of the education system in Kazakhstan and Russia.

Key concepts:

education, science, educational policy, university, education-science-production, specialist, teaching staff.

УДК 340.12

РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВОВОТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ. (НА ПРИМЕРЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Дьячкова Маргарита Анатольевна,

Уральский государственный педагогический университет,
Институт педагогики и психологии детства,
кандидат педагогических наук, доцент,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: dyachkova.margarita@yandex.ru

Томюк Ольга Николаевна,

ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»,
департамент философии,
старший преподаватель кафедры онтологии и теории познания,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: helgago@yandex.ru

Решетникова Анастасия Петровна,

Санкт-Петербургский государственный университет,
магистрант,
Санкт-Петербург, Россия,
E-mail: nastenareshetnikova@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается вопрос регулирования правовотворческого процесса в России в конце XX – начале XXI вв. (на примере Свердловской области). Авторы обосновывают приоритет правовотворчества в системе явлений права, так как именно право-

творчество является первостепенным, фундирующим право как таковое. Доказано, что правотворчество не ограничивается лишь творением правовой нормы, что это более широкое явление, включающее в себя непрерывное слежение за состоянием правовой нормы в течение ее жизненного цикла. Приводятся определения правотворчества, регионального правотворчества. Авторы подробно останавливаются на правовом регулировании процесса создания норм права на региональном уровне. Выполнен обзор основных нормативно-правовых актов Свердловской области, регламентирующих правотворческий процесс на уровне субъекта Российской Федерации.

Ключевые понятия:

правотворчество, правоустановление, субъекты правотворчества, виды правотворчества, региональное правотворчество.

Введение

Российская Федерация сегодня представляет собой государство с формирующейся системой права, поэтому исследование правотворчества как неотъемлемого элемента права, механизмов оптимизации правотворчества представляется актуальным. При этом правовое регулирование процесса творения норм права в России в конце XX – начале XXI вв., в частности на региональном уровне, исследовано недостаточно полно.

После принятия в 1993 г. Конституции РФ активно развивается региональное правотворчество. Поэтому автор ставит перед собой задачу: рассмотреть способы разработки и принятия нормативно-правовых актов в Свердловской области в конце XX – начале XXI вв.; попытаться ответить на вопрос, связанный с регулированием правотворчества на региональном уровне.

Для ответа на поставленный вопрос необходимо провести анализ мнений исследователей, изучить нормативно-правовые акты, регламентирующие регулирование правотворчества на уровне региона в конце XX – начале XXI вв.

2. Правотворчество в системе права

Сочетание субъективного и объективного существования в праве говорит об уникальности права. «Право – это особая социальная реальность. Такой поразительный феномен, который относится к субъективной стороне жизни общества, в своем возникновении и действии зависит от людей, от их мнений и воли, и, в то же время, представляет собой особое явление среди фактов действительности, объективной реальности» [2, с. 8].

Право есть выражение воли человека и действительно существующее социальное явление, воспринимаемое индивидом как нечто данное и внешне предлагаемое. Право – это логически выстроенная система, включающая в себя взаимодополняющие и взаимообуславливающие друг друга категории

и понятия. К явлениям права, благодаря которым оно приобретает реальное воплощение, относятся правотворчество, правопонимание, правотолкование, правоприменение, правосознание и другие. Правотворчество онтологично по сути своей, что и определяет его приоритет по отношению к другим явлениям права.

В правотворческой деятельности отражаются потребности и интересы общества, происходит волеизъявление людей, субъективная идея приобретает реальную жизнь. В результате правотворчества конституируется объективная социальная данность, действующая как явление бытия человека, но вместе с тем, и как явление внешнее, обособленное по отношению к человеку и обществу [2, с. 8].

В.К. Бабаев считает, что в содержательном плане правотворчество есть способ возведения в закон «норм и принципов естественного права, социальных потребностей и интересов граждан» [4, с. 306].

От того, насколько отражены потребности людей, как регулируются отношения в обществе и государстве, определяется и степень эффективности правотворческой деятельности.

Рассмотрим, что такое правотворческий процесс, каковы его полномочия и возможности.

Правотворчество, в широком смысле, есть процесс творения правовых норм и закрепления их в законах. В данном подходе акцент сделан на созидательной функции правотворчества, что и раскрывает суть правотворческой деятельности.

Нерсисянц В.С. считает, что термин «правоустановление» более точен, нежели «правотворчество», ибо точнее отражает суть правотворчества, так как право не творится, оно есть, а государство лишь закрепляет его в позитивных правовых нормах.

Есть мнение, что правотворчество и правообразование находятся в одной смысловой плоскости. В.С. Афанасьев, считает, что правообразование более емкое понятие, так как в нем фиксируется процесс саморегулирования общественных отношений, когда социальные нормы создаются естественным образом, действуют и выполняют свои функции еще до их закрепления в нормах права. Иначе, правила поведения изначально «появляются не в законах, а складываются в реальных общественных отношениях – законодатель или иной субъект правотворчества берет их из жизни» [3, с. 5]. В.С. Афанасьев считает, что правообразование носит объективный характер, так как социальные нормы присущи самому обществу; а правотворчество фиксирует субъективную волю законодателя [3, с. 4–14]. Таким образом, правообразование трактуется им как некий подготовительный этап, выступающий основой для самого правотворчества.

С.С. Алексеев так же рассматривает правотворчество как деятельность специальных, наделенных необходимыми компетенциями органов по завершению правообразования, как деятельность специальных, наделенных необходимыми компетенциями органов, которые завершают процесс правового закрепления нормы [1, с. 1–712].

Правотворчество, в нашем понимании, есть синтез естественных потенций развития бытия и творческой интеллектуальной деятельности человека, поэтому цель правотворчества состоит не только в умножении разнообразия форм сущего, но и в порождении принципиально нового сущего, качественном расширении имеющегося бытия [17, с. 49].

3. Правотворчество как деятельность

На основе анализа концепций правотворчества нами сделан вывод, что в процессе правотворчества необходимо руководствоваться такими принципами, как:

- принцип законности: непротиворечивость действий субъектов и принимаемой нормы закону;
- принцип научного обеспечения: учет данных юридической науки;
- принцип системности: согласованность целей, планов, действий субъектов правотворчества, упорядоченность;
- принцип профессионализма: компетентность субъектов правотворчества, ответственность, осознание цели деятельности и значимости создаваемой нормы; понимание объективно сложившейся ситуации в обществе и государстве, требующей законодательного закрепления;
- принцип правового прогресса: направленность на совершенствование действующего позитивного права, оперативность в решении проблем правового характера.

Отметим, что В.С. Нерсисянц указывает на необходимость учета еще и принципа общесоциальной легитимности, то есть включения в правотворческий процесс либерально-демократических процедур обсуждения, открытости, общедоступности [11, с. 1–560].

Вышеназванные принципы могут быть, считает И.А. Нестеренко, дополнены принципами понятийно-терминологической определенности, достаточной мотивированности и компетентной адекватности [12, с. 1–271].

Н.В. Варламова рассматривает правотворчество как деятельность по позитивации, иначе конкретизации, объективации, правовых норм [5, с. 1–542]. Правотворчество, по нашему мнению, приобретает особенности в зависимости от его участников. Так, статус принимаемого нормативно-правового акта, его юридическая сила зависят от положения творящего субъекта в иерархии государственной системы. Если в качестве субъекта правотворчества рассматривать народ, который путем референдума заявляет о своих потребностях, то принятое таким образом решение общеобязательно.

Н.В. Иночкина считает, что нормотворчество органов местного самоуправления, которым делегируется часть законотворческих полномочий, значительно ускоряет процесс правотворчества, является способом оптимизации государственного управления [7, с. 8–10].

Практика правотворчества свидетельствует, что многообразие видов правотворчества позволяет более эффективно выражать интересы государства и удовлетворять потребности общества.

4. Правотворчество на региональном уровне (на примере Свердловской области) в конце XX – начале XXI вв.

Конституция России 1993 года закрепила право осуществлять правотворческий процесс на уровне региона: «республика (государство) имеет свою конституцию и законодательство. Край, область, город федерального значения, автономная область, автономный округ имеет свой устав и законодательство» [9, ст. 5].

Казанцев М. Ф. отмечает, что «субъекты Российской Федерации не просто получили право издавать нормативные правовые акты (это право было у них и ранее). Они обрели право творить законы – наиболее юридически значимые нормативные правовые акты, обладающие высшей юридической силой на территории соответствующего субъекта Российской Федерации, по вопросам, находящимся в его ведении» [8, с. 408].

С 1993 года правотворчество начинает развиваться и совершаться на уровне региона. Уточним, что термин «региональное правотворчество», несмотря на лаконичность, равнозначен термину «правотворчество субъектов Российской Федерации» [16].

Становление механизма регулирования правотворчества рассмотрим на примере Свердловской области.

В Свердловской области (далее – СО) действует Государственное учреждение СО «Уральский институт регионального законодательства» (учрежден Указом Губернатора СО № 240 от 02.06.1996 г. и распоряжением председателя Областной Думы Законодательного Собрания СО № 24 от 20.05.1996 г.), который был создан с целью повышения качества нормативных актов в Свердловской области.

В Свердловской области был принят в 1999 году закон № 4-ОЗ «О правовых актах в Свердловской области». Отметим, что на федеральном уровне есть лишь законопроект «О нормативных правовых актах в Российской Федерации».

В законе № 4-ОЗ, в статье 32, закреплено, что правотворчество как урегулированный порядок включает в себя весь цикл творения нормативного правового акта – от его разработки до опубликования [13].

Закон № 4-ОЗ «О правовых актах в Свердловской области» устанавливает для Свердловской области:

- положения о правовых актах;
- принципы правотворческой деятельности на уровне региона;
- сферы правотворческих полномочий региональных органов власти;
- порядок создания, вступления в силу/утраты силы областных нормативных правовых актов;
- требования к правовым актам ненормативного, индивидуального характера [13].

Законом закреплено, что в компетенции региональных законодательных органов находится разработка таких значимых на территории Свердловской области правовых актов, как Устав, законы, постановления Законодательного Собрания, указы Губернатора, постановления Правительства [13, статья 11].

Закон № 105-ОЗ «Устав Свердловской области», принятый в 2010 году, в соответствии с Конституцией РФ является основным законом Свердловской области, который определяет статус области, устанавливает систему областных государственных органов [13, статья 12]. Устав закрепляет, что законодательная власть в области осуществляется Законодательным Собранием и народом посредством референдума [18, статья 29].

Следует отметить, что в соответствии с Уставом, в правотворческой деятельности на уровне области могут участвовать различные субъекты. В статье 63 Устава закреплено, что правом законодательной инициативы в Свердловской области обладают Законодательное Собрание, Губернатор, Правительство, прокурор, суды – Уставной, областной, Арбитражный, Избирательная комиссия, муниципалитет через представительные органы [18]. Кроме того, Уставом закреплено, что законодательная инициатива может исходить и от граждан России, проживающих на территории Свердловской области, при условии, что инициатива будет поддержана не менее чем десятью тысячами человек, обладающих активным избирательным правом [18, статья 63].

Важным этапом правотворческого процесса является рассмотрение законопроекта в трех чтениях: первое чтение предполагает принятие проекта в принципе; второе – принятие проекта как закона; третье – принятие закона с учетом поправок [1, с. 22]. Если Законодательное Собрание области вынесло положительное решение относительно законопроекта, то законопроект передается на одобрение/подписание Губернатору.

Итоговым шагом законотворчества является опубликование принятых нормативных правовых актов в «Областной газете» и сайте www.pravo.gov66.ru как официальном интернет-портале правовой информации. Опубликование правовых актов вызвано необходимостью обеспечения «полноценного контакта между адресантом и адресатом в акте правовой коммуникации» [10, с. 118].

В 2016 году были приняты областные законы, внесшие изменения в Устав Свердловской области. Это законы: № 54-ОЗ от 07.06.2016 г., № 86-ОЗ от 17.10.2016 г., № 134-ОЗ от 19.12.2016 г. В 2016 году в общей сложности в Свердловской области было принято 155 законов. В докладе о состоянии законодательства Свердловской области приведена более детальная статистика правотворческого процесса. Только за 2016 год приняты 21 закон с неопределенным и 7 с определенным сроком действия, 124 закона вносили изменения в действующие законы области, а 3 фиксировали факт утраты силы законов у ряда областных нормативных правовых актов [6, с. 11]. Помимо этого, в 2016 году Законодательным Собранием области принято 755 постановлений, Губернатором – 852 указа, Правительством – 994 постановления [6, с. 12].

Вышеприведенные данные свидетельствуют о системности правового регулирования общественных отношений в Свердловской области, в целом регионального законодательства конца XX – начала XXI вв.

5. Выводы

В статье предпринята попытка обоснования того, что правотворчество является конституирующим элементом права. Несмотря на различие в подходах

к осмыслению процесса правотворчества имеются общие позиции: правотворчество – это сложный процесс, осуществляемый органами государственной власти на разных уровнях, муниципальными образованиями, так и непосредственно самим народом. Каждый вид правотворчества привносит свое в содержание и развитие права, осуществляет совершенствование законодательства. Законотворчество – сложный и продолжительный во времени процесс, процедурность и нормативность которого позволяет тщательно проработать проект закона.

Становление механизма правового регулирования процесса правотворчества на уровне региона связано с принятием в 1993 году Конституции Российской Федерации. В Свердловской области как субъекте регионального правотворчества в конце XX – начале XXI вв. был принят ряд важных законов, определивших порядок правового регулирования правотворчества.

Анализ правотворчества в Свердловской области в конце XX – начале XXI вв. подтвердил его значимость как способа совершенствования общественных отношений нормативными правовыми актами.

1. Алексеев С.С. Право: Азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М.: Издательство «Статут», 1999. 712 с.
2. Алексеев С.С. Тайна и сила права. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2011. 176 с.
3. Афанасьев В.С. Правообразование и правотворчество // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 1. С. 4–14.
4. Бабаев В.К. Курс лекций. Общая теория права [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kursach.com/biblio/0010004/000.htm> (дата обращения: 10.11.2017).
5. Варламова Н.В. Правотворчество как процесс позитивации права: содержание, формы, процедуры // Варламова Н.В. Правовая политика и пути совершенствования правотворческой деятельности в Российской Федерации. Монография / под ред.: Н.С. Соколова. М.: Изд-во РУДН, 2006. 542 с.
6. Доклад о состоянии законодательства Свердловской области в 2016 году. Екатеринбург, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uirz.ru/Publ/doklad2016.pdf> (дата обращения: 16.10.2017).
7. Иночкина Н.В. Проблема разграничения понятий «санкционированное» и «делегированное» правотворчество // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы междунар. науч. конф. (г. Пермь, март 2012 г.). Пермь: Изд-во «Меркурий», 2012. С. 8–10.
8. Казанцев М.Ф. Региональное законодательство и правотворчество в России: основные теоретические характеристики и юридические свойства // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. № 12. С. 405–419.
9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 10.10.2017).
10. Любимов Н.А. Правотворчество в Российской Федерации: проблемы теории и практики. М.: Изд-во Московского ун-та, 2009. 160 с.
11. Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства. М.: НОРМА:

ИНФРА-М, 2012. 560 с.

12. Нестеренко И.А. Правотворчество в Российской Федерации. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 271 с.

13. О правовых актах в Свердловской области. Закон Свердловской области от 10 марта 1999 года № 4-ОЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/801105688> (дата обращения: 18.11.2017).

14. Общая теория права. Курс лекций / Под общ. ред.: В.К. Бабаева. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородской ВШ МВД РФ, 1993. 544 с.

15. Официальный сайт Уральского института регионального законодательства [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uirz.ru> (дата обращения: 15.10.2017).

16. Правотворческая деятельность субъектов Российской Федерации: Теория, практика, методика / под ред. А.В. Гайды, М.Ф. Казанцева, К.В. Киселева, В.П. Руденко [Электронный ресурс]. URL: <http://regionzakon.narod.ru/kniga.html> (дата обращения: 12.10.2017).

17. Томюк О.Н. Творчество и правотворчество: философско-правовой аспект: монография. Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 136 с.

18. Устав Свердловской области. Закон Свердловской области от 23 декабря 2010 года № 105-ОЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/895280236> (дата обращения: 20.10.2017).

References

1. Alekseev S.S. Pravo: Azbuka – teoriya – filosofiya: Opyt kompleksnogo issledovaniya. M.: Izdatel'stvo «Statut», 1999. 712 s.

2. Alekseev S.S. Tajna i sila prava. M.: NORMA: INFRA-M, 2011. 176 s.

3. Afanas'ev V.S. Pravoobrazovanie i pravotvorchestvo // Yuridicheskaya nauka i pravooxranitel'naya praktika. 2008. № 1. S. 4–14.

4. Babaev V.K. Kurs lekcij. Obshhaya teoriya prava [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://www.kursach.com/biblio/0010004/000.htm> (data obrashheniya: 10.11.2017).

5. Varlamova N.V. Pravotvorchestvo kak process pozitivacii prava: sodержanie, formy, procedury // Varlamova N.V. Pravovaya politika i puti sovershenstvovaniya pravotvorcheskoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii. Monografiya / pod red.: N.S. Sokolova. M.: Izd-vo RUDN, 2006. 542 s.

6. Doklad o sostoyanii zakonodatel'stva Sverdlovskoj oblasti v 2016 godu. Ekaterinburg, 2017 [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://www.uirz.ru/Publ/doklad2016.pdf> (data obrashheniya: 16.10.2017).

7. Inochkina N.V. Problema razgranicheniya ponyatij «sankcionirovannoe» i «delegirovannoe» pravotvorchestvo // Yuridicheskie nauki: problemy i perspektivy: materialy mezhdunar. nauch. konf. (g. Perm', mart 2012 g.). Perm': Izd-vo «Merkurij», 2012. S. 8–10.

8. Kazancev M.F. Regional'noe zakonodatel'stvo i pravotvorchestvo v Rossii: osnovnye teoreticheskie karakteristiki i yuridicheskie svoystva // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii

nauk. 2012. № 12. S. 405–419.

9. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online> (data obrashheniya: 10.10.2017).

10. Lyubimov N.A. Pravotvorchestvo v Rossijskoj Federacii: problemy teorii i praktiki. M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 2009. 160 s.

11. Nersesyanc V.S. Obshhaya teoriya prava i gosudarstva. M.: NORMA: INFRA-M, 2012. 560 s.

12. Nesterenko I.A. Pravotvorchestvo v Rossijskoj Federacii. M.: YuNITI-DANA, 2015. 271 s.

13. O pravovyx aktax v Sverdlovskoj oblasti. Zakon Sverdlovskoj oblasti ot 10 marta 1999 goda № 4-OZ [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/801105688> (data obrashheniya: 18.11.2017).

14. Obshhaya teoriya prava. Kurs lekcij / Pod obshh. red.: V.K. Babaeva. Nizhnij Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskoj VSh MVD RF, 1993. 544 s.

15. Oficial'nyj sajt Ural'skogo instituta regional'nogo zakonodatel'stva [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://www.uirz.ru> (data obrashheniya: 15.10.2017).

16. Pravotvorcheskaya deyatel'nost' sub"ektov Rossijskoj Federacii: Teoriya, praktika, metodika / pod red. A.V. Gajdy, M.F. Kazanceva, K.V. Kiseleva, V.P. Rudenko [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://regionzakon.narod.ru/kniga.html> (data obrashheniya: 12.10.2017).

17. Tomyuk O.N. Tvorchestvo i pravotvorchestvo: filosofsko-pravovoj aspekt: monografiya. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 136 s.

18. Ustav Sverdlovskoj oblasti. Zakon Sverdlovskoj oblasti ot 23 dekabrya 2010 goda № 105-OZ [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/895280236> (data obrashheniya: 20.10.2017).

UDC 340.12

REGULATION OF THE LAWMAKING PROCESS IN RUSSIA IN THE LATE XX – EARLY XXI CENTURIES (ON THE EXAMPLE OF THE SVERDLOVSK REGION)

Dyachkova Margarita Anatolievna,

Urals State Pedagogical University,
Institute of Pedagogy and Child Psychology,
PhD in Pedagogic sciences, Associate Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: dyachkova.margarita@yandex.ru

Tomyuk Olga Nikolaevna,

Ural Federal University,
Ural Humanitarian Institute,
Department of Philosophy,
Senior lecturer,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: helgago@yandex.ru

Reshetnikova Anastasia Petrovna,

St. Petersburg State University,
Master-degree student,
St. Petersburg, Russia,
E-mail: nastenareshetnikova@mail.ru

Annotation

The article considers the question of the regulation of the lawmaking process in Russia in the late XX – early XXI centuries (on the example of the Sverdlovsk region). The authors claim the priority of lawmaking in the system of legal phenomena, since the lawmaking is paramount – it determines the law as such. It is proved that lawmaking goes beyond the creation of a legal norm – it is a broader phenomenon including the continuous monitoring of the state of the legal norm throughout its life cycle. The article provides definitions of lawmaking (including regional lawmaking). The authors focus on the legal regulation of the process of creation of legal norms at the regional level. The article provides the review of the basic regulatory legal acts of the Sverdlovsk region regulating the lawmaking process at the level of a constituent entity of the Russian Federation.

Key concepts:

lawmaking, entrenchment of legislation, subjects of lawmaking, types of lawmaking, regional lawmaking.

ВТОРАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «SOFT POWER: ТЕОРИЯ, РЕСУРСЫ, ДИСКУРС» (Россия, Екатеринбург, 20 октября 2017 г.)

Доклады

УДК 35.071.2

МЕХАНИЗМЫ «SOFT POWER»: КАК ЛОКАЛЬНАЯ АДМИНИСТРАТИВНАЯ МОДА СТАНОВИТСЯ ГЛОБАЛЬНОЙ

Елена Григорьевна Дьякова,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
ведущий научный сотрудник,
доктор политических наук,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: gf-urfo@bk.ru

Анна Давидовна Трахтенберг

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
старший научный сотрудник,
кандидат политических наук,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: cskit@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу механизмов формирования глобальной административной моды как проявления soft power на примере парадигмы «нового государственного управления». Показано, каким образом управленческая мода формируется на локальном уровне путем создания коалиции трендсеттеров, а затем закрепляется путем

включения в политическую повестку в качестве основы для реформы государственного управления. Затем происходит перевод локальной моды в глобальную и формирование универсального языка и работающей риторики «нового государственного менеджмента». Показано, как универсальный язык функционирует на уровне национальных государств через использование локальных трендсеттеров, и как он подменяет и переосмысляет автохтонную управленческую традицию.

Ключевые понятия:

«мягкая сила», «управленческая мода», трендсеттеры, работающая риторика, новый государственный менеджмент.

Мы уже писали о том, что одним из проявлений soft power можно считать т. н. «административную моду» в сфере государственного управления [3], т. е. формирование и распространение управленческих моделей разного уровня, начиная с базовых административных парадигм, таких как «новый государственный менеджмент» или «общественно-государственное управление». В классической работе Э. Абрахамсона административная мода была определена как «преходящая коллективная вера, распространяемая трендсеттерами, в то, что та или иная технология приведет к рациональному прогрессу в управлении» [6, с. 257]. «Работающая риторика» [11, с. 183] административной моды направлена на то, чтобы показать: предлагаемая управленческая парадигма и/или технология является одновременно рациональной (то есть позволяет успешно решать накопившиеся проблемы) и прогрессивной (т. е. новой и улучшенной по сравнению с действующей). Э. Абрахамсон особо подчеркивал, что управленческий прогресс – это не движение к некоей заранее заданной [утопической] цели, а ориентация на постоянное совершенствование системы управления в условиях, когда критерии повышения эффективности управления также постоянно совершенствуются. Отсюда бесконечное реформирование и периодическое возрождение старых управленческих моделей в новой риторической оболочке [6, с. 262].

При анализе глобальной административной моды в академической литературе основное внимание традиционно уделяется тому, как происходит ее локализация на национальном уровне. На необходимость учитывать национальную специфику адаптации глобальных трендов было указано уже в статье Э. Абрахамсона, и именно это направление исследований можно назвать базовым.

Между тем в посвященной реформам государственного управления так называемой «серой литературе» национальная специфика, как правило, игнорируется, а предлагаемые решения пропагандируются как универсальные. Данная позиция неоднократно и весьма убедительно критиковалась в литературе академической, что не мешает ей продолжать доминировать.

Это объясняется тем, что носящая официальный и полуофициальный статус «серая литература» (экспертные заключения, аналитические отчеты и обзоры, рейтинги, проектные предложения и т. п.) создается глобальными трендсеттерами, задающими основные направления административной моды.

В сфере государственного управления к числу трендсеттеров принадлежат влиятельные международные организации (ООН, Организация по экономическому сотрудничеству и развитию, Всемирный банк и т. п.), глобальные игроки экспертного рынка в сфере менеджмента и информационных технологий (консалтинговые компании «Accenture», «Gartner», «Capgemini» и т. п.), а также межнациональные корпорации, предлагающие конкретные решения, призванные революционизировать систему государственного управления.

Превращение локальной управленческой моды в глобальную предполагает превращение локальных трендсеттеров в глобальных. На наш взгляд, именно этот процесс и можно считать основным проявлением «мягкой силы». Возможностью и способностью превращать локальное в глобальное наделены далеко не все страны.

В сфере государственного управления такими возможностями располагают, прежде всего, Соединенные Штаты Америки. Достаточно указать на формирование и распространение базовой современной парадигмы «нового государственного менеджмента». Традиционно ее зарождение связывают с публикацией книги Д. Осборна и Т. Гэблера «Изобретение правительства заново» [14]. Данную книгу ни в коей мере нельзя отнести к жанру академической литературы – она представляет собой классический образчик публицистического визионерства, основанного на риторике кардинального разрыва с прошлым и носит глубоко локальный характер. Академическое сообщество отнеслось к появлению книги весьма настороженно и почти сразу подвергло ее жесткой критике [10]. Более того – в академической литературе гораздо легче найти критические работы о «новом государственном менеджменте», чем работы позитивного характера (в качестве примера позитивной оценки данной управленческой парадигмы сошлемся на работу Лейн Дж. – Е. [12]; характерно, что уже в предисловии автор выражает уверенность, что предлагаемая новым государственным менеджментом модель управления «будет все больше и больше использоваться всеми странами мира вне зависимости от того, к какой цивилизации они принадлежат [12, с. 12]).

Почему публицистическая книга легла в основу глобальной административной моды, спровоцировав реформы государственного управления во множестве стран мира?

Следует отметить глубокую укорененность данной работы в американской административной традиции. Сама идея переноса методов корпоративного управления в систему управления государственным отражает то, каким образом в США формировался современный государственный аппарат. В XIX веке американские корпорации далеко опередили американское государство в сфере создания и внедрения управленческих технологий, соответствующих первому этапу информационной революции (подробнее см. [8] и [19]). Прогрессистское движение и реформа системы государственного управления в начале XX века стало следствием опоры на опыт «больших корпораций». В то же время идеологической новой американская бюрократия строилась на основе веберовской модели «рациональной бюрократии». Сам М. Вебер сконструировал данную модель, обобщив более чем двухвековой опыт функционирования немецкого полицейского государства. Его американский последователь В. Вильсон на эмпирический опыт опираться не мог, поэтому для того, чтобы осуществить ре-

волюцию в системе американского государственного управления, заимствовал и стал активно пропагандировать эффективный и прогрессивный немецкий образец [17]. В классической статье В. Вильсон прямо указывает, что задача состоит в том, чтобы произвести «американизацию» достижений немецкой и французской «административной науки» [18], доказывает, что государственное управление строится на единых принципах как в демократических (США), так и в недемократических государствах (кайзеровская Германия и Франция Третьей Республики) [17, с. 202, 218]. В конце XIX века «мягкая сила» была явно не на стороне США: трендсеттеры административной моды находились в Европе.

В этом смысле формирование парадигмы «нового государственного менеджмента» может рассматриваться как отказ от заимствованной германской модели в пользу отечественного образца в условиях, когда центр административной моды переместился в Америку.

Первоначально формирование и распространение парадигмы «нового государственного менеджмента» осуществлялось силами неформальной коалиции Вашингтонских чиновников среднего уровня, партийных активистов, экспертов и журналистов. Именно в этой среде был выдвинут лозунг «изобретения правительства заново» и создан образ «ориентированного на потребности граждан, настольного, удобного для пользователей, организованного по принципу бесплатной «горячей линии» (800 number) правительства» [9, с. 360]. Неформальная коалиция была направлена на то, чтобы выйти за пределы традиционной для США оппозиции «дешевого» (республиканцы) и «большого» (демократы) правительства. Утверждалось, что существующие методы государственного управления безнадежно устарели. Приведем соответствующий эффектный риторический пассаж: «Начиная с конца семидесятых годов, в частном секторе эффективно переориентировались на потребителя. Там начали использовать компьютеры, чтобы людям было удобнее. В качестве выдающегося примера можно привести банкоматы. Но пока частный сектор ломал голову, что еще улучшить, правительство застыло на месте. Если бы правительство было магазином, никто не стал бы в нем покупать, а если авиакомпанией – никто не стал бы им летать» [16, с. 82].

Для того чтобы парадигма «нового государственного управления» вошла в актуальную политическую повестку, понадобились такие политические тяжеловесы, как глава «новых демократов», губернатор Арканзаса Б. Клинтон и идеолог «республиканской революции» Н. Гингрич, ставшие «евангелистами» новой административной моды. Окончательное закрепление парадигмы в качестве официальной произошло после избрания Б. Клинтона президентом. По его указанию вице-президент А. Гор (чьим советником был один из авторов «Reinventing Government» Д. Осборн) подготовил аналитический отчет о состоянии системы государственного управления США («National Performance Review») и практические предложения по проведению реформы государственного аппарата, которая уже официально называлась «изобретение правительства заново» («reinventing government», REGO).

Реформы Б. Клинтона так и не привели к тем кардинальным переменам, которые были обещаны, однако локальные трендсеттеры в результате выхода

на официальный уровень превратились в международных. Новый государственный менеджмент стал активно внедряться по всему миру в качестве самого рационального и прогрессивного способа государственного управления. В качестве примера трансляции данной парадигмы как универсальной сошлемся на написанную в 2011 году работу А.В. Оболонского [5], в которой все управленческие проблемы, с которыми сталкивается современная Россия, объясняются недостаточно последовательным внедрением соответствующих управленческих принципов. При этом автор критикует правящие круги Франции и Германии за «неохотное» внедрение данных принципов, фактически игнорируя существование в этих странах мощной автохтонной традиции рационального бюрократического управления. Характерно, что признавая высокую эффективность немецкой бюрократии и высокое качество обслуживания граждан и юридических лиц, А.В. Оболонский уверенно заявляет, что функционально весьма эффективный, малокоррупцированный немецкий «орднунг» из-за избытка формальностей все больше входит в противоречие с потребностями экономического развития [5, с. 184].

Тенденция игнорировать национальную специфику и считать парадигму нового государственного менеджмента универсальной типична для трендсеттеров международного уровня. На них ориентируются локальные трендсеттеры – все тот же набор чиновников среднего звена, экспертов, активистов и журналистов. В результате на локальном уровне приведение системы государственного управления в соответствие с «современными требованиями» становится фактически самоцелью: реальные результаты реформирования игнорируются. Более того, неудачи только подтверждают верность избранного пути. Приведем пример, как нельзя более наглядно показывающий взаимодействие локальных и глобальных трендсеттеров. В.В. Лобанов в статье, посвященной модернизации отечественной системы государственного управления, доказывает необходимость перевода работы госаппарата на систему управления по результатам, включая бюджетирование, ориентированное на результат (БОР), ссылками на опыт США [4]. Далее оказывается, что данный опыт является негативным («в октябре 2009 г. правительство США призналось в том, что все эти меры оказались безуспешными и не дали ожидаемых результатов» [4, с. 143]), и делается вывод о том, что именно поэтому внедрение в России управления по результатам является особо актуальной и неотложной мерой.

Риторика нового государственного менеджмента может применяться даже тогда, когда речь идет о вполне автохтонных институтах, глубоко укорененных в соответствующей административной традиции. Так, К. Оуэн, анализируя процессы формирования в современной России общественных советов при государственных органах исполнительной власти, обратила внимание на то, что, хотя сама система общественных советов и общественного контроля неразрывно связана с советской управленческой традицией, легитимация данной формы взаимодействия органов власти и общества осуществляется на языке нового государственного менеджмента: общественный контроль нужен для того, чтобы сделать государство эффективным на внутреннем рынке и конкурентоспособным на международном [15, с. 351]. По мнению К. Оуэн, использование риторики нового государственного менеджмента свидетель-

ствуем о «невероятной гибкости и устойчивости глобального проекта реформы системы государственного управления» [15, с. 353]. На наш взгляд, оно скорее свидетельствует об успешном применении глобальной административной моды для принятия ситуативно обусловленных решений. За «коллективной верой» в глобальную управленческую модель скрывается борьба между участниками локальных реформ за право определять их концепцию. В процессе этой борьбы активно используется глобальная управленческая риторика, причем возможна ситуация, когда между словами и действиями не будет вообще никакой связи [7].

Учитывая непроницаемость модных управленческих парадигм для оценки по конечным результатам внедрения, не вызывает удивления, что отказ от нового государственного менеджмента связан не с сопровождающими проведенными в соответствии с его принципами административных реформ хроническими проблемами, а с распространением новой модной парадигмы – «общественно-государственного управления» [1]. Вопрос о том, в какой степени новая мода связана со старой, а в какой является ее отрицанием, относится к числу дискуссионных. Между тем само распространение парадигмы происходит уже описанным нами путем: от частного выступления эксперта (в данном случае это М. Мур) с его монографией о создании «общественных ценностей» [13], к формированию неформальной коалиции локальных трендсеттеров, а затем переходу этой коалиции на международный уровень.

Однако, в отличие от нового государственного менеджмента, парадигма общественно-государственного управления не получила официального одобрения, сравнимого с принятием программы административных реформ при Б. Клинтоне. Поэтому, анализируя ее, современные исследователи приходят к выводу, что «потенциал парадигмы общественно-государственного управления уже сформирован, но еще не реализован в полной мере» [1, с. 182]. Характерно, что при продвижении общественных советов риторика «общественно-государственного управления» практически не используется, хотя, казалось бы, такой ход напрашивается сам собой. Как показала Г.А. Гарифуллина, общественные советы и, шире, консультативные органы при исполнительной власти, рассматриваются как каналы для лоббирования определенных групп интересов, как инструмент для получения специализированной информации, наконец, как площадка для делиберации [2]. Все эти подходы слабо связаны с риторикой общественно-государственного управления, что еще раз свидетельствует о недостроенности парадигмы.

Таким образом, глобальная административная мода, являясь одним из проявлений «мягкой силы», формируется в процессе превращения локальных трендсеттеров страны (носителей «мягкой силы») – в глобальные, а затем развивается на основе взаимодействия глобальных трендсеттеров с локальными, представляющими различные страны мира. В процессе глобализации административная мода приобретает универсальный характер, утрачивает связь с локальной управленческой традицией, которая ее породила, и превращается в «язык международного общения». В этом смысле можно говорить о границах «мягкой силы»: чем выше уровень глобализации, тем меньше становится влияние «страны-основоположника» и тем активнее соответствующая риторика применяется для решения локальных ситуативных проблем.

1. Барабашев А. Г. Кризис системы государственного управления и его влияние на основные административные парадигмы государства и бюрократии // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 3. С. 163–194.
2. Гарифуллина Г. А. Совещательные органы при федеральных ведомствах: политическая роль экспертного знания: автореферат ... канд. полит. наук. [Текст] / Г. А. Гарифуллина. – М., 2013. – 31 с.
3. Дьякова Е. Г. Soft power как проявление «административной моды» (на примере формирования электронного правительства в Китае) // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2014. № 4 (11). С. 45–49.
4. Лобанов В. В. Модернизация государственного управления: проблемы и решения // Вопросы государственного и муниципального управления. 2010. № 2. С. 136–145.
5. Оболонский А. В. Кризис бюрократического государства: Реформы государственной службы: международный опыт и российские реалии. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2011. – 448 с.
6. Abrahamson E. Management Fashion // Academy of Management Review, 1996. Vol. 21, № 1, P. 254–85.
7. Benders J. K. What's is in Fashion? Interpretative Viability and Management Fashions // Organization, 2001. Vol. 8, № 1, P. 33–53.
8. Beniger J. R. The Control Revolution: Technological and Economic Origins of the Information Society. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1989. – 508 p.
9. Chopra A. Innovative State: How New Technologies Can Transform Government. N.Y.: Grove Press, 2016. – 320 p.
10. Dunleavy P., Hood Ch. From Old Public Administration to New Public Management // Public Money & Management. 1994. V. 14. № 3. Pp. 9–16.
11. Hood Ch. Art of State: Culture, Rhetoric, and Public Management. 2000. L.: Clarendon Press. – 280 p.
12. Lane J. – E. New Public Management. L.: Routledge, 2000. – 242 p.
13. Moore M. H. Creating Public Value: Strategic Management in Government. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1995. – 401 p.
14. Osborne D., Gaebler T. Reinventing Government: How the Entrepreneurial Spirit is Transforming the Public Sector. N.Y.: Plume, 1993. – 432 p.
15. Owen C. A Genealogy of Kontrol' in Russia: From Leninist to Neoliberal Governance // Slavic Review. 2016. Vol. 75. № 2. Pp. 331–353.
16. Pinkerton J. What Comes Next: The End of Big Government – and the New Paradigm Ahead. 1995. N.Y., Hyperion. – 416 p.
17. Sager F., Rosser Ch. Weber, Wilson, and Hegel: Theories of Modern Bureaucracy: Reflecting on Seminal Administrative Theoretists // Public Administration Review. 2009. V. 11/12. Pp. 1136–1147.
18. Wilson W. The Study of Administration // Political Science Quarterly. 1887. Vol. 2. № 2. Pp. 197–222.
19. Yates J. Control Through Communication: The Rise of System in American Management. N-Y.: JHU Press, 1993. – 309 p.

References

1. Barabashev A.G. Krizis sistemy gosudarstvennogo upravleniya i ego vliyanie na osnovnye administrativnye paradigmy gosudarstva i byurokratii // *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*. 2016. № 3. S. 163–194.
2. Garifullina G.A. Soveshhatel'nye organy pri federal'nyx vedomstvax: politicheskaya rol' e'kspertnogo znaniya: avtoreferat ... kand. polit. nauk. [Tekst] / G.A. Garifulina. – M., 2013. – 31 s.
3. D'yakova E.G. Soft power kak proyavlenie «administrativnoj mody» (na primere formirovaniya e'lektronnogo pravitel'stva v Kitae) // *Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi»*. 2014. № 4 (11). S. 45–49.
4. Lobanov V.V. Modernizaciya gosudarstvennogo upravleniya: problemy i resheniya // *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*. 2010. № 2. S. 136–145.
5. Obolonskij A.V. Krizis byurokraticeskogo gosudarstva: Reformy gosudarstvennoj sluzhby: mezhdunarodnyj opyt i rossijskie realii. – M.: Fond «Liberal'naya missiya», 2011. – 448 s.
6. Abrahamson E. Management Fashion // *Academy of Management Review*, 1996. Vol. 21, № 1, P. 254–85.
7. Benders J.K. What's is in Fashion? Interpretative Viability and Management Fashions // *Organization*, 2001. Vol. 8, № 1, P. 33–53.
8. Beniger J.R. *The Control Revolution: Technological and Economic Origins of the Information Society*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1989. – 508 p.
9. Chopra A. *Innovative State: How New Technologies Can Transform Government*. N.Y.: Grove Press, 2016. – 320 p.
10. Dunleavy P., Hood Ch. From Old Public Administration to New Public Management // *Public Money & Management*. 1994. V. 14. № 3. Pp. 9–16.
11. Hood Ch. *Art of State: Culture, Rhetoric, and Public Management*. 2000. L.: Clarendon Press. – 280 p.
12. Lane J. – E. *New Public Management*. L.: Routledge, 2000. – 242 p.
13. Moore M.H. *Creating Public Value: Strategic Management in Government*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1995. – 401 p.
14. Osborne D., Gaebler T. *Reinventing Government: How the Entrepreneurial Spirit is Transforming the Public Sector*. N.Y.: Plume, 1993. – 432 p.
15. Owen C. A Genealogy of Kontrol' in Russia: From Leninist to Neoliberal Governance // *Slavic Review*. 2016. Vol. 75. № 2. Pp. 331–353.
16. Pinkerton J. What Comes Next: The End of Big Government – and the New Paradigm Ahead. 1995. N.Y., Hyperion. – 416 p.
17. Sager F., Rosser Ch. Weber, Wilson, and Hegel: Theories of Modern Bureaucracy: Reflecting on Seminal Administrative Theoretists // *Public Administration Review*. 2009. V. 11/12. Pp. 1136–1147.
18. Wilson W. *The Study of Administration* // *Political Science Quarterly*. 1887. Vol. 2. № 2. Pp. 197–222.
19. Yates J. *Control Through Communication: The Rise of System in American Management*. N-Y.: JHU Press, 1993. – 309 p.

UDC 35.071.2

MECHANISMS OF “SOFT POWER”: HOW THE LOCAL MANAGEMENT FASHION BECOMES GLOBAL

Dyakova Elena Grigorjevna,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Political Sciences, Leading Researcher,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: gf-urfo@bk.ru

Trakhtenberg Anna Davibovna,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ph.D., Senior Researcher,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: cskit@yandex.ru

Annotation

The article is devoted to the analysis of the mechanisms of formation of the global fashion management as manifestations of soft power on the example of the new public management paradigm. It is shown how the managerial fashion is formed at the local level by a coalition of trend-setters, and then through inclusion in the political agenda as a basis for public administration reform. The local fashion becomes a global one through the formation of a universal language and the workable rhetoric of new public management. It is shown how the universal language functions at the level of national states, and how it substitutes and reinterprets the autochthonous administrative tradition.

Key concepts:

soft power, fashion management, trend setters, workable rhetoric, new public management.

УДК 32.019.51

ИНСТРУМЕНТЫ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В ФОРМИРОВАНИИ ИМИДЖА РОССИИ В КЫРГЫЗСТАНЕ*

Савчук Галина Анатольевна,

ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»,
зав. кафедрой ИМКиБ ИГУП,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: galina.savchuk@urfu.ru

Франц Валерия Андреевна,

ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»,
доцент кафедры ИМКиБ ИГУП,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: val-franc@yandex.ru

Бабюк Юлия Юрьевна,

ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»,
кафедра ИМКиБ ИГУП,
магистрант,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: julla.94@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается применение Россией мягких технологий влияния в Кыргызстане с целью формирования положительного имиджа страны в восприятии

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-33-00010.

киргизской общественности. Оценивается эффективность отдельных технологий и инструментов российской «soft power» через изучение общественного мнения. Выявляется отношение кыргызстанцев к России и различным аспектам ее имиджа.

Ключевые понятия:

«soft power», имидж, общественное мнение, инструменты мягкого влияния, СМИ.

Сегодня многие крупные государства, в том числе и Россия, пытаются оказывать влияние на политику, экономику и социальную жизнь в Центральной Азии. В частности, инструменты «мягкой силы» в Кыргызстане, кроме России, применяют Китай, Турция, США, Германия, арабские страны. Так, например, в Кыргызстане действуют турецкие университеты, школы и лицеи; американские программы формата USAID, Flex и Work and Travel, «американские уголки»; реализуются немецкие программы сотрудничества и развития центральноазиатского региона, благотворительные фонды, программы DAAD, Au Pair; возводятся мечети на деньги арабских стран. Пока, ввиду сложившихся на протяжении нескольких веков исторических, культурных, политических и экономических связей, Россия остается лидером с точки зрения воздействия на Кыргызстан, однако «мягкое влияние» других стран может сделать позиции России в центральноазиатском регионе менее выгодными.

В настоящее время вопросы реализации Россией политики «мягкой силы» в Кыргызстане изучает ряд ученых. Например, существуют исследования, посвященные точкам соприкосновения между Кыргызстаном и Россией, и как они меняются в свете трансформаций в Кыргызской Республике [12, с. 165–167]; анализируются российские организации и их мероприятия на территории Центральной Азии, которые можно отнести к «мягкому влиянию» [5, с. 49–51]; рассматриваются проблемы формирования национальной идентичности населения Кыргызстана и роль русской части его населения в этих процессах [4, с. 98–101]. Можно найти много публикаций в общественно-политических изданиях, в которых журналисты высказывают ту или иную точку зрения на протекание данных процессов [3; 4; 6; 14 и др.]. Однако пока еще нет подробного анализа того, какой имидж России складывается в общественном мнении Кыргызстана в результате применения ею инструментов «мягкого влияния». В данной статье планируется затронуть именно этот вопрос.

При создании благоприятного имиджа государства, как правило, задействуется максимум инструментов «мягкого влияния». Однако, в зависимости от обстоятельств и целей реализации страной имиджевой стратегии, различные средства «soft power» могут обладать разной степенью эффективности. Согласно мнению создателя концепции «soft power» Джозефа Наю, существует три основных источника «мягкой силы»: привлекательная культура, привлекательные политические ценности и привлекательная внешняя политика. Кроме того, этот исследователь рассматривает «мягкую силу» с точки зрения трех подходов: ресурсного, деятельностного, а также с точки зрения достигаемых результатов. В рамках ресурсного подхода оценивается

наличие у государства «мягких» ресурсов: богатого культурного наследия, поп-культуры, развитой науки, привлекательных политических ценностей и т. п. С точки зрения образа действия, «мягкая сила» рассматривается как эффективная гуманитарно-культурная деятельность. С точки зрения достигаемых результатов оценивается уровень внутренней безопасности, возможность мобилизации поддержки других стран по различным вопросам, достижение статуса регионального или глобального лидера, привлечение инвестиций, туристов, расширение экспорта и т. п. [10].

Британский журнал «Монокль» при разработке собственного рейтинга «мягкой силы», который на сегодняшний день является одним из наиболее популярных, включил в показатели мягкой силы государственные институты, культуру, образование, бизнес и дипломатию [7]. Соответственно, все вышеперечисленные аспекты «мягкой силы» могут оказывать влияние на формирование и характер имиджа государства. Опираясь на вышесказанное, в данной статье мы постарались осуществить оценку эффективности различных инструментов российской «soft power», применяемых с целью реализации «мягкого влияния» в Кыргызстане и формирования у его жителей положительного мнения о России. В фокусе внимания статьи находится сопоставление используемых инструментов «мягкой силы» России на территории Кыргызстана и ее имиджа в общественном мнении кыргызстанцев.

Используемые Россией инструменты «мягкой силы» в Кыргызстане можно классифицировать следующим образом: государственные проекты в сфере экономики, культуры, науки, образования, проекты социального характера, спортивные проекты, медийные проекты. На территории Кыргызстана действуют гуманитарные организации и фонды, например, Россотрудничество.

Население крупных городов Кыргызстана по большей части до сих пор русскоязычно. Распространенность русского языка позволяет российским СМИ находить в регионе большую аудиторию, которая затем транслирует российское восприятие политических процессов.

Разработанные и реализуемые на сегодняшний день российские государственные проекты по формированию благоприятного имиджа в Кыргызстане реализуются эффективно, так по данным опроса компании Gallup 79% населения поддерживают политику Кремля [1].

В 2016 году одним из авторов статьи было проведено социологическое исследование имиджа России в глазах населения Кыргызстана с использованием формализованной анкеты. Было опрошено 150 человек, проживающих в разных городах Кыргызстана, респонденты от 18 до 35 лет заполняли онлайн-анкету, а респонденты от 36 до 79 лет – ее бумажный вариант. Опрос не проводился в отдаленных горных районах Кыргызстана, в которых нет Интернета, а проведение личного опроса было недоступно, но это ограничение данных, с нашей точки зрения, не влияет принципиально на данные опроса, так как число жителей, проживающих в данных районах мало по сравнению с городским населением, а также менее активно в формировании общественного мнения. В опросе приняли участие 50% женщин и 50% мужчин, из них 29% – в возрасте от 18 до 27 лет, 20% – от 28 до 37 лет, 16% – 38–47 лет, 21% – 48–57 лет и 14% – 58 лет и старше, что соответствует половозрастной

структуре жителей Кыргызстана. Основная доля респондентов проживает в столице и близлежащих городах (45%), на остальные 6 областей приходится равное количество опрошенных. Более 70% опрошенных имеют высшее образование или являются студентами, этот показатель выше, чем в среднем по республике, но, с нашей точки зрения, в рамках изучаемого вопроса группа более образованных граждан представляет интерес, так как инструменты «мягкого влияния» нацелены, в первую очередь, именно на эту группу.

Имидж России в исследовании изучался всесторонне, с рассмотрением влияния максимально возможного числа инструментов «мягкой силы», однако по результатам опроса было выявлено несколько наиболее значимых его элементов, а также ряд наиболее эффективных «soft» инструментов его создания. Так, в качестве важнейших элементов имиджа России были определены: глобальный и региональный статус страны, имидж лидера страны, а также имидж обычного, среднего россиянина. Также исследование показало, что основными инструментами формирования этих аспектов имиджа являются средства массовой информации.

Этот вывод можно подтвердить следующими данными: примерно 40% респондентов видят Россию «великой державой, у которой особая миссия и которая будет главенствовать на планете», 37% – считают Россию «динамично развивающимся государством, которое нуждается в серьезных реформах», 12% – «региональной державой со средним военным потенциалом», 8% – «нищей страной с непомерными амбициями» и 3% – «страной – агрессором, которая заслуживает санкций». Можно отметить следующую тенденцию, чем старше респондент, тем, как правило, он лояльнее относится к России.

Имидж России состоит из множества «микроимиджей», как положительных (сосед, партнер, помощник, защитник, старший брат), так и отрицательных (захватчик, прагматик и агрессор).

Имидж страны тесно связан с ее лидерами. Так, для участвовавших в опросе являются наиболее авторитетными Владимир Путин (его назвали 52% респондентов), Рамзан Кадыров (21%), Сергей Лавров (11%) и Сергей Шойгу (9%). Остальных политиков, государственных или общественных деятелей называли значительно реже. Получается, что именно эти фигуры наиболее значимы при формировании имиджа России для жителей Кыргызстана. Образы сильных, властных и решительных лидеров, иногда позволяющих себе выходить за официальные рамки в комментариях, таких как, например, Рамзан Кадыров, по мнению кыргызстанцев, органично дополняют сформированный имидж России.

Важно понимать, что основные каналы, по которым население Кыргызстана получает информацию о России – это телевидение, радио, печатные СМИ и Интернет. На территории Кыргызстана ведут вещание многие российские радиостанции, а также представлены такие российские СМИ, как «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «Российская газета» и другие. По данным опроса, большинство респондентов, так или иначе, используют «продукты» Рунета – социальные сети (Одноклассники, ВКонтакте, Мой Мир), электронную почту (Mail.ru, Yandex), реже – поисковые системы. Кыргызстанцы используют Рунет в качестве информационного источника ввиду отсутствия аналогов в Кыргызстане. Кыргызский Интернет недо-

статочно масштабен, поэтому искать информацию кыргызстанцам удобнее в российском интернет-пространстве, что повышает престиж и авторитет российских источников информации.

Среди опрошенных респондентов 73% смотрят российские новостные передачи, самые популярные из них транслируются «Первым каналом» и телеканалом «Россия».

Российское телевидение – основной инструмент «мягкой силы» в Кыргызстане. До перехода на цифровое телевидение российские телеканалы имели «особый статус» благодаря контенту, который предлагался Кыргызстану на безвозмездной основе. Российские федеральные телеканалы тратят около трех миллиардов долларов в год на производство контента, и другие страны его покупают, но Кыргызстан получал его бесплатно. Именно по этой причине правительством республики рассматривалось решение включить российские телеканалы в бесплатный цифровой пакет. Но этому мешало новое требование, связанное с тем, что 50% контента цифрового вещания транслируемых в стране телеканалов должно быть на кыргызском языке. Поэтому было предложено наделить эти каналы особым статусом и для цифрового вещания, чтобы данное требование к ним не предъявлялось [2]. После широкого общественного резонанса по этому поводу, правительство было вынуждено снять проект соглашения с общественных слушаний. На официальном уровне было отмечено, что эта инициатива исходила от российской стороны и основывалась, в том числе, на реакции граждан.

По мнению респондентов, новостные передачи и политические ток-шоу хорошо представляют образ России. Вместе с тем, респонденты отмечают, что образ России формируют передачи самого разного формата: кроме таких передач, как «Время», «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым» (их указали 47% опрошенных) респонденты называли «КВН», «Comedy Club», «Вечерний Ургант» (27%) и «Давай поженимся», «Модный приговор», «Жить здорово», «Контрольная закупка» (15%). Передачи объединены в группы по жанрам, респондентам предлагалось выбирать передачи, которые они смотрят чаще всего.

Жители страны смотрят чаще всего новостные и аналитические передачи, юмористические шоу, сериалы и фильмы. Молодежь предпочитает просмотр развлекательных телеканалов. Несомненно, что через показ сериалов и шоу транслируется российский образ жизни, а также передается современная культура поведения и повседневные привычки россиян. Молодые люди, воспринимая транслируемые образы, начинают неосознанно их копировать. Вместе с этим повышается привлекательность России как места для работы, учебы и в целом для жизни.

Российские телеканалы являются серьезным инструментом «мягкой силы», так как большая часть населения отдает предпочтение просмотру программ российских телекомпаний. Большинство зрителей страны сегодня узнают новости и обстановку в мире из программ российских телеканалов. Причины этого заключаются в том, что многие кыргызстанцы привыкли смотреть главные российские каналы еще со времен СССР. Кроме этого, важным фактором является и то, что почти в каждой семье есть те, кто живет

и работает в России. Поэтому большинству кыргызстанцев важно знать, что происходит в российских регионах.

Российская реклама также занимает особое место в формировании имиджа России. Российские рекламодатели специально не транслируют рекламу в Кыргызстан – она попадает туда с помощью так называемого «spillover» (бесплатная ретрансляция зарубежной рекламы в соседние страны). Учитывая то, что большая доля населения смотрит российские телеканалы («Первый канал», «ТНТ-Азия», «Россия-РТР»), то иностранным рекламодателям нет смысла платить за рекламу в Кыргызстане, если размещенная в России реклама все равно попадет на этот рынок. Реклама наряду с товарами и услугами показывает повседневную жизнь «обычных россиян», специфика рекламных сообщений такова, что показывает эту жизнь в преувеличенно привлекательном свете, формируя представления о «российском образе жизни» на основе рекламных образов.

Популярность российских телеканалов на данный момент велика, но можно отметить тенденцию к ее снижению, так как они не формируют контент, ориентированный на местных потребителей, включая передачи на кыргызском языке. Однако пока телевидение как инструмент формирования имиджа России по результатам проведенного опроса наиболее эффективно, так как доступ в Интернет на регулярной основе есть далеко не у всех респондентов, а телевидение доступно.

Таким образом, имидж России в глазах киргизской общественности является на сегодняшний день преимущественно положительным. Большинство кыргызстанцев считают Россию великой державой, способной влиять на ход событий в мире и обеспечивать высокий уровень безопасности в регионе. Также киргизская общественность рассматривает образ среднего россиянина и его повседневной жизни как привлекательный, испытывает уважение к наиболее ярким представителям российской политической элиты. Положительный образ России и россиян формируется главным образом посредством телевидения и Интернета. Можно утверждать, что российские инструменты «мягкой силы» в Кыргызстане на сегодняшний день эффективны. Вместе с тем нужно учитывать, что существенную долю приверженцев русской культуры составляют люди зрелого возраста, на которых еще оказывает влияние наследие СССР. В связи с этим можно прогнозировать, что с течением времени популярность как русской культуры, так и русского языка может начать снижаться, что требует задействования дополнительных ресурсов и инструментов «soft power».

1. Gallup: В Кыргызстане сильно влияние Кремля // Радио Азаттык: ежедн. электр. изд. [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.azattyk.org/a/27076844.html> (дата обращения: 30.06.2017).

2. Интернет Кыргызстана – против «российского зомбоящика» // Настоящее время: ежедн. электр. изд. 2016. 7 янв. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.currenttime.tv/a/27473864.html> (дата обращения: 19.06.2016).

3. Карасин Б.Г. И снова и «мягкой силе» // Российская газета. – 14 июня 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://delo.kg/index.php/health->

7/9879-rossiya-teryayet-kyrgyzstan (дата обращения: 17.06.2017).

4. Касем Осули. Цели и интересы в Центральной Азии: настоящее и будущее // FARS Newsagency. 2014. 5 марта [Электронный ресурс]. URL: http://inosmi.ru/middle_asia/20140305/218193884.html (дата обращения: 20.06.2017).

5. Лебедева М.М. «Мягкая сила» в отношении Центральной Азии: участники и их действия // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35). С. 48.

6. Масаулов С. Российская помощь Кыргызстану: частные мнения и реальные факты // Ритм Евразии: ежедн. интернет-изд. 2016. 15 фев. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ritmeurasia.org/news--2016-02-15--rossijskaja-pomosch-kyrgyzstanu-chastnye-mnenija-i-realnye-fakty-21914> (дата обращения: 20.06.2017).

7. McClory J. The New Persuaders III. A 2012 Global Ranking of Soft Power [Электронный ресурс]. URL: http://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/The%20new%20persuaders%20III_0.pdf (дата обращения: 01.07.2017).

8. Молодов О.Б. Проблемы идентификации населения Казахстана и Кыргызстана [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/problemy-identifikatsii-naseleniya-kazahstana-i-kyrgyzstana> (дата обращения: 01.07.2017).

9. Наумов А.О. «Мягкая сила» и внешнеполитический имидж Российской Федерации // Перспективы: сетевое изд. 2015. 30 марта [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/rus/gos/magkaja_sila_i_vneshnepoliticheskij_imidzh_rossijskoj_federacii_2015-03-30.htm (дата обращения: 03.07.2017).

10. Nye J., Jr. Soft Power. The Means to Success in World Politics. – New York: Public Affairs, 2004.

11. Риклтон К. Кыргызстан: российская «информационная война» набирает обороты // EURASIANET.org: ежедн. интернет-изд. 2014. 17 апр. [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.eurasianet.org/node/60561> (дата обращения: 15.06.2017).

12. Урманбетова Ж. Кыргызстан: пересечение интересов России и США [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kyrgyzstan-peresechenie-interesov-rossii-i-ssha> (дата обращения: 25.06.2017).

13. Шепеленко А. Россия приглашает учиться // Слово Кыргызстана: интернет-изд. 2014. 1 мая [Электронный ресурс]. URL: <http://slovo.kg/?p=33911> (дата обращения: 15.06.2017).

14. Ши Аньбинь, Лю Ин. Три шага, помогающие Москве нарастить информационное влияние на мир // Женьминь жибао. 2014. 24 мая [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/politic/20140524/220538152.html> (дата обращения: 15.06.2017).

References

1. Gallup: V Kyrgyzstane sil'no vliyanie Kremlya // Radio Azattyk: ezhdn. e'lekr. izd. [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://rus.azattyk.org/a/27076844>.

html (data obrashheniya: 30.06.2017).

2. Internet Kyrgyzstana – protiv «rossijskogo zomboyashhika» // Nastoyashhee vremya: ezhdn. e'lekt. izd. 2016. 7 yanv. [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://www.currenttime.tv/a/27473864.html> (data obrashheniya: 19.06.2016).

3. Karasin B.G. I snova i «myagkoj sile» // Rossijskaya gazeta. – 14 iyunya 2016 g. [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://delo.kg/index.php/health-7/9879-rossiya-teryayet-kyrgyzstan> (data obrashheniya: 17.06.2017).

4. Kasem Osuli. Celi i interesy v Central'noj Azii: nastoyashhee i budushhee // FARS Newsagency. 2014. 5 marta [E'lektronnyj resurs]. URL: http://inosmi.ru/middle_asia/20140305/218193884.html (data obrashheniya: 20.06.2017).

5. Lebedeva M.M. «Myagkaya sila» v otnoshenii Central'noj Azii: uchastniki i ix dejstviya // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2014. № 2 (35). S. 48.

6. Masaulov S. Rossijskaya pomoshh' Kyrgyzstanu: chastnye mneniya i real'nye fakty // Ritm Evrazii: ezhdn. internet-izd. 2016. 15 fev. [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://www.ritmeurasia.org/news--2016-02-15--rossijskaja-pomosch-kyrgyzstanu-chastnye-mnenija-i-realnye-fakty-21914> (data obrashheniya: 20.06.2017).

7. McClory J. The New Persuaders III. A 2012 Global Ranking of Soft Power [E'lektronnyj resurs]. URL: http://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/The%20new%20persuaders%20III_0.pdf (data obrashheniya: 01.07.2017).

8. Molodov O.B. Problemy identifikacii naseleniya Kazaxstana i Kyrgyzstana [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/problemy-identifikatsii-naseleniya-kazahstana-i-kyrgyzstana> (data obrashheniya: 01.07.2017).

9. Naumov A.O. «Myagkaya sila» i vneshnepoliticheskij imidzh Rossijskoj Federacii // Perspektivy: setevoe izd. 2015. 30 marta [E'lektronnyj resurs]. URL: http://www.perspektivy.info/rus/gos/magkaja_sila_i_vneshnepoliticheskij_imidzh_rossijskoj_federacii_2015-03-30.htm (data obrashheniya: 03.07.2017).

10. Nye J., Jr. Soft Power. The Means to Success in World Politics. – New York: Public Affairs, 2004.

11. Riklton K. Kyrgyzstan: rossijskaya «informacionnaya vojna» nabiraet oboroty // EURASIANET.org: ezhdn. internet-izd. 2014. 17 apr. [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://russian.eurasianet.org/node/60561> (data obrashheniya: 15.06.2017).

12. Urmanbetova Zh. Kyrgyzstan: peresechenie interesov Rossii i SShA [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kyrgyzstan-peresechenie-interesov-rossii-i-ssha> (data obrashheniya: 25.06.2017).

13. Shepelenko A. Rossiya priglashaet uchit'sya // Slovo Kyrgyzstana: internet-izd. 2014. 1 maya [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://slovo.kg/?p=33911> (data obrashheniya: 15.06.2017).

14. Shi An'bin', Lyu In. Tri shaga, pomogayushhie Moskve narastit' informacionnoe vliyanie na mir // Zhen'min' zhibao. 2014. 24 maya [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://inosmi.ru/politic/20140524/220538152.html> (data obrashheniya: 15.06.2017).

UDC 32.019.51

“SOFT POWER” TOOLS OF CREATION OF RUSSIA’S IMAGE IN KYRGYZSTAN

Savchuk Galina Anatolievna

Ural Federal University,
Department of IMC and branding of IPAE,
Head of chair,
Yekaterinburg, Russia,
E-mail: galina.savchuk@urfu.ru

Frants Valeriya Andreevna,

Ural Federal University,
Department of IMC and branding of IPAE,
Associate Professor,
Yekaterinburg, Russia,
E-mail: val-franc@yandex.ru

Babuk Yulia Yuryevna,

Ural Federal University,
Department of IMC and branding of IPAE,
Master student,
Yekaterinburg, Russia,
E-mail: julla.94@mail.ru

Annotation

The article discusses the use of “soft” influence technologies by Russia in Kyrgyzstan with the aim of creating a positive image of the country in the perception of the Kyrgyz public. It also assesses the efficiency of individual technologies and tools of Russian “soft power” that is exercised through the public opinion polls. Additionally the author reveals the attitude of Kyrgyz citizens to Russia and various aspects of its image.

Key concepts:

“soft power”, image, public opinion, “soft” influence tools, mass-media.

УДК 323

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ SOFT POWER В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ: ОПЫТ АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Сонина Екатерина Олеговна,

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС,
кандидат политических наук, доцент,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: ekaterina.sonina@ui.ranepa.ru

Аннотация

В статье анализируются возможности применения технологий «мягкой силы», исходя из структуры вызовов и задач, стоящих на современном этапе перед государством как политическим институтом. По мнению автора, понимание государственного управления как «мягкой» силы (soft power) помогает осваивающему навыки конкурентной борьбы государству обрести максимальную эластичность и гибкость, позволяющие сохранять контроль над основными обеспечивающими устойчивостью государства ресурсами. Основываясь на данном подходе, автор анализирует содержание и перспективы административной реформы в современной России.

Ключевые понятия:

государство, государственное управление, «мягкая» сила, административная реформа в России.

Современный этап административной реформы в современной России, начавшийся в 2003 году, связан с поиском модели государственного управления, которая позволила бы найти баланс между необходимостью выполнения обязательных функций государства и затратами на обеспечение их реализации. Россия в этом поиске не уникальна. Реформирование на современном этапе переживают системы государственного управления как развитых (Великобритания, Франция, Германия, Италия и т. д.), так и развивающихся стран. Глобализация

административных реформ связана с несколькими факторами, ключевым из которых является переосмысление миссии, целей и задач государства как политического, социального и экономического института.

Сверхскоростные структурные изменения в системе общественных отношений, утрата значимости и регулирующего потенциала традиционными институтами привели к ситуации «диффузии власти» [4, с. 258]. Власть и влияние приобретают полицентричную и многоуровневую организацию, предполагающую не только (и даже не столько) скоординированные, формализованные, прогнозируемые действия, но и действия относительно автономные, не прогнозируемые и не очевидные [2, с. 17]. Государство утрачивает позиции монополистического контролера за ключевыми сферами влияния. Основные управленческие, экономические, социальные ресурсы оказываются распределены между глобальными надгосударственными и негосударственными институтами: межправительственными и неправительственными международными организациями, транснациональными корпорациями, мировыми общественными движениями. Каждый из этих институтов контролирует свою сферу влияния, позволяющую ему претендовать на большее обладание властью и участвовать в процессах ее глобального перераспределения. Главным вызовом для государства является то, что диффузия власти затрагивает и сферу принуждения. Глобализация деятельности террористических организаций наиболее яркое тому подтверждение. Исламское государство, по сути своей, — инверсия государства в его традиционном, устоявшемся понимании, свидетельствующая об утрате государством контроля над принудительными формами власти. Диффузия власти вводит государство в состояние конкурентной борьбы за обладание ресурсами, главным из которых в условиях информационного общества оказывается человек как носитель уникальных знаний, навыков и способностей [10, с. 259].

Режим конкуренции создает очень много рисков для государства, существенно усложняя процесс социального управления, оценить которое исключительно в нормативных и институциональных параметрах оказывается невозможным [11, с. 4]. Ключевой его задачей оказывается *не администрирование, а координация* деятельности государственных структур, бизнеса, общественных организаций для обеспечения разрешения социально значимых проблем и реализации функций государства [1, с. 216]. В политическом и научном дискурсе на сегодня одновременно аккумулируются несколько подходов к определению оптимальной современной модели государственного управления: бюрократический, менеджеристский, сетевой и *governance*-парадигма. И перечень, очевидно, будет не исчерпывающим. Общим во всех указанных подходах (в том числе и бюрократического в современной его интерпретации) является установка на обеспечение информационной открытости органов власти, оптимизацию их структуры и расширение общественного участия в процессе принятия государственных решений [3]. В условиях диффузии власти и абсолютной конкуренции государственное управление не может не быть максимально эластичным, чувствительным к точкам социального напряжения, гибким в процессах согласования целей и разрешения конфликтов между различными группами интересов [6]. Государство вынуждено расширять арсенал технологий управленческого воздействия, прибегая, в том числе, и к столь не-

привычным для него как института, обладающим монополией на легитимное насилие, технологиям «мягкой» силы (soft power).

В самом широком смысле «мягкая» сила – это способность добиться того, чтобы другие хотели тех результатов, которые нужны источнику властного влияния [12, с. 25]. Принципиальным моментом применения технологий «мягкой» силы является ощущение сопричастности (идентичности) [9, с. 202–203], которое вселяет уверенность, что обозначаемые властью цели являются собственными целями объектов властного влияния. «Мягкая» сила делает власть незаметной, что в условиях абсолютной конкуренции и информационной открытости позволяет распространить ее влияние и в поле субъект – субъектных отношений, не отрицая при этом первоначальных целей и задач самой власти. Для осваивающего навыки конкурентной борьбы государства «мягкая» сила оказывается существенной поддержкой [2, с. 201]. Позволяя сохранять контроль за обеспечивающими выживание государства ресурсами (политическим, социальными, экономическим, культурными), она одновременно придает политическому и государственному управлению ту эластичность и гибкость, которые в условиях крайней конкуренции помогают приспосабливаться к изменчивости объекта, не теряя при этом привычного властного статуса. Совершенную опору обретает современное государство, овладевая технологиями «умной» силы, под которыми подразумевается оптимальное сочетание жестких и мягких инструментов [9].

Ситуация диффузии власти и необходимость применения для сохранения конкурентоспособности государства технологий «мягкой» силы принципиально меняет природу государственного управления. Посредством государственного управления граждане ощущают государство в своей повседневной жизни и в условиях абсолютной конкуренции, и крайне важно, чтобы это взаимодействие было максимально комфортным: для граждан, негосударственных общественных институтов, инвесторов. Привлекательность государства для каждого из них оказывается залогом устойчивости самого государства. И это формирует принципиально иные задачи перед государственным управлением. Оно должно не просто использовать иные технологии властного воздействия для обеспечения реализации стоящих перед государством целей. Оно само, наряду с другими подсистемами (образование, культура, язык, здравоохранение), должно стать той невидимой силой, которая обеспечивает максимальную идентичность подвластных субъектов с реализуемой государством политикой. Понимание государственного управления как «мягкой» силы помогает обрести государству максимальную эластичность и гибкость, позволяющие в условиях конкуренции государства с иными агентами влияния сохранять контроль над основными обеспечивающими его устойчивостью ресурсами. Вовлекая максимально население в процессы принятия политических решений, опираясь на методы, характерные для власти в форме убеждения и побуждения, государственное управление не просто использует технологии «мягкой» силы, а само становится этой силой, давая ощущение сопричастности масштабным процессам, связанным с выстраиванием политики государства. Установка на информационную открытость, характерная для всех современных концепций государственного управления, понимание его как государственной услуги, свойственное концепции нового государственного управления, представление

о государственном управлении как координирующей различные коммуникационные потоки системе, свойственное сетевому подходу, и обеспечивающей достижение всеобщего блага, присущее governance-парадигме, – все эти подходы ориентированы, в конечном итоге, на обеспечение максимальной гибкости государственного управления, позволяющей лавировать между различными группами интересов, в целях предупреждения социальных конфликтов и обеспечения стабильности государства, и определяют содержание современных административных реформ.

В современной России утверждение целей и основных задач административной реформы произошло в 2003 году в Указе Президента Российской Федерации № 824 «О мерах по проведению административной реформы в 2003–2004 годах» и принятом потом целом пакете документов, определивших ее идейное и символическое содержание [7; 8]. Исключение дублирующих функций органов государственной власти, внедрение механизмов конкурсного и проектного управления, расширение использования информационных технологий в государственном управлении, развитие системы саморегулируемых организаций и т. д. – очевидно указывали на выбор модели нового государственного управления в качестве концептуальной основы административной реформы. Успешное достижение указанных целей напрямую зависит от переосмысления задач, стоящих перед государством как политическим институтом на современном этапе, и природы государственного управления.

В западных странах ключевыми политическими факторами выбора модели нового государственного управления в качестве идейной основы административной реформы были зависимость политического класса от воли налогоплательщиков, поиск новых механизмов обеспечения легитимности принимаемых политических решений и необходимость минимизации затрат на содержание государственного аппарата за счет более тщательного и рационального их планирования. Информационная открытость, ориентация на производительность системы государственного управления, применение подходов проектного управления, рыночных и корпоративных механизмов оценки эффективности государственного управления, расширение круга субъектов, участвующих в процессах разработки и/или реализации государственной политики должны были повысить институциональную восприимчивость государства к возможным точкам напряжения за счет максимальной мягкости государственного управления, повышения его эластичности к все возрастающим требованиям населения. Ощущение вовлеченности в процессы принятия политических решений и возможность влияния на оценку эффективности системы государственного управления становилась основой сопричастности с реализуемой государством политикой, способствуя тем самым достижению целей, лежащих в основе технологий «мягкой» силы [5].

Концептуальная основа современной административной реформы в России была «снята» с западного опыта нового государственного управления. Однако его идейное содержание в российском варианте вступило в противоречие с технологиями реализации административной реформы. Повышение эффективности взаимодействия органов исполнительной власти и общества, предполагающее, в том числе, обеспечение информационной открытости государственного аппарата, было обозначено в качестве одного из приоритетных

направлений административной реформы. Но понимание информационной открытости системы государственного управления согласно программным документам сводится исключительно к «созданию порталов в сети Интернет ведомственных органов государственной власти и местного самоуправления», опубликованию решений ведомств на соответствующих сайтах и оптимизации документооборота [5].

Снижение административных барьеров за счет изменения подходов к реализации контрольно-надзорной деятельности, установки на ее риск-ориентированность, оптимизации надзорной нагрузки на хозяйствующих субъектов при одновременном повышении защищенности общественно значимых интересов и ценностей призваны сделать взаимодействие населения с властью в одном из самых жестких ее проявлений максимально комфортным, переориентировать контрольно-надзорные органы на применение консультационной стратегии в своей деятельности [8]. Однако предлагаемые подходы к определению критериев риска, оценки эффективности деятельности контрольно-надзорных органов настолько сложны, не системны, что фактически нивелируют все возможности выработки единой концепции государственного контроля и надзора, сводя фактически на нет все возможности общественного участия в этих процессах. Достаточно часто цели и задачи административной реформы дублируются в стратегических документах с одновременным установлением разных сроков и ответственных субъектов за их реализацию [7; 8], что очевидно не способствует оптимизации и повышению гибкости государственного управления.

Идейное содержание административной реформы в России вступает в очевидное противоречие с технологиями ее реализации, усугубляя конфликт между ожиданиями и практическим воплощением государственного управления в повседневной жизни общества, исключая возможность повышения его чувствительности к интересам и потребностям субъектов, обеспечивающих устойчивое развитие государства. Мы реформируем государственное управление без переосмысления роли, содержания целей и задач самого государства как института. А при такой установке реализация потенциала государственного управления как мягкой силы, способствующей повышению конкурентоспособности государства, просто невозможна.

1. Государственная политика и управление: учебник: в 2 ч. / Под ред. Л.В. Сморгунова. Ч. 1: Концепции и проблемы государственной политики и управления. М.: РОССПЭН, 2006. С. 253–270.

2. Государственная политика и управление: Учеб. пособие для вузов под ред. А.И. Соловьева. М.: Аспект Пресс, 2017.

3. Доклад Генерального секретаря о состоянии демократии, прав человека и верховенства права: настоятельная необходимость обеспечения безопасности в Европе [Электронный ресурс]. URL: [http://https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx? ObjectId=0900001680646af8](http://https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=0900001680646af8) (дата обращения: 30.07.2017).

4. Катценштайн Питер. Понять, что существует диффузия власти // 22 идеи о том, как устроить мир: Беседы с выдающимися учеными / Под ред. Петра Дуткевича и Ричарда Саквы. М.: Издательство Московского университета, 2014. С. 255–270.

5. Концепция открытости федеральных органов государственной власти: Утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации N 93-р от 30 января 2014 года [Электронный ресурс]. URL: <http://open.gov.ru/events/5508409/> (дата обращения: 30.07.2017 г.).

6. Мэнинг М.Н., Парисон Н. Реформа государственного управления: международный опыт. М.: Весь мир, 2003.

7. План мероприятий («дорожная карта») по совершенствованию контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации на 2016–2017 год: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 01.04.2016 № 559-р // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

8. Показатели приоритетной программы по совершенствованию контрольно-надзорной деятельности: Протокол заседания Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам от 19.10.2016 № 8 [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/orders/selection/401/25106/> (дата обращения: 30.07.2017 г.).

9. Русакова О.Ф. Современная политическая философия: предмет, концепты, дискурс. Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2012.

10. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.

11. Göktuğ Morçöl (ed.) Handbook of Decision Making. Penn State University Harrisburg, Pennsylvania. USA: CRSPress, 2007.

12. Nye G.S. In Mideast, the Goal is «Smart Power» // Boston Globe. 19.08.2006.

References

1. Gosudarstvennaya politika i upravlenie: uchebnik: v 2 ch. / Pod red. L.V. Smorgunova. Ch. 1: Konceptii i problemy gosudarstvennoj politiki i upravleniya. M.: ROSSPEN, 2006. S. 253–270.

2. Gosudarstvennaya politika i upravlenie: Ucheb. posobie dlya vuzov pod red. A.I. Solov'eva. M.: Aspekt Press, 2017.

3. Doklad General'nogo sekretarya o sostoyanii demokratii, prav cheloveka i verhovenstva prava: nastoyatel'naya neobxodimost' obespecheniya bezopasnosti v Evrope [E'lektronnyj resurs]. URL: http://https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=0900001680646af8 (data obrashheniya: 30.07.2017).

4. Katcenshtajn Piter. Ponyat', chto sushhestvuet diffuziya vlasti // 22 idei o tom, kak ustroit' mir: Besedy s vydayushhimisya uchenymi / Pod red. Petra Dutkevicha i Richarda Sakvy. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2014. S. 255–270.

5. Konceptiya otkrytosti federal'nyx organov gosudarstvennoj vlasti: Utv. Rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii N 93-r ot 30 yanvarya 2014 goda [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://open.gov.ru/events/5508409/> (data obrashheniya: 30.07.2017 g.).

6. Me'ning M.N., Parison N. Reforma gosudarstvennogo upravleniya: mezhdunarodnyj opyt. M.: Ves' mir, 2003.

7. Plan meropriyatij («dorozhnaya karta») po sovershenstvovaniyu kontrol'no-nadzornoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii na 2016–2017 god:

Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 01.04.2016 № 559-r // Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tant Plyus».

8. Pokazateli prioritetnoj programmy po sovershenstvovaniyu kontrol'no-nadzornoj deyatel'nosti: Protokol zasedaniya Soveta pri Prezidente Rossijskoj Federacii po strategicheskomu razvitiyu i prioritetnym proektam ot 19.10.2016 № 8 [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://government.ru/orders/selection/401/25106/> (data obrashheniya: 30.07.2017 g.).

9. Ruskova O.F. Sovremennaya politicheskaya filosofiya: predmet, koncepty, diskurs. Ekaterinburg: ID «Diskurs-Pi», 2012.

10. Toffler E'. Metamorfozy vlasti. M.: OOO «Izdatel'stvo ACT», 2003.

11. Göktuğ Morçöl (ed.) Handbook of Decision Making. Penn State University Harrisburg, Pennsylvania. USA: CRSPress, 2007.

12. Nye G.S. In Mideast, the Goal is «Smart Power» // Boston Globe. 19.08.2006.

UDC 323

PERSPECTIVES FOR APPLYING SOFT POWER TECHNOLOGIES IN PUBLIC ADMINISTRATION: EXPERIENCE OF ADMINISTRATIVE REFORM IN MODERN RUSSIA

Sonina Ekaterina Olegovna,

The Ural Institute of Management – Branch of RANEPa,
Candidate of Political Science, Associate Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: ekaterina.sonina@ui.ranepa.ru

Annotation

The article analyzes the possibilities of applying soft power technologies, proceeding from the structure of challenges and tasks currently facing the state as a political institution. According to the author, the understanding of public administration as a “soft” power helps the state mastering the competitive skills of the state to obtain maximum flexibility, allowing to maintain control over the main resources ensuring the stability of the state. Based on this approach, the author analyzes the content and prospects of administrative reform in modern Russia.

Key concepts:

state, public administration, soft power, administrative reform.

УДК 322

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ПРОЕКТАХ SOFT-POWER НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (СЛУЧАЙ УКРАИНЫ)

Донцев Сергей Павлович,

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ),
кандидат политических наук,
Москва, Россия,
E-mail: dontsev@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена анализу религиозно-политического конфликта на Украине в контексте применения российской «мягкой силы» в период 1990–2017 гг. Показана эволюция использования ресурсов и возможностей Русской православной церкви в качестве российской «мягкой силы». Анализируется концепция Русского мира и ее влияние на стратегии «мягкой силы».

Ключевые понятия:

Русская православная церковь, Украина, мягкая сила, государственно-конфессиональные отношения, политическое проектирование, Русский мир.

Концепция «мягкой силы», так серьезно повлиявшая на теорию и практику международных отношений на рубеже XX–XXI веков, получила в России собственное оригинальное прочтение. Новаторство российского применения инструментов и механизмов «мягкой силы» проявляется в том числе и благодаря тому, что в качестве российской «мягкой силы» используются ресурсы и возможности крупнейшей российской религиозной организации – Русской православной церкви (далее РПЦ). Случай Украины представляет особый интерес в силу того, что именно здесь взаимодействие государственных и религиозных институтов как России, так и Украины происходило на фоне острого религиозно-политического конфликта. Раскол украинского православия, непрерывающиеся попытки создания Украинской автокефальной церкви, (поддерживаемые политическим руководством Украины), противодействие

этому процессу со стороны РПЦ (при поддержке российских государственных институтов), использование религиозного фактора в борьбе за власть самыми разными политическими силами на Украине, а также попытки России влиять с его помощью на политический процесс у соседа – все это создает настолько сложную картину, что возникает закономерный вопрос: а можно ли в этих условиях говорить о каком-либо целенаправленном проекте по применению «мягкой силы» на Украине? Ответ, скорее, будет отрицательным. Можно говорить только о локальных, ситуативных проектах, представляющих собой реакцию на конкретный политический вызов.

Элементы мягкой силы вне какого-либо устойчивого проекта по ее реализации мы можем находить на самых разных этапах взаимодействия РПЦ и государства по украинской проблематике, но о проектах как таковых можно говорить только начиная с 2008–2009 гг., когда началось формирование российской модели «мягкой силы» и ее концептуализация, стала создаваться система институтов их применения, появились информационные каналы воздействия на целевую аудиторию за рубежом. Безусловным проектным потенциалом обладала и концепция «Русского мира», которая будет более детально рассмотрена чуть ниже.

Обострение межконфессиональной обстановки на Украине в конце 1980-х – начале 1990-х гг. началось по поводу юрисдикции приходов РПЦ, оказавшихся в условиях давления со стороны как возрождающихся религиозных организаций, претендующих на ее имущество (Греко-католической церкви, Украинской автономной православной церкви), так и раскольнических групп внутри самой РПЦ, ориентированных на разрыв с Московской патриархией и пользующихся поддержкой местной власти. РПЦ в противодействии этому давлению могла действовать как самостоятельно, так и через Украинскую православную церковь Московского патриархата (УПЦ МП), которая в 1990 г. получила от РПЦ автономию в вопросах внутреннего управления. Однако эта автономия позволяла и позволяет УПЦ МП предпринимать и самостоятельные шаги, в том числе и по дистанцированию от инструментов российской «мягкой силы».

В 1992 г. глава входящей в РПЦ Украинской православной церкви митрополит Киевский Филарет (Денисенко) пошел на разрыв отношений с Московской патриархией и объявил о своей полной самостоятельности. Те епископы и священники, кто поддержал митрополита Филарета, образовали т. н. Украинскую православную церковь Киевского патриархата (УПЦ КП) и объявили митрополита Филарета патриархом. Со временем УПЦ КП стала позиционировать себя как основной институт противодействия российской экспансии в духовной сфере, и наиболее жестко обвинять УПЦ МП в том, что она является проводником российских интересов, инструментом «мягкой силы» и представляет угрозу национальным интересам Украины.

Хотя основным предметом спора РПЦ и УПЦ МП с другими украинскими религиозными организациями изначально являлась юрисдикция приходов, он очень быстро перерос в вопрос о том, кто же будет официально представлять православие на Украине и в этом качестве стал задавать контекст российско-украинских отношений. Этому способствовало стремление Патриарха Филарета поддерживать конфессиональную политику Президента Украины Л. Кравчука,

провозгласившего лозунг «Независимому государству – независимую церковь». Патриарх Филарет заявлял, что «Москва любой ценой хочет сохранить рычаги духовного влияния на Киев – в дополнение к политическим и экономическим» [2]. Посещавшего Украину с пастырскими визитами Патриарха Алексия прямо обвиняли в реализации кремлевской политики по ограничению украинской государственности. Получалась парадоксальная ситуация, «руку Москвы» на Украине зачастую видели там, где ее, по всей видимости, не было. Т.е. российская «мягкая сила» в лице РПЦ вплоть до начала 2000-х годов, скорее, конструировалась и демонизировалась в медийном пространстве Украины сторонниками автокефалии украинской церкви, чем существовала на самом деле. РПЦ действительно стремилась заручиться поддержкой государственных структур России при противодействии альтернативному украинскому православию. И, порой, она получала такую поддержку, но говорить, что в 90-е годы она являлась проводником российской политики на Украине или реализовывала инициированный государством проект «мягкой силы» было бы некорректно.

Влияние государственных институтов России при развитии межконфессионального конфликта на Украине претерпело определенные изменения, связанные, в первую очередь, с их интенсивностью. При Президенте Б. Н. Ельцине тема раскола на Украине как предмет межгосударственных отношений практически не поднималась. Более того, при анализе публикаций начала 1990-х гг. складывается впечатление, что российские политики с пониманием относились к возможности предоставления независимости Украинской церкви. С избранием президентом В. Путина церковный раскол на Украине более заметно вошел в повестку межгосударственных отношений. Более того, российский президент даже взял на себя функции посредника по урегулированию этого конфликта, поддержав Патриарха Алексия в попытках убедить Л. Кучму «не форсировать события» на торжественном банкете в Кремле в ноябре 2001 г. [7]. Это почти удалось – вплоть до 2004 г. конфликт перешел в вялотекущую стадию. Участие в нем России ограничивалось тем, что МИД РФ эпизодически напоминал об ущемлении прав сторонников УПЦ МП.

Ситуация стала меняться в преддверии президентских выборов на Украине в конце 2004 г. Именно с этого момента можно говорить об РПЦ в качестве «мягкой силы» России. Председатель Правительства Украины В. Ф. Янукович в своей предвыборной агитации опирался на УПЦ МП (в прессе широко освещались его пожертвования на восстановление храмов, посещение в сопровождении иерархов УПЦ МП горы Афон, встреча в Москве с Патриархом Алексием II и пр.). Митрополит Киевский и всея Украины Владимир заявил, что он дал свое благословение на участие в выборах В. Ф. Януковичу, в храмах распространялись материалы в его поддержку, служились молебны о даровании ему победы [3]. В данном случае уже можно предположить, что столь активная поддержка одного из кандидатов со стороны РПЦ и УПЦ МП проходила в рамках определенного проекта, которой можно рассматривать как проявление российской «мягкой силы», хотя и неудачное – на выборах победил В. Ющенко. Для РПЦ участие в поддержке В. Януковича осложнило отношения с победившей оппозицией, не позволило добиться каких-либо подвижек, связанных с преодолением раскола, и возвращения под свою юрисдикцию отколовшихся приходов.

После президентских выборов 2004 г. и перед РПЦ, и перед государственным институтом РФ встала задача по налаживанию институциональных взаимодействий с новой украинской властью. Хотя поддержка УПЦ МП со стороны российского государства и сохранилась, но она стала значительно менее политизированной.

Накануне парламентских выборов на Украине в 2006 г. патриарх Кирилл призвал политиков этой страны не втягивать православных священнослужителей в политическую борьбу [5]. 3 марта 2006 г. по инициативе В. Ющенко была подписана декларация, запрещающая использование авторитета церковей в ходе предвыборной агитации. Тем не менее, в предвыборной кампании участвовали представители всех украинских церковей, в том числе и УПЦ МП. Однако в этом эпизоде политической борьбы на Украине УПЦ МП действовала в большей степени как самостоятельный актер с минимальной поддержкой со стороны Московской патриархии и государственных институтов РФ.

В дальнейшем на территории Украины сохранялся статус-кво в государственно-конфессиональных взаимодействиях. Президентская кампания 2010 г, завершившаяся победой В. Януковича, отличалась незначительным (по сравнению с 2004 г.) использованием конфессионального фактора. Да, звучали традиционные обвинения УПЦ МП в промосковской позиции, но «мягкая сила» России проявлялась здесь внеконфессионально.

Правда в этот же период начала более активно артикулироваться концепция «Русского мира», имеющая признаки политического проекта [1, с. 134–135]. То, что она является элементом российской «мягкой силы», признается политическим руководством России [4, с. 1]. Одной из особенностей этой концепции является ее тесная связь с системой смыслов и ценностей, которыми он – «Русский мир» – наделяется РПЦ, и это проявляется как в попытках его дефиниции, определения границ и наделения его признаками политического проекта. Для РПЦ принципиальным критерием определения границ и единства «Русского мира» является принадлежность к православию. При этом иные критерии общности – пространство распространения русского языка и российской культуры являются дополняющими. Ключевым же является духовное единство, которое является, как было сказано в 2008 г. на Архиерейском Соборе РПЦ, «величайшим достоянием» народов России, Украины и Белоруссии, которые должны его сохранить [9]. Характерно, что российское государство в лице своих представителей избегает упоминаний о религиозной составляющей единства «Русского мира», которая транслируется преимущественно РПЦ.

Развивая концепцию «Русского мира», РПЦ начиная с 2007–2008 г. все чаще стало использовать образ «Святой Руси». Архиерейский собор РПЦ в 2008 г. дал определение «Святой Руси», как особому цивилизационному пространству, общей родине восточнославянских народов [6]. В дальнейшем, этот образ неоднократно появлялся в выступлениях Патриарха Кирилла в контексте необходимости сохранения общей исторической памяти, культуры и духовных ценностей с перспективой более тесной интеграции (в том числе и политической) России, Украины и Беларуси.

Такие программные положения концепции «Русского мира», как воссоединение разделенного русского народа и защита его интересов (в том

числе и права на использование русского языка) с высокой интенсивностью транслировались как представителями церкви, так и государства.

Однако, применительно к Украине, тональность высказываний со стороны РПЦ принципиальным образом стала меняться с присоединением Крыма к России и обострением конфликта на Востоке Украины в 2014 г. Если раньше (особенно в 2008–2013 гг.) Церковь в унисон с государственными институтами и аффилированными с ним фондами делала акцент на интеграции стран русского мира (в том числе и Украины), превращении их в один из мощных цивилизационных полюсов современного мира [8], то затем интеграционная риторика пошла резко на убыль. После того, как пророссийские сепаратисты в самопровозглашенных Луганской и Донецкой народных республиках стали активно апеллировать ценностями «Русского мира» и реализовывать логически вытекающий из них проект т.н. «Русской весны», а на Украине была развернута масштабная информационная кампания по дискредитации любых интеграционных связей с Россией, для РПЦ стал остро вопрос сохранения своих позиций, а, порой, и физического выживания в новых украинских политических реалиях. В этих условиях интеграционная, проектная составляющая «Русского мира» в риторике церковных иерархов стала сменяться на «охранительную», в которой основной упор делался на сохранение духовной традиции, чем на возможное преобразование политической реальности и создание новых геополитических союзов. Официальная позиция РПЦ и УПЦ МП в ходе продолжающегося конфликта между Россией и Украиной предельно осторожная, с максимальною обтекаемыми формулировками, призывами к прекращению кровопролития, избеганием острых оценок и суждений. Так, в выступлениях Патриарха Кирилла практически отсутствуют сюжеты по поводу признания Крыма частью России или осуждения украинского режима. Одновременно УПЦ МП, избегая резких антироссийских высказываний, говорит о Донбассе и Крыме как неотъемлемой части Украины. А те епархии, которые там действуют, сохраняют юрисдикцию УПЦ МП. Именно такая позиция позволяет сохранять единство РПЦ и УПЦ МП, но делает фактически невозможным использование конфессионального фактора в качестве «мягкой силы» России на Украине. Однако оппоненты Московской патриархии со стороны альтернативного украинского православия вновь, как и в начале 1990-х гг., обвиняют УПЦ МП в предательстве национальных интересов Украины, а РПЦ – в поддержке «имперской российской политики». Можно даже сказать, что ими создается образ фантомной «мягкой силы», не имеющей реальных оснований в форме политического проекта.

Таким образом, конфессиональный фактор в процессе формирования российской «мягкой силы» на Украине приобрел следующие характеристики: 1) поддержка Россией РПЦ в межконфессиональном конфликте и формирование негативного образа РПЦ в медийном пространстве Украины как проводника российских интересов (1990–2003 гг.); 2) Активизация конфессионального фактора российской «мягкой силы», неудачная попытка влияния на политический процесс на Украине (2003–2004 гг.); 3) Формирование концепции «Русского мира», попытка ценностного обоснования интеграционных процессов России и Украины (2005–2013 гг.); 4) Российская «мягкая сила»

без использования ресурсов религиозных организаций, РПЦ и УПЦ МП как фантомная «мягкая сила» в медийном пространстве Украины (2014 г. – н. в.). Несмотря на то, что сегодня конфессиональный фактор в построении проектов российской «мягкой силы» на Украине предельно минимизирован, его потенциал не исчерпан, вследствие чего нельзя исключать его новой актуализации.

1. Донцев С.П. Конфессиональный фактор в проектировании «Русского мира» // Политическое проектирование в пространстве социальных коммуникаций: материалы XI Международной научной конференции – Москва: Мир философии, 2016. – С. 134–141.

2. Интервью Патриарха Филарета корреспонденту газеты «Новые Известия» Е. Комарову / Патриарх Филарет: «Россия толкает Украину на белорусский путь» // Новые Известия. 2001. 19 июня.

3. Кураев А., диакон. Украина делает выбор // Церковный вестник. 2004. № 24.

4. Лавров С.В. Внешнеполитическая философия России // Международная жизнь. 2013. № 3. С. 1–8.

5. Митрополит Кирилл призвал украинских политиков не втягивать Православную церковь в политическую борьбу // Интерфакс – Религия. 16 нояб. 2005 г. – Режим доступа: www.interfax-religion.ru/?act=news&div=7559.

6. Определение Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви «О единстве Церкви» // Официальный сайт Московской патриархии 27 июня 2008 г. – Режим доступа: www.patriarchia.ru/db/text/428916.html.

7. Патриарх Алексей и Леонид Кучма обсудили статус Украинской Православной Церкви // Информационное агентство «Русская линия». 30 нояб. 2001 г. – Режим доступа: <http://rusk.ru/newsdata.php?idar=373>.

8. Патриарх Кирилл призывает страны русского мира стать центрами единой мощной цивилизации / Интерфакс – Религия. 3 ноября 2010 г. – Режим доступа: www.interfax-religion.ru/orthodoxy/?act=news&div=38063.

9. Собор называет единство Святой Руси «величайшим достоянием» народов России, Украины и Белоруссии [Электронный ресурс] // Интерфакс – Религия. 27 июня 2008 г. – Режим доступа: www.interfax-religion.ru/orthodoxy/?act=news&div=25181.

References

1. Doncev S.P. Konfessional'nyj faktor v proektirovanii «Russkogo mira» // Politicheskoe proektirovanie v prostranstve social'nyx kommunikacij: materialy XI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii – Moskva: Mir filosofii, 2016. – S. 134–141.

2. Interv'yu Patriarxa Filareta korrespondentu gazety «Novye Izvestiya» E. Komarovu / Patriarx Filaret: «Rossiya tolkaet Ukrainu na belorusskij put'» // Novye Izvestiya. 2001. 19 iyunya.

3. Kuraev A., diakon. Ukraina delaet vybor // Cerkovnyj vestnik. 2004. № 24.

4. Lavrov S.V. Vneshnepoliticheskaya filosofiya Rossii // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2013. № 3. S. 1–8.
 5. Mitropolit Kirill prizval ukrainskix politikov ne vtyagivat' Pravoslavnuyu cerkov' v politicheskuyu bor'bu // Interfaks – Religiya. 16 noyab. 2005 g. – Rezhim dostupa: www.interfax-religion.ru/?act=news&div=7559.
 6. Opredelenie Osvyashhennogo Arxierejskogo Sobora Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi «O edinstve Cerkvi» // Oficial'nyj sajt Moskovskoj patriarxii 27 iyunya 2008 g. – Rezhim dostupa: www.patriarchia.ru/db/text/428916.html.
 7. Patriarx Aleksij i Leonid Kuchma obsudili status Ukrainskoj Pravoslavnoj Cerkvi // Informacionnoe agentstvo «Russkaya liniya». 30 noyab. 2001 g. – Rezhim dostupa: <http://rusk.ru/newsdata.php?idar=373>.
 8. Patriarx Kirill prizyvaet strany russkogo mira stat' centrami edinoj moshhnoj civilizacii / Interfaks – Religiya. 3 noyabrya 2010 g. – Rezhim dostupa: www.interfax-religion.ru/orthodoxy/?act=news&div=38063.
 9. Sobor nazyvaet edinstvo Svyatoj Rusi «velichajshim dostoyaniem» narodov Rossii, Ukrainy i Belorussii [E'lektronnyj resurs] // Interfaks – Religiya. 27 iyunya 2008 g. – Rezhim dostupa: www.interfax-religion.ru/orthodoxy/?act=news&div=25181.
-

UDC 322

RELIGIOUS FACTOR AND SOFT-POWER PROJECTS IN THE POST-SOVIET COUNTRIES (THE CASE OF UKRAINE)

Dontsev Sergei Pavlovich,

Russian State University for the Humanities,
PhD in Politics,
Moscow, Russia,
E-mail: dontsev@gmail.com

Annotation

The article is devoted to the analysis of the religious-political conflict in Ukraine in the context of Russian soft power in 1990-2017. The evolution of the use of resources and possibilities of the Russian Orthodox Church as Russia's soft power are shown. The Russian World concept and its impact on the strategy of the soft power are analyzed.

Key concepts:

Russian Orthodox Church, Ukraine, soft-power, the state-religious relations, political engineering, Russian World.

УДК 327.8

РОЛЬ SOFT POWER В ФОРМИРОВАНИИ УСЛОВИЙ РЕАЛИЗАЦИИ «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ»

Бочаров Алексей Васильевич,

Уральский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС
при Президенте РФ,
аспирант,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: alexvoc@bk.ru

Аннотация

Характеризуется генезис понятия «мягкая сила» в трудах Дж. Ная и других авторов, проиллюстрирован производный характер «умной силы» (smart power) от soft power. На основе эмпирического и теоретического материала структурно рассмотрены основные элементы soft power (культура, дипломатия, политическая идеология) в отношении с тем значением, которое они имеют в формировании условий реализации «цветных революций». Изложен возможный тренд модификации феномена soft power в network power («сетевая сила»). Использованы актуальные литературные источники.

Ключевые понятия:

soft power, «мягкая сила», smart power, network power, цветные революции, Арабская весна, Евромайдан.

Широко эксплуатируемый в научном и публицистическом дискурсах концепт soft power насчитывает без малого три десятилетия (впервые употреблён Дж. Наем в 1990 г. в труде «Bond to Lead: The Changing Nature of American Power»). В более поздних работах Най, раскрывая социетальный феномен soft power, отмечал, что «страна может получить желаемые результаты в мировой политике, когда другие страны хотят следовать за ней, восхищаясь её ценностями, подражая её примеру, стремясь к её уровню процветания и открытости» [13, р. 14].

В новейших американских источниках встречается новое понятие – smart power (умная сила). Его, например, использует в мемуарах о своей дипломатической службе Х. Клинтон (государственный секретарь США в 2009–2013 гг.),

которая, ссылаясь на авторство Джозефа Ная из Гарварда, Сюзанну Носсел из Human Rights Watch и некоторых других, писала: «Для меня умная сила означала выбор правильной комбинации инструментов – дипломатической, экономической, военной, политической, правовой и культурной – в каждой ситуации» [11, р. 33]. Приведённое наполнение дефиниции smart power лишь подтверждает, что понятие «умная сила» является производным, вторичным к базовому понятию soft power, поскольку все перечисленные ее составляющие идентичны «мягкой силе», за исключением двух – экономического и военного компонентов.

В данной статье попытаемся раскрыть роль soft power в формировании условий для реализации такого феномена, который обозначается в современном политическом дискурсе понятием «цветные революции».

Именно США считаются вдохновителями феномена «цветных революций», которые в XXI веке особенно ярко проявились на постсоветском пространстве, в странах Северной Африки и Ближнего Востока. В политической науке остаётся нерешенным и глубоко дискуссионным вопрос о том, какова роль soft power в реализации стратегий и тактик «цветных революций». Точнее говоря, насколько инерционный, естественный (не случайно, Дж. Най сравнил soft power с погодой) – или, напротив, манипулятивный и целенаправленный характер имеет влияние soft power на процесс зарождения, течения «цветных революций»? Каково значение «мягкой силы» в нарастании революционной динамики по сравнению с другими факторами?

В поиске ответа на указанные вопросы следует структурно рассмотреть инструментарий soft power, определяя, какие его элементы могут иметь значение для формирования условий реализации «цветных революций».

Культура и спорт

Концепт soft power активно применяется для «осмысления глобальных процессов маркетизации и медиатизации общественной жизни, изучения таких знаковых феноменов современности, как общество массового потребления, консюмеризм, массовая культура» [7, с. 180]. Среди инструментов «мягкой силы» большое значение придается культуре и спорту. В то же время, признание влияния культуры и спорта на политическую жизнь общества закономерно приводит к усилению процесса их политизации, вплоть до их использования в качестве инструментов политического давления. Примерами тому могут служить: бойкот Летней Олимпиады в Москве в 1980 г., провокационные акции ЛГБТ на Зимних Олимпийских играх в Сочи в 2014 г., присуждение победы на «Евровидении» в 2016 г. представительнице Украины за композицию о депортации крымских татар, попытки «прокинуть репутацию ФИФА до Чемпионата мира по футболу 2018 г. в России» [12].

В ходе подготовки «цветных революций» существенное внимание уделяется культурным факторам, оказывающим воздействие на массовое сознание. В данном случае первостепенное символическое значение имеют те произведения культуры, которые несут субверсивный смысловой заряд, пропагандируют идеи сопротивления и освобождения, являются вполне доступными для массового эмоционального восприятия. Речь идёт, прежде всего, о музыке, которая

«способна обеспечить мобилизацию, подарить людям ощущение единства и сплочённости без длинных объяснений, напрямую апеллируя к их чувствам» [9, с. 269]. Авангардом выступает рок, пришедший на постсоветское пространство с Запада, символизирующий протест и стремление к запретной свободе. Так, обе украинские революции («оранжевая» 2003 г. и Евромайдан 2013–2014 гг.) «самым тесным образом связаны с рок-музыкой. Политические акции выглядели синтезом собственно митингов и рок-фестивалей. И ещё вопрос, кто сделал для мобилизации общества больше: политики своими выступлениями или рок-группы своими песнями» [9, с. 270].

То, что именно сфера массовой культуры является передовой площадкой, на которой soft power борется за продвижение протестных идей, подтверждается зеркальными мерами, которые предпринимает государственная власть, опасаящаяся реализации в отношении себя сценариев «цветных революций». Так, вскоре после «оранжевой революции» на Украине, в 2005 г., руководство Российской Федерации разработало и приступило к имплементации «целой антиреволюционной доктрины», включавшей в себя формирование лояльности «самых популярных российских рок-музыкантов – чтобы завербовать» [4, с. 125].

Говоря о культурных предпосылках «цветных революций», следует отдельно упомянуть фактор феминизации, т. е., распространения в обществе идей гендерного равноправия (как правило, за счёт усиления социальной роли женщин). Повсеместная распространённость популярных образов современной западной культуры превращает их в образцы моды, стиля жизни, эталоны повседневного поведения, привлекательные в других частях мира.

В преддверии событий «Арабской весны» североамериканские идеологи в контактах со странами Магриба и «ал-Машрика» настойчиво продвигали принципы всеобщего женского образования. Для убедительности в выступлениях перед местной студенческой аудиторией цитировался египетский писатель Ибрагим М. Хафиз («Мать – это школа. Сделайте ее авторитетной, и вы укрепите великую нацию»). Обнадёживающе провозглашалось, что, невзирая на ограниченные возможности женщин публично участвовать в жизни ультраконсервативного арабского общества, «нет ничего ограниченного в их интеллекте, энергии и любознательности» [11, р. 354–355]. В социуме многовековой и тотальной рестрикции женских свобод подобные увещевания имели закономерно благодарный отклик. Вслед за преодолением табу на демократизацию роли женщины происходила эрозия других запретов (например, на протестные выступления и на вообще массовое давление на власть).

В культурную компоненту «мягкой силы» входит также уровень «диджитализации» общества в той стране, которая столкнулась с реальной или потенциальной угрозой «цветной революции». Наличие современных коммуникационных гаджетов и доступа в Интернет, возможности постоянного общения в социальных сетях – это и символы-соблазны «мягкой силы», и средства для её проникновения в политику (в нашем случае – для влияния на массовую революционную динамику). «Бурное развитие информационных технологий породило новую волну обольщения – обольщение интерактивностью, персональной вовлечённостью в производство информационного продукта, собственной значимостью в Интернет-пространстве» [7, с. 182]. В опыте последних «цветных революций» социальные медиа (особенно Facebook и Twitter) выполняли

координирующую и мобилизующую функции, создавали видимость того, что за радикальную смену власти выступает большинство общества [8, с. 249–272].

Таким образом, говоря о роли культуры как инструменте soft power, применяемом в процессе осуществления «цветных революций», по сути, речь идет о том, что «культура бросает вызов политической власти» [9, с. 270].

Дипломатия

Дипломатия – важный компонент «мягкой силы». В отличие от инструментария культуры, распространение привлекательных образов которой имеет лавинообразный характер и подвержено многочисленным флуктуациям, внешняя политика в парадигме soft power гораздо более управляема со стороны государственных акторов.

Автор данной работы полагает, что дипломатический инструментарий soft power в значительном объёме (во всяком случае, на теоретическом уровне) синонимичен понятию «вовлечение». Апологет soft power Дж. Най назвал это «открытым и плюралистическим способом осуществления внешней политики» США, «позволяющей другим иметь голос и способствовать нашей мягкой власти. Влияние американского превосходства смягчается, когда оно воплощается в сети многосторонних учреждений, которые позволяют другим участвовать в принятии решений и действуют как своего рода мировая конституция...» [13, р. 17].

Вместе с тем, в июле 2015 г., представляя очередную «Глобальный рейтинг мягкой силы» (ежегодное ранжирование 30 стран по уровню soft power), Най, отмечая её возрастающую роль в наступившую эпоху глобальной информатизации, тем не менее, констатировал недостаток рационализации в применении soft power со стороны правительств, которые «должны сначала понять ресурсы, которые они могут развернуть, и определить, где они могут быть эффективными». «До сих пор это слишком часто зависело от угадывания и интуиции с небольшим шансом для стран сравнить ресурсы или возможности, не говоря уже о результативности» [14, р. 7].

В российской политической науке ёмкое определение diplomatic soft power дано О. Ф. Русаковой: это – «дипломатическая репутация страны, показатели эффективности дипломатических усилий в сфере переговорного процесса, степень миролюбия, способность к предотвращению агрессии и нейтрализации угроз, способность к установлению глобальной повестки дня» [6, с. 121]. В формировании условий свершения «цветных революций» особое значение принадлежит публичной дипломатии, которую в интересующем нас контексте следует понимать и как взаимодействие внешнеполитических властей государства-источника soft power с оппозиционными и гражданскими структурами страны, переживающей предреволюционную ситуацию. Подобные мероприятия открыто практикует Государственный департамент США: активистам и диссидентам при участии руководителей Twitter, Facebook, Microsoft и Skype прививаются компетенции по организации массового протеста, защите анонимности и конфиденциальности в Интернете, преодолению запретов и ограничений властей на интерактивную сетевую коммуникацию [11, р. 545].

При анализе дипломатических возможностей soft power нужно обратить внимание на доминирующую предвзятость в оценках того, насколько значитель-

на внешнеполитическая «организующая» составляющая «цветных революций». В российском медийном и политологическом дискурсах преобладает подход, который образно воплощён в пропагандистском меме: «печенья от Виктории Нуланд» (бывший помощник Госсекретаря США, раздававшая угощения участникам Евромайдана в Киеве в феврале 2014 г.).

Существует точка зрения, что отечественные исследователи, публицисты и журналисты склонны преувеличивать значимость иностранных акторов в инспирировании «цветных революций» [1, с. 62]. В ряде работ можно встретить следующие высказывания: «Московские конспирологи <...> пришли к выводу, что... революции вокруг границ России, грузинская, украинская... – результат антироссийского заговора» [4, с. 132]; «Роль главного закорючника революций и мировой нестабильности отводится США», где в специальных научных центрах якобы разрабатываются чудовищные проекты, вплоть до модификации наркотических средств, провоцирующих общество на «цветные революции» [8, с. 31, 37].

Возможно, некоторое увлечение конспирологией реально существует. В этой связи отметим, что данная интенция, в свете концепции Дж. Голдстоуна, может рассматриваться как ошибочная, поскольку упускает из вида то, что фактор внешнего влияния – это один из пяти элементов, которые приводят к «неустойчивому социальному равновесию», порождающему революционные катаклизмы [3, с. 35].

«Мягкая сила» политических ценностей

Отдельного внимания заслуживают политические ценности как компоненты soft power, которые содержат притягательную мощь справедливого общественного устройства, борьбы за практическое воплощение гражданских свобод.

Технологии «цветных революций», как правило, используются политическими силами, позиционирующими себя в качестве борцов с авторитарными и полуавторитарными режимами. Данные режимы, как отмечает В. Иноземцев, характеризуются следующими чертами: зарегулированное, фактически цензурируемое медийное пространство; избирательная система, переполненная процедурными нагромождениями, которые нацелены на максимальное подавление политического участия и делают невозможной легитимную смену власти [5]. В качестве альтернативы предлагается притягательная политическая модель, обладающая шансом на справедливость, честные выборы и другие формы реальной коммуникации с властью, общественный контроль над ней, а также – на высокие социальные стандарты, приоритет прав и свобод человека, гендерную эгалитарность, прозрачные условия предпринимательства.

Лидеры «цветных революций», соблюдая каноны «мягкой силы», действуют по правилам политического обольщения, с нарочитой персонализацией и гуманизацией своих образов, соответствуя новым ценностям, каковыми являются доверительность, доступность, искренность, личное обаяние, демократизм [7, с. 182–183].

Следует заметить, что политическая непоследовательность и нерешительное сопротивление властей процессу развертывания «цветной революции», в ходе которой «мягкая сила» применяется в качестве «соблазна» быстрого

вхождения страны в ряды «цивилизованных государств», в значительной степени способствует ускорению революционной динамики. Наглядным примером тому могут служить действия украинского президента В. Ф. Януковича, который в начале 2014 г. внезапно приостановил готовившееся с 2007 г. подписание Соглашения об ассоциации с Европейским союзом. Это незамедлительно вызвало увеличение масштаба протестных шествий и митингов («За Европейскую Украину!») в столице, завершившихся провокационными насильственными действиями (применение огнестрельного оружия против участников Евромайдана и спецподразделения МВД Украины «Беркут») и захватом власти в феврале 2014 г.

Таким образом, целый ряд инструментов «мягкой силы» сегодня используется в целях макрополитического конструирования политических трансформаций под названием «цветные революции». Продвигаемые в ходе подготовки данных революций западные культурные идеалы и политические образцы служат идейной и инструментальной основой стихийного и организованного массового протеста. Ответные меры государств по противодействию «цветным революциям» являются дополнительным подтверждением действенной силы инструментов *soft power*.

В настоящее время имеются основания прогнозировать выдвижение новых глобальных междисциплинарных феноменов в развитие концепта *soft power*. Речь идёт, например, о понятии *network power* («сетевая сила»), предложенном в 2014 г. профессором Кембриджского университета Р. Андерсоном. Он сравнивает *network power* по мощи политического воздействия с силой «городов, языков и религий». «Сила – это много всего. Это не просто «жесткая сила» числа наших авианосцев и ядерных боеголовок или даже «мягкая сила» нашего экспорта фильмов и числа иностранных студентов, которые приезжают в наши университеты, – пишет Андерсон. – Это наша «сетевая сила»: способ, которым наша взаимосвязь позволяет нам влиять на других, действовать по своему усмотрению и удерживать их от действий, вредных для наших интересов» [10]. Отечественные учёные уже проявляют интерес к *network power* как политологическому явлению [2], отбражающему влияние современного государства на международной арене.

1. Бочаров А.В. Трансформация понятия государственного суверенитета в современной политической науке и практике // Государство, политика, социум: вызовы и стратегические приоритеты развития. Научно-практическая конференция с международным участием. Екатеринбург. 24 ноября 2016 г. – Сб. статей. – Екатеринбург: УИУ РАНХиГС, 2016. С. 61–63.

2. Буев М. Россия игнорирует «социальные сети» // Ведомости. 09.07.2017. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2017/07/10/717240-rossiya-ignoriuet> (дата обращения: 15.07.2017).

3. Голдстоун Джек А. Революции. Очень краткое введение / пер. с англ. А. Яковлева. – М.: Изд-во Института Гайдара. 2015. – 192 с.

4. Зыгарь М. Вся кремлёвская рать: Краткая история современной России. М.: Интеллектуальная литература. 2016. – 408 с.

5. Иноземцев В. Мы просто не умеем их готовить // Газета.Ру. 06.06.2017 URL: https://www.gazeta.ru/column/vladislav_inozemcev/10708517.shtml (дата обращения: 11.07.2017).

6. Русакова О.Ф. Дискурс soft power во внешней политике // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2012. № 32. С. 118–121.
7. Русакова О.Ф. Концепт «мягкой» силы (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник ИФиП УрО РАН. 2010. № 10. С. 173–192.
8. Соловей В.Д. Абсолютное оружие. Основы психологической войны и медиаманипулирования. М.: Эксмо. 2015. – 320 с.
9. Соловей В.Д. Революция! Основы революционной борьбы в современную эпоху. М.: Эксмо. 2016. – 320 с.
10. Anderson R. Privacy versus Government Surveillance: Where Network Effects Meet Public Choice // 13th Annual Workshop on the Economics of Information Security Pennsylvania State University. June 23–24. 2014. URL: <http://www.econinfosec.org/archive/weis2014/papers/Anderson-WEIS2014.pdf> (дата обращения: 18.12.2016).
11. Clinton H.R. Hard Choices // New York: Simon & Schuster. 2014. – 635 p.
12. Madsen W. The West's Soft Power Cultural Aggression // Strategic Culture Foundation. 17.05.2016. URL: <https://www.strategic-culture.org/news/2016/05/17/the-west-soft-power-cultural-aggression.html> (дата обращения: 10.06.2017).
13. Nye Josef S. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone // Oxford: Oxford University Press, 2002. – 222 p.
14. The Soft Power 30. A Global Ranking of Soft Power // Portland PR Limited. 2015. 53 p.

References

1. Bocharov A.V. Transformaciya ponyatiya gosudarstvennogo suvereniteta v sovremennoj politicheskoj nauke i praktike // Gosudarstvo, politika, socium: vyzovy i strategicheskie priority razvitiya. Nauchno-prakticheskaya konferenciya s mezhdunarodnym uchastiem. Ekaterinburg. 24 noyabrya 2016 g. – Sb. statej. – Ekaterinburg: UIU RANXiGS, 2016. S. 61–63.
2. Buev M. Rossiya ignoriruet «social'nye seti» // Vedomosti. 09.07.2017. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2017/07/10/717240-rossiya-ignoriruet> (data obrashheniya: 15.07.2017).
3. Goldstoun Dzhek A. Revolyucii. Ochen' kratkoe vvedenie / per. s angl. A. Yakovleva. – M.: Izd-vo Instituta Gajdara. 2015. – 192 s.
4. Zygar' M. Vsya kremlyovskaya rat': Kratkaya istoriya sovremennoj Rossii. M.: Intellektual'naya literatura. 2016. – 408 s.
5. Inozemcev V. My prosto ne umeem ix gotovit' // Gazeta.Ru. 06.06.2017 URL: https://www.gazeta.ru/column/vladislav_inozemcev/10708517.shtml (data obrashheniya: 11.07.2017).
6. Rusakova O.F. Diskurs soft power vo vneshnej politike // Vestnik YuUrGU. Seriya: Social'no-gumanitarnye nauki. 2012. № 32. S. 118–121.
7. Rusakova O.F. Konzept «myagkoj» sily (soft power) v sovremennoj politicheskoj filosofii // Nauchnyj ezhegodnik IFiP UrO RAN. 2010. № 10. S. 173–192.
8. Solovej V.D. Absolyutnoe oruzhie. Osnovy psixologicheskoy vojny i mediamanipulirovaniya. M.: E'ksmo. 2015. – 320 s.

9. Solovej V.D. *Revolyution! Osnovy revolyucionnoj bor'by v sovremennuyu e'poxu*. M.: E'ksmo. 2016. – 320 s.
 10. Anderson R. *Privacy versus Government Surveillance: Where Network Effects Meet Public Choice // 13th Annual Workshop on the Economics of Information Security Pennsylvania State University*. June 23–24. 2014. URL: <http://www.econinfosec.org/archive/weis2014/papers/Anderson-WEIS2014.pdf> (data obrashheniya: 18.12.2016).
 11. Clinton H.R. *Hard Choices // New York: Simon & Schuster*. 2014. – 635 p.
 12. Madsen W. *The West's Soft Power Cultural Aggression // Strategic Culture Foundation*. 17.05.2016. URL: <https://www.strategic-culture.org/news/2016/05/17/the-west-soft-power-cultural-aggression.html> (data obrashheniya: 10.06.2017).
 13. Nye Josef S. *The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone // Oxford: Oxford University Press*, 2002. – 222 p.
 14. *The Soft Power 30. A Global Ranking of Soft Power // Portland PR Limited*. 2015. 53 p.
-

UDC 327.8

THE ROLE OF SOFT POWER IN SHAPING THE CONDITIONS FOR THE IMPLEMENTATION OF «COLOR REVOLUTIONS»

Bocharov Alexey Vasilevich,

Ural Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Postgraduate,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: alexboc@bk.ru

Annotation

The article describes the evolution of the concept of “soft power” in the writings of John Nye and of other authors, shows the derived nature of phenomenon of “smart power”. Empirical and theoretical material has become the basis for a structural review of the key elements of soft power (culture, diplomacy, political ideology) in relation to the importance that they have in shaping the conditions for the implementation of “color revolutions”. It presents a possible trend modifications of the phenomenon of soft power in the political “network power”. It's based on contemporary literary sources.

Key concepts:

soft power, smart power, network power, color revolutions, Arab Spring, Euromaidan.

УДК 327.8+327.54

АКТУАЛИЗАЦИЯ СПОРТИВНОГО ДИСКУРСА «МЯГКОЙ СИЛЫ» В УСЛОВИЯХ ЭСКАЛАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО НАПРЯЖЕНИЯ

Корнеева Вера Александровна,

ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»,
аспирант кафедры теории и истории политической науки,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: ya-krasawka@yandex.ru

Аннотация

Практика современной политической конфронтации с участием России актуализирует новый фронт в этой гибридной войне – спортивный. Среди ее инструментов обнаруживается широкая гамма медийно-манипуляционных технологий давления. Ведущим инструментом в нивелировании всего приобретенного международного спортивного и политического веса, а также авторитета России по итогам Олимпиады в Сочи, стал медиадискурс, образовавший новое информационное поле СМИ, задача которого – исключить спорт из палитры «мягкой силы» России. В преддверии такого мегаспортивного события, как ЧМ-2018 года, все медиа-ресурсы США и ряда стран Европы мобилизованы на актуализацию негативной «спортивной» идентичности России для широкого круга потребителей массмедийного сообщения.

Ключевые понятия:

спорт, «мягкая сила», медиатизация спорта, мегаспортивное событие, спортивная дипломатия, дискурс болельщиков, политический конфликт.

В эпоху глобализации и усиления геополитической конкуренции инструментарий «мягкой силы» рассматривается политиками и теоретиками в качестве важного ресурса внешнеполитической мощи стран, претендующих на статус мирового или регионального центра власти. Одним из важных «мягких» ресурсов страны и региона являются достижения в спортивных состязаниях, обозначаемые понятием «олимпизм» (olympics). Спорт, олимпизм – это, по сути, набор «мягких» инструментов реализации репутационных амбиций государства как политического субъекта.

В последние три-пять лет мы имеем прекрасную возможность наблюдать рост влияния спорта как общественного института на всю систему международных отношений. Спортивная дипломатия является инструментом не только разрядки, но и эскалации напряженности в современных международных отношениях [4, с. 105]. В условиях обострения политической конкуренции между государствами, усиления информационной борьбы происходит актуализация спортивного дискурса как эффективного канала воздействия на массовое сознание и формирования международного имиджа стран и регионов.

При анализе спортивного дискурса необходимо иметь в виду, что спорт – это не только особая сфера деятельности, в которой присутствуют культурные, образовательные, индустриальные, финансовые и иные компоненты. Спорт – это еще и конгломерат всевозможных видов и ресурсов *спортивной притягательности (аттрактивности)*. В качестве таковых можно рассматривать различные рейтинги спортивных клубов, активность трансфера спортсменов, количественно-качественные показатели спортивной инфраструктуры, спортивные «пантеоны», спортивные «звезды» (иконы) и бренды, клубы спортивных болельщиков.

В рамках настоящего исследования мы обращаем специальное внимание на дискурс болельщиков, который рассматривается нами как своеобразный коммуникативный канал продвижения «мягкой силы» страны. Одновременно с этим мы учитываем особый информационно-политический фон, на котором разворачивается процесс коммуницирования дискурса болельщиков, а именно, – санкционную политику, проводимую странами Европы и США в отношении России, и затрагивающую также сферу спорта.

На сегодняшний день можно утверждать, что спорт вовлечен в качестве ресурса власти («властного ресурса») в международную жизнь, а отдельные его виды признаны самостоятельным «публичным» инструментом общественно-политических коммуникаций (например, футбольная дипломатия, спортивная ивент-дипломатия). Активное использование спортивных событий в политической практике в значительной степени обусловлено объективно идущим процессом маркетизации всех сфер общественной жизни в эпоху массового потребления и глобализации рынков. Маркетинговая картина мира и рыночная ценностная ориентация становятся доминирующими установками общества массовой культуры и рыночной экономики. Политика также превращается в сферу особого рода рыночных отношений [6, с. 18]. В контексте маркетизации политического пространства спортивные имиджи и бренды являются важными маркетинговыми ресурсами политической власти. Большой спорт – это средство и способ наращивания государствами своего политического капитала. Так, побеждать на Олимпиаде значит доказывать преимущества политической системы, где победа спортсмена конвертируется в престиж страны. В свою очередь репутационный капитал конкретного государства по аналогии с репутационным капиталом коммерческого бренда является властным ресурсом, способствующим продвижению страны на мировых политических, экономических и культурных рынках.

Считаем важным рассматривать спорт как системное социокультурное явление, представляющее интегративный властный ресурс, используемый конкурентными силами в условиях глобализации.

Актуализация спортивного дискурса в условиях эскалации политической напряженности осуществляется, прежде всего, посредством медиатизации спор-

та. Развитие современного спорта тесно связано с созданием единой мировой информационной системы. Всем странам, несмотря на их неодинаковую обеспеченность электронно-цифровыми устройствами, приходится учитывать эти процессы. Данная тенденция сегодня четко просматривается, и сфера спорта не может оказаться от нее в стороне [8, с. 18].

По мере роста социальной значимости глобальной компьютерной сети происходит изменение социокультурного облика общества. Представители различных субкультур и контркультур, в том числе и футбольные фанаты, получили возможность трансляции своих идей, ценностей, идеологем, практик на широкие круги пользователей Интернета [3, с. 5]. Новый образ профессионального спорта был сформирован современными медиа-технологиями. Профессиональный спорт, по мнению Д.Ш. Богданова, – это медиаконструкт. Удобство и выгода медиа в презентации и дальнейшей репрезентации спортивных соревнований заключается в том, что данный продукт всегда в наличии. Под воздействием медиа-технологий и с помощью медиа инструментов профессиональный спорт перевоплотился из продукта индустриальной экономики в одно из слагаемых информационного общества. Спортивные соревнования, спортивные объекты – это информационный товар, который в зрелищно-потребительской культуре в телекомментариях, рекламе и монтаже кадров поставляется зрителям. Спортивные практики неотделимы от зрелищности, экономической рентабельности, медийности, имиджевой составляющей. [1, с. 163–164].

В зависимости от текущей политической ситуации и характера международной повестки дня спортивный дискурс приобретает либо «мягкий», «соблазняющий» формат своего воздействия, либо жестко-конкурентный формат, включающий агональные по своей сути стратегии, медийные образы, нарративы [6; 10; 11]. Это лучше всего проиллюстрировать на примере дискурса болельщиков, разворачивающегося вокруг того или иного крупного спортивного мероприятия (мегаспортивного события) [3, С. 67]. К числу данного рода мероприятий, безусловно, относится чемпионат мира по футболу, который пройдет в России в 2018 году. Масштабность этого события предполагает производство долгосрочного имиджевого эффекта и повышение рейтинга «мягкой силы» страны по такому параметру, как олимпизм.

В условиях обострившихся политических баталий, связанных с санкционными мерами, предпринимаемыми США и странами Евросоюза против России, российские болельщики в западных СМИ предстают в образе враждебной силы – реальной опасности и угрозы для зарубежного спортивного туризма. Именно понятия «угроза», «опасность», «физическая расправа» были использованы в зарубежных СМИ при описании образов российских болельщиков и фанатов после инцидента в Англии на «Евро-2016». Данная номинация потенциальных «встречающих» гостей ЧМ-2018 – это стратегически выверенный дискурсивный конструкт, транслируемый массмедийными ресурсами политических конкурентов России. К примеру, весь аудиовизуальный ряд, сопровождавший новостные ленты зарубежных СМИ, освещающих события во время проведения ЧЕ по футболу (2016 г.), был направлен на демонизацию российских болельщиков. «Военизированные отряды», «террористы», «зачинщики» – вот номинации, прочно вошедшие в заголовки зарубежных СМИ. Однако следует иметь в виду,

что подобная имиджевая дискриминация – не самоцель, а средство, применяемое для того, чтобы подготовить почву для решения более значимой, стратегической задачи – перенос ЧМ по футболу из России в другую страну.

Усиление международного политического напряжения – это всегда повод купировать саму возможность национальной самореализации государства-конкурента, выступающего участником или организатором спортивного мега-события. Исследователь Милованова В.М. отмечает: «...с конца 1979 г. основное международное напряжение вокруг Олимпиады-80 создавал «афганский вопрос». Ввод советских войск в Афганистан 27 декабря 1979 г. ознаменовал новый виток противостояния Холодной войны и послужил для США и ряда других капиталистических стран решающим аргументом критики проведения Олимпиады в Москве» [5, с. 53]. Зимние Олимпийские игры в Южной Корее (2018 г.) не стали исключением: Письмо в Международный олимпийский комитет направили антидопинговые агентства 17 западных стран, в том числе США, Канады и Великобритании.

Безусловно, самым масштабным в «околоспортивном» медиа-сражении оказался разворачивающийся в последнее время *антидопинговый дискурс*. Когниция, связавшая Россию и, якобы, государственную поддержку употребления российскими спортсменами допинга – это грандиозный по своему манипуляционному размаху политический медиапродукт. Во-первых, расчет был сделан на то, чтобы в массовом сознании произошла переоценка национального успеха России на Олимпиаде в Сочи, а также – на Олимпийских играх в Пекине (2008) и в Лондоне (2012), чтобы можно было низвергнуть бренд Сочи как спортивной столицы. Во-вторых, закрепление за российскими спортсменами статуса допинг-зависимых – эффективный имиджевый инструмент для дискредитации российского спорта в целом.

Антидопинговая стратегия во время гибридной войны с Россией, проводимая со стороны конкурентов, демонстрирует эффективное включение в ее практическое осуществление колоссального арсенала медийных средств с их разнообразными приемами манипуляций массовым сознанием.

Наиболее ярким примером медийной дискредитации спортивных достижений России выступают потоки репрезентативных демотиваторов, заполнивших сеть Интернет. Демотиваторы (демотивационный постер) – это манипулятивный интернет-мем, структурно содержащий графический образ, снабженный слоганом. Сконструированный таким способом медийный образ обладает аттрактивностью, персуазивностью, легко запоминается и «мягко» воздействует на адресат. Распространение таких демотиваторов способствует демонизации образа политического противника и эскалации ситуации конфликта, воздействует на целевого адресата так, чтобы сместить направление его интерпретации событий в требуемое смысловое русло [11 с. 125].

К технологиям информационного манипулирования относятся различного рода приемы информационного и символического давления – массированное тиражирование одной и той же версии события, блокирование нежелательной информации и оценочных суждений, не соответствующих заданному образу, включение в интерпретационное поле текущего события неадекватных аналогий из прошлого, эксплуатация стереотипов негативного восприятия мишени информационной атаки. Богатый набор инструментов манипуляции общественным

сознанием был задействован в допинговом конфликте. Ввиду того, что Запад активно ведет санкционную войну с Россией с целью ее изоляции, документы типа доклада Р. Макларена принимаются в качестве солидной доказательной базы. К «доказательной базе» также относят документальное телевизионное расследование под названием «Топ-секреты допинга: как Россия производит своих победителей», вышедшее в начале декабря 2014 года в эфире немецкого телеканала Das Erste. Главными «информаторами» стали бывший главный специалист РУСАДА Виталий Степанов и его жена Юлия Степанова (Русанова), дисквалифицированная в 2013 году за применение допинга. Исповедь главных героев рисует нам альтернативную реальность, в которой профессиональный спорт в России априори связывается с массовым допинг-потреблением, а дальнейшее «детективное изыскание» обнаруживает, якобы, слаженную коррумпированную систему политического давления на весь тренерский штаб, работающий в области спорта высших достижений.

Приемы демонизации, дегуманизации и идеи имморализма – наиболее востребованные в современной информационно-политической войне. В научных исследованиях последних лет нередко встречаются сюжеты, посвященные связи «мягкой силы» с применением в политической практике манипулятивных технологий, с использованием «образа врага» для управления массовым сознанием [10; 11]. Оперирование стратегией позиционирования «свои-чужие», «враг-друг», «хорошо-плохо» – один из структурных компонентов агонального дискурса «мягкой силы», который приводится в действие в процессе ведения информационных войн. В этой связи, пожалуй, можно говорить о существовании «темной» стороны «мягкой силы», связанной с демонизацией образа политического противника.

Современные информационно-политические битвы привносят в спортивный дискурс новые механизмы реализации «мягкой силы». С развитием информационного общества появляется новый беспрецедентный по своему потенциалу и инструментальным ресурсам канал реализации спортивного могущества – СМИ. Согласно О. Ф. Русаковой, «современное поле политики – место, где борьба за властные ресурсы постоянно переносится в массмедийное информационное пространство, производящее символический капитал в виде имиджей и брендов. Собственно, именно в этом и заключается суть информационной войны. В информационной войне побеждает тот, кто способен посредством массмедиа сформировать не только собственный позитивный имидж, но и негативный образ политического противника. Немаловажное значение имеют также такие факторы, как игра на информационное опережение, тщательно разработанная информационная PR-стратегия, синхронное подключение к информационной кампании разнообразных медиа-каналов, скоординированность оценочных суждений, производимых лидерами общественного мнения [7, с. 19]. В этой связи можно отметить, что российская сторона в антидопинговой войне не смогла выступить в роли победителя, поскольку активно не вела игры на опережение и нейтрализацию усилий конкурентных информационных каналов, а, напротив, заняла позицию оправдывающейся стороны. Она не смогла эффективно использовать комплексно и планомерно информационные ресурсы, а также грамотно включить так называемые «темные» компоненты «мягкой силы» в целях перенесения внимания зарубежной общественности с проблематики употребления допинга

российскими спортсменами на нарушение такого общезначимого принципа как презумпция невиновности.

1. Богданова Д.Ш. Профессиональный спорт в современной культуре: проблема маргинализации // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. № 2. С. 162–166.
2. Веселова А.С. Советская футбольная дипломатия 1920–1940-х годов // Университетский научный журнал. № 18. 2016. С. 120–127.
3. Кондратьева Т.М. Критерии оценки мега-спортивных мероприятий // Известия Сочинского государственного университета. 2015. № 2 (35). С. 65–68.
4. Крылов В.А., Кирьянова Л.А., Комиссарчик К.М. Спортивная дипломатия в контексте имплементации «Концепции мягкой силы» на современном этапе // Ученые записки университета Лесгафта. 2017. № 1 (143). С. 105–107.
5. Милованова Р.В. Мегасобытие «Олимпиада-80»: информационно-пропагандистский инструментарий советской ивент-дипломатии // Управление в современных системах. 2016. № 3 (10). С. 49–57.
6. Русакова О.Ф., Русаков В.М. «Мягкая сила» дискурса политических медиа-образов: анализ стратегических эффектов // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. 2017. Т. 12. № 1 (161). С. 53–66.
7. Русакова О.Ф. Современная политическая философия: предмет, концепты, дискурс. Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи». 2012. 400 с.
8. Скаржинская Е.Н., Фомин Ю.А. Спорт в условиях глобальной информатизации // Теория и практика физической культуры. № 2. 2007. С. 18–19.
9. Томбу Д.В. Образ врага как инструмент «мягкой силы» // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 6–1 (60). Ч. 1. С. 77–79.
10. Якоба И.А. Власть дискурса медийного пространства в борьбе за номинацию // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2015. № 3 (35). С. 122–134.
11. Якоба И.А., Тимофеев С.С. Лингвокогнитивные механизмы умной настройки дискурса: смыслоритмическое моделирование // Сибирский филологический журнал. № 1. 2016. С. 126–136.

References

1. Bogdanova D.Sh. Professional'nyj sport v sovremennoj kul'ture: problema marginalizacii // Obshhestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana). 2012. № 2. S. 162–166.
2. Veselova A.S. Sovetskaya futbol'naya diplomatiya 1920–1940-x godov // Universitetskij nauchnyj zhurnal. № 18. 2016. S. 120–127.
3. Kondrat'eva T.M. Kriterii ocenki mega-sportivnyx meropriyatij // Izvestiya Sochinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 2 (35). S. 65–68.
4. Krylov V.A., Kir'yanova L.A., Komissarchik K.M. Sportivnaya diplomatiya v kontekste implementacii «Konceptii myagkoj sily» na sovremennom e'tape // Uchenye zapiski universiteta Lesgafta. 2017. № 1 (143). S. 105–107.
5. Milovanova R.V. Megasobytie «Olimpiada-80»: informacionno-propagandistskij instrumentarij sovetskoj ivent-diplomatii // Upravlenie v sovremennyx sistemax. 2016. № 3 (10). S. 49–57.
6. Rusakova O.F., Rusakov V.M. «Myagkaya sila» diskursa politicheskix

media-obrazov: analiz strategicheskix e'ffektov // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3. Obshhestvennye nauki. 2017. T. 12. № 1 (161). S. 53–66.

7. Rusakova O.F. Sovremennaya politicheskaya filosofiya: predmet, koncepty, diskurs. Ekaterinburg: ID «Diskurs-Pi». 2012. 400 s.

8. Skarzhinskaya E.N., Fomin Yu.A. Sport v usloviyax global'noj informatizacii // Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury. № 2. 2007. S. 18–19.

9. Tombu D.V. Obraz vraga kak instrument «myagkoj sily» // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2017. № 6–1 (60). Ch. 1. S. 77–79.

10. Yakoba I.A. Vlast' diskursa medijnogo prostranstva v bor'be za nominaciyu // Vestn. Tom. gos. un-ta. Filologiya. 2015. № 3 (35). S. 122–134.

11. Yakoba I.A., Timofeev S.S. Lingvokognitivnye mexanizmy umnoj nastrojki diskursa: smysloritmicheskoe modelirovanie // Sibirskij filologicheskij zhurnal. № 1. 2016. S. 126–136.

UDC 327.8+327.54

ACTUALIZATION OF SPORTS DISCOURSE OF “SOFT POWER” IN CONDITIONS OF ESCALATING POLITICAL TENSION

Korneeva Vera Aleksandrovna,

Ural Federal University,
The post-graduate of chair of theory and history of political science,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: ya-krasawka@yandex.ru

Annotation

The practice of modern political confrontation with the participation of Russia actualizes the new front in this hybrid war - a sportive one, and among its tools a wide range of media manipulation pressure technologies is revealed. The media discourse, which formed a new information field IN the media, whose task is to exclude sport from the palette of the “soft power” of Russia, was the leading instrument in leveling the entire international sports and political weight gained, as well as Russia’s authority in the Olympics in Sochi. On the eve of such a mega sport event as the World Cup 2018, all media resources of the United States and a number of European countries are mobilized to actualize Russia’s negative “sporty” identity for a wide range of mass media consumers.

Key concepts:

sports, “soft power”, mediatization of sports, mega sport event, sports diplomacy, fan-discourse, political conflict.

УДК 327, 329.3

ДИСКУРС ИСЛАМИЗМА

Исаков Александр Сергеевич,

Уральский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС
при Президенте РФ,
старший преподаватель,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: as.isacov@gmail.com

Аннотация

Автор рассматривает дискурс исламизма как многогранное явление, включающее в себя множество элементов. Выделяются такие структурные элементы, как: фундаментализм, джихадизм, салафизм, ваххабизм, исламофашизм, исламский интегризм, политический ислам, традиционный ислам, евроислам, женский исламизм и другие. Также рассматриваются отличия в восприятии дискурса между отечественными и зарубежными исследователями ислама.

Ключевые слова:

исламизм, исламский фундаментализм, традиционный ислам, евроислам.

Дискурс исламизма – совокупность дискурсов, возникающих под влиянием активизации присутствия ислама и исламских стран в международном политическом процессе. Формирование данного дискурса произошло под влиянием исламской повестки, ставшей актуальной частью как внутренней, так и внешней политики большинства стран в мире. Соответственно, это отражается на мыслях и суждениях граждан, формируя их взгляд на процессы, связанные с этой религией и ее последователями.

Данный вид дискурса характеризуется особым плюрализмом. Не существует единых подходов к пониманию его сущности и структурных составляющих. Прежде всего, он связан с концептом *исламизм*, а также со многими иными категориями, такими как *фундаментализм*, *джихадизм*, *салафизм*, *ваххабизм*, *исламофашизм*, *исламский интегризм*, *политический ислам*, *традиционный ислам*, *евроислам*, *женский исламизм* и другими.

Исламизм, как таковой, описывает общие характеристики политического действия. Можно сказать, что «исламизм – лишь один из множества терми-

нов, определяющих политическую активность под эгидой религии» [8, с. 16]. Сферой реализации исламизма является идеологическое поле существующих политических режимов стран исламского Востока, формирующееся под влиянием потребности экстенсивного развития в политике, экономике и социальной сфере. Данное развитие призвано компенсировать постколониальную ситуацию, формируемую с XVIII века. Для мусульман этот период является началом окончательного упадка исламского мира, на протяжении которого выстраиваются его отношения с внешним миром.

Традиции научного изучения исламизма также крайне многообразны. Общим вектором рассмотрения служит тезис о том, что возникновение дискурса исламизма связано с агональным дискурсом в мусульманских странах, появившемся как следствие проникновения инородной культуры и ценностей. Это подразумевает выделение исламской культуры как отдельного типа и его противопоставление западной культуре. «Две культуры – исламская и западная – сотворили два идеальных и даже идеально-гипертрофированных человеческих типа, в которых воплотилась суть этих культур, расходящиеся векторы их бытия в мире» [2, с. 170].

Соответственно, дискурс исламизма содержит в себе идеи и концепции, которые могут предложить решение не религиозных, а светских задач. Подобное понимание фигурирует и в работах зарубежных ученых, считающих исламизм «формой инструментализации ислама индивидами, группами и организациями, преследующими политические цели... <...> ... Это обеспечивает политические ответы на современные социальные вызовы, представляя будущее, основы которого зиждутся на переосмысленных концепциях, заимствованных из исламских традиций» [15].

При этом, исламизм, как и его дискурс-измерение, может быть как радикализованным, так и умеренным. Умеренное направление исламизма, традиционно, отождествляют с термином **политический ислам**. В концепции А. А. Игнатенко исламизм и политический ислам представляются как ориентация на религию при решении проблем общественно-политического развития. Целями является создание условий для использования религиозных норм во всех сферах жизни общества [3, с. 40]. На подобном понимании останавливаются и некоторые зарубежные авторы [16; 17].

Похожая точка зрения присутствует и в концепции В. В. Наумкина, который понимает под политическим исламом традиции неотделимости религии и политики в исламских странах [12, с. 428]. Практическая реализация концепта предполагает стремление к такому варианту политического развития государства, который бы выстраивался в соответствии с нормами религии. В концепции Р. Г. Ланды политический ислам является отражением **исламского фундаментализма** в политической плоскости и также может быть как умеренным, так и проявляться в ипостаси исламского экстремизма [5]. При этом умеренный политический ислам, интерпретируемый в терминах реальной политики, описывается термином **исламский интегрзм** [6, с. 30].

В концепции З. И. Левина исламский фундаментализм представляет собой ориентацию на полноценную реализацию базовых религиозных принципов – столпов ислама [7, с. 19]. Акцентуация данных принципов является

проявлением исламской ортодоксии. В концепции Г. И. Мирского, исламский фундаментализм – это «призыв вернуться к истокам веры, к первоначальной чистоте религии, искаженной и извращенной отступниками. Фундаментализм может быть присущ любой религии. Поборники мусульманского фундаментализма (по-арабски «салафийя», от слова «салаф» – предки) призывают очистить свою религию от темных и позорных наслоений, исказивших ислам по вине нечестивых, неправедных правителей и погрязшей в роскоши и разврате верхушки общества» [10, с. 16]. В таком понимании исламский фундаментализм представляется как реакционное явление **салафизм**, направленное на реставрацию чистой религии.

Дискурс салафизма особенно характеризует особенности дискурса исламизма на постсоветском пространстве. Поскольку большинство стран региона столкнулись с экстремистскими проявлениями и негативными последствиями исламизма, данный термин имеет однозначно негативную коннотацию и им обозначаются только радикальные проявления фундаментализма [9].

Другие радикальные дискурсы исламизма обычно обозначаются терминами **ваххабизм** и **джихадизм**. Термин ваххабизм используют в отношении радикального проявления мусульманской религии, возникшего под влиянием из Саудовской Аравии. Джихадизм подразумевает негативные акционистские проявления радикальной веры, используемые в делинквентном ключе. В частности, в концепции Р. М. Мухаметова, джихадизм представляет собой наиболее радикальное течение исламизма, предполагающее собой абсолютизацию бунта как способа влияния на политические решения [11, с. 31]. В большем количестве случаев, это подразумевает вооруженную борьбу и попытки насильственной реализации законов шариата.

Другим термином, описывающим радикальный исламизм, является **исламофашизм**. Данный термин придуман и внедрен французским историком М. Родисоном, который применял марксизм для изучения исламского Востока и характеризовал данным термином современную политическую систему Исламской Республики Иран. Стоит отметить, что данный термин популярен в западной политической науке, но обширно критикуется отечественными исследователями ислама. В США он популяризировался неоконсерваторами, желавшими метафорично подчеркнуть негативные проявления ислама, а также использовался в работах видных ученых. В частности, Ф. Фукуяма делал акцент на том, что исламофашизм характеризует столкновение западной и мусульманской цивилизации, и со стороны последней принимает характер борьбы против современности [14, с. 107].

Отражением общего воздействия радикального исламизма становится и возникновение новых феноменов, включающихся в его дискурс. Одним из таких феноменов является **женский исламизм** [1]. Несмотря на то, что политическая активность женщин в традиционалистских мусульманских обществах не приветствуется, активизируется участие женщин в деятельности радикальных террористических группировок. Из числа женщин формируются как политические группы, так и боевые отряды. Несмотря на приверженность крайним религиозным идеям, такая ситуация возникла под влиянием секу-

ляризма и эмансипации, породивших идею о равноправии женщин. Именно поэтому в ряды террористических группировок вливаются, в большей степени, мусульманки и неофитки из европейских стран.

В качестве профилактики радикальных проявлений веры западные исследователи рассматривают так называемый «евроислам». Под ним подразумевается рожденная в Европе версия мусульманской религии, основанная на плюрализме и идеях демократии. Ее апологетом является германский политолог сирийского происхождения Б. Тиби, считающий, что «евроислам основан на европеизации и включает в себя плюрализм. В демократической Европе не может быть места для ислама, основанного на шариате. Исламизация Европы, как ее себе представляют исламисты, хоть это и не хотят признавать, представляет собой угрозу европейской идентичности и открытому обществу» [18, р. 14]. Таким образом, евроислам противопоставляется радикальным учениям, проникающим на континент вместе с эмигрантами, и представляет собой синкретический конструкт, производный как западной, так и исламской культуре.

Для практического претворения данного явления необходима высокая доля секуляризации, проводником которой является глобализация. При ее осуществлении произойдут масштабные трансформации, способствующие смешению культур и религий, так же, как в свое время это случилось на африканском континенте [18, р. 56]. Однако на сегодняшний день, распространению евроислама мешает именно секуляризация, не позволяющая европейским странам создавать собственные институты, которые занимались бы подготовкой мусульманских проповедников – проводников данных идей. Таким образом, идея евроислама остается в плоскости академического дискурса, оказывая невысокое влияние на реальное состояние мусульманских сообществ, но оставляя за собой потенциальную возможность стать региональной разновидностью вероучения [13].

Некоторые отечественные эксперты сближают евроислам и российский ислам, усматривая в нем общие черты [4]. При этом заложенные в нем европейские традиции секуляризма отрицают возможность влияния на религию местных традиций, что широко распространено в РФ. В связи с этим, для характеристики умеренного исламизма, подчеркивая его конструктивное значение в качестве охранителя российского общества, в отечественном дискурсе используется термин **традиционный ислам**. Под ним подразумевается версия ислама, традиционно исповедуемая российскими мусульманами и не подвергавшаяся влиянию извне. К сожалению, устоявшихся подходов к определению термина в научном дискурсе, на сегодняшний день, не существует.

Таким образом, исламистский дискурс включает в себя множество концепций, под которыми могут пониматься как радикальные негативные феномены, так и умеренные направления, способствующие позитивной артикуляции мусульманских ценностей в публичной сфере. Кроме того, существуют концептуальные различия между отечественным дискурсом исламизма и подходами зарубежных ученых. Тогда как в западных концепциях часто фигурируют идеи либо подчеркивающие негативные аспекты ислама, либо

настаивающие на принудительной секуляризации и придания вере синкретического характера, отечественные ученые наиболее часто описывают гуманистический потенциал мусульманского вероучения, отмечая исключительную роль носителей этой религии в становлении и развитии современной России.

1. Балтанова Г.Р. Женский исламизм – феномен XXI века [Текст] / Г.Р. Балтанова // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 1. С. 224–229.
2. Игнатенко А.А. Зеркало Ислама [Текст] / А.А. Игнатенко. М.: АНО «Русский институт», 2004. 216 с.
3. Игнатенко А.А. Ислам и политика [Текст] / А.А. Игнатенко. М.: Институт религии и политики, 2004. 256 с.
4. Королева Л.А., Королев А.А. «Евроислам» в постсоветской России: к историографии вопроса [Текст] / Л.А. Королева, А.А. Королев // Омский научный вестник. 2007. № 4 (58). С. 53–54.
5. Ланда Р.Г. Политический ислам и отношения Восток-Запад [Текст] / Р.Г. Ланда // Ислам в современном мире: внутривосточный и международно-политический аспекты. 2015. № 1. С. 119–134.
6. Ланда Р.Г. Политический ислам предварительные итоги [Текст] / Р.Г. Ланда. М.: ИБВ, 2005. 286 с.
7. Левин З.И. Фундаментализм [Текст] / З.И. Левин. М.: Институт востоковедения РАН, 2003. 264 с.
8. Малашенко А.В. Исламизм на все времена [Текст] / А.В. Малашенко // Свободная мысль. 2004. № 12. С. 16–28.
9. Малашенко А.В., Старостин А.Н. Ислам на современном Урале [Текст] / А.В. Малашенко, А.Н. Старостин. М.: Московский центр Карнеги, 2015. 30 с.
10. Мирский Г.И. Ислам история и современность [Текст] / Г.И. Мирский // Ислам: история и современность. 2010. С. 3–20.
11. Мухаметов Р.М. Политическое самоопределение исламского мира в условиях глобализации (Политические доктрины и действия) [Текст] / Р.М. Мухаметов. М.: Медина, 2008. 163 с.
12. Наумкин В.В. Ислам и мусульмане: культура и политика [Текст] / Р.М. Мухаметов. М.: Медина, 2009. 768 с.
13. Садыхова А.А. Евроислам: миф или реальность? [Текст] / А.А. Садыхова // Управленческое консультирование. 2010. № 1 (37). С. 90–98.
14. Фукуяма Ф. Америка на распутье [Текст] / Ф. Фукуяма. М.: АСТ, 2008. 282 с.
15. Denoex, G. The forgotten swamp: navigating political Islam [Text] / G. Denoex // Middle East Policy. № 9 (2). P. 56–81.
16. Gerges. F.A. The Islamist Moment: From Islamic State to Civil Islam [Text] / F.A. Gerges // Political Science Quarterly. 2013. № 128. P. 389–426.
17. Shaykhutdinov R., Achilov D. Islam, Islamism, and collective action in Central Asia [Text] / R. Shaykhutdinov, D. Achilov // Trames. 2014. Vol. 18. № 4. P. 383–405.
18. Tibi B. Political Islam, World Politics and Europe. Democratic Peace

and Euro-Islam versus Global Jihad [Text] / B. Tibi. New York: Routledge, 2007. P. 328.

References

1. Baltanova G.R. Zhenskij islamizm – fenomen XXI veka [Tekst] / G.R. Baltanova // Vestnik e'konomiki, prava i sociologii. 2016. № 1. S. 224–229.
2. Ignatenko A.A. Zerkalo Islama [Tekst] / A.A. Ignatenko. M.: ANO «Russkij institut», 2004. 216 s.
3. Ignatenko A.A. Islam i politika [Tekst] / A.A. Ignatenko. M.: Institut religii i politiki, 2004. 256 s.
4. Koroleva L.A., Korolev A.A. «Evroislam» v postsovetsoj Rossii: k istoriografii voprosa [Tekst] / L.A. Koroleva, A.A. Korolev // Omskij nauchnyj vestnik. 2007. № 4 (58). S. 53–54.
5. Landa R.G. Politicheskij islam i otnosheniya Vostok-Zapad [Tekst] / R.G. Landa // Islam v sovremennom mire: vnutrigosudarstvennyj i mezhdunarodno-politicheskij aspekty. 2015. № 1. S. 119–134.
6. Landa R.G. Politicheskij islam predvaritel'nye itogi [Tekst] / R.G. Landa. M.: IBV, 2005. 286 s.
7. Levin Z.I. Fundamentalizm [Tekst] / Z.I. Levin. M.: Institut vostokovedeniya RAN, 2003. 264 s.
8. Malashenko A.V. Islamizm na vse vremena [Tekst] / A.V. Malashenko // Svobodnaya mysl'. 2004. № 12. S. 16–28.
9. Malashenko A.V., Starostin A.N. Islam na sovremennom Urale [Tekst] / A.V. Malashenko, A.N. Starostin. M.: Moskovskij centr Karnegi, 2015. 30 s.
10. Mirskij G.I. Islam istoriya i sovremennost' [Tekst] / G.I. Mirskij // Islam: istoriya i sovremennost'. 2010. S. 3–20.
11. Muxametov R.M. Politicheskoe samoopredelenie islamskogo mira v usloviyax globalizacii (Politicheskie doktriny i dejstviya) [Tekst] / R.M. Muxametov. M.: Medina, 2008. 163 s.
12. Naumkin V.V. Islam i musul'mane: kul'tura i politika [Tekst] / R.M. Muxametov. M.: Medina, 2009. 768 s.
13. Sadyxova A.A. Evroislam: mif ili real'nost'? [Tekst] / A.A. Sadyxova // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2010. № 1 (37). S. 90–98.
14. Fukuyama F. Amerika na rasput'e [Tekst] / F. Fukuyama. M.: AST, 2008. 282 s.
15. Denoex, G. The forgotten swamp: navigating political Islam [Text] / G. Denoex // Middle East Policy. № 9 (2). P. 56–81.
16. Gerges. F.A. The Islamist Moment: From Islamic State to Civil Islam [Text] / F.A. Gerges // Political Science Quarterly. 2013. № 128. P. 389–426.
17. Shaykhutdinov R., Achilov D. Islam, Islamism, and collective action in Central Asia [Text] / R. Shaykhutdinov, D. Achilov // Trames. 2014. Vol. 18. № 4. P. 383–405.
18. Tibi B. Political Islam, World Politics and Europe. Democratic Peace and Euro-Islam versus Global Jihad [Text] / B. Tibi. New York: Routledge, 2007. P. 328.

UDC 327, 329.3

DISCOURSE OF ISLAMISM

Isacov Alexander Sergeevich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Senior lecturer,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: as.isacov@gmail.com

Annotation

The author considers the discourse of Islamism as a multifaceted phenomenon, which includes many elements. There are structural elements such as: fundamentalism, jihadism, salafism, Wahhabism, Islamofascism, Islamic integristism, political Islam, traditional Islam, Euro-Islam, women's Islamism and others. Also, the article examines some different between Russian and foreign researchers of Islam.

Key concepts:

Islamism, Islamic fundamentalism, traditional Islam, Euro-Islam.

Для заметок

A series of horizontal dotted lines for writing notes, spanning the width of the page.

DISCOURSE-P
ДИСКУРС*Ми

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

- 1) Статья должна быть направлена в редакцию по электронной почте. Формат файла – документ Microsoft Word 97–2010 (DOC или DOCX) или RTF.
- 2) Первая (титulyная) страница должна содержать (на русском и английском языках):
 - название статьи;
 - фамилию, имя, отчество (полностью) каждого автора с указанием организации, должности, ученой степени и звания, города (места расположения) организации;
 - контактный e-mail для публикации в свободном доступе для общения читателей с авторами;
 - аннотацию (до 900 печатных знаков);
 - ключевые понятия.
- 3) Статья должна быть классифицирована – иметь УДК (указывается в левом верхнем углу над названием статьи).
- 4) Статья должна быть написана грамотным русским языком.
- 5) Объем статьи не должен превышать 20 000 знаков без учета пробелов (включая таблицы, библиографию, подрисовочные подписи, сноски). Межстрочный интервал – одинарный. Размер страниц – 210×297 мм (формат А4). Поля страниц со всех сторон – 20 мм.
- 6) Название статьи выравнивается по центру страницы и оформляется полужирным шрифтом; только первая буква в названии статьи прописная, остальные – строчные.
- 7) Текст статьи оформляется строчными буквами, без добавления переносов слов. Шрифт – Times New Roman Cyr, 14 кегль (в том числе для названия). Абзацный отступ – 1,25 см (должен быть выполнен с помощью соответствующей компьютерной программы, без использования пробелов или табуляции). Выравнивание текста – по ширине.
- 8) В тексте шрифтовые выделения должны выполняться светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки должны быть оформлены полужирным шрифтом.
- 9) Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) должны быть предоставлены отдельно от статьи. Каждая иллюстрация должна иметь порядковый номер. Электронный вариант каждой иллюстрации с подрисовочными подписями предоставляется в отдельном файле. Допустимыми являются форматы TIFF, BMP, PNG, JPEG. Минимальный размер изображения – 600 пикселей по наименьшей из сторон.
- 10) Цифровые данные должны оформляться в таблицы. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения.
- 11) Библиография должна быть приведена в конце статьи и оформлена в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Для нормативных актов указывается начальная и последняя редакция. Библиографические записи должны иметь сквозную нумерацию и следовать в алфавитном порядке. В тексте статьи ссылки на библиографические записи оформляются в квадратных скобках (например, [7], [10, с. 81], [8; 9]). За точность библиографии несет ответственность автор.
- 12) Статьи, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются. Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трех месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии. Рукописи не возвращаются.
- 13) Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».
- 14) Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в научном журнале «Дискурс-Пи» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

Requirements to the Articles Submitted For Publication in the Scientific Journal «Discourse-P»

- 1) The article should be sent to the editorial office by e-mail. The file format is a Microsoft Word 97-2010 document (DOC or DOCX) or RTF.
- 2) The first (title) page should contain (in Russian and in English):
 - the article title;
 - surname, name, patronymic (in full) of each author, place of work, position, academic degree and title, city (location) of organization;
 - e-mail for publication in free access for communication between readers and authors;
 - abstract (up to 900 characters);
 - key concepts.
- 3) The article should be classified - have UDC (Universal Decimal Classification) placed in the upper left corner above the title of the article.
- 4) The article should be written in the Russian language.
- 5) The volume of the article should not exceed 20,000 characters without spaces (including tables, bibliography, captions, footnotes). Line spacing is single. The size of the pages is 210 × 297 mm (A4 format). The margins of the pages from all sides are 20 mm.
- 6) The title of the article is aligned to the center of the page and is bolded; Only the first letter in the title of the article is uppercase, the rest are lowercase.
- 7) The text of the article is written in lower case letters, without adding word wraps. Font - Times New Roman Cyr, 14 size (including for the title). Paragraph indentation - 1.25 cm (must be performed by means of the corresponding computer program, without using spaces or tabs). Align text - Width.
- 8) In the text, font selections should be made in light italics. Headings and subtitles should be in bold.
- 9) Illustrative materials (drawings, figures, graphs, charts, diagrams) should be provided separately from the article. Each illustration should be numbered. An electronic version of each illustration with captions is provided in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPEG. The minimum image size is 600 pixels on the smallest side.
- 10) Numerical data should be formatted in tables. Each table must have a sequence number and name. The numbering of the tables is continuous. Abbreviations in the tables are not allowed, except for the unit names.
- 11) References should be given at the end of the article and be done according to GOST 7.0.5-2008 «Bibliography reference. General requirements and rules». For legal acts, the initial and last revision is specified. Bibliographic records should be numbered continuously and be alphabetized. In the text of the article references to bibliographic records are made in square brackets (e.g., [7], [10, p. 81], [8; 9]). The accuracy of the bibliography is the responsibility of the author.
- 12) Articles that do not conform with the present requirements are not accepted for review and editing. The decision to publish the materials sent to the journal is taken within three months from the date of registration of the typescript in the editorial office. The articles are subject to review by the members of the editorial board. Manuscripts are not returned to the authors.
- 13) Articles are tested in the «Anti-plagiarism» system.
- 14) By presenting the typescript of the article to the editorial, the author undertakes not to publish the article without the editorial consent fully or in part in any other media prior to publication in the scientific journal «Discourse-P».

DISCOURSE-P
ДИСКУРС